

ПОВОЛЖСКОЕ ОТДЕЛЕНИЕ НАУЧНОГО СОВЕТА РАН
ПО ИСТОРИИ СОЦИАЛЬНЫХ РЕФОРМ, ДВИЖЕНИЙ И РЕВОЛЮЦИЙ
САМАРСКАЯ ОБЛАСТНАЯ УНИВЕРСАЛЬНАЯ НАУЧНАЯ БИБЛИОТЕКА

XX ВЕК И РОССИЯ: общество, реформы, революции

ВЫПУСК 2

САМАРА

2014

УДК 94(47)083.5

ББК 63.3(2)5+
63.3(2)6

XX век и Россия: общество, реформы, революции [Электронный ресурс]: электрон. сб. Вып. 2. – Электрон. дан. – Самара, 2014. – Режим доступа: <http://sbornik.lib.smr.ru/>

Редакторы-составители:

д.и.н. С.М. Исхаков, к.и.н. А.В. Калягин, к.и.н. В.И. Гольцов,
к.и.н. Н.М. Малкова, О.В. Зубова

Второй выпуск сборника посвящен Первой мировой войне. В него вошли статьи, подготовленные авторами на основе докладов и сообщений, сделанных на Международной научной сессии «Великая война 1914–1918 гг. и Россия» (Самара, 29-30 мая 2014 г.). Также добавлен ряд документальных и иллюстративных материалов.

Сборник предназначен для исследователей, преподавателей, студентов и всех, кто интересуется историей России.

знак информационной
продукции

12+

ISBN 978-5-4259-0301-3

© Авторы публикаций, 2014

© Самарская областная универсальная научная библиотека, 2014

СОДЕРЖАНИЕ

	Стр.
<i>От Редакционного совета</i>	8
 Статьи и сообщения	
Шашкова О.А. (Москва) – Первая мировая война в отечественной археографии межвоенного периода (1918 – начало 1940-х гг.)	9
<i>Освещается организация в СССР в межвоенный период публикаций документов и материалов по истории Первой мировой войны. Оценены результаты и показаны проблемы, препятствующие этой работе. Затронуты вопросы историографии археографической деятельности и методики публикации источников в рассматриваемый период.</i>	
Калягин А.В. (Самара) – Россия в преддверии мировой войны. (О чем писала газета «Коммерсант», или Предсказанный коллапс)	39
<i>Проанализирована ситуация в промышленной и транспортной сферах российской экономики в предвоенные месяцы 1914 г. Выявлен ряд проблем, решение которых было затруднительно, если вообще возможно, в условиях военного времени, и которые критические проявили себя с началом войны, в значительной степени предопределив развитие негативных тенденций, приведших Россию к краху.</i>	
Сенин А.С. (Москва) – Организация снабжения русской армии вооружением и боеприпасами в годы Первой мировой войны	63
<i>Рассмотрены проблемы производства и обеспечения русской армии вооружением и боеприпасами в годы Первой мировой войны, а также усилия правительства по перестройке промышленности на выполнение заказов военного ведомства.</i>	
Лебедев В.Д. (Москва) – Правительственная программа послевоенного развития России и первые шаги по ее реализации (по документам из архивной коллекции проф. И.Х. Озерова)	80
<i>Освещаются подходы к стабилизации экономики и послевоенному экономическому развитию России, разрабатываемые в рамках созданной в 1916 г. Особой финансово-экономической комиссии.</i>	

- Морозов В.Ю.** (Самара) – Демобилизация промышленности Среднего Поволжья в первой половине 1918 года (к вопросу о роли совнархозов) 92
На материалах Самарской, Саратовской и Симбирской губерний рассматривается политика советской власти по демобилизации промышленности в первой половине 1918 г., место и роль в ее реализации региональных советов народного хозяйства.
- Сухова О.А.** (Пенза) – Социальные настроения и массовое социальное поведение провинциального общества в годы Первой мировой войны 105
Проанализированы изменения содержания социальных представлений и стратегий поведения населения российской провинции в условиях Первой мировой войны. Сделан вывод, что девиантные формы поведения, и, прежде всего, погромные проявления, стали в условиях углубления социокультурного кризиса привычным способом решения проблем повседневности, приобрели характер самостоятельно действующего фактора, определяющего, в числе прочих, ход исторического процесса.
- Леонов М.И.** (Самара) – Русская провинция в годы Первой мировой войны (1914 – февраль 1917). (Среднее Поволжье и Заволжье) 129
Рассматривается экономическое и социальное положение населения, взаимоотношения власти и общества, характер протестных настроений, складывающихся в Среднем Поволжье и Заволжье в годы Первой мировой войны.
- Смирнов Ю.Н.** (Самара) – Глобальные предупреждения провинциального журналиста: публикации Н. Северского (А.И. Свидерского) в период Балканских войн (1912–1913 гг.) 143
На основе анализа публикаций Н. Северского (А.И. Свидерского) в самарской газете «Волжское слово», посвященных Балканским войнам 1912–1913 гг., показано существование в российском обществе пацифистских настроений. Их наличие, по мнению автора статьи, во многом объясняет быстрый переход общества под воздействием неблагоприятных факторов в годы Первой мировой войны от подъема великодержавных чувств к ниспровержению в 1917 г. власти и политиков, вовлекших Россию в глобальный вооруженный конфликт.
- Братолобова М.В.** (Ростов-на-Дону) – Визуализация «образа врага» в период Первой мировой войны в донской сатирической графике 153
Предпринята попытка проследить специфику визуализации «образа врага» сквозь зеркало военной карикатуры. Охарактеризованы стратегии исключения «чужих» в донской периодической печати периода Первой мировой войны.
- Терехина О.В.** (Самара) – Чешский вопрос в российской периодической печати в годы Первой мировой войны 163
Исследуется освещение чешского вопроса в русской периодической печати в годы Первой мировой войны в контексте представлений о «своих» и «чужих» и вопроса послевоенного будущего многонациональных империй. Выявлены взгляды на решение чешского вопроса, существовавшие в российском общественном сознании в 1914–1917 гг.

- Гольцов В.И. (Самара)** – Первая мировая война и формирование мировоззрения русских интеллектуалов консервативного направления XX века (на материалах творчества И.А. Ильина) 174
Показано влияние Первой мировой войны на мировоззрение русского мыслителя И.А. Ильина. Проанализирован его своеобразный культурный консерватизм в годы войны. На основе критики мыслителем деспотических, тоталитарных государств сделан вывод о западном типе его консерватизма и о спекулятивности попыток изобразить мировоззрение Ильина в виде банального охранительства и жесткого элитизма.
- Исхаков С.М. (Москва)** – Меншевик А. Цаликов об отношении российских мусульман к Первой мировой войне. 1917 г. 185
На примере яркого публициста, общественно-политического деятеля, являвшегося в 1917 г. одним из лидеров мусульманского движения в России и одним из горских лидеров на Северном Кавказе в 1918–1920 гг., меньшевика А.Т. Цаликова выясняется отношение мусульманского населения России к Первой мировой войне. Впервые приводятся ранее неизвестные факты из биографии Цаликова, в том числе связанные с его эмигрантской жизнью.
- Пятикова М.В. (Ростов-на-Дону)** – Проблема мира и войны в дискуссиях российских социал-демократов (меньшевиков) в 1917 г. 201
Рассмотрены узловые моменты дискуссии меньшевиков-интернационалистов, правых оборонцев и «революционных оборонцев» по проблеме выхода России из мировой войны. Дана оценка концептуальным наработкам меньшевистских лидеров применительно к условиям 1917 г.
- Обухов Л.А. (Пермь)** – Борьба партий в Советах Урала по вопросу о войне и мире в 1917 году 218
Проанализирована борьба политических партий в Советах Урала по вопросу о войне и мире в период с февраля по октябрь 1917 г. Показана неоднозначность и противоречивость позиций фракций, которые далеко не всегда придерживались официальной партийной линии по данному вопросу.
- Халоша К.В. (Омск)** – В.М. Чернов: Первая мировая война и «третья сила» 236
Рассмотрены взгляды В.М. Чернова на проблемы Первой мировой войны, его концепция «третьей силы» как фактора решения этих проблем, прежде всего – вопроса мира и социализма.
- Кореневский А.В. (Ростов-на-Дону)** – Вчерашнее завтра России: британский взгляд эпохи Великой войны 242
Дается анализ прогнозов политического развития Российской империи, содержащихся в публикациях сотрудников Бюро военной пропаганды Великобритании на начальном этапе Первой мировой войны.

- Фролова К.В. (Самара)** – Немецкий вопрос в Самарской губернии в годы Первой мировой войны 266
Исследуются тенденции во взаимоотношениях русских подданных немецкого происхождения с властью и обществом Самарской губернии, проявившиеся с началом Первой мировой войны. Выявлены истоки антинемецких настроений, а также восприятие немцами изменений общественного мнения по отношению к ним.
- Федотова О.В. (Казань)** – Благотворительность и милосердие в Казани в годы Первой мировой войны (1914–1917) 276
Показан вклад и основные направления деятельности общественных сил Казани по оказанию помощи пострадавшим в годы Первой мировой войны.
- Стёпочкина Е.В. (Самара)** – Организация медицинской помощи и социальная реабилитация инвалидов в Самарской губернии во время Первой мировой войны 285
На материалах Самарской губернии рассматривается организация медицинской помощи инвалидам в годы Первой мировой войны, освещаются проекты по их социальной реабилитации.
- Семенова Е.Ю. (Самара)** – Участие населения в деятельности просветительских обществ как составляющая социокультурного контекста жизни тылового города в годы Первой мировой войны (по материалам Поволжья) 296
На материалах городов Поволжья рассматривается специфика деятельности просветительских обществ в условиях Первой мировой войны. Выявлено, что их работа позволяла обеспечить познавательный досуг для широких слоев горожан, а также возможность самореализации с пользой для жителей городских центров.
- Артамонова Л.М. (Самара)** – Переводы школьников в учебные заведения Самары вследствие событий Первой мировой войны 307
Исследуется вопрос перевода учащихся в учебные заведения Самары как следствие военной ситуации.
- Вяльцева Е.Н. (Самара)** – Польские беженцы в Самарской губернии в годы Первой мировой войны 315
Рассматривается вопрос миграции польских беженцев из западных регионов Российской империи в Самарскую губернию в период Первой мировой войны. Особое внимание уделяется проблемам устройства их быта и процессу адаптации к новым условиям жизни.

Свидетельства и документы

- Эпизоды Первой мировой войны. (Из рукописи надворного советника Ф.С. Гончарова) 321
Подготовка публикации – **Цветков В.Ж. (Москва)**

Фотоархив

Фотографии из личного фонда участницы Первой мировой войны Ю.В. Бутуровой 326
Подготовка публикации – *Косицина А.П. (Сызрань)*

Редкое издание

М.И. Туган-Барановский. Война и народное хозяйство 331
Подготовка публикации – *Александров А.В. (Самара)*

Книжная полка

Из поступлений в Самарскую областную универсальную научную библиотеку 345

ОТ РЕДАКЦИОННОГО СОВЕТА

Настоящий выпуск сборника посвящен 100-летию юбилею начала Первой мировой войны, событию, которое кардинально изменило не только судьбу России, но и всего человечества.

Его основу составили материалы Международной научной сессии «Великая война 1914–1918 гг. и Россия» (Самара, 29-30 мая 2014 г.), проведенной Поволжским отделением Научного совета РАН по истории социальных реформ, движений и революций, Министерством культуры Самарской области, Самарской областной универсальной научной библиотекой, Управлением государственной архивной службы Самарской области, Центральным государственным архивом Самарской области, Самарским государственным университетом.

Для участия в научной сессии было отобрано 25 очных и 6 заочных (стендовых) докладов и сообщений, которые в соответствии с тематической направленностью были разбиты на три секции: «Экономика и общество», «Власть, партии, ментальность», «Жизнь провинции». Работали дистанционные интернет-площадки, организованные на базе Государственного исторического архива Чувашской Республики (г. Чебоксары), Калининградской областной научной библиотеки (г. Калининград), Центрального государственного архива Республики Казахстан (г. Алматы), что позволило заинтересованным специалистам и научной общественности указанных регионов выступить с сообщениями и принять непосредственное участие в обсуждении докладов и дискуссиях¹.

К сожалению, не все участники научной сессии прислали для публикации в сборнике доработанные материалы. Поэтому некоторые вопросы, как ситуация в аграрном секторе, влияние войны на ментальность отдельных социальных групп, воздействие российского фактора на общественность Германии и др., оказались недоступны вниманию читателей настоящего выпуска.

Вместе с тем мы решили опубликовать ряд сообщений, которые не были заявлены в программу Международной научной сессии и поступили к нам позднее, а также дополнили сборник документальными и иллюстративными материалами.

¹ С видеозаписями с заседаний научной сессии можно ознакомиться на сайте сборника в разделе «Медиа-материалы» по адресу: <http://sbornik.lib.smr.ru/media.html>

Шашкова Ольга Александровна

кандидат исторических наук

Российский государственный гуманитарный университет

**ПЕРВАЯ МИРОВАЯ ВОЙНА В ОТЕЧЕСТВЕННОЙ АРХЕОГРАФИИ МЕЖВОЕННОГО
ПЕРИОДА (1918 – начало 1940-х гг.)**

*Отечественная археографическая база Первой мировой войны:
взгляд из XXI века*

Первая мировая война на последние полвека XX столетия почти выпала из орбиты внимания советских историков, что стало причиной представлений о ней как о войне «забытой». В действительности это верно лишь отчасти: в советской России до 1945 г. включительно по истории войны только работ военно-оперативного характера было опубликовано более 180 (из них почти 70 – переводные труды зарубежных военачальников, военных историков, ряд которых издавался по два-три раза), дважды выходили указатели литературы¹, появилось не менее 50 сборников документов².

На археографическом поприще «мерялись силами» и Реввоенсовет Республики, и Штаб РККА, и Социалистическая академия, и Центрархив с Наркоминделом. Однако результатом перевеса то военно-стратегических, то идеологических соображений стала децентрализация исследований, их

¹ Мировая война 1914–1918 гг.: Указатель литературы за 1914–1934 гг. Л., 1934; Мировая империалистическая война (1914–1918 гг.): Каталог книг. М., 1936.

² Подсчитано автором по: *Бабенко В.Н., Демина Т.М.* Первая Мировая война: Указатель литературы 1914–1993 гг. М., 1994; *Открытый архив – 2: Справочник сборников документов, вышедших в свет в отечественных издательствах в 1917–2000 гг. / авт.-сост. И.А. Кондакова.* М., 2005. Окончательными приведенные цифры считать нельзя. В «Указателе» В.Н. Бабенко и Т.М. Деминой говорится, что учитывались лишь издания, имеющиеся в фондах ИНИОН РАН, не включались публикации без указания года, автора. Некоторые пропуски имеются и в «Открытом архиве – 2».

нескоординированность, и в итоге – забвение после Второй мировой войны, которая надолго переключила интересы исследователей.

Около 80 интересных подборок документов, касавшихся «Великой войны», опубликовал в 1929–1941 гг. один из ведущих археографических журналов того периода «Красный архив»³. Часть материалов была затем переопубликована в серии «Международные отношения в эпоху империализма» (МОЭИ). Впоследствии тема не только ушла из периодики, но была свернута деятельность и самого публикаторского журнала.

Непосредственно в годы Великой отечественной войны появилось два сборника: о немецких зверствах в Первую мировую войну и об организации санитарной службы русской армии в тот же период⁴.

После окончания Второй мировой войны опыт Первой стал казаться малоактуальным, а по отдельным направлениям – и «политически вредным». На долгие годы тема потеряла свою практическую значимость, что было равно идеологическому провалу, особенно на фоне многочисленных публикаций на Западе.

В советских изданиях послевоенного периода тема проходила беглой строкой. Как правило, это были публикации актовых источников (например, «Декреты советской власти»⁵) или крупные тематические серии, наподобие «Великой Октябрьской социалистической революции». Война не могла не упоминаться и в публикациях документов по истории большевистской партии (протоколы съездов, конференций, сборники листовок и т.п.). Но появлявшиеся во всех этих изданиях единичные документы не создавали целостного представления о воюющей державе. Подача же документов в сериях, посвященных революциям 1917 г., полностью затушевывала представление о роли и значении войны в жизни общества, низводя ее до уровня «катализатора» революционных событий. Едва ли не единственным исключением здесь стала пофондовая публикация журналов «Особого совещания для обсуждения и объединения мероприятий по обороне государства» под редакцией Л.Г. Бескровного⁶. Издание, длившееся восемь лет, включило фактически все сохранившиеся материалы этого государственного учреждения.

³ «Красный архив». Исторический журнал. 1922–1941 гг. Аннотированный указатель содержания. М., 1960. С.151-164, 172-173, 182.

⁴ Зверства немцев в войну 1914–1918 гг. (Из документов первой мировой войны). Л., 1943 (первое издание, идентичное второму, было в 1942 г.); Санитарная служба русской армии в войне 1914–1917 гг. Сб. документов. Куйбышев, 1942.

⁵ Декреты советской власти. М., 1957. Т. 1.

⁶ Журналы Особого совещания для обсуждения и объединения мероприятий по обороне государства. 1915–1918 гг. М., 1975–1982. Кн. 1-8.

В постсоветский период интерес к теме возрождается, и ее изучение начинает выходить на иной, более глубокий и свободный от идеологического давления уровень. Однако новых публикаций источников, объединенных идеей воскрешения истории Первой мировой войны, почти не появилось. Была лишь продолжена традиция издания пофондовых, повидовых документальных сборников, где Первая мировая война освещалась «по касательной» (публикации документов Совета министров Российской империи, журналов заседаний Временного правительства, затем Совнаркома и др.). Так как военные вопросы и проблемы ведения войны обсуждались на заседаниях Советов рабочих, солдатских и крестьянских депутатов, различных партийных съездах и конференциях летом 1917 г., то в современных публикациях их материалов также можно найти некоторые сведения. Однако все они показывают не столько саму войну, сколько отношение к ней различных организаций и частных лиц⁷. Определенным исключением стал выпущенный в 2003 г. сборник «Первая мировая война. 1914–1918. Факты и документы»⁸, целиком посвященный войне. Однако он дает мозаичную картину событий, не претендуя, впрочем, на полноту их охвата.

Таким образом, в отдельные периоды история Первой мировой войны изучалась довольно активно, но считать тему исчерпанной вряд ли правомерно. Среди «белых пятен» можно, в частности, отметить фактическое отсутствие работ, посвященных анализу отечественной археографии Первой мировой войны.

Историография археографического освоения Первой мировой войны

Начало первым трудам по истории войны – то есть основу изучения «историографии археографии» Первой мировой – положили ее участники уже в ходе происходивших событий, но близость военных действий не давала необходимой рефлексии для ученых-историков. Более того, война не только в 1914–1916 гг., но и в 1930-е гг. воспринималась и изучалась в сугубо прикладных – военно-стратегическом, внешнеполитическом и идеологическом – направлениях.

⁷ См.: Дело генерала Л.Г. Корнилова. Материалы Чрезвычайной комиссии по расследованию дела о бывшем Верховном главнокомандующем генерале Л.Г. Корнилове и его соучастниках. Август 1917 г. – июнь 1918 г.: в 2 т. М., 2003; Журналы заседаний Временного правительства: Март-октябрь 1917 года: в 4 т. М., 2001–2007; Большевики: от революции 1917 года до Второй мировой войны / пер. с англ. М., 2009; Особые журналы Совета Министров Российской империи. 1909–1917 г. 1914. М., 2006; 1915 год. М., 2008; 1917. М., 2009; Петроградский совет рабочих и солдатских депутатов в 1917 году: протоколы, стенограммы и отчеты, резолюции, постановления общих собраний, собраний секций, заседаний исполкома и фракций, 27 февраля – 25 октября 1917 г. Л., 1991. Т. 1; Протоколы заседаний Совета Народных Комиссаров РСФСР. Ноябрь 1917 – март 1918 гг. М., 2006; и др.

⁸ Шаццлло В.К. Первая мировая война. 1914–1918. Факты и документы. М., 2003.

Предисловия к значительному числу издававшихся в межвоенный период (да и чуть позже) книг и сборников не содержали анализа вышедших прежде публикаций. Этот раздел, как правило, заменялся обширным «цитатником» из произведений основоположников марксизма-ленинизма.

Определенным прорывом и новаторским в своем роде трудом стала монография К.Б. Виноградова, посвященная зарубежной историографии Первой мировой войны⁹. Автор не только предпринял анализ европейских и американских трудов 1920–1950-х гг., но дал обзор публикаций источников: многочисленных «цветных книг» времени начала «Великой войны», зарубежных документальных серий, выходивших в 1920–1950-е гг. Остановился он и на отечественных публикациях источников, которые соотносились с археографическими изданиями на Западе.

Часть советских документальных серийных изданий межвоенного периода, выпущенных Центрархивом, отчасти НКВД, а также совместная серия Соцакадемии, Центрархива и архива НКВД «Международные отношения в эпоху империализма» также нашли здесь свою, пусть и краткую, характеристику. Виноградов увязывает источниковедческие аспекты исследования с археографическими и одновременно подробно останавливается на публикаторских приемах, свойственных как зарубежным, так и отечественным изданиям.

Важное значение имела статья И.И. Ростунова «У истоков советской военной историографии», появившаяся в 1967 г. Автор писал, что редакция, открывая в журнале рубрику «Историография и источниковедение», полагает, в частности, важным «изучение боевого опыта мировой войны 1914–1918 гг.»¹⁰ Здесь же впервые была кратко изложена история организации военно-исторической службы Красной Армии, но основной упор делался на изучении войны Гражданской. Среди двадцати с лишним авторов сборника статей «Первая мировая война. 1914–1918» (М., 1968) ни один не поднимал вопросов археографии войны; лишь В.А. Емец останавливался на советской историографии происхождения войны, а Н.М. Блискицкий – на аналогичных аспектах германской историографии. Почти не касался в своих трудах проблематики «Великой войны», не говоря о ее археографии, и известный историк Л.Г. Бескровный, возродивший в отечественной науке жанр военной историографии (не считая вышедшей под его редакцией публикации Журналов Особого совещания по обороне, о чем уже говорилось)¹¹.

⁹ Виноградов К.Б. Буржуазная историография Первой мировой войны. Происхождение войны и международные отношения. 1914–1917 гг. М., 1962.

¹⁰ Ростунов И.И. У истоков советской военной историографии // Военно-исторический журнал. 1967. № 8.

¹¹ Бескровный Л.Г. Очерки по источниковедению истории русского военного искусства. (С древнейших времен до Первой мировой войны). М., 1954; его же. Очерки военной историографии России. М.,

Статьи и сообщения

В середине 1970-х гг. проблемы археографии «Великой войны» были частично затронуты в двухтомнике «История Первой мировой войны 1914–1918 гг.»¹² и монографии И.И. Ростунова «Русский фронт Первой мировой войны»¹³. Во введении к двухтомнику освещались вопросы зарубежной историографии и частично археографии, краткая история организации исследований по истории Первой мировой войны в СССР в довоенный период (почти аналогичная статье И.И. Ростунова 1967 г.); был приведен список мемуарных источников. В монографическом исследовании И.И. Ростунова, в частности, были кратко охарактеризованы отечественные публикации довоенного периода, что в целом перекликалось с работой К.Б. Виноградова.

В вышедших в свет в 1990–2000-е гг. многочисленных монографиях, сборниках статей, материалах конференций, возрождавших на новом уровне историю Первой мировой войны, проблемы археографии, если и ставились, то, как правило, в узком контексте, либо рассматривались конспективно¹⁴. Пожалуй, наиболее близкими к поставленной теме на сегодняшний день можно считать доклады Н.С. Тарховой и В.В. Крылова на Международной научной конференции в сентябре 2004 г. В их выступлениях была представлена история и результаты работы Комиссии по исследованию и использованию опыта войны 1914–1918 гг., действовавшей с 1918 по 1921 г., а также сделана попытка обобщить опыт отечественных публикаций по истории войны за почти 90 лет¹⁵.

Таким образом, налицо ряд важнейших проблем, до сих пор не получивших освещения в отечественной археографии «Великой войны»: как именно и почему

1962; *его же*. Армия и флот России в начале XX в. Очерки военно-экономического потенциала. М., 1986; и др.

¹² История Первой мировой войны 1914–1918 гг. М., 1975. Т. 1. (введение); Т. 2 (список источников). URL: <http://militera.lib.ru/h/ww1/index.html>

¹³ *Ростунов И.И.* Русский фронт Первой мировой войны. М., 1976.

¹⁴ См., напр.: К 75-летию начала Первой мировой войны. Материалы конференции. М., 1990; *Козенко Б.Д.* Отечественная историография Первой мировой войны // Новая и новейшая история. 2001. № 3; Мировые войны XX века: в 4 кн. М., 2002. Кн. 1; Первая мировая война. Взгляд спустя столетие: доклады и выступления участников Междунар. конф. «Первая мировая война и современный мир». М., 2011; Первая мировая война: дискуссионные проблемы истории. М., 1994; Первая мировая война: политика, идеология, историография. (К 75-летию начала войны): Межвуз. сб. науч. трудов. Куйбышев, 1990; и др.

¹⁵ *Крылов В.В.* Документальные публикации по истории Первой мировой войны: археографические и историографические аспекты // Последняя война Российской империи: Россия, мир накануне, в ходе и после Первой мировой войны по документам российских и зарубежных архивов: матер. Междунар. науч. конф., 7-8 сентября 2004 г. М., 2006; *Тархова Н.С.* Как создавалась история Первой мировой войны (о деятельности Комиссии по исследованию и использованию опыта войны 1914–1918 гг.) // Там же.

были организованы в советской России археографические работы, связанные с изучением Первой мировой войны; как они соотносились с историографическими исследованиями; каково было их влияние на формирование общих представлений о событиях. Изучение этих проблем и составляет задачи настоящей статьи.

Начало археографических работ по истории «Великой войны» и публикации дипломатических документов архивом НКВД

Самые первые исследования и публикации по истории войны, ее осмысление начались еще в разгар военных действий и протекали по нескольким направлениям, которые были продолжены после 1917 г. специально образованными для этого советскими археографическими центрами, либо новыми наркоматами и учреждениями. Изучением *военно-стратегического опыта* занималось военное ведомство¹⁶. Бесспорно важными представлялись *международные отношения*, дипломатическая подготовка и ведение войны, что было в сфере внимания внешнеполитических, а также новых архивных органов¹⁷. Проявился и *идеологический аспект*. Если до 1917 г. он увязывал войну и геополитические интересы страны, то в послефевральский период – войну и всемирную революцию¹⁸. Данное направление с 1919 г. весьма энергично пыталась разрабатывать Комакадемия.

¹⁶ В дореволюционный период проблеме было посвящено много изданий, вышедших большими тиражами. Подобные оперативные (синхронные событиям) издания официальных документов и прикладные исследования были лишены даже намека на научно-справочный аппарат, но играли важную информационную роль и имели пропагандистское значение. См.: Год войны с 19 июля 1914 г. по 19 июля 1915 г. М., 1915; Дополнение к боевому расписанию Германской армии, составленное по данным, имевшимся в Разведывательном отделении Штаба Главнокомандующего армиями Юго-Западного фронта к 25 мая 1915 г. Б.м., 1915; Очерки мировой войны на море. (20 июля – 30 сентября). Пг., 1915; Обзор состояния транспорта и рынков по данным периодической печати. Пг., 1916; и др.

¹⁷ С самого начала войны внешнеполитическое ведомство и близкие к нему авторы выпустили значительное количество изданий, напр.: Германская Белая книга о возникновении германо-русско-французской войны: по представленным Рейхстагу материалам / пер. с нем. Пг., 1915; *Есипов В.В.* Славяне, немцы и турки. «Культурная» Германия, Галиция и Польша. История повторяется. Отклики войны. Пг., 1914; *Нольде Б.Э.* Начало войны. Опыт дипломатической истории. М.; Пг., 1915; Оранжевая книга (до войны). Сб. дипломатических документов. Переговоры от 10 мая до 24 июня 1914 г. Высочайшие манифесты о войне. Историческое заседание Государственной думы 26 июля 1914 г. СПб., 1914; *Тотомיאц В.* Европа после войны в экономическом и социальном отношениях. Пг., 1916; и др.

¹⁸ См., напр.: Вопросы мировой войны с точки зрения научного социализма. М., 1917; *Зиновьев Г.Е.* Англия и Германия перед мировой войной: о причинах войны 1914–1916 гг. Пг., 1917; *Устрялов Н.* Революция и война. М., 1917; *Чикколини С.В.* Происхождение современной войны: Виновники войны. Тула, 1917; и др.

Статьи и сообщения

Сбор реликвий и документов по военной истории России был начат еще в 1911 г., когда в преддверии 300-летия Дома Романовых в Царском Селе была организована Государева Ратная палата. С началом Первой мировой войны ее роль изменилась, как и название – «Комиссия по организации и устройству народного военно-исторического музея войны 1914–1918 гг.». Вместе с Императорским русским военно-историческим обществом и Императорским обществом ревнителей истории она активно занималась сохранением памяти о событиях. В ходе войны (точнее – после организации в июне-сентябре 1915 г. в Петрограде выставки «Война и наши трофеи») Комиссия преобразовалась в Императорское общество Музея Великой войны¹⁹. Его состав не был особенно широким (до 800 чел.), однако деятельность развернулась примечательная: продажа фотографий экспонатов будущего музея, популярных брошюр, в том числе с описанием подвигов георгиевских кавалеров и воинских частей, устройство лекций и концертов, открытие временной экспозиции музея и др. Собиравшиеся пожертвования только в 1916 г. составили 12 тыс. руб., а всего совокупный доход Общества Музея Великой войны и Русского военно-исторического общества за последний предреволюционный год составил 42 тыс. руб.²⁰

22 июня 1916 г. приказом военного ведомства № 329 при военно-походной канцелярии учреждается «Комиссия (комитет) для сбора трофеев настоящей войны», получившая название «Трофейной». Летом 1917 г. она была преобразована в «Комитет (комиссию) для сбора, переписи и хранения трофеев настоящей войны для увековечения ее в памяти народной»²¹. Главными функциями Комиссии являлось собирание знаков воинских отличий, анкет, фотографий, посмертных масок героически погибших, опросных листов бежавших из плена, создание списка Георгиевских кавалеров и получивших другие награды. Впоследствии она была слита с Обществом Музея Великой войны. Хотя специальных задач публикации собранных документальных материалов не ставилось, можно предположить, что,

¹⁹ Ныне материалы «Комиссии по организации музея войны 1914–1918 гг.» хранятся в Российском государственном военно-историческом архиве (далее – РГВИА) – ф. 16180 (625 ед. хр. за 1896–1919 гг.).

²⁰ РГВИА. Ф. 339. Оп. 1. Д. 184. Л. 1-4.

²¹ В документах встречаются сведения, что «Трофейная комиссия» существовала отдельно от «Комитета для сбора, переписи и хранения трофеев»; также встречаются сведения об образовании еще в 1911 г. «Комиссии по описанию боевых трофеев русского воинства и старых русских знамен». Однако принцип комплектования материалов в РГВИА дает основания отождествлять эти организации. См.: Там же. Ф. 16180. Оп. 1. Д. 63; Д. 128. Л. 1-3; Д. 243. Л. 1-19. Аналогичные упоминания см.: Российский государственный военный архив (далее – РГВА). Ф. 11. Оп. 5. Д. 1038. Л. 15-17.

продолжись существование этих учреждений, подобная работа была бы предпринята.

Самым первым направлением, которое получило развитие в России после революций 1917 г., стала публикация документов *по международным отношениям*, что вполне объяснимо. Главным организатором работы явился Наркомат по иностранным делам. В отечественной археографии принято считать, что революционным матросом Николаем Маркиным было осуществлено первое издание секретных договоров царского правительства, которые разоблачали «империалистический характер войны» и захватнические цели воюющих держав. Действительно, 8 (22) ноября 1917 г. нарком по иностранным делам Л.Д. Троцкий проанонсировал будущую публикацию, сказав, что гласности будут преданы не только тайные договоры царского правительства и стран-участниц войны, но и дипломатическая переписка, дешифрованные телеграммы правительств и послов. Сама публикация была начата 9 (23) ноября 1917 г. размещением сразу в нескольких газетах («Известия Совета рабочих и солдатских депутатов», «Правда», эсеровская газета «Дело народа», даже в «Новой жизни» М. Горького) этих материалов. Вскоре они были собраны вместе в семи тонких брошюрах под названием «Сборник секретных документов из архива бывшего министерства иностранных дел»²².

За кулисами истории публикации стояла негласная договоренность между большевиками и германским МИДом, так как публикация наносила ущерб в первую очередь странам Антанты. Ведь тайные договоры Россия заключала только с союзниками, и материалов, касающихся взаимосвязей России с враждебным блоком, там не могло быть по определению. Среди почти сотни документов находились и ранее освещавшиеся в печати (Сербско-болгарский договор 1904 г., опубликованный в 1905 г. и одобренный болгарскими социал-демократами; Русско-английская конвенция 1907 г., ставшая известной как в Англии, так и в России в том же году; Русско-болгарский договор 1912 г., изданный в 1914 г.). Едва ли не единственным документом, имевшим отношение к блоку Центральных держав, можно считать ранее публиковавшийся в печати русско-германско-австрийский договор 1881 г.

В целом публикация была бессистемной, с нарушением хронологии и логики подачи материалов, фактически лишенной всякого научного аппарата²³. Издание этой почти случайной (в прямом смысле слова) выборки документов прекратилось в феврале 1918 г., когда перспектива заключения сепаратного Брестского мира была

²² Сборник секретных документов из архива бывшего министерства иностранных дел. Пг., 1917–1918. Вып. 1-7.

²³ Фельштинский Ю. Германия и революция в России. 1915–1918. Сб. документов. М., 2013. С. 14-17.

перед глазами, и большевики с облегчением могли прекратить эту работу. Вместе с тем, публикация имела определенный общественный резонанс и негативные последствия для международных отношений в Европе в целом²⁴.

«Разоблачительные» публикации были продолжены другими изданиями материалов из архива бывшего МИДа Российской империи. К ним относились выпущенные НКВД в 1918–1919 гг. «Синяя книга» (73 документа о политике англичан в Индии в 1913–1917 гг.), «Дипломатическая переписка, касающаяся взаимоотношений между Российской Республикой и державами Антанты. 1918» (самые поздние из 67 опубликованных там документов относятся к выступлению чехословацкого корпуса и высадке англичан у Мурманска). Материалы давались без редакционных заголовков, легенд (кроме тех случаев, когда они публиковались в газетах), хотя и с переводом.

Единственными в своем роде изданиями того периода, выпущенными не НКВД, стали сборники 1919 г.: «Документы и материалы по внешней политике Закавказья и Грузии» и перепечатка официальных документов центра, подготовленная самарской большевистской организацией²⁵. В первом из сборников обзор внешней политики Грузии в документах давался с конца октября 1917 г., «когда большевистский переворот и разгром революции в России заставил народы Закавказья собственными силами разрешить стоящие перед ними вопросы». В предисловии сообщалось о принципах систематизации источников, особенностях датировки, перевода иностранных документов. Весь блок из 261 документа, включая приложения, имел отношение к событиям войны и выработке мирных договоренностей. Самарский же сборник, перепечатывая официоз, по методам подготовки был схож с давно известным агитационно-пропагандистским «жанром» и поэтому не содержал даже намека на научно-справочный аппарат.

С 1920 г. Наркоминдел России для информирования о своей деятельности и одновременно в пропагандистских целях начал издавать оперативные документы. Одним из первых стал том материалов, связанных с заключением Брестского мира – «Мирные переговоры в Брест-Литовске»²⁶. Помещенные в трех разделах первого тома документы (с 22 (9) декабря 1917 г. по 3 марта 1918 г.) были пронумерованы, лишены комментариев, хотя и снабжены выдержанным в сугубо политических тонах предисловием Л.Д. Троцкого. Завершалась книга приложением телеграмм с «примечаниями-толкованиями» А.А. Иоффе. Несмотря на

²⁴ См., напр.: Русские тайные документы. Вена, 1918.

²⁵ Документы и материалы по внешней политике Закавказья и Грузии. Тифлис, 1919; Документы социалистической революции: ноты, декреты, речи. Самара, 1919.

²⁶ Мирные переговоры в Брест-Литовске: Пленарные заседания. Заседания политической комиссии. М., 1920. Т. 1. (Второй том с материалами военной и экономической секций вышел в 1928 г.).

Статьи и сообщения

тенденциозность издания, оно, несомненно, имеет большое значение для историка, так как предоставляет в его распоряжение подлинные источники. Впоследствии НКВД продолжил традицию публикации документов оперативного характера, которые отражали его деятельность²⁷. Большая их часть впоследствии была поглощена серией «Международные отношения в эпоху империализма».

*Российская империя в «Великой войне» в публикациях Центрархива и
Коммунистической академии: идеологический аспект*

Период 1919–1920 гг. стал временем, когда к деятельности по изданию материалов Великой войны пыталась подключаться и вновь образованная Социалистическая академия общественных наук (с 1924 г. – Коммунистическая академия). Именно она предполагала методически руководить *идеологическим направлением* исследований и публикаций советских историков. 6 октября 1918 г. в составе Академии была организована специальная комиссия по публикации источников во главе с М.Н. Покровским, куда вошли И.И. Скворцов-Степанов, В.П. Волгин, А.А. Богданов и др. С тех пор на общих собраниях президиума Комакадемии неоднократно отдельным пунктом ставился вопрос о публикации материалов Первой мировой войны, что увязывалось с необходимостью организации специальной секции, название которой постоянно менялось: Кабинет войны и внешней политики, Военная секция, Секция истории войн и революций, Секция истории войн и вооруженных восстаний. Документы показывают, что создание секции лишь декларировалось (что было в стиле работы Комакадемии), но организационных шагов не предпринималось, основная часть сотрудников работала вне штата и, видимо, без зарплаты. Вместе с тем вопросы, которые ставились на заседаниях президиума Комакадемии и касались проблематики Военной секции, были весьма злободневными: экономика войны, военная психология (психотехника, психогигиена, как тогда говорилось), история Первой мировой войны на различных этапах²⁸.

Пока Комакадемия на своих заседаниях обсуждала эти проблемы, публикации документов «Великой войны» начал активно осуществлять Центрархив. Его задачей

²⁷ Отчет Народного комиссариата по иностранным делам VII Съезду Советов (ноябрь 1918 г. – декабрь 1919 г.). М., 1919; Международная политика новейшего времени в договорах, нотах и декларациях. Пг., 1924; Итоги империалистической войны. Серия мирных договоров. М., 1925. Ч. I; Сен-Жерменский мирный договор. М., 1925; Трианонский мирный договор. М., 1926; Севрский мирный договор и акты, подписанные в Лозанне. М., 1927; Брест-Литовская конференция. Материалы экономической и правовой комиссий. М., 1928; Документы по истории мировой войны. М., 1932.

²⁸ См.: Архив Российской академии наук (далее – АРАН). Ф. 350. Оп. 1. Д. 9. Л. 17-17 об.; Оп. 3. Д. 15; Ф. 375. Оп. 1. Д. 1.

также стала «опека» изучения войны в *идеологическом* направлении. Так как на хранение в Центрархив после революции был передан архив бывшего МИДа Российской империи, то одновременно начинает развиваться и *внешнеполитическое* направление, нередко в кооперации с Наркоминделом.

Центрархив известен своими огромными планами и сериями, большая часть которых была реализована лишь частично. В частности, в серии «Документы внешней политики царской России», начиная с 1922 г. вышел ряд ценных сборников по двусторонним отношениям России с некоторыми европейскими государствами, хотя в целом серия осталась незавершенной²⁹. Археографический уровень изданий был различен: где-то материалы давались на языке оригинала, в переводе и с приложением некоторых факсимиле (например, в сборнике «Материалы по истории франко-русских отношений за 1910–1914 гг.»), в других были только переводные тексты. Различным было и качество предисловий. В сборнике «Раздел Азиатской Турции» помещено аналитическое предисловие, которое достаточно полно характеризовало как историческую, так и текущую ситуацию в регионе, в отличие от предисловий к другим сборникам, выдержанным в политической тональности. В целом серия давала представление о российской внешней политике предреволюционного периода, делая особый упор на проблему проливов. Одновременно эти публикации как бы сигнализировали новому турецкому правительству, активно поддерживаемому СССР, о его позиции и стремлении установить наиболее выгодные отношения.

К публикациям Центрархива, имеющим отношение к событиям Первой мировой войны, можно отнести ряд документальных или, точнее сказать, комментированных документами изданий по внутривнутриполитической жизни России военных лет. Часть их относилась к серии «1917 год в материалах и документах»³⁰ и

²⁹ Европейские державы и Греция в эпоху мировой войны: По документам секретных архивов бывшего Министерства иностранных дел России. М., 1922; Материалы по истории франко-русских отношений за 1910–1914 гг.: Сборник секретных дипломатических документов бывшего Министерства иностранных дел России. М., 1922; Русско-германские отношения 1873–1914 гг.: Документы из секретного архива бывшего Министерства иностранных дел России. М., 1922; Раздел Азиатской Турции: Сборник секретных документов архива бывшего МИД России. М., 1924.; Царская Россия в мировой войне: Документы. Л., 1925–1926. Т. 1-2; Константинополь и проливы по секретным документам бывшего Министерства иностранных дел России. М., 1925–1926. Т. 1-2; Русско-польские отношения в период мировой войны. Сборник документов. М., 1926.

³⁰ Разложение армии в 1917 году: 1917 год в документах и материалах. М.; Л., 1925; Рабочее движение в годы войны. Материалы по истории рабочего движения в России. М., 1925; Буржуазия накануне Февральской революции: 1917 год в документах и материалах. (Материалы архива бывшего Департамента полиции). М.; Л., 1927; Государственное совещание: 1917 год в документах и материалах. М.; Л., 1930; Буржуазия и помещики в 1917 году. «Частные» совещания членов Государственной думы. Сб. документов. М.; Л., 1932; и др.

касались проблем внутренней жизни России периода Первой мировой войны. Также активно публиковались материалы большевистской партии предреволюционного периода и времени Гражданской войны. Пропагандистское значение этих изданий (хотя материалы там публиковались совершенно новые) и главенство «партийного принципа» отбора документов неизбежно приводили к поверхностному отношению к методике публикации и в целом к низкому уровню археографической культуры³¹.

Еще один блок изданий Центрархива в довоенный период был связан с судьбой династии и царского правительства. Имеются в виду переписка императорской четы, книги В.П. Семенникова³², публикаторские приемы подготовки которых сегодня могут быть оспорены. Примыкает к проблематике 7-томник «Падение царского режима»³³, выпущенный под редакцией и с крайне политизированными предисловиями к томам П.Е. Щеголева, бывшего в свое время сотрудником «Чрезвычайной следственной комиссии для расследования противозаконных по должности действий бывших министров, главноуправляющих и прочих высших должностных лиц как гражданского, так военного и морского ведомств». Материалы допросов и показаний этой комиссии публиковались с рядом купюр. Там не увидел свет, к примеру, допрос В.И. Ленина в связи с делом А. Малиновского. Комментарии и легенды к документам отсутствуют. Но и при этих моментах публикация свидетельствует о том, что степень виновности чиновников и людей близких к трону была существенно ниже той, которая приписывалась им во время Первой мировой войны.

Немало документов по истории Первой мировой войны опубликовал на своих страницах и один из немногих чисто публикаторских журналов СССР рассматриваемого периода – «Красный архив», учрежденный Центрархивом. Применительно к эпохе Первой мировой публикации были выдержаны в строгом идеологическом ключе и касались таких тем, как «Война и дипломатия», «Боевые действия и состояние русской армии», «Империалистическая буржуазия и война», «Разложение царского режима», «Революционное движение в годы войны» и

³¹ ВКП(б) и военное дело в резолюциях съездов и конференций (1903–1927 гг.). М., 1927; Протоколы съездов и конференций ВКП(б). Шестой съезд. Август 1917 г. М.; Л., 1927; Протоколы ЦК РСДРП (август 1917 г. – февраль 1918 г.): Сборник документов. М.; Л.: Госиздат, 1928; Большевики в годы империалистической войны. 1914–1917. Сб. документов местных большевистских организаций. М., 1939; и др.

³² Отречение Николая II: Воспоминания очевидцев, документы. Л., 1927; Семенников В.П. Николай II и великие князья: Родственные письма к последнему царю. М.; Л., 1925; *его же*. Политика Романовых накануне революции. От Антанты к Германии: (По новым документам). Л.; М., 1926; *его же*. Монархия перед крушением (1914–1917 гг.: Бумаги Николая II и др. документы). М.; Л., 1927; *его же*. Романовы и германские влияния во время мировой войны (1914–17). Л., 1929; и др.

³³ Падение царского режима. Стенографические отчеты допросов и показаний, данных в 1917 г. в Чрезвычайной следственной комиссии Временного правительства. М.; Л., 1924–1927. Т. 1-7.

«Восстание народов Казахстана и Средней Азии в 1916 г.» – всего более 80 подборок документов³⁴. Среди них было немало весьма ценных даже с современной точки зрения и уровня историографии³⁵.

Публикации Центрархива и его журнала по истории Первой мировой фактически завершились к середине 1930-х гг. Тем самым была как бы символически закрыта последняя страница уже советского «летописания», но в традициях дореволюционной оппозиции, привыкшей десятилетиями обвинять царское правительство в отсталости страны. В прошлое стала уходить определенная свобода и в некотором роде бессистемность публикаторской деятельности. Обострение геополитической обстановки, отказ России от идеи «мировой революции» и нарастание военной опасности создавали принципиально иную среду для формирования запросов к исторической науке.

Перемены были связаны с принятием Пятилетнего плана, утвержденного V Всесоюзным съездом Советов (май 1929 г.), и известным постановлением Политбюро ЦК ВКП(б) о состоянии обороны СССР от 15 июля 1929 г. Эти знаковые внутривнутриполитические события стали, в частности, причиной разработки в 1929 г. новой военной доктрины СССР М.Н. Тухачевским, что предусматривало обновление планов развертывания вооруженных сил на случай ведения военных действий на территории стран Запада. Именно тут вспомнили об опыте Первой мировой войны, но сделано это было с огромным опозданием, усугубленным вскоре и активным идеологическим «нашествием» Комакадемии. Государственная политика в области организации военной археографии начинает приобретать более выраженные черты, хотя кадровые военные предчувствовали эту ситуацию уже летом 1918 г.

«Войны документов» между РККА и Коммунистической академией

13 августа 1918 г. при Всероглавштабе была официально образована «Комиссия по исследованию опыта мировой и гражданской войн». Оформленная приказом наркомвоена № 688, она «поглотила» прикомандированную к Всероглавштабу бывшую «Трофейную» комиссию (официально была упразднена позже), и, получив в качестве председателя генерала В.Н. Клембовского, предполагала развернуть широкую деятельность по сбору материалов и подготовке официальной истории войны. 3 сентября 1918 г. начальник Всероглавштаба генерал А.А. Свечин и начальник оперативного управления Кузнецов пишут рапорт о

³⁴ «Красный архив». Исторический журнал. 1922–1941 гг. Аннотированный указатель содержания. С. 151-164, 172-173, 182.

³⁵ См., напр.: «Чехословацкий вопрос и царская дипломатия в 1914–1917 гг.» (№ 2-3 за 1929 г.), «Эпизоды из боевых действий русской авиации в 1914–1917 гг.» (№ 5 за 1939 г.), «Финансовые совещания союзников во время войны» (№ 5 за 1924 г.) и др.

Статьи и сообщения

важности работ вновь организованной Комиссии. Они анализируют прежний отечественный опыт в области публикации материалов по истории войн и находят его малоприемлемым – прежде всего по причине неудачной организации и в связи с этим катастрофического отставания от потребностей времени. Так, военно-историческая (военно-ученая) комиссия, организованная вскоре после окончания русско-турецкой войны 1877–1878 гг., указывают генералы, проработала 33 года, и хотя выпустила немало томов документов, опыт самой войны учтен не был даже в ходе русско-японской войны. Аналогичная судьба, писали авторы, постигла и комиссию, собиравшую документы для написания официальной истории русско-японской войны, работа которой завершилась в 1917 г. и потому не смогла пригодиться в годы Первой мировой войны³⁶. В то же время в Германии значительные публикации материалов по истории войн начинали выходить уже через два-три года после завершения военных действий (в качестве примера приводился факт, когда в 1871 г. кайзер мог видеть исследования и публикации материалов франко-прусской войны 1870–1871 гг.). Поэтому для выполнения главной задачи – формирования новой армии, обладавшей знаниями о приемах и военном искусстве новейшего времени, – военные специалисты намечали в течение примерно 3 месяцев подготовить план описания семи важнейших военно-стратегических этапов войны (затем эта идея преобразовалась в четыре, но впоследствии вновь вернулись к семи периодам). Военные предлагали ограничиться исключительно «вопросами военно-специальными, касаясь вопроса политики перед войной и во время ее, равно общих вопросов государственной обороны только в пределах, насколько это нужно для уяснения событий»³⁷.

Общий объем военно-исторического описания предполагался около 1 тыс. печатных листов (печатный лист считался от 64 до 82 тыс. букв), без учета атласов, схем, карт, а срок подготовки – до 5 лет. Для этого проектировалось включить в состав комиссии 83 человека, причем 45 сотрудников должны были заниматься составительской творческой работой. Приблизительный объем финансирования к 1 января 1919 г. запрашивался в размере 630 300 руб. Эти цифры объяснялись как

³⁶ См. выпущенные этими комиссиями материалы: Сборник материалов по русско-турецкой войне 1877–1878 гг. на Балканском полуострове. СПб., 1898–1911. Вып. 1-97; История русско-турецкой войны 1877–1878 годов на Кавказско-Малоазиатском театре. СПб., 1904–1911. Т. 1-7; Русско-японская война 1904–1905 гг. Работа Военно-исторической комиссии по описанию Русско-японской войны. СПб., 1910. Т. 1-9; Русско-японская война 1904–1905 гг. Работа Исторической комиссии по описанию действий флота в войну 1904–1905 гг. при Морском Генеральном штабе. СПб., 1907–1917. Кн. 1-7.

³⁷ Каждое описание не должно было превышать 5 печ. листов, считая лист по 64 тыс. букв, и лишь описание первых трех начальных («маневренных») периодов, по предположению военных, могло занимать до 8-10 печ. листов. См.: РГВА. Ф. 11. Оп. 5. Д. 1038. Л. 18-18 об.

Статьи и сообщения

важностью и спешностью работы, так и огромным массивом материалов, которые требовалось обработать: к 1 сентября военными уже было собрано более 1 млн дел, но значительная часть оперативных документов еще продолжала оставаться на местах недавних боевых действий (добавим, что к ним не причислялись документы Земгора, Центрального военно-промышленного комитета, госпиталей, благотворительных ведомств и др.). «Настоятельно необходимо, – подчеркивал Свечин, – чтобы боевая подготовка [будущей армии] строго обосновывалась на тех данных, которые нам дал опыт войны 1914–1918 гг., чтобы не повторять тех ошибок, которые нам стоили стольких жертв. Эти же данные могут быть получены только обстоятельным и всесторонним изучением всех имеющихся материалов этой войны, и научно-обоснованные выводы из них должны лечь в основание подлежащих изданию уставов, наставлений, инструкций и прочих руководств, необходимых для подготовки и обучения новой армии»³⁸.

Удивительно, но посреди послевоенной разрухи, нереальности запрашиваемых сумм и их одновременной девальвации эти предложения оказались реализованными. Хотя Комиссия была переформирована 29 мая 1921 г.³⁹, она подготовила и издала почти 40 исследований. Среди них – 4-томный «Военно-исторический сборник», «Стратегический очерк войны 1914–1918 гг.» в 7 томах⁴⁰, значительное количество военно-научных специальных трудов, посвященных обобщению опыта в различных областях, и даже оставшийся единственным на тот момент сборник документов о Луцком прорыве в мае-июне 1916 г.⁴¹ Так начала создаваться историография Первой мировой войны, связанная с именами выдающихся отечественных военных специалистов и историков: А.М. Зайончковского, А.А. Свечина, В.Ф. Новицкого, А.И. Верховского, А.А. Незнамова, П.П. Сытина, Е.З. Барсукова и др.⁴²

³⁸ РГВА. Ф. 11. Оп. 5. Д. 1038. Л. 21.

³⁹ Возможно, эти события ускорили смерть (19 июля 1921 г.) генерала В.Н. Клембовского, бывшего одним из руководителей Комиссии.

⁴⁰ Военно-исторический сборник. Труды комиссии по исследованию и использованию опыта войны 1914–1918 гг. М., 1919–1921. Вып. 1-4; Стратегический очерк войны 1914–1918 гг. М., 1920–1923. Т. 1-7.

⁴¹ Мировая война 1914–1918 гг. Луцкий прорыв. Операции Юго-Западного фронта в мае-июне 1916 г.: Документы и материалы. М., 1924.

⁴² Барсуков Е.З. Подготовка России к мировой войне в артиллерийском отношении. М.; Л., 1926; *его же*. Русская артиллерия в мировую войну. М., 1938–1940. Т. 1-2; *его же*. Артиллерия русской армии (1900–1917 гг.). М., 1948–1949. Т. 1-4; Зайончковский А.М. Мировая война 1914–1918 гг. М., 1923 (изд. 2-е – 1924, изд. 3-е – 1938–1939); *его же*. Подготовка России к империалистической войне. (Очерки военной подготовки и первоначальных планов). М., 1926; *его же*. Подготовка России к мировой войне в международном отношении. Л., 1926; *его же*. Мировая война. Маневренный период 1914–1915 гг. на русском (европейском) театре. М.; Л., 1929; Корольков Г. Несбывшиеся Канны:

Статьи и сообщения

Оперативно-тактические исследования подготавливали написание полной официальной истории Первой мировой войны. Работа мыслилась в связи с возможно полной публикацией документов, карт, схем и легла на плечи сотрудников бывшей Комиссии после ее реорганизации⁴³: в феврале 1921 г. функции уже упраздненной Комиссии переходят в ведение Политуправления РККА, затем передаются в Штаб РККА. В разные годы эта служба (она существовала с перерывами до 1972 г.) называлась Военно-исторической, Историческим отделением, Военно-историческим отделом, Научным военно-историческим отделом, пока не стала безликим 9-м отделом ГШ РККА, 10-м отделом ГШ РККА. В сложный период 1929–1932 гг. военно-историческая служба почти перестала существовать⁴⁴. Это время и было использовано Комакадемией, чтобы начать деятельную борьбу за свой «кусок» исследований по истории Первой мировой войны. Воссоздание военно-исторического отдела в мае 1932 г. состоялось в эпоху, когда уже и в самой Комакадемии едва теплилась жизнь, но она, однако, успела повлиять на издательские планы других центров.

В связи с разработкой новой военной доктрины на рубеже 1920–1930-х гг. началась (точнее, была продолжена) реальная подготовка военно-исторической службой РККА единственного на сегодняшний день, неполного по охвату материалов и проблематики многотомного документального издания «Сборник документов мировой войны на русском фронте». Название было дано маршалом Б.М. Шапошниковым в его бытность начальником Штаба РККА, где и возникла сама идея, а история подготовки этого многотомного сборника сполна отражает сложности изучения темы и судьбы русских военных историков.

В докладной записке от 29 ноября 1929 г. начальнику Штаба РККА А.И. Егорову один из составителей «Сборника» генерал Е.З. Барсуков, в частности, писал: «Первоначально работа по составлению "Сборника" сосредотачивалась при военной секции Комакадемии, с 1929 г. Весной 1930 г. это предположение отпало и

(Неудавшийся разгром русских летом 1915 г.). М., 1926; *Незнамов А.А.* Современная война. М., 1921–1922. Ч. 1-2; *Новицкий В.Ф.* Боевые действия в Бельгии и Франции осенью 1914 года. (От начала военных действий до установления позиционной войны). М., 1920; *его же.* Мировая война 1914–1918 гг. (Кампания 1914 г. в Бельгии и Франции). М., 1926–1928. Т. 1-2; *его же.* Военное положение России и Англии в Мировой войне 1914–1918 гг. // Военная мысль и революция, 1922. № 3; *Петров М.А.* Подготовка России к мировой войне на море. М.; Л., 1926; *Свечин А.А.* История военного искусства. М.; Л., 1922–1923. Ч. 1-3 (2-е изд. – 1925); *его же.* Эволюция военного искусства. М.; Л., 1927–1928. Т. 1-2; *его же.* Искусство вождения полка: По опыту войны 1914–1918 гг. М.; Л., 1930. Т. 1; *Сытин П.* Разведывательная служба. М., 1925; и др.

⁴³ Материалы Комиссии хранятся в РГВА – ф. 39352, 99 ед. хр.

⁴⁴ После Великой Отечественной войны Отдел с 1946 г. был преобразован в Военно-историческое управление (1946–1953 гг.), затем в Военно-исторический отдел (1953–1972 гг.), однако после 1945 г. опыт Первой мировой войны стал неактуален.

составление сборника было возложено на Штаб РККА под непосредственным руководством начальника Штаба Б.М. Шапошникова, так как по постановлению РВС издание сборника имело в виду научно-историческое обоснование для оперативно-тактической деятельности РККА, для военно-технической и военно-экономической, и военно-политической подготовки обороны СССР. Комакадемия в разрешении этих вопросов непосредственно не заинтересована и относительно далеко стоит от жизни РККА. Составленный ею сборник, несомненно, отличался бы строго марксистской академичностью, но мог бы не совсем отвечать жизненным запросам РККА и требованиям обороны нашего Союза. Напротив, "Сборник" отвечал бы запросам и требованиям при условии составления его по заданиям РВС под высшим руководством начальника Штаба РККА как ответственного за оборону СССР, и согласования окончательной военно-политической редакции всего "Сборника" с Комакадемией»⁴⁵. Дальнейшие рекомендации боевого генерала, несомненно, поражают знанием принципов публикации документов и пониманием технологии этой деятельности. Он предлагает конкретные меры по организации работы, формированию штатов, а также распределению материала по томам и частям. Предполагалось, что каждый из шести томов выйдет в нескольких выпусках, и в итоге все издание полностью охватит историю Первой мировой войны на Русском фронте.

Исходя из того, что ряд докладных записок генерала оставался без движения, а составлялись они на протяжении 1929–1931 гг. регулярно, можно предположить, что работа серьезно тормозилась. Одновременно с этим изданием, за которое так энергично сражались генералы Е.З. Барсуков и П.П. Сытин, продолжалась работа и по иному плану – публикация документов в 9 томах, которая велась В.Д. Бонч-Бруевичем.

Но гораздо более серьезное и драматическое по своим последствиям «сражение» началось с Комакадемией. Стремясь не отстать от внутривнутриполитических изменений в стране и идейно пропагандировать их, 16 марта 1929 г. на очередном заседании президиума Академии был поставлен вопрос «Об организации в Комакадемии военной секции» (той самой секции, организация которой декларировалась на протяжении едва ли не всего предыдущего десятилетия). Руководителем секции становится А.С. Бубнов, являвшийся одновременно членом РВС и наркомом просвещения, что ясно показывает намерение Комакадемии «задавить» его авторитетом любые поползновения бывших царских генералов. 15 октября 1929 г. Комакадемия созвала организационное заседание Секции по изучению проблем войны. Вскоре утверждается состав секции: «...т.т. Бубнов, Попов, Эйдеман, Покровский, Кадишев, Муклевич, Блументаль, Горев, Дегтярев, Зорин, Гай,

⁴⁵ РГВА. Ф. 39352. Оп. 1. Д. 50. Л. 32.

Меликов, Малаховский, Минц, Голубев, Триандофилов, Мехоношин, Струмилин, Мовчин, Ботнер...»⁴⁶ Однако по большей части это были «свадебные генералы», мало интересовавшиеся историей «Великой войны».

Фактически Секция была образована постановлением президиума Академии от 6 июня 1930 г.⁴⁷ и сразу же сделала энергичные попытки взять под свой контроль работу по написанию истории войны, понимая ее исключительно в «империалистическом разрезе». Бубнов считал, что цель Военной секции – «быть такой организацией, которая оказала бы максимальное содействие той научно-исследовательской работе, которая широко разворачивается в различных военных учреждениях»⁴⁸.

Секция намеревалась возглавить работу по составлению 6-томника документов по истории войны, разрабатывать программу и методологию исследования. Вполне определенно в программе работ Секции перечисляются и темы томов (много раз прежде обсуждавшиеся военными специалистами в РККА): «Подготовка войны», «Операция 1914 года», «Операция 1915 года», «Операции 1916 и 1917 годов», «Позиционная война. Разложение армии в 1917 году», «Военная техника, экономическая подготовка к войне». Хотя эту работу предполагалось координировать с Штабом РККА, Военной академией и Центрархивом, итогом деятельности Военной секции стал развал общего плана публикации военно-оперативных материалов Первой мировой войны РККА и его возвращение к очень давней, самой примитивной схеме.

Внешне Секция постоянно наращивала свой авторитет. К январю 1930 г. в ее состав вошли еще 15 человек: В.Я. Котов – помощник начальника Военной академии, А.А. Таланкин – преподаватель Военной академии, С.В. Жбиковский – сотрудник VI Управления Штаба РККА, А.М. Васютинский – член Общества историков-марксистов, А.С. Булин – заместитель начальника Политуправления армии, А.Г. Орлов – сотрудник III отдела Управления РВС СССР, адъютанты Военной академии К.И. Соколов-Страхов, Г.И. Шигалин, Г.А. Ветлин, Р.А. Экстрейхер-Егоров, Ч.И. Ясинский – от Института истории, В.К. Трофимов – начальник Центрального музея РККА, А.А. Геронимус – преподаватель Военно-политической академии, некий тов. Ватранский – от «ВСКХ Мобота, ПЭУ», И.М. Николик – от сектора обороны Госплана. Вскоре был утвержден состав ленинградского отделения секции по изучению проблем войны, среди которых видим Бочарова, Сулова, Анулова, членов-соревнователей Рубцова, Алякрицкого, Баранцева, Нижечека, Семенова,

⁴⁶ АРАН. Ф. 350. Оп. 1. Д. 258. Л. 8, 33 об.

⁴⁷ Там же. Ф. 375. Оп. 1. Д. 17. Л. 47.

⁴⁸ Записки секции по изучению проблем войны. М., 1930. Т. 1. С. 3-5.

Барандохина, Смирнова, Гервица, Бирюкова⁴⁹. Уже само перечисление в отчетных материалах Комакадемии этих фамилий и должностей было призвано убедить в серьезности ее работ, но фактически деятельность постоянно клонилась в сторону изучения Гражданской войны. Ценности опыта Первой мировой войны товарищи из Комакадемии просто не понимали. В сводном отчете Комакадемии от декабря 1930 г. отмечается, что программа по изучению истории Первой мировой войны, составление которой было поручено сотрудникам Меликову и Гореву, отсутствует. Вопрос, ввиду неподготовленности, отложен на 1 квартал 1931 г.⁵⁰

В действительности в 1930–1931 гг. большая часть усилий Секции была направлена на организацию выпуска «Записок Военной секции»⁵¹. Выход этого мыслившегося как журнал периодического издания завершился быстро – в 1931 г., на пятом–шестом томах. Об их формировании говорилось в отчетах Военной секции, но сами тома так и не появились. Содержание выпущенных книжек показывает, что вопросы использования практического опыта «Великой войны» в действительности волновали мало, а война являлась скорее проблемой политической.

К декабрю 1931 г. в состав Секции входило уже 153 чел. под председательством наркома просвещения А.С. Бубнова. Такое огромное количество сотрудников требовалось чем-то занять и заодно упорядочить работу. Коллектив предполагалось разделить на три подсекции: общих вопросов военного дела (Бубнов, 36 чел.), истории войн (Эйдеман, 52 чел.), экономики войны (Мехоношин, 49 чел.). Однако отчеты Военной секции свидетельствуют, что основной формой деятельности была популяризация знаний. Хотя материалы не дают никакого представления о собственном вкладе Секции в разработку проблем истории Первой мировой войны, это не мешало ее ученому секретарю Вольпе сообщать о результатах работы за 1931 г.: «...Важность и серьезность работы по изучению и изданию истории мировой войны выдвинула перед исторической подсекцией необходимость создать для этого специальную комиссию... ее задача – разработка плана и программы и методологии исследования истории мировой войны. ...Работа координируется с деятельностью по этому вопросу Штабов РККА, Военной академии и Центрархива. Комиссия разработала основные методологические установки программы по истории мировой войны и приступила к разработке самой программы и группировке всего необходимого материала. На основе этой программы приступлено совместно со Штабом РККА к составлению сборников важнейших документов по мировой войне с соответствующими к ним комментариями по

⁴⁹ АРАН. Ф. 350. Оп. 1. Д. 311. Л. 3, 84.

⁵⁰ Там же. Ф. 375. Оп. 1. Д. 16. Л. 28-29.

⁵¹ Записки секции по изучению проблем войны. М., 1930–1931. Т. 1-4.

Статьи и сообщения

нижеприведенному плану: ...Том 1 – подготовка войны: оперативная работа главного управления Генерального штаба и округов; мобилизация и сосредоточение. Том 2 – операции 1914 г., наиболее полно. Том 3 – операции 1915 г., наиболее полно маневренный период. Том 4 – операции 1916 и 1917 года, позиционная война. Том 5 – разложение армии в 1917 г. и демобилизация; устройство тыла и изменения во время войны. Том 6 – военная техника, экономическая подготовка к войне, экономика в ходе самой войны, мобилизационная подготовка промышленности. Сейчас работа уже проводится в Центрархиве по отбору соответствующих документов»⁵².

Иными словами, все то, что было давно продумано военно-историческим отделом Штаба РККА, перетекло в Военную секцию Комакадемии. Главная же «вина» боевых генералов из военно-исторической службы РККА, еще в 1918 г. перешедших на сторону советской власти, состояла в том, что они затронули «святое» для марксистов из Комакадемии – боевой опыт Гражданской войны. Именно это стало, видимо, главной причиной последующей неудачи всего дела. Очередная записка генерала Е.З. Барсукова на имя М.Н. Тухачевского от 19 ноября 1931 г. начинается покаянными признаниями: «После некоторого ознакомления со структурой Военной секции Коммунистической Академии я пришел к заключению, что мне не следовало касаться вопросов организации работы по составлению "Сборника документов гражданской войны", т.к. эта работа ведется в Военно-исторической подсекции Ком. академии при ближайшем участии тов. Кадишева, хотя в несколько ином разрезе»⁵³. Интересы схлестнулись настолько серьезно, что буквально на следующий день Барсуков в новой докладной записке продолжает, что «поспешил», «поверхностно ознакомился», что «нельзя было вмешиваться в вопросы гражданской войны», что «согласен с Кадишевым» и т.д.

Но упорство военного человека было серьезным, ибо касалось принципиальных вопросов. Прежде чем генерал был уволен из рядов РККА (в 1934 г.), он в 1933 г. вместе со своими коллегами успел представить самый полный план издания документов по истории Первой мировой войны. Его разработка, как можно понять из документов, относилась еще к декабрю 1931 г., но плану не было суждено осуществиться⁵⁴.

⁵² АРАН. Ф. 375. Оп. 1. Д. 16. Л. 56-57.

⁵³ РГВА. Ф. 39352. Оп. 1. Д. 50. Л. 26. Письмо показывает всю сложность обстановки и неясность планов, когда история двух войн постоянно пересекалась. И в области пропаганды (но не использования!) опыта Гражданской войны Комакадемия, действительно, выпускала много исследований.

⁵⁴ См.: Там же. Л. 61-65.

**Проект бывшего 5 Управления
Штаба РККА⁵⁵, поддержанный
Комакадемией**

**Проект общего плана,
составленный при участии
Е.З. Барсукова**

Т. 1.	Подготовка войны. План войны, мобилизация, сосредоточение и развертывание армии. Оперативная работа ГУГШ и штабов округов.	Подготовка России к войне. Управление вооруженными сухопутными силами в мирное время. Вопросы подготовки обороны в высших государственных учреждениях России. Организационная и боевая подготовка сухопутной армии. Военно-техническая подготовка сухопутных армий. Обеспечение Армии разными видами снабжений. Экономическая подготовка. Подготовка мобилизации крепостей и полевой армии. Подготовка ж/д транспорта. Планы войны. Положение о полевом управлении. Состояние военного ведомства, военные планы войск.
Т. 2.	Маневренный период операций 1914 г. 1-я Восточно-Прусская операция и Галицийская битва. Варшавско-Ивангородская и Лодзинская операции (существуют как 2 том П.П. Сытина и 3 том группы М.Д. Бонч-Бруевича).	Мобилизация, сосредоточение, развертывание вооруженных сухопутных сил, их организация и боевая подготовка в ходе войны. Мобилизация в августе 1914 г. Организация верховного командования. Призыв и подготовка действующей армии, эволюция организационных форм.
Т. 3.	Операции 1915 года (наиболее полно маневренный период)	Военная техника, экономика, снабжение сухопутной армии во время войны. Снабжение армии и тыла, вооружение сухопутной армии в маневренный и позиционный период. Интендантское снабжение в ходе войны. Военно-санитарная техника, организация транспорта, финансирование
Т. 4.	Позиционная война 1916–1917 гг. (наиболее полно Брусилловский прорыв).	Маневренная война 1914 года. Действия в Восточной Пруссии, в Восточной Галиции, операции на Висле.

⁵⁵ Этот план был создан в тот сложный период, когда военно-историческая служба РККА фактически перестала существовать, влившись в Управление боевой подготовки, впоследствии 5-е управление, руководству которого идеи использования опыта «империалистической» войны были в принципе чужды.

Статьи и сообщения

- Т. 5. Разложение армии в 1917 году.** Демобилизация, устройство тыла и изменения во время войны.
- Т. 6. Военная техника, экономическая подготовка к войне.** Экономика в ходе войны. Мобилизационная подготовка промышленности. **Библиография русской и иностранной литературы по мировой войне.**
- Т. 7.**
- Т. 8.**
- Т. 9.**
- Т. 10.**
- Кампания 1915 года.** После Галицийской битвы, Горлицкий прорыв, Карпатская операция, действия в русской Польше.
- Позиционная война 1916 года.** Наступление в районе Двины и оз. Нарочь, Брусиловский прорыв, внутреннее экономическое и политическое положение России к концу 1916 г., моральное состояние и революционные настроения в действующей армии.
- Участие русских морских сил в мировой войне.** Подробнее – программа Б.Б. Жерве.
- Участие русского воздушного флота в мировой войне.** Состояние военно-воздушной и авиационной техники. Снабжение воздушного флота. Планы использования воздушного флота. Боевая работа воздушного флота во время войны 1914–1915 гг. Деятельность воздушного флота во время позиционной войны 1916–1917 гг.
- 1917 год. Революция и конец империалистической войны на Русском фронте.** Февральская революция и ее влияние на стояние армии. Июльское наступление Керенского. Тарнопольский прорыв на Юго-Западном фронте. Июльские дни. Рижская операция. Авантюра Корнилова. Стихийная демобилизация. Октябрьская революция и выход России из войны. Ликвидация ставки Верховного главнокомандующего. Брестский мир.
- Влияние мировой войны на состояние народного хозяйства России.** Экономические последствия войны. Соображения о стоимости войны для финансовой системы. О стоимости войны для всего народного хозяйства страны в целом. Методология исчисления. Примерный подсчет. Распределение тяжести потерь от войны между отдельными классами

Т. 11.

населения.

Общее заключение. Причины неподготовленности России к войне. Общие причины боевых неудач. Эволюция организации командования. Необходимость согласования планов с экономикой страны. Необходимость плановой организации для нужд обороны, плановой мобилизации для нужд войны всей экономики.

Т. 12.

Библиография.

1932 год принес много различных перемен. Скончался М.Н. Покровский. Без его пробивной силы и гарантированной поддержки от «директивных органов» Комакадемия быстро потеряла свое влияние. Вскоре она была расформирована и слилась с другими советскими научными учреждениями. Но одновременно шел и другой процесс: из военных органов постепенно начинают выдавливаться бывшие военспецы. Готовятся к уходу из армии генерал Барсуков, покровительствовавший ему генерал «для военно-важных поручений при РВС СССР П.П. Сытин» (именно так стоит на штампе). До своего ухода им еще удастся добиться решения РВС об издании 12 томов (каждый том в нескольких выпусках) вместо 6 прежних. Несмотря на давление, все еще оставались и те, кто решил отстаивать интересы армии до конца.

25 января 1934 г. персональный пенсионер Наркомата обороны, сотрудник военно-исторического отдела генерал-майор Г.К. Корольков «в порядке самокритики» пишет докладную записку начальнику Штаба РККА А.И. Егорову: «Всякое издание исторических документов имеет целью дать возможность наибольшему числу лиц документально исследовать историческое событие, не прибегая к архивным изысканиям. Этот взгляд сохраняется и в отношении военно-исторических событий. В Англии и Франции такие издания начинаются военно-историческим очерком событий и дополняются достаточным количеством документов. Примерно 25-30% книги занимает очерк и 75-70% занимают документы. Признавая такой подход к намеченному РВС изданию СБОРНИКА ДОКУМЕНТОВ империалистической войны 1914–1918 г. вполне приемлемым, группа т. Сытина остановилась на нем и работала над 1-м периодом кампании 1914 г., но с тем изменением, что очерк был сжат до 15-20% объема книги, а остальное составили документы. Такой подход к изданию был намечен на совещании у нач. штаба РККА Шапошникова весной 1930 г. И так же считало бывшее 5 Управление РККА, но с его расформированием и реформированием в Управление

боевой подготовки вся работа осталась без руководящего органа. Принимается новый план – 12 томов вместо прежних 6. Каждый том будет разделен на выпуски по операциям. Идея была в том, что документы группировались по происхождению, и таким образом они выявляют работу штабов фронтов и армий, эти группы разделяются по темам, в тематических сериях документы располагаются хронологически. Каждый выпуск должен был быть не более 30 п[ечатных] л[истов]; приложения, комментарии и введение – еще до 10 п[ечатных] л[истов]. Такой подход давал возможность читателю составить свое представление о событии»⁵⁶. И хотя Егоров не во всем был согласен с Корольковым, он посчитал важным издание специального тома, посвященного действиям флота. Затем к этому прибавились еще и материалы по действиям воздушных сил.

Однако летом 1934 г. разыгрались события, положившие конец единственной планировавшейся полной отечественной серии по истории «Великой войны». По поводу судьбы предполагаемого археографического проекта состоялось несколько совещаний. На них Корольков и Барсуков продолжали настаивать на необходимости показывать «живую армию» путем обмена и движения документов: снизу–вверх и сверху–вниз, а не по операциям, где все спускалось только «сверху»; на необходимости публикации источников периода подготовки военных операций. Здесь же впервые в качестве координатора всей публикаторской деятельности упоминается имя руководителя военной секции Комакадемии в Ленинграде, перешедшего затем на должность руководителя военно-исторической службы РККА – Филиппа Анастасиевича Анулова.

В июле 1934 г. одна из последних докладных записок Е.З. Барсукова свидетельствует, что одобренный РВС план издания 12-ти томов вместо 6-ти по истории Первой мировой войны не просто не выполнен, но благодаря Анулову вся работа была сорвана, трем сотрудникам не выплачен гонорар, который они, однако, получили через суд (летом 1933 г.!). Лично Барсукову было сказано, что готовится доклад начальнику Штаба РККА о «бесполезности» его труда, который не оправдывается произведенными расходами, в связи с чем генерал будет привлечен к ответственности. И хотя в Штабе РККА неоднократно признавалось, что тов. Анулов создает конфликтные ситуации, главное свершилось: издание полной серии документов не состоялось, фамилии сотрудников, тщательно отбиривших документы, были забыты и стерты из памяти, зато появились новые.

Тома «Сборника документов мировой империалистической войны на русском фронте» начали выпускаться лишь во второй половине 1930-х годов, они выходили не по порядку, причем объяснить это не представляется возможным – ведь к концу

⁵⁶ РГВА. Ф. 39352. Оп. 1. Д. 53. Л. 8-9.

1933 г. большая часть материалов (даже в рамках 6-томника) была набрана вместе с комментариями (объемы некоторых сборников составляли до 100 авторских листов). В 1936 г. первым выходит том 3 – «Лодзинская операция», лишенный практически всяких комментариев; через два года появляется «Варшавско-Ивангородская операция»; в 1939 г. – «Восточно-прусская операция»; на следующий год – «Наступление Юго-Западного фронта в мае-июне 1916 г.»; очередной том, бывший по плану томом 2 – «Горлицкая операция», появился в 1941 г.⁵⁷ Все эти книжки производят впечатление крайней лаконичности, если не сказать убогости. В них почти отсутствует предисловие (не более 1-2 страниц), принципы отбора и передачи текста остались так и не объяснены, издания фактически лишены комментариев, которые занимают, вероятно, около 1%. Специальных томов по войне на море и войне в воздухе так и не появилось.

Уже в дни Великой Отечественной войны вышел сборник о работе санитарной службы в годы Первой мировой войны, имевший смысловую связь с предыдущими, но появившийся скорее всего в связи с потребностями времени. В целом он довольно полон, содержит более 200 источников⁵⁸, но унаследовал все прежние недостатки: незначительное и по объему и по содержанию введение и фактически отсутствующее предисловие от составителей; имеет скромные комментарии, хотя и хорошо систематизированные блоки документов. Так сбылось мрачное предчувствие генерала Свечина, что опыт страшной опустошительной войны вновь учтен не будет.

*Серия «Международные отношения в эпоху империализма»:
новые сражения на археографическом поприще*

К середине 1920-х годов стали заметны успехи западноевропейских и американских историков, которые начали либо уже заканчивали издавать многотомные серии материалов по истории «Великой войны»⁵⁹. Появилось немало

⁵⁷ Лодзинская операция: Сборник документов мировой империалистической войны на русском фронте (1914–1917 гг.). Маневренный период 1914 г. М.; Л., 1936; Варшавско-Ивангородская операция. Сборник документов. М., 1938; Восточно-Прусская операция. Сборник документов. М., 1939; Наступление Юго-Западного фронта в мае-июне 1916 г. Сборник документов. М., 1940; Горлицкая операция: Сборник документов. М., 1941.

⁵⁸ Санитарная служба русской армии в войне 1914–1917 гг. Сб. документов. Куйбышев, 1942.

⁵⁹ См., напр.: Diplomatiscche Aktenstücke zur Vorgeschichte des Krieges 1914. Ergänzungen und Nachträge zum Österreichisch-Ungarischen Rotbuch. Wien, 1919. Т. 1-3; Die Grosse Politik der Europäischen Kabinette. 1871–1914. Sammlung der diplomatischen Akten des Auswärtigen Amtes. Berlin, 1922–1927. Bd. 1-40; British Documents on the Origins of the War. 1898–1914. Vol. I–XI. London. 1926–1938; Les armées françaises dans la Grande guerre. Paris, 1922–1939. Т. 1-11; Papers Relating to the Foreign Relations of the United States. The World War 1914–1918. Supplements. Waschington, 1928–1934. Vol. 1-8; и др.

Статьи и сообщения

количество мемуарной литературы как на русском (бывших русских политических и военных деятелей), так и на иностранных языках. Картина войны там (особенно участие России) нередко затушевывалась и извращалась. Для этого применялись самые различные приемы: документы произвольно сокращались, причем без объяснений и комментариев, вместо хронологического принципа применялся тематический (особенно в немецких и английских публикациях), не публиковались резолюции (например, Вильгельма II), которые ясно показывали истинную роль в событиях Германии. Роль армий стран Антанты в английских и французских сериях была чрезвычайно преувеличена, при почти полном игнорировании событий на Восточном фронте. Именно количеством собственных опубликованных документов (например, французская публикация «Французские армии в Великой войне» состояла из 79 томов – 22 книги описаний военных действий и 57 книг приложений документов) достигался эффект едва заметного присутствия в войне России. Тем более что из публикуемых источников никак не явствовалась роль нашей страны в войне и ее самоотверженная помощь союзникам по блоку. Подобные зарубежные документальные публикации стали одной из ведущих причин начала подготовки фундаментальной серии по истории внешней политики России в 1870-х – 1918 гг. «Международные отношения в эпоху империализма» (МОЭИ). Инициативу ее разработки и выпуска вновь пыталась взять на себя Коммунистическая академия. На июльском заседании ее президиума в 1927 г. М.Н. Покровский заявил, что английская и немецкая публикации о войне «дают нам первую скрипку в руки», а состав редакционной коллегии должен возглавить именно представитель Комакадемии⁶⁰.

Вопрос начальной даты серии МОЭИ был довольно острым, так как НКВД предполагал взять даже не 1870, а 1856 год. В январе 1928 г. Покровский достаточно определенно указывал, что в таком случае «...вместо живой актуальной вещи, которая имеет огромное политическое значение и которой вся Европа, повторяю, ждет, получается чисто академическое издание. Мы начнем с 1856 г. и так благополучно к 35-му г. доберемся до империалистической войны. По всем данным тогда, когда будем по ту сторону новой империалистической войны, так что интерес к этой империалистической войне значительно ослабеет. ...Я бы предложил Коммунистической Академии войти в директивные инстанции с предложением издать документы империалистической войны, причем если Наркоминдел не хочет в этом участвовать, это его дело...»⁶¹ Но в итоге Комакадемия приходит к выводу, что без НКВД обойтись не удастся и сотрудничество будет необходимо.

⁶⁰ АРАН. Ф. 350. Оп. 1. Д. 97. Л. 60; Д. 102. Л. 67.

⁶¹ Там же. Д. 174. Л. 6.

Статьи и сообщения

Исходя из того, что почти весь 1928 г. Комакадемия обсуждает на своих заседаниях вопросы учреждения и профиля деятельности Комиссии по истории вооруженных восстаний и гражданских и революционных войн (будущей Военной секции), можно сказать, что в итоге в издании серии «Международные отношения в эпоху империализма» Комакадемия принимала самое поверхностное участие.

Именно такова предыстория учрежденной в 1929 г. при Президиуме ЦИК СССР «Комиссии по изданию документов международных отношений в эпоху империализма». В ее состав в итоге вошли М.Н. Покровский (пред.), Я.А. Берзин, Н.М. Лукин, В.В. Максаков, Ф.А. Ротштейн, А.С. Ерусалимский, Ф.О. Нотович. Издание, начатое в 1931 г. и не законченное в связи с Великой Отечественной войной, стало крупнейшим проектом отечественной археографии по изданию документов международного характера по Первой мировой войне в довоенный период. По плану намечалось три подсерии: первая включала в себя материалы с 1878 по 1903 г., вторая – с 1904 по 1913 г., а третья – с 1914 по 1918 г. Исходя из большей, как тогда казалось, актуальности третьей подсерии, решено было начать именно с нее. В итоге вышли лишь третья и частично вторая подсерии, а сборники первой подсерии так и не появились. В общей сложности было издано 13 томов (некоторые в двух частях), охвативших период с 14 мая 1911 г. по 17 октября 1912 г. и с 1 января 1914 г. по 31 марта 1916 г. Публикации открывались вступительной статьей Покровского. Все документы в целом можно было характеризовать как дипломатическую переписку российского МИДа со своими представителями за границей, а также журналы заседаний Совмина и различных министерств по вопросам внешней политики. Наиболее выпукло здесь была представлена балканская политика Российской империи в связи с вопросом о проливах, – именно то, что так боялись трогать большинство западных публикаций. Однако общая трактовка позиции императорской России, не сопрягавшаяся, естественно, с «мировой революцией», установка на «разоблачение» задавали существенный перекосяк в толковании документов и агрессивный тон предисловию в целом⁶².

Вместе с тем публикация дипломатических документов не могла заменить отсутствующих материалов военно-стратегического характера. О том, что предыдущие планы и уже вышедшие тома не покрывали потребностей Штаба РККА, свидетельствует чрезвычайный интерес к зарубежными изданиями наркома обороны Я.Б. Гамарника. В 1937 г. для него составили подробнейшие отчеты о

⁶² Ценная рецензия на это издание, где одновременно впервые был проанализирован зарубежный опыт издания дипломатических и военных документов по истории войны, появилась в 1940 г. См.: Ерусалимский А. Документы о подготовке мировой войны 1914–1918 гг. // Военно-исторический журнал. 1940. № 1.

Статьи и сообщения

публикациях источников, которые появились, начиная с 1919 г., в Австрии, Германии, Англии, Франции, США. К отчетам прилагались таблицы, из которых явствовало, как материал располагался по томам, какие проблемы больше всего интересовали западных историков и о чем они старались умолчать⁶³. Сравнение не было утешительным ни по количеству томов, ни по их содержанию. Благодаря запаздыванию отечественных публикаторских серий и их лаконичности западные документальные издания, как правило, вину за развязывание войны однозначно возлагали на Россию. В то же время выход куцых изданий материалов военно-оперативного характера о событиях на Русском фронте показывал фрагментарную картину, не выявляя тех огромных усилий, которые страна затрачивала на ведение войны и помощь странам Антанты. О том, насколько далеки были реальные потребности армии от возможностей удовлетворить их, свидетельствует записка зам. начальника Генштаба РККА К.А. Мерецкова от марта 1938 г. В ней он требовал представить ему архивные дела о развертывании германской и русской армий в 1914 г., численности русской армии за все годы войны и т.п.⁶⁴ Таким образом, даже самые общие сведения о прошлой войне, спустя четверть века и буквально накануне новой войны, продолжали оставаться для высшего советского военного руководства, малоизвестными.

Подводя итоги, приходится констатировать, что столь удачно организованные отечественными военными историками в начале 1920-х гг. исследования и работы по подготовке публикации материалов Первой мировой войны оказались незавершенными. Но и такой результат имел немалое значение. Ценой усилий военных специалистов и историков была продемонстрирована большая практическая ценность сбора и публикации материалов по предыдущим войнам. Недаром с первых дней Великой Отечественной войны на все фронты были командированы специалисты, которые сразу начинали следить за комплектованием и сохранением документации. И не их вина, что полной военной истории войны 1941–1945 гг. нет до сих пор.

Нельзя не отметить, что даже ограниченное изучение опыта Первой мировой войны обеспечило подъем отечественной военной археографической мысли.

Хотя в России военная археография зародилась поздно (сравнительно со странами Западной Европы), она не только усвоила зарубежный опыт, но и конкретизировала, развила его. Понимание людьми сугубо военными, не историками и тем более не источниковедами и археографами, деталей подготовки документального сборника не может не поражать. Если в археографии наиболее

⁶³ РГВА. Ф. 39352. Оп. 1. Д. 59. Л. 1-49 об.

⁶⁴ АРАН. Ф. 350. Оп. 1. Д. 61. Л. 15.

Статьи и сообщения

спорным моментом всегда было определение критериев отбора документов, то в готовившихся бывшими царскими генералами изданиях проблема эта решалась предельно точно: «...Описания более интересных сражений должны издаваться наравне с документами к операциям... изучение сражений до детального уяснения действий различных родов войск представляет то значение, что дает лицам, не имеющим в прошлом боевого опыта, уяснение техники боя»⁶⁵. Интересовали как вопросы оперативного искусства, так и значение именно документального показа сражений. При этом источники должны были быть связаны между собой не посредством пространных комментариев, неизбежно имевших субъективный характер (хотя необходимость комментирования никто не отрицал), но корреспондироваться друг с другом, что придавало бы сборникам самодостаточный характер.

Эти фундаментальные положения методики археографии привели бы к искомому результату, и в данном случае практические приемы отбора и систематизации материала выполняли отнюдь не умозрительную теоретическую роль, а имели конкретное значение – «отразить те положительные и отрицательные стороны оперативного искусства русского командования в период мировой войны, которые должны быть учтены нашим командиром Красной армии для развития оперативной мысли»⁶⁶. К сожалению, призыв к использованию уроков «Великой войны», озвученный еще в 1918 г. крупными военными специалистами царского времени, добровольно перешедшими на сторону РККА, не был услышан.

Пагубность идеологического диктата – еще один урок, который может преподать изучение археографии Первой мировой войны. Не спровоцированное ли «специалистами от идеологии» отсутствие полноты и оперативности исследований опыта «Великой войны» стало одной из причин неудач Красной армии в самом начале Великой Отечественной войны? Именно стремление к идейной чистоте выхолостило и исказило идеи оперативного издания столь необходимых документов не только по военно-стратегическим вопросам, но и в области международных отношений. Пока зарубежные издания свободно оперировали информацией, распоряжаясь истиной, отечественные историки подчинялись окрикам Комакадемии, вынашивали концепции и оттачивали методические принципы.

Но даже при всех недостатках разнообразие проблематики и широта подходов в публикациях по истории Первой мировой войны в межвоенный период поразительны. Драматическая история подготовки ряда документальных серий, завершившаяся для большинства их участников репрессиями, свидетельствует о

⁶⁵ РГВА. Ф. 39352. Оп. 1. Д. 53. Л. 6.

⁶⁶ Там же. Л. 10 об.

Статьи и сообщения

недюжинной гражданской смелости и одновременно добавляет новые краски к подлинной истории советского общества в 1920–1930-е годы.

Опыт (даже не во всем удачный) публикации документов по истории Первой мировой войны в межвоенный период заслуживает самого пристального внимания и использования сегодня, когда интерес к событиям столетней давности вновь усилился и находит определенные параллели в нашем сознании. Память о тех событиях не должна исчезнуть, ибо публикации подлинных источников не единожды предупреждали человечество о страшных уроках войн, а их забвение – к миллионам жертв и распаду общества.

Калягин Андрей Владимирович

*кандидат исторических наук
Самарский государственный университет*

**РОССИЯ В ПРЕДДВЕРИИ МИРОВОЙ ВОЙНЫ
(О чем писала газета «Коммерсант», или Предсказанный коллапс)**

Усилившийся в постсоветский период интерес к истории Первой мировой войны и конкретно места в ней России привел к постановке и изучению ранее игнорируемых проблем. В сферу интересов исследователей вошли и активно изучаются вопросы повседневности, изменения менталитета человека, «немецкий вопрос» и многие, многие иные¹. При этом было бы преждевременно утверждать, что «традиционные проблемы» оказались исчерпанными и не требуют дальнейшей разработки. Среди таковых остается вопрос о том, почему для России, которая, в принципе, не потерпела прямого военного поражения, все завершилось революционными катаклизмами 1917 года и «похабным миром», заключенным в Брест-Литовске. Вопрос, который предполагает, в частности, анализ и оценку экономической системы страны под углом зрения ее способности выдержать повышенные требования, предъявленные войной.

Ранней советской историографии был присущ пессимистичный подход, что нашло отражение даже в кратком курсе «Истории ВКП(б)», где указывалось, что сильно отстававшая промышленность и полукрепостническое сельское хозяйство не могли «служить прочной экономической основой для ведения продолжительной войны»². Но постепенно, под воздействием «идеологической необходимости» обосновать наличие в стране «объективных предпосылок» для социалистического строя, внимание все более стало акцентироваться на «зрелых формах

¹ См., подр.: Гулин А.О. Основные тенденции современной историографии Первой мировой войны // Вестник Костромского государственного университета им. Н.А. Некрасова. 2012. Т. 18. № 5.

² История Всесоюзной Коммунистической партии (большевиков). Краткий курс. М., 1938. С. 156.

Статьи и сообщения

капитализма»³. По оценке одного из ведущих советских специалистов по истории экономического развития дореволюционной России В.И. Бовыкина, «предвоенный экономический подъем подвел Россию к зениту ее капиталистического развития. Народно-хозяйственные показатели 1913 г. стали долгие годы точкой отсчета успехов социалистического строительства в нашей стране»⁴. Собственно, и саму войну стали рассматривать в качестве стимулятора развития «зрелых капиталистических форм». Указывалось, что при разрастающейся экономической разрухе «...развитие организованных форм монополистического капитализма, превратившегося в государственно-монополистический, шло быстрым и решительным темпом»⁵. Академик И.И. Минц хотя и высказывался против подобного преувеличения уровня развития капитализма в России, но в итоге соглашался, что война «...ускорила созревание материальных предпосылок социалистической революции, создав ту объективную основу, благодаря которой буржуазно-демократическая революция в России могла так быстро перерасти в социалистическую»⁶.

Формировалась концепция, в которой даже при беглом взгляде заметно противоречие во внутренней логике. С одной стороны, получалась страна, которая по важнейшим параметрам, прежде всего промышленного развития, чуть ли не опережала передовые державы. И в то же время это была страна с экономикой, в которой превалировал далеко не самый передовой аграрный сектор; страна, не сумевшая, при всех подчеркиваемых успехах промышленного роста и степени капитализации, выдержать, в отличие от союзников и противников, военного напряжения. Пожалуй, более правильное направление и основу для осмысления подобных нестыковок могла дать «теория многоукладности», которую в 1950–1970-е годы попытались развивать ряд советских историков, но как «идеологически вредная» она была подвергнута официальному остракизму⁷.

В западной историографии, напротив, распространение получила идея отстающего военно-экономического развития России, ее слабой готовности к войне⁸.

³ Это классически отразилось в многотомном издании «Исторический опыт трех российских революций», где прямо говорилось о высокой степени развития капитализма в России и наличии объективных условий «не только для решения демократических задач», но и для «осуществления конкретных шагов в сторону социализма». (Исторический опыт трех российских революций. М., 1986. Кн. 2. С. 29).

⁴ Бовыкин В.И. Финансовый капитал в России накануне Первой мировой войны. М., 2001. С. 57.

⁵ Краткая история России. 4-е изд., перераб. и доп. М., 1983. Ч. 1. С. 366-367.

⁶ Минц И.И. История Великого Октября: В 3 т. 2 изд. М., 1977. Т. 1. С. 136-137, 140.

⁷ См. об этом: Советская историография. М., 1996. С. 349-400; Поликарпов В.В. От Цусимы к Февралю. Царизм и военная промышленность в начале XX века. М., 2008. С. 77-117.

⁸ Несколько особняком стоит концепция Пола Грегори, полагавшего, что уровень развития России накануне Первой мировой войны был достаточно высоким, по темпам роста страна вполне сравнима

По оценке Р. Шарка (Richard Charques), «ни одна из воюющих держав не была менее подготовлена к войне, нежели Россия». Хотя она и сделала после поражения в войне с Японией шаги по реорганизации и техническому переоснащению армии и развитию своего военно-промышленного потенциала, но «восстановительный период» оказался слишком коротким. К тому же существовавшая в стране система управления исключала возможность эффективно организовать для ведения войны против такого грозного и технически оснащенного противника, как Германия⁹. Р. Пайпс, соглашаясь в целом с тем, что уровень развития России был недостаточен, уточнял, что решать вопрос о степени ее подготовленности к войне следует с учетом того, «...какая война подразумевается: краткосрочная, измеряемая месяцами, или длительная, длящаяся годы»¹⁰. К войне краткосрочной, по его мнению, Россия была вполне подготовлена. Но в случае затяжного конфликта, учитывая неустойчивость ее политической системы и ненадежность экономики, «...перспективы России выглядели весьма неутешительно»¹¹. Близких позиций придерживается и П. Гэтрелл (Peter Gatrell), утверждающий, что при всей противоречивости развития России равные шансы имели в случае возникновения войны оценки и оптимистов, и пессимистов¹².

С крахом советской системы в отечественную историографию также начинает возвращаться тезис о недостаточном индустриальном развитии страны, ее военно-промышленном отставании. По оценке А.И. Степанова, промышленность России даже в мирное время могла в лучшем случае обеспечить только текущие нужды вооруженных сил в основных типах вооружений. По всем ведущим показателям оснащения армии страна «...не дотягивала даже до среднемирового уровня, значительно уступая армиям не только высоко развитых индустриальных держав – Германии и Франции, но и стран второго и третьего эшелонов развития – Италии, Австро-Венгрии и Японии»¹³. Взгляд «об общей социально-экономической слабости России, народное хозяйство которой не выдержало напряжения войны и начало разваливаться еще до ее окончания», высказал К.Ф. Шацилло. Правда, исследователь сделал оговорку, что «...Россия воевала со своими противниками не

с ведущими странами Запада и она достаточно была интегрирована в мировую рыночную экономику, включая сельское хозяйство. См.: *Грегори П.* Экономический рост Российской империи (конец XIX – начало XX в.): Новые подсчеты и оценки / пер. с англ. М., 2003.

⁹ *Charques R.* The Twilight of Imperial Russia. L.; Oxford; N.Y., 1965. P. 211.

¹⁰ *Пайпс Р.* Русская революция / пер. с англ. М., 1994. Ч. 1. С. 226.

¹¹ Там же. С. 227.

¹² *Gatrell P.* Russia's First World War. A Social and Economic History. S.L., 2005. P. 14.

¹³ *Степанов А.И.* Место России в мире накануне Первой мировой войны // Вопросы истории. 1993. № 2. С. 161.

одна, а входила в союзнический блок, экономические возможности которого были куда более значительными, чем у Германии, Австро-Венгрии и Турции»¹⁴.

В свою очередь А.И. Уткин указал на неправомерность подобного «механического объединения» союзнических потенциалов, отметив, что различные обстоятельства помешали «рациональному совмещению» возможностей Запада и России¹⁵. Историк попытался перевести логику рассуждений из сферы констатации экономических достижений и недостатков российской империи, с которыми она подошла к военному рубежу, в русло вопроса о наличии той организационной системы, что обеспечила бы ей возможность разрешения существовавших проблем уже непосредственно в ходе начавшегося конфликта. Такой системы, по мнению Уткина, в России не существовало¹⁶. И хотя он признал, что путем напряжения всех сил страна сумела совершить существенный военно-экономический рывок, однако рывок оказался недостаточным. Опираясь на отчеты и свидетельства участников проходившей в начале 1917 г. в Петрограде межсоюзнической конференции, историк пришел к выводу, что потенциал России был исчерпан и вести далее масштабные военные действия она была не способна¹⁷.

Стремление сместить акценты на выяснение способности страны преодолеть проблемы непосредственно по ходу войны видится наиболее продуктивным. Но и здесь отсутствует единство взглядов. Значительная часть современных исследователей придерживается точки зрения, что экономические реальности России предопределяли ее катастрофу в войне. Молодой российский капитализм, по утверждению Б.В. Старкова, не мог вынести «тяжести имперских амбиций и военных усилий в годы Великой войны». И при ее переходе из маневренной в позиционную фазу, когда итог стал окончательно определяться военно-экономическим потенциалом держав, «исход в значительной степени был предreshен»¹⁸. Это мнение разделяют В.Г. Ольшевский и Г.Г. Попов¹⁹. К.Н. Андрианов конкретизирует, что надлом произошел в 1916 г. Тогда наметилась тенденция существенного (33%) снижения промышленного производства, причем как гражданской, так и военной

¹⁴ *Шаццлло К.Ф.* Корни кризиса вооружений русской армии в начале Первой мировой войны // Первая мировая война. Пролог XX века. М., 1998. С. 555.

¹⁵ *Уткин А.И.* Забытая трагедия. Россия в Первой мировой войне. Смоленск, 2000. С. 99.

¹⁶ Там же. С. 108-109.

¹⁷ См.: *Уткин А.И.* Первая мировая война. М., 2002. С. 284-285, 368.

¹⁸ *Старков Б.А.* Февральский излом 1917 года // Общество. Среда. Развитие. Научно-теоретический журнал. 2007. № 4. С. 32-33. URL: http://www.terrahumana.ru/arhiv/07_04/index.html

¹⁹ *Ольшевский В.Г.* Экономика России не выдержала военного напряжения: в результате произошел развал империи // Военно-исторический журнал. 2005. № 12; *Попов Г.Г.* Почему Россия не могла не проиграть Первую мировую войну (социально-экономические аспекты) // Вопросы регулирования экономики. 2010. Т. 1. № 3.

продукции²⁰. Способность России перестроить народное хозяйство на военный лад, не доводя при этом финансы до явного упадка и не расстраивая хозяйственные отношения, отрицает и Ю.Н. Седой²¹. В то же время Ю.А. Петров, признавая, что страна находилась на ранней стадии индустриализации и подошла к военному рубежу, имея немало проблем в экономике, заключает: «Хочу особо подчеркнуть, что и промышленность, и сельское хозяйство, и финансы России перенесли Первую мировую войну, и дали, хотя и с трудом, столь необходимые вооружение, продовольствие и финансовые средства для ведения войны»²².

Не обойти вниманием и подход, абсолютизирующий высокие темпы предвоенного экономического развития Российской империи, что якобы вполне обеспечивало ее значительный военно-технический потенциал. Подход, проявившийся еще в постреволюционной эмигрантской среде, получил новый импульс в современной отечественной историографии. К примеру, В.В. Тянь утверждает, что Россия «вышла на передовые позиции по многим показателям»; «русская армия являлась одной из лучших в мире» в техническом и кадровом отношении; российская артиллерия превосходила иностранную²³. Отсюда произрастает убеждение, что страна не просто была способна выдержать тяготы войны, но и имела все шансы для ее победоносного завершения. Соответственно коллизии 1917 г., воспрепятствовавшие победе, видятся случайным явлением, порожденным действиями неких разрушительных сил (внешних и внутренних), толкавших Россию в горнило революционного хаоса. Тот же В.В. Тянь пишет: «Но оказалось, что судьба страны зависит не от психологического и военного потенциала воюющей армии, а от сложных и во многом тайных процессов, успешно развивающихся в тылу, в результате чего российская империя приближалась к

²⁰ Андрианов К.Н. Развитие промышленности и торговли России // Экономический журнал. 2008. № 1. URL: http://economicarggu.ru/2008_1/18.shtml. Начавшийся с конца 1916 г. спад производства отмечает и С.В. Воронкова. См.: Воронкова С.В. Российская промышленность начала XX века: источники и методы изучения. М., 1996. С. 78.

²¹ Седой Ю.Н. Денежное обращение России в годы Первой мировой войны // Вестник Адыгейского государственного университета: сетевое электронное научное издание. 2006. № 2. С. 37. URL: <http://www.vestnik.adygnet.ru/?2006.2>

²² Петров Ю.А. Экономическое состояние России перед Первой мировой войной. Выступление на круглом столе «Европейская безопасность и исторические вызовы двадцатого столетия», 17 июня 2011 г. // Институт демократии и сотрудничества: сайт. URL: <http://www.idc-europe.org/ru/-Экономическое-состояние-России-перед-Первой-мировой-войной->

²³ Тянь В.В. Россия на изломе веков: самодержавный режим на весах системных кризисов (вторая половина XIX – начало XX веков). М., 2002. С. 276-277. В этой связи алогично выглядят дальнейшие признания автора, что уже в начале 1915 г. страна испытывала недостачу в снаряжении и снарядах и в отличие от союзников «не могла быстро пополнить свои запасы» (С. 281).

трагическому концу»²⁴.

Таким образом, вопрос о готовности и способности России вынести по экономическим параметрам бремя войны и избежать революционных потрясений продолжает оставаться открытым, рождая не просто неоднозначные, но диаметрально противоположные мнения. Это вновь заставляет вернуться к предвоенной экономической ситуации. При этом, учитывая, что общество в целом, как и его экономическая основа, «страдают» зависимостью от прошлого, несут в себе генетическую наследственность, которая неизбежно проявляет себя в последующих событиях, видится необходимым не просто определить экономические реалии кануна войны, но перекинуть мостик от «до войны» к проблемам, что проявились с ее началом. Требуется выявить, имелась ли здесь взаимосвязь и насколько «наследственность» была значимой. При этом интересно обратить внимание на такой тип источника, как периодическая печать, материалы которой обычно слабо используются (если только как вспомогательные) для осмысления вопроса.

За основу анализа автором настоящей статьи была взята газета «Коммерсант» с акцентом на период января-июля 1914 г. Газета не являлась официозом, выражающим правительственную точку зрения, как и заранее запрограммированным рупором оппозиционных сил. Основное внимание она концентрировала на вопросах именно экономической жизни, публикуя глубокие аналитические обзоры, интервью с российскими предпринимателями, информационные отчеты об экономических совещаниях, конференциях и съездах, статьи ведущих ученых-экономистов того времени. Значимы и мелкие заметки, содержащие частные факты, которые позволяют увидеть реальности иногда в совершенно неожиданном ракурсе. Немаловажно, что газете был присущ общий настрой общества, не ожидавшего скорой войны. Потому ее публикации отражали именно «заурядные будни» экономической действительности, что позволяет более адекватно оценить ситуацию и те проблемные точки, которые впоследствии проявили себя в военных условиях.

Ограниченные рамки статьи не позволяют охватить весь спектр экономических вопросов, нашедших отражение на полосах газеты, потому сконцентрируемся на таких важнейших сегментах, как промышленность и транспорт, обратив внимание на ряд существующих здесь проблем.

Штрихи к «промышленному портрету» предвоенной России

Вряд ли стоит оспаривать факт, что процесс индустриального развития страны, какие бы успехи и темпы здесь не наблюдались, был далек от завершения. Касалось это и непосредственно военного производства. Малая и Большая военные

²⁴ Тян В.В. Указ. соч. С. 286.

Статьи и сообщения

программы были рассчитаны на конечную реализацию лишь в 1917 г.²⁵ Россия только приступала, по сути, к построению современной военно-промышленной базы.

При этом начинавшийся 1914 г. ознаменовался жалобами машиностроительных и механических заводов на серьезную нехватку чугуна²⁶. Происходившее наращивание объемов его выплавки не устраняло отставания от реальных потребностей производства. Взять хотя бы вопрос железнодорожного строительства. В начале февраля в газете «Коммерсант» появилось интервью с директором правления Московско-Киево-Воронежской железной дороги А.И. Геннертом, который указал на «...крайнее несоответствие между производительностью наших металлургических заводов и необычно интенсивно возрастающим спросом на изделия металлургии со стороны промышленности железных дорог и других потребителей»²⁷. Подтверждая справедливость оценки, другая газета – «Сибирь» – писала: «"Угольный голод", "нефтяной голод", "чугунный голод"... Теперь обсуждается уже вообще "металлический голод"... На совещании о металлическом голоде инженер Шмидт от имени частных железных дорог представил список тех случаев, когда фабрики значительно опаздывали с поставкой металла. В 1913 году 47% всех заказов на рельсы выполнены "Продаметом" с опозданием до семи месяцев... Об опоздании в поставках на несколько месяцев говорил также и представитель казенных железных дорог»²⁸.

Впрочем, даже в случае выхода производства на уровень существовавшего на металл спроса ситуация проще бы не стала. Так, намечаемая правительством с 1914 г. масштабная программа реконструкции и постройки новых железных дорог предполагала потребность в приросте товарных вагонов порядка 30 тыс. ежегодно. Тогда как вагоностроительные заводы империи способны были изготовить максимум 17-18 тыс.²⁹ Все это касалось и иных секторов промышленности. Целый ряд отраслей находились, по существу, в зачаточном состоянии, причем отраслей, имевших отнюдь не последнее военное значение, как, например, добыча и выплавка меди³⁰.

Причем серьезное отставание от потребностей отмечалось не только в сфере тяжелой, но и легкой промышленности. Взять, к примеру, отечественное камвольно-прядельное производство, которое давало порядка 1 млн пудов шерстяной пряжи. Однако для полного удовлетворения потребностей приходилось ввозить в среднем

²⁵ См. об этом: *Шацилло К.Ф.* Последние военные программы Российской империи // Вопросы истории. 1991. № 7-8.

²⁶ Коммерсант (М.). 1914. 21 января.

²⁷ Там же. 5 февраля.

²⁸ Сибирь (Иркутск). 1914. 4 января.

²⁹ Коммерсант (М.). 1914. 5 февраля.

³⁰ См., напр.: Статистический ежегодник России. 1914 г. Пг., 1915. Отд. VIII. С. 7.

еще порядка 400 тыс. пудов из-за границы³¹.

Выступая на VIII съезде представителей промышленности и торговли (май 1914 г.), министр торговли и промышленности С.И. Тимашев указывал, что отечественная промышленность оказалась не способна ответить должным образом на возросший в связи с государственными заказами по судостроению, перевооружению армии, строительству железных дорог спрос³². Съезд парировал, что казна предъявляет спрос «очень внезапно и очень быстро», что создает «совершенно невозможное положение»³³.

Очевидно, что к чрезвычайным обстоятельствам российская промышленность не была подготовлена, что вынуждало ориентироваться на привлечение иностранных ресурсов. Не случайно в связи с намечаемым масштабным проектом реорганизации уральских горных заводов (в первую очередь Пермского) отмечалось, что в «силу новизны дела и специальности предстоящих работ» больше всего шансов получить заказ на их переоборудование имеют иностранцы³⁴. Для решения подобных задач российским предпринимательским кругам не хватало не только опыта, но в значительной степени средств. Поэтому вопрос привлечения для совместной деятельности иностранных капиталов имел для них также далеко не последнее значение³⁵.

Иностранные капиталы и «национальный курс» правительства

Советская историография оценивала иностранное проникновение в промышленную сферу России крайне негативно. По замечанию С.Г. Струмилина, это «обрекало страну на весьма тягостную зависимость от иностранного капитала»³⁶. Напротив, американский исследователь Дж. Маккей видел здесь скорее позитивное явление: «Таким образом, Россия "заимствовала" значительную часть своего предпринимательства из-за границы, и это компенсировало его нехватку на родине»³⁷. Близок к Маккею и Ю.А. Петров, считающий, что Россия добилась

³¹ Коммерсант (М.). 1914. 12 мая.

³² Журналы заседаний VIII очередного съезда представителей промышленности и торговли, состоявшегося 2, 3 и 4 мая 1914 г. в Петрограде. Пг., 1915. С. 4. (далее – Журналы VIII съезда).

³³ Там же. С. 28.

³⁴ Коммерсант (М.). 1914. 20 марта.

³⁵ Не случайно статья в «Финансовом обозрении», перепечатанная газетой «Коммерсант», в качестве первоочередной задачи развития промышленного производства отмечала необходимость «...всячески содействовать притоку в нашу промышленность капитала, устранить все препятствия культурного и правового свойства, стоящие на пути проникновения капитала в нашу промышленность». (Там же. 9 июля).

³⁶ Струмилин С.Г. Очерки экономической истории России и СССР. М., 1966. С. 483.

³⁷ Реформы или революция? Россия 1861–1917. Материалы международного colloquium историков. СПб., 1992. С. 377.

Статьи и сообщения

заметного экономического прогресса «не в последнюю очередь благодаря иностранному предпринимательству и заграничным инвестициям»³⁸.

Подходы, акцентирующие внимание на позитивной роли иностранных капиталов в деле экономического развития России, стоит признать справедливыми, если речь идет о непосредственных инвестициях в производственную сферу, что чаще всего происходило в форме акционерных обществ. О месте, что занимал здесь иностранный капитал, «Коммерсант» писала: «Можно ли найти у нас хоть одно крупное акционерное общество видным акционером которого не состоял бы иностранец? Есть ли у нас хоть одно «истинно русское» акционерное общество? Пожалуй, найти таковое будет очень затруднительно»³⁹. Но именно в этой сфере правительственная политика демонстрировала крайнюю неустойчивость и тенденции, препятствующие развитию процесса.

В марте 1914 г. в прессу просочились сведения, что в министерстве торговли и промышленности «лежат без движения» около 300 уставов новых акционерных обществ. «Задержка находится в связи с предложением министерства внутренних дел установить ограничения для акционерных обществ, обладающих акциями на предъявителя, в смысле приобретения недвижимости. Министерство внутренних дел считает возможным распространение на акционерные общества ограничений, которые установлены для евреев и иностранцев»⁴⁰. 3 апреля «Коммерсант» поместила в этой связи заметку, где указывалось, что разработанный министром внутренних дел Н.А. Маклаковым проект по ликвидации акций на предъявителя и допускающий только те акционерные общества, «которые согласятся заранее не допускать в число своих директоров и служащих лиц иудейского вероисповедания и иностранцев», противоречит задачам экономического развития. Газета процитировала записку Организации объединенной промышленности, которая просила правительство «не приносить в жертву чисто политическим требованиям экономические интересы и благосостояние родины»⁴¹.

Подобная обеспокоенность станет понятной, если вспомнить, что иностранная доля составляла приблизительно 55% всего акционерного капитала, вложенного в торгово-промышленные предприятия России⁴². Причем порядка 70% иностранных вложений приходилось на такие значимые в военном отношении отрасли, как горная, горнозаводская и металлообрабатывающая⁴³. «Иностранный капитал

³⁸ Петров Ю. Российская экономика в начале XX века // Гражданин. 2003. № 3. URL: <http://www.grazhdanin.com/grazhdanin.phtml?var=Vipuski/2003/3/statya26&number=?3%9A2003%C7>

³⁹ Коммерсант (М.). 1914. 12 марта.

⁴⁰ Сибирь (Иркутск). 1914. 27 марта.

⁴¹ Коммерсант (М.). 1914. 3 апреля.

⁴² Ляндау Л.Г. Иностранный капитал в дореволюционной России и в СССР. М.; Л., 1925. С. 11-12.

⁴³ Донгаров А.Г. Иностранный капитал в России и СССР. М., 1990. С. 21.

настолько тесно связан с русской промышленностью, что уничтожать его – значит уничтожать половину русских промышленных предприятий», – предупреждала «Коммерсант»⁴⁴.

VIII съезд представителей промышленности и торговли отметил опасную тенденцию: «спрос на деньги, нужные для промышленности, превышает предложение этих денег», «приток в промышленность иностранных капиталов затруднен»⁴⁵. Возникла угроза не только сокращения поступлений новых средств, но и оттока уже вложенных в производство. Все это, учитывая ситуацию, было явно не ко времени. Тем более что ограничения касались и «лиц иудейского вероисповедания», являвшихся российскими подданными, что, по оценке известного ученого-экономиста и предпринимателя И.Х. Озерова, являлось «большим барьером промышленному развитию России»⁴⁶.

«Еврейский вопрос»: экономическое преломление

Место и роль «еврейского капитала» в отечественной экономике исследованы менее, нежели иностранного. Даже в Электронной еврейской энциклопедии приводятся не более чем разрозненные факты⁴⁷. Объясняется это, вероятно, тем, что еврейский элемент зачастую был плотно интегрирован в общероссийское предпринимательство, не представляя некой самостоятельной группы даже в конфессиональном плане⁴⁸. Это не препятствовало тому, что антисемитизм, являясь одной из составляющих государственной политики царской России, проникал и в экономическую сферу⁴⁹.

В рассматриваемый период ограничительные тенденции получили в связи с инициативами министра внутренних дел Н.А. Маклакова дальнейшее нарастание. По оценке «Коммерсанта», война была объявлена уже не мелким торговцам-евреям, а крупному капиталу. «Воспрещение акционерным компаниям, в составе которых имеются лица еврейского происхождения и иностранцы, приобретать недвижимости

⁴⁴ Коммерсант (М.). 1914. 24 мая.

⁴⁵ Журналы VIII съезда. С. 31.

⁴⁶ Коммерсант (М.). 1914. 4 июня.

⁴⁷ Электронная еврейская энциклопедия. URL: <http://www.eleven.co.il/article/15442>. См. также: Федотьев Д.С. Евреи в петербургском предпринимательстве во второй половине XIX – начале XX в. // Проблемы современной экономики. 2012. № 2 (42).

⁴⁸ Петров Ю.А., Дальманн Д. Религиозно-национальный фактор в развитии российского предпринимательства (XIX – начало XX века) // Вестник Российского гуманитарного научного фонда. 2009. № 3 (56). С. 28.

⁴⁹ См.: Законы о евреях. Систематический обзор действующих законоположений о евреях с разъяснениями правительствующего Сената и центральных правительственных установлений / сост. Я.И. Гимпельсон. СПб., 1914. Ч. I. С. 312-371; Руководство к русским законам о евреях / сост. М.И. Мыш. 4-е изд. СПб., 1914. С. 377-398.

Статьи и сообщения

равносильно, прежде всего, приостановлению дальнейшего развития целого ряда промышленных предприятий...» – указывала газета⁵⁰. В частности, наметились осложнения с финансированием экономики регионов, не входивших в черту еврейской оседлости⁵¹. Особенно это касалось мест, где евреям, как, например, в Туркестанском крае, полностью было запрещено участие в предприятиях, а в «суммах банка могли оказаться и еврейские деньги»⁵². К тому же в провинции правительственный курс многократно усиливался «усердием не по разуму» (выражение газеты «Коммерсант») местных властей. Так, в Бахмутском уезде земским начальником была закрыта 51 угольная шахта («горловское дело») на том основании, что фактически они принадлежат «в большинстве евреям», а евреи «не имеют права аренды недр»⁵³.

21 июня 1914 г. депутация от Совета съездов промышленности и торговли встретила с председателем Совета министров И.Л. Горемыкиным. Цель – вручить главе правительства резолюцию VIII съезда промышленности и торговли «в той ее части, которая касается ограничения евреев в участии в акционерных предприятиях»⁵⁴. Горемыкин высказался, однако, в том духе, что положение «вовсе не так остро, как полагают промышленники», заметив, что «в отдельных случаях по отношению к акционерным компаниям будут, конечно, делаться исключения». В свою очередь представители торгово-промышленных кругов указывали, что «...случайными отступлениями не может быть облегчено общее тяжелое положение. Усиление внутреннего производства, которое теперь особенно необходимо, возможно только при отсутствии ограничений, и единственным условием для свободного развития производства представляется пересмотр ограничительных правил»⁵⁵. Консенсуса достичь не удалось...

С началом войны правительственная политика существенных изменений не претерпела⁵⁶, что особенно негативно проявилось в связи с перемещениями промышленности из прифронтовых областей. На экстренном заседании Самарской городской думы 7 августа 1915 г. указывалось: «...Тысячи переселенцев потянулись в центр России и будут у нас. Потянулись бы и многие заводы, но боятся, так как много

⁵⁰ Коммерсант (М.). 1914. 24 мая.

⁵¹ В черту еврейской оседлости, да и то с определенными исключениями, входили губернии: Бессарабская, Виленская, Витебская, Гродненская, Екатеринославская, Ковенская, Минская, Могилевская, Подольская, Полтавская, Херсонская, Черниговская, Киевская.

⁵² Сибирь (Иркутск). 1914. 3 апреля.

⁵³ Коммерсант (М.). 1914. 17 мая.

⁵⁴ Там же. 21 июня.

⁵⁵ Там же. 23 июня.

⁵⁶ См., напр.: К вопросу о временном устранении затруднений в акционерном деле // Там же. 1915. 24 октября.

владельцев их евреи, не имеющие права жительство за чертою их оседлости. Построив свои заводы в центре России, они после войны должны будут выехать из России, оставив свое достояние»⁵⁷. Неиспользование вывезенного из Польши и Западного края инвентаря отмечалось в Сибири. В интервью газете «Сибирская жизнь» один из руководителей Сибирского бюро, созданного в Петрограде крупными общественными деятелями специально для содействия торгово-промышленной жизни края, Е.Л. Зубачев среди причин прямо указал: «Большинство владельцев эвакуированных заводов – евреи, у которых нет твердого убеждения, что рано или поздно их не потревожат на местах нового устройства»⁵⁸.

Таким образом, правительственный курс тормозил привлечение внешних и внутренних средств непосредственно в производственную сферу страны, что вело к наращиванию государственных займов, реализуемых по экономическим параметрам крайне неэффективно, и содействовало зависимости от ввоза готовой продукции.

Страна, ввозившая не только станки и оборудование...

О нарастающей зависимости России от внешних поставок свидетельствовала структура ее внешнеторгового баланса. При общем увеличении объемов вывоза и ввоза доля последнего устойчиво возрастала, а экспорта сокращалась⁵⁹. Баланс начинал приобретать отрицательный характер. За период с 1 января по 22 апреля 1914 г., по данным газеты «Коммерсант», вывоз товаров из России составил 351 472 тыс. руб., тогда как ввоз – 403 544 тыс. руб.⁶⁰ Чем это могло обернуться и обернулось в условиях войны эмоционально выразила газета «Армейский вестник», которая писала в феврале 1917 г.: «Промышленность... перед войной не была в соответствии ни с величиной, ни с естественными богатствами обширнейшего в мире государства. Неотложные нужды военного времени ярко раскрыли, в какой тяжелой зависимости мы находимся от стран с высоко развитой промышленностью, куда полились миллиарды наших денег по расплатам за необходимые сделанные там заказы»⁶¹. При этом ситуация резко осложнилась тем, что с началом мирового конфликта оказалось заблокировано Балтийское море. А после вступления в войну Турции Россия, по образному выражению генерала Н.Н. Головина, «уподобилась заколоченному дому, в который можно было проникнуть только через дымовую трубу» – замерзающий порт Архангельска, не имевший к тому же хорошей

⁵⁷ Центральный государственный архив Самарской области (далее – ЦГАСО). Ф. 153. Оп. 36. Д. 1433. Л. 237.

⁵⁸ Сибирская жизнь (Томск). 1916. 4 мая.

⁵⁹ См.: Северный хозяин (Вологда). 1914. № 1. С. 17; Клаус Р. Война и народное хозяйство России (1914–1917 гг.) / пер. с нем. М. Заммеля. М.; Л., 1926. С. 88.

⁶⁰ Коммерсант (М.). 1914. 6 мая.

⁶¹ Армейский вестник (Б.м.). 1917. 4 февраля.

Статьи и сообщения

железнодорожной связи, и Владивосток, который «был удален от фронта более чем на 5 000 верст»⁶². Ввоз по европейской границе за первое полугодие 1915 г. сократился в сравнении с тем же периодом 1914 г. на 528 871 тыс. руб. или на 74,5%⁶³.

Именно сокращение ввоза отмечалось российскими экономистами как один из главных факторов торможения производства⁶⁴. Тем более что Россия вынуждена была ввозить не только готовую промышленную продукцию. В ее предвоенном импорте преобладали сырье и полуфабрикаты (см. *Таблицу 1*). Их доля в общем объеме составила в 1913 г. порядка 49,2% против 37,2% ввоза готовых изделий. Так, промышленность России не обходилась без привозного угля, значительная часть которого импортировалась из Англии и Германии⁶⁵. А это порождало уже целую цепочку зависимостей. В частности, возникали осложнения с производством чугуна, что опять же вынуждало ставить вопрос о его импорте⁶⁶.

Таблица 1

*Доля сырья и готовых изделий в общей сумме российского импорта в 1911–1913 гг.
(в млн руб.)⁶⁷*

Годы	Общая сумма ввоза	Сырье и полуфабрикаты	Готовые изделия
1911	1022,7	517,0	368,0
1912	1036,7	517,7	376,2
1913	1220,5	600,9	453,5

Причиной ситуации отчасти являлось давно подмеченное в литературе нерациональное размещение российской промышленности, когда многие производства располагались в значительном удалении от топливных и сырьевых

⁶² Головин Н.Н. Военные усилия России в мировой войне. Париж, 1939. Т. I. С. 62.

⁶³ Коммерсант (М.). 1915. 21 августа.

⁶⁴ См.: Минин А.А. Война, хозяйство и кооперация. М., 1915. С. 23; Туган-Барановский М.И. Влияние войны на народное хозяйство России, Англии и Германии // Вопросы мировой войны. Сб. статей. Пг., 1915. С. 302.

⁶⁵ В 1913 г. доля привозного угля в России составила 25,5%. Почти половина поставок приходилось на Англию, другая – на Германию и Австро-Венгрию. (Туган-Барановский М.И. Указ. соч. С. 303).

⁶⁶ См.: Коммерсант (М.). 1914. 21 января, 30 мая.

⁶⁷ Народное хозяйство в 1913 году. Пг., 1914. С. 455.

Статьи и сообщения

источников⁶⁸. Как следствие, становилось более выгодным закупать тот же уголь за границей, нежели доставлять его из Донецкого бассейна. Не последнюю роль играла, однако, и политика государства, стремившегося к усилению казенного начала в экономической жизни и ограничивающего частника в освоении ресурсов, что обычно мотивировалось тем, что предприниматели «вздувают цены» и «неисправно выполняют заказы». При этом государство, не обладая достаточными возможностями, нередко оставляло освоение месторождений «до лучших времен», как, например, уголь в бассейне реки Чихой в Забайкалье, который был признан пригодным для нужд казенных дорог и закрыт для частных разработок. «Но, не считая возможным эксплуатировать этот уголь за отсутствием сообщения с существующей сетью и, считая неудобной и невыгодной постройку к реке подъездного пути от Забайкальской дороги, министерство признало нужным повременить, пока не будет сооружена Кяхтинская железная дорога, от которой постройка ветки к Чихой не представляет затруднений»⁶⁹.

При этом топливно-сырьевой дефицит содействовал консервации исторически изживших себя технологий, что наблюдалось, например, на Урале. Выплавка чугуна здесь велась на древесном топливе, что делало производство затратным и малопродуктивным – для выплавки 15 пудов чугуна требовалось не менее 1 дес. (1 десятина = 1,09 га) леса⁷⁰. И уральские заводы, как известно, по производительности далеко отставали от южнорусских, работавших на коксе⁷¹. Обследовавшая металлургическую промышленность Урала в 1915 г. специальная комиссия признала «малую приспособляемость заводов по увеличению производства, благодаря древесному топливу»⁷². Что, собственно, вновь подтвердил и состоявшийся в конце 1916 г. Совет съезда уральских горнопромышленников⁷³.

Недостача топлива и сырья тормозила работу предприятий и мешала мобилизации промышленности на нужды обороны. Самарский военно-промышленный комитет, к примеру, отказался принять заказ на изготовление взрывателей к минам. Хотя технические условия принадлежавшего комитету завода

⁶⁸ См., напр.: *Маевский И.В.* Экономика русской промышленности в условиях Первой мировой войны. М., 1957. С. 14-17; *Сидоров А.Л., Бовыкин В.И., Волобуев П.В.* Экономические и социальные проблемы Первой мировой войны // Первая мировая война. 1914–1918. М., 1968. С. 184-185; *Шигалин Г.И.* Военная экономика в первую мировую войну. М., 1956. (Гл. 6. 2). URL: http://militera.lib.ru/research/shigalin_gi/index.html

⁶⁹ Коммерсант (М.). 1914. 13 мая.

⁷⁰ Там же. 24 июня.

⁷¹ На VIII съезде представителей промышленности и торговли указывалось, что печи Урала имеют на древесном топливе производительность максимум в 600 тыс. пудов в год, тогда как печи на Юге дают по 5 млн пудов чугуна. (Журналы VIII съезда. С. 112).

⁷² Коммерсант (М.). 1915. 2 октября.

⁷³ Там же. 1916. 3 декабря.

Статьи и сообщения

«Муравей» были вполне достаточны, дело упиралось в «отсутствие необходимых сырых материалов». К тому же недостаток антрацита, кокса, чугуна ставил под угрозу исполнение уже ранее принятых военных заказов⁷⁴. Крупнейшее оборонное предприятие Российской империи Самарский трубочный завод остро нуждался и зависел от поставок алюминия, цинка, меди из Англии, Франции, Норвегии, США и в значительной мере из Японии⁷⁵.

Вопрос топливно-сырьевого снабжения даже непосредственно военных предприятий так и остался до конца не разрешенным. В частности, обеспечение медью за годы войны удалось довести (и за счет импорта, и за счет наращивания собственного производства) до объема чуть более половины потребного для производства снарядов и винтовочных патронов⁷⁶. Сырьевые осложнения испытывали даже те отрасли, которые были связаны с аграрным сектором.

Лапти вместо сапог...

Проведенное в январе 1914 г. газетой «Коммерсант» анкетирование выявило проблемную ситуацию с шерстью: «Если истекший год еще не породил "шерстяного голода", то нужно все-таки отметить, что мы идем к нему и придем, если своевременно не будут приняты меры»⁷⁷. Для обеспечения производства Россия вынуждена была ввозить порядка 3 млн пудов овечьей шерсти⁷⁸. Хлопчатобумажная промышленность, оцениваемая как наиболее развитая и стабильная, работала не только на привозном оборудовании⁷⁹, но и на привозном сырье⁸⁰. Проект оросительной сети в Туркестане, необходимой для развития собственного производства хлопка, к лету 1914 г. «...заглох настолько, что, кажется, правительство совсем вычеркнуло этот вопрос из программы ближайших экономических мероприятий»⁸¹. Орошено было не более 37 тыс. десятин новых земель. Тогда как для полного удовлетворения российской промышленности в собственном хлопке их площадь должна была вырасти порядка до 3 млн десятин⁸². Не хватало сырья для кожевенной промышленности. По оценке правительственных экспертов, данной в феврале 1914 г. на заседании таможенной комиссии, «нужда в кожевенном сырье в

⁷⁴ Волжский день (Самара). 1915. 7 октября.

⁷⁵ ЦГАСО. Ф. 701. Оп. 1. Д. 888а. Л. 98 об., 104, 151, 383, 387-393.

⁷⁶ Попов Г.Г. Указ. соч. С. 104.

⁷⁷ Коммерсант (М.). 1914. 2 января.

⁷⁸ Бруцкус Б.Д. Экономия сельского хозяйства. Народно-хозяйственные основы. Пг., 1924. С. 162.

⁷⁹ «За последние два года по заграничным данным доставлено в Россию ткацких машин Англией и Германией на 41 млн руб.» (Коммерсант (М.). 1914. 25 февраля).

⁸⁰ Там же. 14 апреля.

⁸¹ Там же. 1 мая.

⁸² Бруцкус Б.Д. Указ. соч. С. 177-178.

России так велика, что если бы использовать сразу весь скот, имеющийся в России, то для всего населения не хватило бы и по паре сапог на человека»⁸³. Отечественный аграрный сектор даже в условиях мирного времени как минимум недостаточно справлялся с задачей обеспечения сырьевыми ресурсами промышленных отраслей. В записке, представленной правительству Советом съездов представителей промышленности и торговли 12 июля 1914 г., указывалось: «Вместе с тем обнаружилось, что не только в промышленной области, но и в производстве сырья, поставщиком которого является, главным образом, сельское хозяйство, наблюдается недостаток...»⁸⁴ С началом войны ситуация приобрела критический характер.

А.Н. Наумов, бывший Самарским губернским предводителем дворянства, вспоминал: «С поздней осени 1914 года к нам с фронта стали поступать невеселые письма солдатиков – уроженцев Самарской губернии, а также принадлежавших к тем войсковым частям, которые до войны стояли в городе Самаре. Судя по их сообщениям, с каждым днем, по мере приближения сурового зимнего времени, положение их на позициях становилось все тяжелее и вызывало с их стороны ряд жалоб на недостаток теплой одежды, обуви, белья и пр.»⁸⁵ Верховный главнокомандующий великий князь Николай Николаевич сетовал, что его вынуждает к остановке военных действий не только отсутствие снарядов, но и недостача сапог⁸⁶. На фронте стали проявляться пораженческие настроения. Начальник генерального штаба генерал Н.Н. Янушкевич писал 6 декабря 1914 г. военному министру В.А. Сухомлинову: «Много людей без сапог отмораживают ноги, без полушубков или телогреек начинают сильно простуживаться. В результате там, где перебиты офицеры, начались массовые сдачи в плен, иногда по инициативе прапорщиков... Казаков, отбивших атакой 500 пленных, последние изругали: "Кто вас, ироды, просил: опять голодать и мерзнуть не желаем"»⁸⁷.

Власти приступили к реквизициям имевшихся в регионах сырьевых запасов. Командующий войсками Казанского военного округа телеграммой от 5 февраля 1915 г. объявил реквизицию в пределах Самарской губернии сапожного товара, годного для шитья солдатских сапог. Нарушителям грозило тюремное заключение от трех месяцев или штраф до 3 тыс. руб.⁸⁸ Поскольку кожи не хватало, то в апреле последовало распоряжение о реквизиции брезента, «годного для сапог по установленному 15 марта сего года описанию шитья их с соблюдением правил

⁸³ Коммерсант (М.). 1914. 22 февраля.

⁸⁴ Россия накануне Первой мировой войны. (Статистико-документальный справочник). М., 2008. С. 24.

⁸⁵ Наумов А.Н. Из уцелевших воспоминаний. 1868–1917. Нью-Йорк, 1955. Кн. II. С. 273–274.

⁸⁶ Родзянко М.В. Крушение империи // Архив русской революции. М., 1993. Кн. 9. Т. 17. С. 85, 86; Бонч-Бруевич М.Д. Вся власть Советам. Воспоминания. М., 1957. С. 61.

⁸⁷ Переписка В.А. Сухомлинова с Н.Н. Янушкевичем // Красный архив. М., 1922. Т. 2. С. 144.

⁸⁸ ЦГАСО. Ф. 468. Оп. 1. Д. 2018. Л. 3.

высочайшего указа 8 декабря 1914 г.»⁸⁹ Проведенное, однако, в начале сентября обследование фабрики механической обуви в Самаре показало, что фабрика способна производить до 500 пар сапог ежедневно, а при расширении – до 1 тыс. пар, «но для достижения этого не имеется материалов»⁹⁰.

Дефицит сырья стал общеимперским фактором торможения обувного производства. «Заводчики указывают, что производство готового товара могло бы быть значительно увеличено, тем более, что в дубильных материалах заводы теперь не испытывают нужды, но препятствием в настоящее время служит недостаток кожевенного сырья»⁹¹. Не только сельское, но и городское население стало переобуваться в лапти. В периодической печати сообщалось, что в городах «лапти уже начали входить в моду и прививаться среди граждан»⁹², что «в деревню все чаще стали посылать дамы из состоятельного круга заказы лаптей на целые семьи»⁹³. «Мода на лапти» распространилась и на армию, для которой было заготовлено за годы войны 3,5 млн пар лаптей⁹⁴.

Аналогично обстояло дело и с прочими ресурсами. Так, прядильные фабрики империи по причине «невозможности получить заграничную шерсть» уже к началу 1915 г. снизили производительность до 50-60%⁹⁵. В июне 1915 г. начались остановки суконных фабрик в Московском регионе. «Запасы старой шерсти уже исчерпаны, новая же шерсть задерживается отчасти войсками, отчасти на железных дорогах»⁹⁶. Следовательно, проблемы коренились не только в дефиците сырья, но и в его транспортировке.

Железнодорожный транспорт

В современной литературе встречаются неоднозначные оценки состояния железнодорожного транспорта и его роли в возникновении кризисных явлений. По мнению, например, М.В. Оськина, именно в транспортном звене произошел решающий сбой, когда «...гигантские воинские перевозки, проводившиеся во имя подготовки к наступлению, окончательно надорвали русский транспорт, вызвав продовольственный кризис зимы 1917 года»⁹⁷. Иначе смотрит на ситуацию

⁸⁹ Волжское слово (Самара). 1915. 8 апреля.

⁹⁰ Там же. 5 сентября.

⁹¹ Коммерсант (М.). 1916. 5 июля.

⁹² В дни войны (Воронеж). 1916. № 1. С. 42.

⁹³ Армейский вестник (Б.м.). 1916. 31 мая.

⁹⁴ Шигалин Г.И. Указ. соч. (Гл. 9). URL: http://militera.lib.ru/research/shigalin_gi/index.html

⁹⁵ Коммерсант (М.). 1915. 7 января.

⁹⁶ Там же. 17 июня.

⁹⁷ Оськин М.В. Проблема резерва для генерального наступления русской армии в 1917 г. // Вопросы истории. 2011. № 8. С. 146.

Статьи и сообщения

С.А. Нефедов, утверждающий, что положение на железных дорогах до февраля 1917 г. было вполне удовлетворительным и «техногенный фактор» не играл существенной роли. Резкое ухудшение наступило уже после Февральской революции⁹⁸. Материалы прессы позволяют, однако, вести речь о расстройстве железнодорожного транспорта еще в довоенный период. 15 января 1914 г. «Коммерсант» писала о грозящем Москве топливном кризисе: «Небывалая задержка железными дорогами (с ноября прошлого года по настоящее время) в подаче вагонов под грузку дров грозит Москве дровяным голодом. Про цены нечего уже и говорить, так как дров почти нет – нет и привоза»⁹⁹.

Недоставало подвижного состава. По приведенным в апреле 1914 г. «Коммерсантом» данным не хватало не менее 124 тыс. вагонов¹⁰⁰. Газета как в воду глядела, когда писала: «Наш подвижной состав оказывается не в состоянии благополучно справляться не только с форсированным, но даже с нормальным количеством грузов. А что получилось бы, если б от железных дорог потребовалось еще большее напряжение в таком, например, форс-мажоре, как передвижение войск?»¹⁰¹

Трудно признать оптимально развитой и существовавшую сеть железных дорог, страдавших к тому же низкой пропускной способностью. На заседании комитета Совета съездов представителей промышленности и торговли в марте 1914 г., где обсуждалось состояние угольного рынка, отмечалось, что увеличение добычи «...встречает существенные и непреодолимые препятствия вследствие неподготовленности железнодорожной сети к вывозу столь значительного количества грузов. ...Некоторые дороги, как показывают цифровые данные, достигли уже своего высшего предела пропускной способности»¹⁰².

Плохо были организованы подъездные пути. Примером может служить ситуация с вывозом нефти по Владикавказской железной дороге, где каждый летний сезон возникала одна и та же проблема: «...В июне месяце по железной дороге из Петровска на север пойдет масса вагонов с сельдью и отправка со станции Грозный нефтяных продуктов опять будет сокращена наполовину. Для того, чтобы раз навсегда устранить все кризисы с вывозкой нефти со станции Грозный необходимо устройство подъездной ветки облегченного типа, длиной 15 верст, от станции Грозный к старым промыслам»¹⁰³.

⁹⁸ Нефедов С.А. История России. Факторный анализ. М., 2010. Т. II. С. 557.

⁹⁹ Коммерсант (М.). 1914. 15 января.

¹⁰⁰ Там же. 21 апреля.

¹⁰¹ Там же. 19 февраля.

¹⁰² Там же. 28 марта.

¹⁰³ Там же. 4 июня.

Статьи и сообщения

Узким местом являлось и хранение грузов. В январе 1914 г. «Коммерсант» сообщала, что в Сибири «станции отказывают в принятии ввозимого хлеба за неимением помещений, приспособленных для хранения зерновых продуктов»¹⁰⁴. Осмысленная ситуация в целом, газета писала: «...Каждую осень хлебные торговцы и экспортеры стонут от образования хлебных залежей; элеваторы не могут вместить всего количества хлеба, назначенного к перевозке; хлебопромышленность терпит огромные убытки от несвоевременной доставки хлеба»¹⁰⁵. Особенно остро проблема стояла в отношении скоропортящейся продукции. Нужда имела не только в стационарных холодильных хранилищах, не отвечали существующим запросам и используемые для перевозки подобной продукции вагоны-ледники. Биржевые комитеты Сибири среди основных причин порчи масла в пути указывали неудовлетворительную их набивку льдом и отсутствие устойчивого температурного режима¹⁰⁶. Необходимы были специальные вагоны-холодильники, разработка и апробация которых только начиналась¹⁰⁷.

Утверждать, что эти моменты не привлекали внимания правительственных кругов, значило бы отступить от истины. Была намечена перспективная программа развития железнодорожного транспорта. В течение 4-5 лет предполагалось построить свыше 30 тыс. верст (1 верста = 1,0668 км, следовательно, свыше 32 тыс. км) новых рельсовых путей¹⁰⁸. Для сравнения можно указать, что за период с 1909 по 1913 г. протяженность железных дорог выросла с 62 662 до 65 119 верст, т.е. всего на 2 457 верст¹⁰⁹. Таким образом, в случае реализации проекта протяженность железнодорожной сети должна была увеличиться почти на 50% в сравнении с 1913 г. Предусматривалось основательное пополнение подвижного состава, обеспечивающего грузовые перевозки. В течение трех лет (с 1915 по 1917 г.) министерство путей сообщения намечало заказать свыше 2 800 товарных (усиленного типа) паровозов и 77 тыс. товарных вагонов¹¹⁰. Но пока вопрос недостачи вагонов и повышения пропускной способности дорог пытались решить за счет увеличения нормативов весовой загрузки вагонов. Данному вопросу «Коммерсант» посвятила отдельную статью, указывая, что это уже третье по счету повышение: «сначала предельным весом считалось 750 пудов; затем повысили до

¹⁰⁴ Коммерсант (М.). 1914. 7 января.

¹⁰⁵ Там же. 19 февраля.

¹⁰⁶ Там же. 23 мая.

¹⁰⁷ Там же. 25 июня.

¹⁰⁸ Там же. 11 января, 5 февраля.

¹⁰⁹ Доклад Совета Съездов о современном положении промышленности и торговли и видах на будущее в связи с предпринимательской деятельностью казны. [VIII очередной съезд представителей промышленности и торговли]. СПб., 1914. С. 94.

¹¹⁰ Подсчитано автором по: Коммерсант (М.). 1914. 1 июля.

900 пудов; потом до 1 000 пудов». К июню 1914 г. предельный вес был поднят до 1 200 пудов. «Приходит к товарному вагону маляр, замазывает черной краской цифру и пишет новую. И вес повысился. Никакого усиления частей вагонов при этом не производится; сроки ремонтов остаются те же, что и при первоначальном весе в 750 пудов, хотя, с последним повышением, вес увеличился против первоначального на 60 процентов»¹¹¹. И неспециалисту ясно, что такое «решение проблемы» усиливало износ подвижного состава, а учитывая, что сроки ремонта не изменились, повышало еще и аварийность.

Факты позволяют утверждать, что к военному рубежу Россия подошла уже при существующем транспортном кризисе и практически при исчерпанных резервах его смягчения. С началом войны значительная доля подвижного состава была изъята под военные перевозки¹¹², что еще более усугубило ситуацию. По оценке бывшего главы экономического департамента министерства иностранных дел Временного правительства Н.Н. Нордмана, «война возложила на российские железные дороги бремя, которое они были не в состоянии вынести»¹¹³.

Взять хотя бы все более обострявшуюся в ходе войны топливную проблему. «Говорить в настоящее время об абсолютном недостатке угля в стране не приходится. У многих предприятий Донецкого бассейна скопились большие запасы не вывезенного угля, которые достигают 80 млн пуд. на одной лишь поверхности, не считая запасов в шахтах... Главная причина того, что имеющиеся запасы топлива не получают надлежащего потребления, состоит в расстройстве железнодорожных перевозок»¹¹⁴. В мае 1916 г. пресса сообщала, что «...в рудниках Донецкого бассейна образовались свободные запасы топлива в сто миллионов пудов»¹¹⁵. Проанализировав в декабре 1916 г. соотношение добычи и вывоза угля, «Коммерсант» констатировала: «Если угольные перевозки в 1917 году будут проходить в одинаковых условиях с настоящим и если программа производства будет выполнена полностью, то на коях Донецкого бассейна будут накапливаться запасы, которые достигнут к 1918 году 400 млн пудов»¹¹⁶.

Невывоз заставлял сокращать добычу. В свою очередь предприятия, не получая требуемое сырье и топливо, также сокращали, а то и вовсе останавливали производство. Прошедшие на Московской бирже в конце 1916 г. совещания

¹¹¹ Коммерсант (М.). 1914. 17 июня.

¹¹² По данным, прозвучавшим на заседании экономического совета Союза городов (сентябрь 1915 г.), уменьшение подвижного состава в силу занятости под перевозку военных грузов и раненых составило 50%. (Там же. 1915. 30 сентября).

¹¹³ Nordman N. Peace Problems: Russia's Economics. L., 1919. P. 76.

¹¹⁴ Коммерсант (М.). 1915. 3 октября.

¹¹⁵ Армейский вестник (Б.м.). 1916. 5 мая.

¹¹⁶ Коммерсант (М.). 1916. 30 декабря.

отметили колоссальную нужду в топливе, «следствием чего производительность многих фабрик и заводов значительно сократилась»¹¹⁷. Показательно сообщение из Владивостока: «Остро чувствуется недостаток угля. Несмотря на близость каменноугольных рудников, отстоящих всего только в 50-80-ти верстах, подвоз угля из-за отсутствия вагонов прекращен. Останавливаются мельницы»¹¹⁸.

В начале 1916 г. задержки грузов на железных дорогах достигали 150 тыс. вагонов, из них 50 тыс. относились к категории внеочередных, т.е. военных и продовольственных¹¹⁹. Намеченные накануне войны мероприятия по развитию железнодорожной сети реализованы не были¹²⁰. Пропускная способность многих направлений, согласно официальным данным на август 1916 г., была на 20-40% менее потребного¹²¹. На местах все чаще прибегали к перевозкам жизненно значимых грузов (и промышленных, и продовольственных) гужевым транспортом, причем на значительные расстояния. Как пример можно упомянуть проект, рассматриваемый Тифлисской городской управой, по доставке масла из Западной Сибири. «Масло должно было доставляться на санях, а затем колесным путем до берега Каспийского моря, и по морю в Баку». Проект оказался не реализован лишь по причине того, что вывоз масла из Сибири не был разрешен властями¹²². Но и гужевые грузоперевозки были осложнены отсутствием шоссейных дорог.

Как добраться в пункт «А», или Российское бездорожье

Освещая итоги проходившего в январе 1914 г. совещания по вопросу о шоссейных дорогах, «Коммерсант» отмечала, что Россия «имеет ничтожную сеть шоссейных дорог», но «зато мы оказались богатыми "проселочными" дорогами – достоинство которых оценивается только личным опытом»¹²³. В Европейской России доля мощных дорог составляла 4,7%, а в Сибири их просто не существовало¹²⁴. Это порождало осложнения для экономической жизни и топливно-продовольственного снабжения городов еще в условиях мирного времени. Вот некоторые газетные

¹¹⁷ Коммерсант (М.). 1916. 12 декабря.

¹¹⁸ Там же. 20 декабря.

¹¹⁹ *Благих И.А., Высоцкий А.Е.* Совет съездов представителей торговли и промышленности о кризисе железнодорожного хозяйства России. Май 1913 г. // Проблемы современной экономики. 2009. № 4 (32). URL: <http://www.m-economy.ru/art.php?nArtId=2930>; *Обухов Н.П.* Экономический кризис в России в годы Первой мировой войны // Финансовый журнал. 2009. № 2. С. 171.

¹²⁰ В 1916 г. протяженность железных дорог была доведена до 73 тыс. верст. (*Воронкова С.В.* Указ. соч. С. 63). В сравнении с 1913 г. прирост составил менее 8 тыс. верст, т.е. довоенная программа железнодорожного строительства была реализована приблизительно на 25%.

¹²¹ Коммерсант (М.). 1916. 8 августа.

¹²² Сибирская жизнь (Томск). 1917. 15 января.

¹²³ Коммерсант (М.). 1914. 30 января.

¹²⁴ История России. XX век: 1894–1939. М., 2010. С. 231.

Статьи и сообщения

сообщения из разных регионов России периода февраля-марта 1914 г. В Ярославле: «Продолжающая стоять теплая погода, создавшая бездорожье, совершенно остановила торговлю, как оптовую, так и розничную»¹²⁵. В Двинске: «Февраль и середина марта отличались непостоянством погоды. Сильные дожди сменились снегом, а подчас и морозами. На две недели прекратился подвоз лесных и молочных продуктов из окрестностей. В торговле произошел необыкновенный застой»¹²⁶. В Елисаветграде: «Тревогу вызывает систематическое бездорожье, благодаря чему нет подвоза хлеба; слабы поступления от крестьян»¹²⁷. Затруднения возникали даже в столичных центрах. 20 марта 1914 г. «Коммерсант» отмечала, что в Москве подвозы хлеба «за отсутствием дорог» совершенно прекратились, «наличных запасов хлебных товаров в Москве в настоящее время немного»¹²⁸.

В годы войны бездорожье явилось одним из серьезнейших факторов продовольственного дефицита и спекуляции. Как сообщалось в одной из газетных заметок из поселка Каргат Омской железной дороги, «у каргатских торговцев внезапно реквизировано до 37 тысяч пудов мяса, скупленного ими в разное время у приезжих крестьян. Несомненно, что мясоторговцы, имея такие большие запасы мяса, надеялись поспекулировать с ним при наступлении весеннего бездорожья, когда прекратится всякий подвоз в поселок крестьянских продуктов»¹²⁹.

Предполагалось, что значительную долю нагрузки должен принять на себя речной транспорт. Так, в телеграмме, направленной из Петрограда самарскому губернатору 11 января 1915 г., прямо определялась задача: «В виду перегруженности железнодорожной сети необходимо [с] наступлением навигации возможно шире использовать водные пути»¹³⁰. Но и здесь себя проявляли нерешенные к началу войны вопросы оптимизации и развития речного судоходства.

«Волга угрожает судовладельцам...»

На проходившем в начале февраля 1914 г. съезде по вопросу о водных путях было отмечено, что из имеющихся в России 270 тыс. верст водных путей «изучены и описаны лишь реки Европейской России». Из сибирских рек «описаны только Обь и Енисей»¹³¹. При этом проблемой той же Оби являлись скалистые выступы дна, затрудняющие подход судов к пристаням. Для расчистки реки требовались

¹²⁵ Коммерсант (М.). 1914. 17 февраля.

¹²⁶ Там же. 27 марта.

¹²⁷ Там же. 1 апреля.

¹²⁸ Там же. 20 марта.

¹²⁹ Сибирская жизнь (Томск). 1916. 5 апреля.

¹³⁰ ЦГАСО. Ф. 5. Оп. 9. Д. 872. Л. 8.

¹³¹ Коммерсант (М.). 1914. 3 февраля.

масштабные работы, включая взрывные¹³².

В Европейской России бичом являлось летнее обмеление, которое уже в июне затрудняло, а то и прекращало движение судов. Шлюзовые системы были развиты недостаточно и находились к началу войны в изношенном состоянии. «Задержки на москворецком водном пути вещь почти ежегодная. Шлюзовая система, существующая почти сорок лет, уже не удовлетворяет современным условиям судоходства, шлюзы приходят в ветхость, и ремонт их каждый год отнимает все больше и больше времени»¹³³.

Обмеление являлось проблемой даже для такой крупнейшей речной артерии, как Волга. 20 мая 1914 г. «Коммерсант» опубликовала обширную статью, посвященную волжскому судоходству, где говорилось: «Дешевый и удобный транспортный путь, пересекающий чуть ли не всю Россию, совершенно обесценивается ежегодными хроническими мелководьями, делающими подчас прямо невозможным правильное рейсирование на реке»¹³⁴. В конце июня «Коммерсант» проинформировала об угрозе остановки движения на верхней Волге: «Положение судоходства на тверском плесе р. Волги с каждым днем ухудшается ввиду крайнего мелководья... Пароходы вынуждены грузиться только на палубе, беря на себя максимум 1 000 пуд. груза вместо обычных 2 500–3 000 пуд. Не проходит дня, чтобы пассажирские пароходы общества "Самолет" не садились на мель или не "спотыкались" на перекатах...»¹³⁵

Все это так и осталось больным местом. Оценивая в декабре 1915 г. ситуацию с речным транспортом, «Коммерсант» констатировала, что хотя и были разработаны проекты, которые должны были упорядочить обширные речные системы, но «до сих пор и сотая доля проектированных мер не проведена в жизнь»¹³⁶. Речной транспорт не сумел снизить давление (хотя бы в летнее время), оказываемое на железные дороги возросшими грузоперевозками и образовавшимися в связи с войной миграционными потоками.

Таким образом, даже частичный срез экономической ситуации позволяет утверждать, что к военному рубежу Россия подошла с грузом серьезных промышленно-транспортных проблем, которым предстояло критически проявить себя в условиях масштабного военного конфликта. Мобилизационные ресурсы ее промышленности и транспорта были явно недостаточны, чтобы оперативно и адекватно реагировать на резко возрастающие запросы. Экономика носила

¹³² Сибирская жизнь (Томск). 1914. 12 января.

¹³³ Коммерсант (М.). 1914. 10 мая.

¹³⁴ Там же. 20 мая.

¹³⁵ Там же. 24 июня.

¹³⁶ Там же. 1915. 1 декабря.

Статьи и сообщения

разбалансированный характер, когда многие производства, причем важнейшего военного значения, необходимо было создавать с нулевого цикла.

Недостатки промышленности, слабое освоение сырьевых ресурсов, сочетаемое с нерациональным размещением важнейших промышленных предприятий, далеко отстоящих от жизненно необходимых им источников сырья и топлива, рождали зависимость от внешних поставок, которые серьезно осложнились в связи с начавшейся войной. Негативным процессам немало поспособствовала не всегда продуманная правительственная политика, направленная на ограничение частнопредпринимательской инициативы.

Все это формировало ситуацию, которая не могла не проявиться непосредственно в ходе войны. Причем многие из проблем было не просто затруднительно, но практически невозможно решить в военных условиях. В связи с начавшейся 18 июля 1914 г. мобилизацией газета «Коммерсант» писала: «Наша промышленность, наша торговля накануне тяжелого и страшного по своим последствиям краха. Взгляните на наши отчеты о состоянии отдельных отраслей промышленности... и вы увидите, что русской торговле и промышленности этого краха не перенести»¹³⁷. Замечание оказалось в значительной степени пророческим.

¹³⁷ Коммерсант (М.). 1914. 18 июля.

Сенин Александр Сергеевич

доктор исторических наук

Российский государственный гуманитарный университет

ОРГАНИЗАЦИЯ СНАБЖЕНИЯ РУССКОЙ АРМИИ ВООРУЖЕНИЕМ И БОЕПРИПАСАМИ В ГОДЫ ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ

В XIX в. Российская империя провела в войнах 68 лет, но ни одна из войн не потребовала перевода отечественной промышленности, всей экономики на военный лад. Однако к концу столетия целый ряд отечественных специалистов, анализируя военные конфликты и развитие военной экономики, стали высказывать мысль, что войны XX века будут совсем иными по интенсивности и масштабу воздействия на народное хозяйство. Одним из первых на это указал видный военный теоретик генерал-лейтенант Г.А. Леер, который в своем знаменитом исследовании «Стратегия» подчеркнул возрастающую роль железных дорог в военном деле, особенно в период мобилизации войск¹. Экономист и статистик И.С. Блюх в 1898 г. издал пятитомный труд под названием «Будущая война в техническом, экономическом и политическом отношениях», четвертый том которого был полностью посвящен экономическим проблемам будущих войн². Для Блюха не было сомнений, что будущая война будет общеевропейской. Он предсказывал, что впервые в армии будут призваны люди занятые в производстве, и не только старослужащие солдаты. Уже это отрицательно скажется на экономике. На войну потребуются колоссальные средства. Некоторые государства просто не выдержат военного бремени. Блюх прогнозировал спад фабрично-заводского производства вследствие падения спроса из-за мобилизации в армию, неизбежных проблем с импортом сырья и перевозками по железным дорогам империи. По его мнению, в

¹ См.: Леер Г.А. Стратегия. (Тактика театра военных действий). СПб., 1887. Ч. II. С. 108-135.

² Блюх И.С. Будущая война в техническом, экономическом и политическом отношениях. СПб., 1898. Т. IV.

некоторых отраслях производство сократится в разы, «а в иных даже и совсем приостановится».

Почти одновременно опубликовал свою книгу «Война и народное хозяйство» подполковник Генерального штаба А.А. Гулевич. Он первый высказал мысль о необходимости в новых условиях ведения военных действий установить тесную связь фронта и тыла. Гулевич писал: «Подобно тому, как на случай войны разрабатываются планы мобилизации и сосредоточения армий и планы обеспечения их всеми необходимыми видами довольствия, должен быть заблаговременно разработан и план экономических предприятий»³. Это еще не план экономической мобилизации, а несколько шагов к улучшению работы заводов, производящих оружие и боеприпасы.

Генерал от инфантерии Н.П. Михневич в книге «Основы стратегии» высказал предположение, что судьба грядущей войны в Европе будет решаться истощением духовных и материальных сил и средств одной из сторон. «Вследствие слабости обрабатывающей промышленности, – писал Михневич, – нам необходима заблаговременная заготовка в широких размерах всякого рода боевых и иных припасов для армии, а также возможное развитие железнодорожной сети внутри страны». Он предложил разработать план мероприятий по снабжению всем необходимым населения страны. Однако Михневич считал, что война с участием многомиллионных армий не может быть продолжительной. Близкой была позиция военного теоретика А.А. Незнамова. В книге «План войны» он обратил внимание на то, что железные дороги создали условия для быстрого перехода армий на военное положение и их сосредоточения на предполагаемом театре военных действий. Поэтому военное ведомство обязано определять степень технического оборудования наиболее важных в военном отношении дорог, их пропускную способность. «"Обычное" в нашей повседневной жизни опаздывание поездов, отправление команд без аттестатов, переписка и задержка исполнения из-за неоговоренного красными чернилами исправления или из-за отсутствия печати... и т.п. – все симптомы застарелого недуга, который требует неотложного, систематического и "энергичного" лечения, – подчеркнул Незнамов, – иначе он способен в минуты, когда нужно особенное напряжение, вызвать паралич». По его словам, «все так называемые принципы и принципиальные меры на войне должны подчиняться высшему общему закону – целесообразности»⁴.

В 20-30-е годы прошедшего века наиболее подробно вопросы боевого снабжения армии нашли отражение в книгах военного историка Н.Н. Головина. Его

³ Гулевич А.А. Война и народное хозяйство. СПб., 1898. С. 188.

⁴ Михневич Н. Основы стратегии // Русская военно-теоретическая мысль XIX и начала XX веков. М., 1960. С. 461; Незнамов А. План войны // Там же. С. 676, 685-687.

Статьи и сообщения

свидетельства и оценки тем ценнее, что он сам был участником и свидетелем описываемых им событий, поскольку в годы войны командовал лейб-гвардии Гродненским гусарским полком, был исполняющим должность начальника штаба 7-й армии, а с апреля 1917 г. – исполняющим должность начальника штаба главнокомандующего армиями Румынского фронта. Его работы не потеряли актуальности и в начале XXI в. были переизданы в России⁵. В послевоенные десятилетия в СССР были опубликованы фундаментальные монографические исследования Л.Г. Бескровного и А.Л. Сидорова, в которых был рассмотрен сложный комплекс проблем, связанных с вопросами снабжения русской армии и флота⁶. В постсоветский период исследование проблем вооружения и снабжения действующей армии было продолжено. В книге Т.М. Китаниной особое внимание было обращено на деятельность Особого совещания по снабжению армии и Особого совещания по обороне государства⁷. П.А. Кюнг посвятил свое исследование роли военно-промышленных комитетов в мобилизации промышленности на военный лад⁸. Однако создание целостной картины снабжения русской армии и флота еще потребует немало усилий историков. Задача же данной статьи – привлечь внимание к этой проблеме.

Военное руководство России осознавало, что подготовка страны к войне отстает от аналогичных мероприятий в сопредельных европейских странах. Осенью 1912 г. по требованию военного министра В.А. Сухомлинова главные управления министерства подсчитали свои запасы и сделали неутешительные выводы. Только продовольственные, интендантские, санитарные запасы и простейшие виды инженерного имущества имелись почти в полном наличии. Считалось, что армия в достатке снабжена также винтовками, револьверами и патронами. Гораздо хуже обстояло дело с артиллерией. Не хватало почти половины мортир, совсем не было тяжелых орудий новых типов, а старые пушки образца 1877 г. предполагалось заменить лишь к концу 1914 г. Перевооружение же крепостной артиллерии планировалось завершить лишь к 1916 г.⁹

10 июля 1913 г. Николай II утвердил «Малую программу», по которой за 5 лет (1913–1917 гг.) предполагалось истратить 122,5 млн руб. на развитие артиллерии и

⁵ Головин Н.Н. Военные усилия России в мировой войне. М., 2001; *его же*. Россия в Первой мировой войне. М., 2014.

⁶ Бескровный Л.Г. Армия и флот России в начале XX в. Очерки военно-экономического потенциала. М., 1986; Сидоров А.Л. Экономическое положение России в годы первой мировой войны. М., 1973.

⁷ Китанина Т.М. Россия в первой мировой войне. СПб., 2003. Ч. 1.

⁸ Кюнг П.А. Мобилизация экономики и частный бизнес в России в годы Первой мировой войны. М., 2012.

⁹ Шаццлло К.Ф. Последние военные программы Российской империи // Вопросы истории. 1991. № 7-8. С. 230.

приобретение боезапаса к ней. Одновременно в Главном управлении Генерального штаба разрабатывалась «Большая программа по усилению армии». В конце октября 1913 г. царь одобрил и ее, наложив резолюцию: «Мероприятие это провести в особо спешном порядке». Во всеподданнейшем докладе по Военному министерству отмечалось, что «проведение мероприятий, предусмотренных большой программой усиления армии, предполагается закончить в 1917 году»¹⁰. Программа требовала на развитие вооружений и другие расходы 433 млн руб., но так как часть средств уже была отпущена по «Малой программе», то эта сумма не смутила депутатов Государственной думы и Государственного совета и возражений от них не последовало. Тогда Николай II наложил на «Большой программе» резолюцию «Быть по сему». Произошло это 22 июня 1914 г.¹¹ До начала войны оставалось немногим более трех недель...

Помимо нехватки времени серьезной ошибкой стали представления о масштабах будущей войны. Потребности в вооружении и боеприпасах определялись из опыта прежних войн, и прежде всего русско-японской 1904–1905 гг. Когда эти нормы были выполнены, военное производство было практически законсервировано. Так, по свидетельству начальника Главного артиллерийского управления в годы войны генерала от артиллерии А.А. Маниковского, один из крупнейших военных заводов России за семь предвоенных месяцев изготовил 16 (!) винтовок¹². Тульский оружейный завод в 1913 г. выпускал в среднем 61 пулемет в месяц. А спустя два месяца после начала войны, 23 сентября 1914 г., Верховный главнокомандующий потребовал, не считаясь с расходами, довести выпуск пулеметов до 180-202 в месяц. Но и это была только минимальная потребность действующей армии¹³.

В начале XX в. все европейские страны втянулись в гонку вооружений, предчувствуя приближение большой европейской войны, но никто из политиков и военачальников не смог предопределить ее подлинные масштабы. Первая мировая война, как известно, охватила 38 государств с населением 1,5 млрд человек, из которых было призвано в армию 73,5 млн¹⁴. Война продолжалась 4 года, 3 месяца и 10 дней. Военные действия велись на огромной территории от холодных арктических и антарктических широт до тихоокеанских тропиков и Южной Африки,

¹⁰ Российский государственный военно-исторический архив (далее – РГВИА). Ф. 1. Оп. 2. Д. 114. Л. 3.

¹¹ *Шаццлло К.Ф.* Последние военные программы Российской империи. С. 230. См. также: *Жилин А.* Большая программа по усилению русской армии // Военно-исторический журнал. 1974. № 7. С. 90-97; *Шаццлло К.Ф.* Россия перед первой мировой войной. М., 1974. С. 93-100.

¹² *Маниковский А.А.* Боевое снабжение русской армии в первую мировую войну. 2-е изд. М.; Л., 1930. Т. 1. С. 127.

¹³ Из истории Тульского края. Тула, 1972. С. 79.

¹⁴ История первой мировой войны. 1914–1918. В 2 т. М., 1975. Т. 1. С. 5.

от Китая до Фолклендских островов. Русский фронт первой мировой войны был самым протяженным – около 1400 км (без русско-турецкого фронта на Кавказе)¹⁵. Он приковывал к себе значительные силы Германии и Австро-Венгрии. Русские солдаты и офицеры сделали все, чтобы не дать распространиться тевтонскому порядку на весь мир, неоднократно спасали союзников по Антанте, когда те попадали в критические ситуации. Однако у страны не оказалось достаточного запаса прочности, чтобы вместе с союзниками встретить победу над Германией.

Война опрокинула все расчеты и планы военного ведомства. Кровавыми жертвами расплачивались русские солдаты и офицеры за экономическую отсталость и слабость военной машины. Военное ведомство не сумело предвосхитить успешного использования принципиально новых средств борьбы. И во всеподданнейшем докладе по Военному министерству за 1915 г. с тревогой подчеркивалось, что оказалось неожиданным появление частей «с бронированными автомобилями, вооруженными пулеметами и пушками, ...мотоциклетных рот и отделений, учреждение эскадры воздушных кораблей из аэростатов типа "Илья Муромец", ...снабжение армии новыми средствами для борьбы с воздушным флотом»¹⁶ и многое другое. Правительство было вынуждено заказывать вооружение и боеприпасы за границей. Военный агент России во Франции полковник А.А. Игнатъев в своих воспоминаниях писал: «К весне 1916 года дела на родине действительно шли из рук вон плохо. Сотни телеграмм с требованием доставки самых разнообразных товаров указывали на беспомощность Военного министерства удовлетворить насущные потребности фронта»¹⁷. В конце 1916 – начале 1917 г. Россия была обеспечена по сравнению с союзниками на Западном фронте полевой артиллерией хуже почти в 5 раз, тяжелой артиллерией – в 9 раз, пулеметами – в 4,5 раза. В указанный период на километр русского фронта приходилось в среднем по 2 орудия, тогда как на французском фронте – 12 орудий¹⁸.

К концу 1914 г. армия стала испытывать острейший дефицит снарядов. В начале 1915 г. по инициативе военного ведомства была создана Организация уполномоченного Главного артиллерийского управления по заготовке снарядов по французскому образцу. Возглавил ее бывший начальник Хабаровского и Брянского арсеналов генерал-майор С.Н. Ванков. Основной задачей Ванкова стала организация производства 3-дюймовых снарядов. В основу производства снарядов была положена французская технология, позволявшая использовать кооперацию

¹⁵ История первой мировой войны. 1914–1918. Т. 1. С. 247.

¹⁶ РГВИА. Ф. 1. Оп. 2. Д. 116. Л. 6-7.

¹⁷ Игнатъев А.А. Пятьдесят лет в строю. Т. 2. М., 1989. С. 193.

¹⁸ Маниковский А.А. Указ. соч. М.; Л., 1930. Т. 2. С. 253.

Статьи и сообщения

множества предприятий, осуществлявших массовый выпуск отдельных частей гранат или отдельные операции по их изготовлению. Структура нового учреждения включала: центральное управление (канцелярия; отделы: технический, хозяйственный, личного состава, поверочных инструментов, распределения материалов; части: юридическая, чертежная, статистическая и др.); французскую военно-техническую миссию (артиллеристы, инженеры, техники, химики); специальных уполномоченных по районам и наблюдающих на заводах. В 1915–1917 гг. Организация Ванкова мобилизовала для исполнения военных заказов от 300 до 500 предприятий, включая крупные заводы, небольшие фабрики, железнодорожные и кустарные мастерские разной отраслевой направленности (металлургические, металлообрабатывающие, текстильные и пр.), принадлежавшие разным владельцам (казенные, частные, военно-промышленных комитетов и городских союзов), а также лаборатории училищ и высших учебных заведений. По характеру выпускаемой продукции они объединялись в несколько групп, причем некоторые имели головное предприятие. В июне 1915 – июне 1917 г. на предприятиях Организации Ванкова было изготовлено 16 млн 3-дюймовых, 700 тыс. 6-дюймовых, а также свыше 1 млн снарядов и бомб других калибров, что позволило преодолеть кризис в снабжении боеприпасами основной части русской артиллерии, наметившийся осенью 1914 г.¹⁹

Но армия нуждалась не только в снарядах. Россия была вынуждена разместить в странах Антанты огромные заказы на поставку военного имущества. В ведомостях заказов за границей периода войны можно прочесть, что ввиду «невозможности получения на внутреннем рынке» русской армии требуются: полевые орудия, гаубицы и боеприпасы к ним, ручные гранаты, винтовки и патроны к ним, стереотрубы, взрыватели, телеграфные и телефонные станции, провода, кабели и аппараты средств связи, прожекторы, судовые двигатели, колючая проволока, тракторы и грузовые автомобили, листовая сталь, хлопок, шинельное сукно, верховые седла и сапоги. Как точно отметил в своих воспоминаниях генерал-лейтенант М.Д. Бонч-Бруевич, во время войны «неожиданно выяснилось, что в войсках нет ни снарядов, ни винтовок, ни сапог»²⁰.

В ходе войны царское правительство было вынуждено согласиться на участие буржуазных организаций в выполнении военных заказов, но не желало идти в этом направлении слишком далеко. 26 октября 1915 г. помощник военного министра генерал-майор А.С. Лукомский в письме начальникам довольствующих управлений

¹⁹ Экономическая история России (с древнейших времен до 1917 г.): Энциклопедия. В 2 т. М., 2008. Т. 1. С. 334-335.

²⁰ Ведомость предметов, подлежащих заказу за границей в потребность к 1 января 1917 г. Б.м., 1916; *Бонч-Бруевич М.Д.* Вся власть Советам. М., 1964. С. 114.

передал указание военного министра, чтобы при заказах о поставках переговоры велись «непосредственно с производителями», а не через посредников. А 4 ноября того же года Лукомский обратил их внимание на позицию Совета министров, который указал на факты заказов за границу через Центральный военно-промышленный комитет и Земгор предметов, которые не производятся в России. Далее отмечалось: «Если бы даже эти заказы и вызывались тем, что рынок России не в состоянии был дать заказываемые предметы или в требуемом количестве или в определенные сроки, то все же такие заказы ведомствами должны были бы даваться за границу непосредственно самими, а не через общественные организации. На недопустимость в будущем повторения подобного рода заказов через общественные организации... Советом министров обращено особое внимание»²¹.

Немалое значение придавалось правительством Особым совещаниям, образованным в августе 1915 г., особенно Особому совещанию по обороне под председательством военного министра. В состав совещания входили по десять представителей от Государственной думы и Государственного совета с их председателями, пять представителей от Военного министерства и столько же от других министерств, четыре от Центрального военно-промышленного комитета, по одному от земского и городского союзов. Председатель совещания мог по своему усмотрению приглашать и других лиц. Таким образом, решающее слово в этом высшем государственном учреждении принадлежало правительственным чиновникам. Любое решение совещания вступало в силу только после утверждения председателем. Председатель Особого совещания по обороне наделялся большими правами. Он мог требовать содействия от правительственных и общественных организаций, частных обществ и лиц, добиваться от предприятий принятия и исполнения военных заказов преимущественно перед всеми прочими заказами, не исключая и ранее данных, а также представления Особому совещанию всех нужных ему сведений. Председатель совещания имел право налагать секвестр на недвижимое и арест на движимое имущество, а равно секвестрировать предприятия в полном объеме, если со стороны владельца предприятия будут допущены «действия или упущения, грозящие интересам государственной обороны». Он в случае необходимости мог устранять на казенных и частных предприятиях, выполняющих военные заказы, правления, советы, наблюдательные комитеты и другие органы администрации этих предприятий (как в полном составе, так и частично), а также директоров и управляющих заводами, мастерскими и другими заведениями или имуществами, равно назначать на эти должности или сверх установленного штата (числа) других лиц. При этом назначенные им лица не несли ответственности за свои действия перед собственником предприятия (владельцем

²¹ РГВИА. Ф. 1. Оп. 1 (т. 46), ч. II. Д. 2113. Л. 10, 17.

имущества) за исключением противозаконных поступков. Председатель Особого совещания по обороне мог производить общие и частные реквизиции с установлением максимальных и минимальных реквизиционных цен или тарифов на реквизируемое имущество, налагать секвестр на предприятия, осуществлять заготовки вооружения, боеприпасов и другого имущества любым способом, на любых условиях, без ограничения суммы как внутри страны, так и за границей, временно закрывать предприятия, не имеющие военного значения, устанавливать размер зарплаты на заводах, выполняющих военные заказы²².

Особое совещание осуществляло материально-техническое снабжение армии с помощью системы комиссий и комитетов. Среди них были: подготовительная комиссия по общим вопросам (снабжение армии обмундированием, продовольствием, медикаментами, заготовление авиационного, автомобильного, подрывного, железнодорожного, электротехнического, саперного имущества и средств связи), подготовительная комиссия по артиллерийским вопросам (снабжение армии орудиями, минометами, пулеметами, винтовками, боеприпасами), подготовительная комиссия по авиационным вопросам (снабжение армии с 1916 г. самолетами и моторами).

Важное место занимала Исполнительная комиссия, образованная в августе 1915 г. Являясь совещательным органом (право принимать окончательные решения принадлежало ее председателю – помощнику военного министра), она рассматривала все заказы военного ведомства (кроме заказов на продовольствие и фураж), размещаемые на отечественном рынке. В состав комиссии входили представители Государственного контроля, министерств финансов, торговли и промышленности, начальники главных доводящих управлений и чины канцелярии Военного министерства²³. В Исполнительную комиссию передавались дела, уже прошедшие через Особое совещание и получившие его одобрение на предмет рассмотрения их с чисто хозяйственно-финансовой стороны, то есть для выработки наиболее рациональных условий заключения контрактов с заводами и фирмами²⁴. По особо сложным вопросам комиссия могла вновь обратиться в Особое совещание по обороне. Если Исполнительная комиссия решала вопрос окончательно, то на соответствующих представлениях главных управлений появлялись штампы: «Исполнительная комиссия постановила: мнение начальника главного управления (название управления) утвердить» и «утверждаю», «Председатель исполнительной комиссии при военном министре». Ставились дата,

²² Особые совещания и комитеты военного времени. Свод законов и состоявшихся в порядке статьи 87 осн. зак. постановлений. Пг., 1917. С. 7-16.

²³ РГВИА. Ф. 29. Оп. 3. Д. 841. Л. 2-3, 13, 16.

²⁴ Там же. Ф. 369. Оп. 1. Д. 575. Л. 40 об.

подписи всех членов комиссии. Если дело передавалось в Особое совещание по обороне, председатель комиссии ставил штамп «одобряю». В отдельных случаях комиссия утверждала представление о заказе после одобрения в подготовительной комиссии и председателя Особого совещания²⁵. Заседания комиссии проходили в среднем раз в неделю. Председателем ее в начале 1917 г. был тайный советник Н.П. Гарин.

Деятельность этих и других комиссий была тесно связана с главными управлениями Военного министерства. Ведь первоначальные планы снабжения армии, различные предложения о размещении заказов, сводки сведений о выделении соответствующих средств из военного фонда на заготовление военного имущества поступали из управлений. Возникли органы, которые занимались вопросами заграничного снабжения. Это, прежде всего, Комиссия по учету и распределению иностранной валюты при Военном министерстве (непосредственный учет всей иностранной валюты и ее распределение), Русский правительственный комитет в Лондоне, Русский заготовительный комитет в Лондоне, Комитет по заготовлению в Америке предметов боевого и материального снабжения армии. Все эти учреждения, а также военные агенты подчинялись председателю Особого совещания как военному министру. Делопроизводство Особого совещания вели чиновники канцелярии Военного министерства.

Все это порождало известный параллелизм в работе указанных комиссий Особого совещания и управлений министерства, медлительность в прохождении дел. В самом Военном министерстве (особенно при военном министре генерале от инфантерии М.А. Беляеве) усилилась критика Особого совещания по обороне. Возражая против принижения роли главных управлений, военный министр на одном из документов наложил следующую резолюцию: «В Ос[обом] Сов[ещан]ии своя работа, с которой оно не справляется, между тем я заметил вредное для дела стремление все задерживать за собой, упраздняя постоянно работы гл[авны]х упр[авлен]ий Воен[но]го мин[истер]ства. Пр[ошу] отрешиться от этой точки зрения»²⁶.

Война потребовала плановости в материально-техническом обеспечении армии и развитии важнейших отраслей экономики страны. Особые совещания, имея большие юридические права для вмешательства в хозяйственную жизнь страны, в полной мере ими никогда не пользовались. Как справедливо отмечал известный исследователь экономики России в годы Первой мировой войны А.Л. Сидоров, «создавая известный план на потребность в снарядах, артиллерии, Особое

²⁵ РГВИА. Ф. 29. Оп. 3. Дд. 793, 797, 798, 1297, 5090 и др.

²⁶ Там же. Ф. 369. Оп. 1. Д. 445. Л. 44.

совещание добивалось выполнения этого плана на основе общей бесплановости всего хозяйства в целом», что лишь обостряло анархию производства²⁷.

Проблемы с квалифицированными кадрами, отсутствие или недостаточное развитие смежных отраслей, слабость инфраструктуры вынуждала предпринимателей ограничиваться расширением имеющихся производственных мощностей и покупками за рубежом станков, двигателей, инструмента, сырья и т.п. И только в крайних случаях они решались на строительство новых предприятий. Износ основных фондов обгонял процесс их возобновления. Происходило постепенное накапливание кризисных явлений в ведущих отраслях экономики.

Поставки на фронт для частных предпринимателей были выгодным делом. Военное ведомство покупало снаряды, патроны, оружие по высоким ценам. Переплата, например, частному заводу по сравнению с казенным составляла по каждому снаряду от 5 руб. 49 коп. до 28 руб. (в зависимости от калибра и назначения). Таким образом, частные предприниматели на поставках в армию стремительно обогащались. А.А. Маниковский в докладе военному министру о программе строительства новых заводов 20 октября 1916 г. писал: «Из рассмотрения этих цен видно, что уже далее идти некуда, а между тем цены все растут и растут... Предел этому могли бы положить только мощные казенные заводы, если бы их было достаточно, а так как их, к сожалению, очень немного, то они и оказываются бессильными против этого явного грабежа казны»²⁸. Частная промышленность взвинтила цены, по словам начальника ГАУ, «до степени, прямо ничем несообразной». А.А. Маниковский резко пишет о том, что русские промышленники проявили непомерные аппетиты к наживе, военные поставки безмерно обогатили за счет казны «г.г. банкиров и промышленников в самую черную годину России»²⁹.

В отечественной исторической литературе существует точка зрения, согласно которой программа Маниковского есть «плод многолетних усилий всех органов, ведавших развитием военного хозяйства, во главе с Советом министров», в то время как предпринятые меры для развития казенной военной промышленности выглядят в докладе «не как твердо проводившаяся государством линия экономической политики, а как смелая затея ГАУ, в реализации которой оно действовало по собственному почину, в одиночестве ведя борьбу против влияния банковско-монополистических кругов на правительственные органы». Доклад ГАУ военному министру от 20 октября 1916 г. преследовал цель «оправдаться перед верховной властью за упущения в подготовке военно-промышленной базы

²⁷ Сидоров А.Л. Указ. соч. С. 189.

²⁸ РГВИА. Ф. 504. Оп. 2. Д. 494. Л. 8 об.

²⁹ Там же. Л. 9.

Статьи и сообщения

империалистической политики», а составители его «всячески драматизировали и преувеличивали свою роль в развертывании военного производства»³⁰. Конечно, роль российского государства в военном производстве была велика и в мирное время. Но европейскую войну в таких масштабах не предвидел никто, и поэтому во всех воюющих странах регулирующая роль государства еще больше усилилась. Маниковский был не одинок. Многие весьма авторитетные специалисты в своих отраслях публично ратовали за строительство новых казенных машиностроительных, металлургических, химических и других заводов. Под влиянием обстоятельств войны и тяжелого экономического положения многие предприниматели и либеральные экономисты не возражали против усиления регулирующей роли государства в экономической жизни вплоть до внедрения некоторых элементов планирования. О последствиях этих процессов писал в эмиграции лидер партии кадетов П.Н. Милюков: «Раньше, чем стать большевистской, Россия созрела для большевизма. Своеобразный "военный социализм", развившийся во время войны в результате чрезвычайного расширения нормальных функций государства, объединял оба режима и делал переход от одного к другому если не незаметным, то, во всяком случае, более легким»³¹.

Стрелковое оружие в России производилось на трех крупных, хорошо оснащенных предприятиях – Тульском, Сестрорецком и Ижевском. С началом войны потребность в винтовках быстро возросла, однако удовлетворить ее эти заводы не смогли. Главное артиллерийское управление поставило вопрос о сооружении оружейных заводов в Екатеринославе и Туле (рядом с существующим). Военный совет утвердил представление ГАУ о новом заводе в Туле и рекомендовал построить еще один завод на Волге. Строительство началось в 1915 г., но к концу войны эти заводы в строй так и не вошли. В результате вся нагрузка пала на имевшиеся предприятия. Ценой круглосуточной работы в две-три смены они в основном выполняли заказы военного ведомства. За три года войны на русских оружейных заводах было изготовлено 3 189 717 новых винтовок и исправлено 299 431. Не имея возможности покрыть потребности армии в стрелковом оружии силами отечественных предприятий, военное ведомство было вынуждено прибегнуть к закупке его за границей. С 1914 по 1917 г. из-за рубежа поступило 2 461 000 винтовок. Но поскольку они уступали по качеству отечественным, то в основном шли на вооружение войск, расположенных в тылу³².

³⁰ *Поликарпов В.В.* О так называемой «Программе Маниковского» 1916 года // Исторические записки. М., 1983. Т. 109. С. 301.

³¹ *Милюков П.Н.* Россия на переломе. Большевистский период русской революции. Париж, 1927. Т. 1. С. 100-101.

³² *Бескровный Л.Г.* Армия и флот России в начале XX в. Очерки военно-экономического потенциала. М., 1986. С. 76-77.

Основные заказы на стрелковое вооружение были размещены в Америке, ибо предприятия Франции и Англии выполняли прежде всего заказы своих армий. Так, фирме «Винчестер» было заказано 300 тыс. винтовок, фирме «Ремингтон» – 1,5 млн винтовок, фирме «Вестингауз» – 1,8 млн винтовок. К 1917 г. поставки были оплачены золотом, но только первая фирма выполнила свои обещания. Остальные поставили около 10% заказа. Бывший военный министр М.А. Беляев на допросах Чрезвычайной следственной комиссии Временного правительства показал, с какой преступной легкостью американские заводы принимали заказы, не имея даже необходимых мощностей для их выполнения³³. А.А. Маниковский подчеркивал, что американский рынок «лишь в ничтожной степени удовлетворял наши потребности... Без особо ощутительных результатов для нашей армии нам пришлось влить в американский рынок колоссальные количества золота, создать и оборудовать на наши деньги массу военных предприятий; другими словами, произвести за наш счет генеральную мобилизацию американской промышленности»³⁴.

На Петроградской конференции стран Антанты в феврале 1917 г. в центре внимания вновь оказались вопросы снабжения русской армии. Член русской делегации генерал от кавалерии В.И. Ромейко-Гурко предложил установить взаимосвязь материально-технического снабжения армий союзников с длиной фронта, количеством войск и задачами, которые им предстояло решать. В связи с этим Военное министерство просило поставить в Россию в первые шесть месяцев 1917 г. 26 тыс. пулеметов, 100 тыс. ружейных, 6 млрд винтовочных патронов и т.д. Для строящихся ГАУ заводов необходимо было станочное оборудование на 25 млн рублей. Были составлены многочисленные списки и других заказов³⁵. Однако в конечном счете общая цифра грузов, подлежащих перевозке в Россию, была занижена втрое.

Первые же дни войны выявили огромный интерес к пулеметам. Как уже отмечалось, Ставка потребовала увеличить производство пулеметов на Тульском оружейном заводе в 2,5 раза уже в сентябре 1914 г. Но этого оказалось недостаточным. В 1915 г. Ставка определила потребность на 1916 г. в пулеметах в 14 072 штук, что вынудило ГАУ установить норму производства пулеметов в 800 штук в месяц. Однако на 1917 г. Ставка потребовала поставить уже 28 тыс. пулеметов, что казенным заводам было не под силу. ГАУ при поддержке Особого совещания по обороне попыталось привлечь к выполнению заказа частных предпринимателей, но безуспешно. Тогда военное ведомство решило построить завод по выпуску пулеметов вблизи г. Коврова. Совет министров разрешил

³³ Падение царского режима. М.; Л., 1925. Т. 2. С. 156-248; Семанов С.Н. Брусилов. М., 1980. С. 136.

³⁴ РГВИА. Ф. 504. Оп. 2. Д. 494. Л. 1 об.

³⁵ Емец В.А. Очерки внешней политики России в период первой мировой войны. М., 1977. С. 346.

военному ведомству ассигновать на эти цели крупные средства, но до конца войны пулеметы с этого завода так и не поступили³⁶. Всего с казенных заводов в 1914–1916 гг. в действующую армию поступило 26 743 пулемета, от союзников – 1 128 и из Америки – 9 437³⁷. Тяжелое положение сложилось в русской армии в первые же месяцы войны в связи с нехваткой патронов. Ежемесячная производительность русских патронных заводов была равна 50 млн патронов, а ежемесячный расход в армии уже к концу 1914 г. составил 150 млн. В конце 1915 г. Ставка требовала уже 200 млн патронов в месяц. Поскольку уже существовавшие отечественные заводы удовлетворить такие запросы не могли, ГАУ спешно приступило к строительству мощного завода в Симбирске. Однако он вступил в строй только в 1918 г. Недостаток патронов покрывался в основном закупками за границей. В 1914–1915 гг. в различных странах было заказано 3 084 млн патронов, в Россию же поступило всего 150 млн в 1915 г. и 833 млн – в 1916 г.³⁸

Накануне войны артиллерийские орудия в России производили арсеналы I разряда (Петербургский, Брянский, Киевский) и арсеналы II разряда (Варшавский, Тифлисский и Хабаровский). Изготавливали орудия для армии Обуховский сталелитейный завод морского ведомства и Пермский пушечный завод горного ведомства. Военные заказы выполнял ряд крупных частных заводов: Путиловский, Гельсингфорский, Балтийский, Коломенский, Сормовский и др. Однако только Путиловский осуществлял полный цикл производства. Остальные изготавливали отдельные детали: лафеты, артиллерийский обоз и т.п. В годы войны ГАУ удалось привлечь к выполнению заказов на производство артиллерийских орудий и боеприпасов к ним большое количество казенных и частных заводов. Выпуск орудий рос стремительно, хотя и отставал от потребности. Если в 1915 г. заводами было выпущено 2 106 орудий, то в 1916 г. уже 5 135³⁹.

Длительная позиционная война вынудила начать производство траншейных орудий, минометов и бомбометов. Траншейная артиллерия была разработана в Артиллерийском комитете ГАУ в кратчайшие сроки, и уже в середине 1915 г. началось ее серийное производство. К январю 1917 г. в войсках насчитывалось около 450 траншейных орудий⁴⁰. В 1915 г. был сконструирован первый бомбомет. За выполнение заказа Ставки (на 1916 г. 4 550 шт.) взялись Ижорский, Невский, Путиловский и ряд других заводов. Казенные и частные предприятия получили заказы также и на минометы. В результате к концу войны армия имела 14 тыс.

³⁶ Бескровный Л.Г. Указ. соч. С. 81-82.

³⁷ Там же. С. 82.

³⁸ Там же. С. 85-86.

³⁹ Шигалин Г.И. Военная экономика в первую мировую войну (1914–1918 гг.). М., 1956. С. 173.

⁴⁰ Бескровный Л.Г. Указ. соч. С. 92.

бомбометов (вдвое выше потребности). Полностью были выполнены заказы на легкие минометы (4 500). И лишь тяжелых минометов было поставлено 267 (11% потребности). С 1916 г. на вооружение артиллерийских частей поступили первые отечественные огнеметы и осветительные ракеты. Огнеметы изготавливали Киевский арсенал, Киевский проволочный завод и два частных завода. До 1 июня 1917 г. в войска поступило 11 446 огнеметов, из них лишь 136 были иностранного производства⁴¹.

Наибольшие трудности ГАУ испытывало при размещении заказов на производство тяжелых орудий. Изготовлением их занимались Пермский и Обуховский заводы. К началу войны в войсках насчитывалось 184 таких орудия. По расчетам Ставки только 122-мм гаубиц в 1915 г. требовалось 1 332. Отечественные производители сумели поставить за 1915 г. лишь 361 гаубицу, а в 1916 г. еще 637. Ставка запросила 152-мм осадных орудий 629 шт., а получила с отечественных заводов в 1915 г. – 8, а в 1916 г. – 22 орудия. Практически все заказы ГАУ были сорваны из-за неподготовленности заводов к производству подобного типа орудий. Сдерживало развитие тяжелой артиллерии и отсутствие в России средств механической тяги⁴².

Перед войной только Русско-Балтийский завод в Риге производил автомобили (в 1909–1915 гг. по разным оценкам он произвел от 541 до 581 машин, в основном легковых). За период 1910–1914 гг. для военного ведомства за границей было закуплено 259 легковых и 418 грузовых машин. Отечественные конструкторы накануне войны разработали и испытали образец колесного танка, но военное ведомство отказалось от строительства завода для его серийного производства. Расплата за такое отношение к новой технике наступила в первые же дни и месяцы войны. В результате Военное министерство было вынуждено начать массовые закупки автомашин, тракторов и броневиков за рубежом. Частные отечественные предприятия смогли начать выпуск автомобилей лишь летом 1916 г.⁴³

Известно, что еще в ходе кампании 1914 г. военный инженер А.А. Пороховщиков представил в Ставку Верховного главнокомандующего проект гусеничного танка. Опытный образец, изготовленный в г. Риге в 1915 г., успешно прошел все испытания. Однако только после успешного применения танков англичанами в сентябре 1916 г. в сражении на реке Сомме в Военном министерстве был поставлен вопрос о строительстве соответствующего предприятия в России. Но было уже слишком поздно.

⁴¹ Бескровный Л.Г. Указ. соч. С. 100-101.

⁴² Там же. С. 93-98.

⁴³ Экономическая история России (с древнейших времен до 1917 г.): Энциклопедия. Т. 1. С. 32-33.

Статьи и сообщения

К началу войны Россия располагала 244 самолетами. Для сравнения: Франция имела 156 самолетов, Англия – 258, Германия – 232. Ежемесячно в стране изготавливалось до 40 самолетов различных типов. Их строили в основном частные предприятия: завод «Дукс» (Москва), заводы С.С. Щетинина и В.А. Лебедева (Петроград), завод А.А. Анатра (Одесса) и др. С августа 1914 по июнь 1916 г. они выпустили 1 512 самолетов. В ходе войны вступили в строй еще два небольших авиастроительных предприятия. Подсчитать точное количество произведенных в России самолетов сложно, так как значительная часть была некомплектна в основном из-за отсутствия моторов. Грешит и статистика, поскольку в число изготовленных заносили также отремонтированные машины. По данным военного и морского ведомств, в 1914–1917 гг. они приняли 3 949 самолетов⁴⁴. Но этого было недостаточно. Пришлось и в этой сфере прибегать к заказам за границей. Организация закупок в 1915 г. была возложена на «Комиссию, командиремую за границу для заготовления авиационного и воздухоплавательного имущества». Снабжение русской армии авиационным имуществом постоянно было в центре внимания правительства, Ставки и Военного министерства. Только в Особом совещании по обороне государства с сентября 1915 по октябрь 1917 г. вопросы авиастроения рассматривались 65 раз, а осенью 1916 г. в его составе была создана подготовительная комиссия по авиационным вопросам. Выступая на одном из заседаний Особого совещания по обороне, М.В. Родзянко указал, что «несмотря на то, что война продолжается уже третий год, развитие русской авиации продолжается по-прежнему слабо..., и неблагоприятное соотношение наших авиационных сил с неприятельскими не подвергалось сколько-нибудь изменению в нашу пользу»⁴⁵. К началу 1916 г. в русской авиации насчитывалось 360 машин, а в немецкой – 1 600⁴⁶.

В начале 1917 г. заказы Управления военного воздушного флота в России выполняло 41 предприятие. Месячная производительность достигла 215 военных самолетов. При этом основная масса авиамоторов и авиаприборов поступала из-за границы. В конце 1916 г. Особое совещание по обороне разрешило начальнику Увофлота приобрести для нужд авиации в России необходимое оборудование, материалы и приборы на сумму 500 тыс. руб. Авиационным предприятиям было предоставлено преимущественное право на получение дефицитного металла. Им было передано некоторое количество грузовых автомобилей, что немного облегчило транспортные трудности⁴⁷.

⁴⁴ Россия в Первой мировой войне. 1914–1918: Энциклопедия: В 3 т. М., 2014. Т. 1. С.22-23.

⁴⁵ Журналы Особого совещания по обороне государства 1916 г. М., 1977. С. 635.

⁴⁶ Дузь П.Д. История воздухоплавания и авиации в России (июль 1914 г. – октябрь 1917 г.). М., 1989. С. 9.

⁴⁷ Там же. С. 9; Денисова Г.Б. Управление авиацией дореволюционной России (1910 г. – октябрь 1917 г.): автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 1987. С. 21, 32.

Статьи и сообщения

Предполагаемое наступление на фронте в 1917 г. требовало резкого увеличения поставок оружия, боеприпасов, одежды, продовольствия, фуража, медикаментов и т.п. В Военном министерстве еще в начале 1917 г. было подсчитано, что русской армии понадобится почти 35 тыс. орудий всех видов, из которых 16 тыс. предполагалось получить из-за границы. Русское командование также рассчитывало получить из стран Антанты только в первые шесть месяцев 1917 г. 26 тыс. пулеметов, 100 тыс. ружей-пулеметов, 6 млрд винтовочных патронов и т.д.⁴⁸ Однако на Петроградской конференции в феврале 1917 г. союзники втрое по сравнению с русским планом уменьшили объем грузов, подлежащих перевозке в Россию. Это было связано с тем, что Англия и Франция стремились к окончанию войны сохранить достаточно мощные вооруженные силы. Не допустить крупных людских потерь в наступательных операциях можно было, лишь насытив войска техникой. Поэтому союзники отвергли предложение русского военного командования установить необходимый минимум военно-технического снабжения пропорционально количеству войск, длине фронта и задачам, стоящим в предстоящей кампании. Вновь России приходилось рассчитывать только на свои силы.

По приказам Главного артиллерийского управления в 1917 г. в России было изготовлено 1 022 423 винтовки и 11 420 пулеметов. Из-за границы в течение 1917 г. (по 1 октября) было доставлено еще 31 833 пулемета. В том же году на фронт было отправлено 3-дм полевых и горных орудий – 4 594, 122-мм орудий – 462, бомбометов – 821, минометов – 1 176. Тяжелые орудия в основном поступали из-за границы. В 1917 г. непосредственно на русских заводах было изготовлено тяжелых 107-мм и 122-мм орудий – 169, 152-мм осадных пушек – 16 и 152-мм крепостных гаубиц – 74. По инициативе Ставки Верховного главнокомандующего в начале 1917 г. были созданы части тяжелой артиллерии особого назначения (ТАОН). Они составили стратегический резерв главного командования. В состав его шести бригад было включено: 305-мм гаубиц – 18, 280-мм гаубиц – 16, 254-мм пушек – 6, 203-мм гаубиц – 48, значительная часть из имеющихся в армии 152-мм осадных пушек и крепостных гаубиц⁴⁹. Весной 1917 г. части ТАОН были распределены по всем фронтам на Европейской территории России, в основном в районах предполагаемого наступления.

В 1917 г. русские заводы изготовили 1 210 млн патронов, и количество их на одну винтовку было вполне удовлетворительным. В том же году в действующую армию поступило более 15 млн снарядов к орудиям различных калибров и из-за

⁴⁸ Емец В.А. Указ. соч. С. 346.

⁴⁹ Бескровный Л.Г. Указ. соч. С. 76, 81, 94-97; Маниковский А.А. Указ. соч. Т. 1. С. 159, 183-213.

границы было доставлено на территорию страны 4,6 млн снарядов⁵⁰. К 1 октября 1917 г. на 1 версту на фронте у России находилось: пехоты (штыков, тыс.) – 0,86; легких орудий (ед.) – 2,63; гаубиц (ед.) – 0,47; тяжелых орудий (ед.) – 0,45; а у противника соответственно – 0,47; 1,66; 0,61; 0,81⁵¹.

Итак, к 1914 г. объемы производства казенных военных заводов и ряда частных предприятий, выполнявших военные заказы, считались вполне достаточными для пополнения мобилизационного запаса. Это позволяло России вести непродолжительную войну без привлечения других частных и казенных предприятий. План мобилизации гражданской промышленности отсутствовал. А когда такая потребность возникла, оказалось, что налаживание производства оружия и боеприпасов приходилось начинать с перевооружения самого производства, часто за счет поставок импортного оборудования. Выявились и низкая техническая оснащенность абсолютного большинства отечественных предприятий, как следствие – невысокая производительность труда. Промышленность столкнулась с острой нехваткой квалифицированной рабочей силы, отсутствием достаточного количества инженеров, конструкторов, техников. Участник войны, генерал-лейтенант Н.Н. Головин указал и на такую проблему, как вера большинства военных руководителей страны в устаревшую суворовскую формулу: «Пуля – дура, штык – молодец», то есть показал недооценку ими технических средств борьбы⁵².

Важнейший урок Первой мировой войны состоял в том, что военная сила приобрела индустриальное лицо. Только промышленно развитая держава могла производить в достаточном количестве танки, броневики, грузовики, самолеты, строить корабли и т.п. Появилось и закрепилось понятие – военно-промышленный комплекс. Война доказала, что военно-хозяйственная инфраструктура создается в предвоенные годы. В военное время уже поздно что-либо изменить и речь идет, за некоторым исключением, только о приспособлении имеющегося производства к удовлетворению нужд армии и флота.

⁵⁰ Маниковский А.А. Указ. соч. Т. 1. С. 298, 398.

⁵¹ Россия в Мировой войне 1914–1918 года (в цифрах). Б.м., 1925. С. 28.

⁵² Головин Н.Н. Россия в Первой мировой войне. С. 267.

Лебедев Владимир Дмитриевич

кандидат исторических наук
Государственный архив Российской Федерации

**ПРАВИТЕЛЬСТВЕННАЯ ПРОГРАММА ПОСЛЕВОЕННОГО РАЗВИТИЯ РОССИИ
И ПЕРВЫЕ ШАГИ ПО ЕЕ РЕАЛИЗАЦИИ
(по документам из архивной коллекции проф. И.Х. Озерова)**

В отечественной и зарубежной литературе по истории Первой мировой войны уделено много внимания вопросам перестройки экономики воюющих стран, в том числе России, на военные рельсы и связанным с этим социальным проблемам. Отмечалось, что одним из последствий перехода почти всех отраслей на обслуживание армии и флота стали в первую очередь диспропорции в развитии сельского хозяйства, промышленности и торговли, что вызвало всплеск инфляции, социальную дифференциацию в обществе и рост социальной напряженности. Особенно остро все эти процессы проявились в России.

Одна из основных проблем российской экономики – зависимость от импорта промышленных изделий, в том числе военной продукции, не был преодолен накануне войны¹. Наиболее ярко об этом свидетельствует заказ военных кораблей и комплектующих германской фирме «Шихау» с предоплатой, причем уже в конце 1914 г. понадобилось срочно решать вопрос о компенсации за отсутствие комплектующих российским заводам². Блокада балтийских и черноморских портов, недостаточно развитая железнодорожная сеть на Севере России и в Сибири, отдаленность основных портов (Архангельска и Владивостока) от Центральной России – все эти обстоятельства резко уменьшили поставки промышленного оборудования и военного снаряжения от Антанты. В свою очередь, это вынуждало в

¹ Россия. 1913 год. Статистико-документальный справочник. СПб., 1995. С. 212-215.

² Государственный оборонный заказ в начале Первой мировой войны: По документам из архивной коллекции проф. И.Х. Озерова / публ. подг. В.Д. Лебедев // Исторический вестник. 2014. Т. 8 (155). С. 192-205.

Статьи и сообщения

сжатые сроки на российских предприятиях наладить производство предметов, которые до войны импортировали. Переход многих российских предприятий на выполнение оборонного заказа вынудил отказ от выпуска товаров народного потребления и, как следствие, – резкий рост цен на внутреннем рынке.

Подобные явления вызвали протестные настроения не только в среде левых и либеральных партий, но и среди приверженцев монархического строя. Как справедливо замечено в отечественной исторической литературе, к началу войны оказались неразработанными программы решения социальных проблем, обострение которых было неизбежно при длительном характере войны и неудачах при ее ведении³. Действительно, к 1916 г. на съездах уполномоченных дворянских обществ говорили: «Земледельческое население в таком положении находится, что платит за фунт подковных гвоздей 1,5 руб., за аршин ситца 60 коп., за пуд железа 16 руб.» И далее: «...Банковские предприятия, громадные металлургические заводы и другие предприятия дают от 100 до 200% дохода в год на основной капитал. Если бы у правительства было желание и умение работать так, как работают правительства союзных держав, например Англии, Франции, умеющие взять львиную долю с таких непомерных доходов и обеспечить свои войска всем нужным продовольствием и оборудованием, вздутых прибылей не было бы»⁴. О просчетах правительства и правительственных организаций, о неумении должным образом развивать производство необходимых для фронта предметов говорится и в мемуарах участников войны. Один из них писал: «Печальный пример "военно-промышленного комитета", наживавшегося на русской крови в 1915–1917 гг. и поставлявшего за 32 рубля шрапнель плохого качества, стоившую в безупречной "ювелирной" отделке казенных заводов только 9 рублей, – этот пример должен навеки остаться в умах и сердцах правителей Российской империи»⁵. Вопросы к властям, касающиеся международных договоров в сфере экономики, возникали и у флотских офицеров, ответственных за пресечение контрабанды в Германию⁶.

Однако вышеназванные проблемы вызвали не только шквал критики, но и заставили задуматься специалистов в области экономики и права о выходе из

³ *Дорохов Н.И.* Взгляды отечественных военных мыслителей на войну как общественное явление накануне Первой мировой войны // *Последняя война Российской империи. Россия, мир накануне, в ходе и после Первой мировой войны по документам российских и зарубежных архивов. Материалы Международной научной конференции (Москва, 7-8 сентября 2004 г.)*. М., 2006. С. 362.

⁴ *Объединенное дворянство: Съезды уполномоченных губернских дворянских обществ*. М., 2002. Т. 3. С. 615.

⁵ *Керсновский А.А.* *Философия войны*. М., 2010. С. 125. См. также: *Головин Н.Н.* *Военные усилия России в мировой войне*. М., 2001. С. 229-241; *Великая княгиня Мария Павловна*. Мемуары. М., 2014. С. 190-192; и др.

⁶ *Меркушев В.А.* *Записки подводника, 1905-1915*. М., 2004. С. 251.

Статьи и сообщения

создавшейся ситуации. Тем самым война вызвала появление новых научных школ как в сфере технических наук, так и гуманитарных. Одним из выдающихся научных и государственных деятелей того времени, профессором И.Х. Озеровым (1869–1942) была разработана экономическая программа послевоенного обустройства России⁷. Она интересна тем, что автор пытался продумать такой путь развития, который обеспечивал бы, с одной стороны, возможность выдержать национальной экономике длительный военный конфликт с опорой на собственные ресурсы и промышленную базу, а с другой – не был бы обременителен для населения.

Убежденный сторонник индустриализации страны, развития кооперации и улучшения жизни рабочих Озеров задолго до начала войны основное внимание уделял вопросам формирования государственного бюджета, в первую очередь расходам казны⁸. В 1915 г. вышли в свет его монографии «За что мы боремся?» и «На новый путь! К экономическому возрождению России», где сформулированы не только условия победы, но и цель национально-государственного развития России и способы ее достижения в сжатые сроки. По мнению автора, «война в настоящее время тем и страшна, что страны связаны друг с другом, и не могут жить вне этого общения: у одной страны нет хлеба, и она зависит в этом вопросе от других стран, у другой – нет машин, нет техники и т.д.» И далее: «...Мы должны памятовать, что поднятие производительных сил нашей страны является одним из лучших средств в борьбе с внешним врагом»⁹. Центральный вопрос, который волновал автора, – как перестроить национальную экономику, чтобы минимизировать бремя военных расходов для населения и в то же время сделать ее технологически самостоятельной, способной выдержать испытания военного времени. Такие заключения автор делал на основании документов и материалов, которые в настоящее время образуют его архивную коллекцию в Государственном архиве Российской Федерации (ф. 1838), где, в частности, отложились документы Особой финансово-экономической комиссии (далее. – Комиссия)¹⁰.

История деятельности этого учреждения, его структура и характер деятельности еще не получила должного освещения. Впрочем, деятельность профессора И.Х. Озерова исследовали также поверхностно, исключительно в контексте вопросов по истории внутренней или внешней политики России в начале

⁷ Биографию профессора И.Х. Озерова подр. см.: *Лачаева М.Ю.* Озеров И.Х. // Экономическая история России с древнейших времен до 1917 г. Энциклопедия. М., 2009. Т. 2.

⁸ *Озеров И.Х.* Очерки экономической и финансовой жизни. М., 1904; *его же.* Русский бюджет. М., 1907; *его же.* Как расходятся в России народные деньги? М., 1907; 2-е изд. М., 1999.

⁹ *Озеров И.Х.* За что мы боремся? М., 1915. С. 37-38.

¹⁰ Государственный архив Российской Федерации (далее – ГАРФ). Ф. 1838. Оп. 1. Дд. 2952, 2953, 2954, 2955, 2956, 2957, 2958, 2959.

XX в.¹¹ Охарактеризовать и проанализировать эти документы – основная задача настоящей статьи.

Комиссия была образована на основании постановления от 22 марта 1916 г. Как следует из объяснительной записки, предваряющей программу Комиссии, на учреждение возлагалось «предварительное обсуждение вопросов финансово-экономической политики, как внутренней, так и международной, и связанных этим законодательных предположений». Для успешной работы членам Комиссии предлагалось определить наиболее существенные вопросы «для хозяйственной жизни в России, имеющей наступить вслед за окончанием войны». Комиссия должна была решить следующую задачу: облегчить переход страны «к мирной жизни, устранив неизбежные при таком переходе осложнения в народно-хозяйственной области». В первую очередь, требовалось руководствоваться следующим постулатом: «Происходящая ныне война показала нам всю недостаточность и отсталость нашего экономического развития, и сильнейшую зависимость нашего народного хозяйства от враждебных нам государств. Эти явления, в связи с теми условиями международного товарообмена, с которыми придется после войны встретиться нашему сельскому хозяйству и промышленности, повелительно заставляют признать [необходимость] намечаемых мероприятий в области финансово-экономической, содействие развитию производительных сил страны и устранение лежащих на его путях препятствий»¹². Другая задача деятельности Комиссии – подготовка к участию представителей России на конференции союзных держав по экономическим вопросам, которая должна была пройти в Париже 14 июня того же года. При этом отмечалось, что Комиссия не должна касаться текущих проблем государства¹³.

Программа работ Комиссии была подробно изложена в вышеупомянутой записке, к которой прилагался «Перечень вопросов, по коим Совет министров признал желательным иметь заключение финансово-экономической комиссии». Программа состояла из двух разделов:

1) вопросы, связанные с переходом народного хозяйства к условиям мирного времени;

2) мероприятия, направленные к развитию производительных сил страны¹⁴.

В свою очередь, каждый из этих разделов имеет подразделы. Первая категория вопросов имела четыре подраздела, вторая – восемь. Самые главные подразделы

¹¹ *Ананьич Б.В.* Российская буржуазия на пути к «культурному капитализму» // Россия и Первая мировая война (материалы международного colloquium историков). СПб., 1999. С. 106–107; *Архангельская И.Д.* Из истории российско-американских связей конца XIX – начала XX века // Вопросы истории. 2000. № 11-12. С. 143-144.

¹² ГАРФ. Ф. 1838. Оп. 1. Д. 2952. Л. 1-1 об.

¹³ Там же. Л. 2. Конференция проходила 14-18 июня 1916 г.

¹⁴ Там же. Л. 17.

касались промышленности. Подчеркивалось, что с окончанием войны частный рынок предъявит огромный спрос на продукцию предприятий, так как в условиях военного времени почти все они исполняли военные заказы. Его неудовлетворение вызовет крупный приток импорта, что крайне нежелательно как для расчетного баланса, так и для интересов промышленного развития. Другим вопросом станет снабжение предприятий необходимыми ресурсами и средствами производства. В следующем подразделе речь шла о перестройке сельского хозяйства: вопросы сбыта продукции, обеспечение отрасли работниками, принимая во внимание колоссальное количество убитых или ставших инвалидами в ходе войны, наконец, быстрое обеспечение крестьянских и землевладельческих хозяйств машинами, орудиями труда, удобрениями, т.е. содействие интенсификации отрасли. Задачи второго раздела сведены к таким группам: внешняя торговая политика, привлечение иностранных капиталов, развитие транспорта, промышленности и сельского хозяйства, использование природных ресурсов в Европейской и Азиатской России, развитие казенного хозяйства¹⁵.

Согласно положению, на рассмотрение Комиссии поступают вопросы, предлагаемые Советом министров, главными начальниками ведомств, от ее членов, – последние в случае согласия с большинством членов. Заключение поступает в финансово-экономическое совещание, образованное при Совете министров, а затем уже в Совет министров. В состав учреждения входят девять членов Государственной думы; девять членов Государственного совета; по назначению министров из числа старших чинов министерств: иностранных дел, финансов, земледелия, торговли и промышленности – по три представителя; Военного, Морского и путей сообщения – по одному от каждого. Кроме того, в ее работе участвуют по одному представителю от Всероссийской сельскохозяйственной палаты, съездов представителей промышленности и торговли, биржевой торговли и сельского хозяйства, Петроградского и Московского биржевых комитетов и экспортной палаты. Председатель Комиссии – им стал член Государственного совета тайный советник Н.Н. Покровский – имел право приглашать специалистов по финансово-экономическим наукам¹⁶.

Точные причины создания такого органа неизвестны. Можно предположить, что основной предпосылкой для образования Комиссии стала записка члена Государственного совета по выборам от торговли и промышленности Г.А. Крестовникова «Несколько цифр и соображений для правильного освещения положения нашей механической промышленности и той помощи, на которую может рассчитывать от нее военное ведомство в деле снабжения нашей доблестной армии

¹⁵ ГАРФ. Ф. 1838. Оп. 1. Д. 2952. Л. 2-36.

¹⁶ Там же. Л. 37-37 об.

снарядами»¹⁷. Поскольку автор записки с 1892 г. возглавлял Московское товарищество механических изделий, он был компетентным и знающим специалистом в вопросах экономики. Возможно, что об этой записке вспомнили в связи с подготовкой к Парижской конференции.

Записка была напечатана типографией Товарищества Рябушинских и сохранилась в делопроизводстве комиссии. На документе стоит штамп «Июл. 1915», адресат отсутствует. Следовательно, она была написана до появления Комиссии, но взгляды автора записки точно совпадают с ее задачами. Автор записки утверждал: «Никогда самые ярые защитники протекционизма, трактовавшие о необходимости развития промышленности внутри страны, основываясь лишь на соображениях экономических, не предвидели того государственного значения развитой в стране промышленности, какое обнаружилось теперь в этой беспримерной в истории войны. Теперь оказалось, что в деле развития в стране выработки земледельческих машин, автомобилей и пр. страна заинтересована не только со стороны экономической, но и общегосударственной, так как этими заводами усиливается оборона и вообще военная мощь государства»¹⁸.

Автор записки критиковал конвенционный торговый договор с Германией 1894 г., который, по его мнению, стал первым актом порабощения России. Некоторые крупные отрасли машиностроения, – пишет он, – умышленно не допускались к существованию. Не говоря о беспошлинном пропуске в Россию более сложных сельскохозяйственных машин, «ставки в 75 коп. на все прочие земледельческие машины, когда железо и сталь как сырой материал для этих машин огражден той же ставкой в 75 коп., и отнесение автомобилей к пошлинным ставкам, когда-то установленным для простых экипажей (по конвенции с Францией автомобиль на четыре места вполне отделанный, хотя бы разукрашенных атласами и бронзой пропускается в 225 руб. со штуки, а двухместный – по 125 руб. со штуки; шасси 75 руб. со штуки), не было ли явным запрещением работы этих машин в России?»¹⁹ Обращает на себя внимание, что Крестовников предлагал денонсировать подобные договоры не только с Германией, но и с правительствами союзных и нейтральных государств. Особое внимание им было уделено развитию отечественного автомобилестроения. Из прилагаемых к тексту докладной записки таблиц видно, что зависимость России была не только торговой, но и технологической, поскольку значительную часть комплектующих, почти 90%, российские заводы импортировали²⁰.

¹⁷ ГАРФ. Ф. 1838. Оп. 1. Д. 2954. Л. 1-4.

¹⁸ Там же. Л. 2.

¹⁹ Там же. Л. 1-1 об.

²⁰ Там же. Л. 4.

Статьи и сообщения

Идеи Крестовникова оказались созвучны программе работы Комиссии. В ходе работ эти предложения были дополнены авторами многочисленных докладных записок и статей, отложившихся в ее делопроизводстве. Большинство из них объединены в группы самостоятельных документов под названием «Материалы Особой финансово-экономической комиссии» (далее – «Материалы»), каждой из которых присвоен номер. Они отпечатаны типографским способом и каждый сохранился в двух экземплярах. Архивная коллекция проф. И.Х. Озерова насчитывает 17 номеров таких «Материалов», охватывающих период с 17 октября 1916 по 5 февраля 1917 г. Их авторами были известные государственные научные и общественные деятели, промышленники и предприниматели. Это журналист и писатель К.С. Лейтес, члены Государственного совета: директор правления Рязанско-Уральской железной дороги М.П. Федоров, Б.А. Никольский, В.И. Гурко; а также председатель Совета Всероссийской сельскохозяйственной палаты князь Н.Б. Щербатов, представитель Постоянной Совецательной конторы золото- и платинопромышленности А.М. Оссендовский и др. Среди представителей финансово-экономической науки, участвовавших в заседаниях Комиссии, можно найти известных лиц: проф. П.П. Мигулин, проф. П.И. Георгиевский, проф. П.Б. Струве. «Материалы», затрагивая разные стороны экономической жизни, как бы дополняют друг друга.

Поскольку главной задачей Комиссии была выработка плана развития послевоенной экономики, причем наиболее важных отраслей, то в первую очередь нужно было ознакомиться и проанализировать планы государств, союзных и вражеских, в отношении России. Соответственно, почти половина очерков, входящих в «Материалы», посвящена анализу и характеристике германской экономики: «Экономические цели германцев в связи с войной. Обзор за два года войны» (К.С. Лейтес), «Подготовительные мероприятия Германии к будущей промышленной кампании» (А.М. Оссендовский), «Предстоящая экономическая борьба и зависимость Германии от заграницы» (К.С. Лейтес), «Немецкий труд о роли Германии в мировой торговле и мировом судоходстве» (К.С. Лейтес), «Вопрос об экономическом соперничестве между Германией и Англией в немецком освещении» (К.С. Лейтес), «Как Германия готовится к переходу от военного хозяйства к мирному» (К.С. Лейтес) и др.

Лейтес подчеркивал, что цель германской мировой политики заключается в том, что все страны, от Северного моря до Индийского океана, должны быть подчинены Германии и находиться в сфере ее влияния. Автор обращал внимание читателей на то, что в планах Германского рейха и представителей немецкой общественности лежит стремление ослабить Россию, аннексировать Прибалтику, Польшу, наложить контрибуцию. Особое желание в Германии вызвало стремление

«отрезать у России большую часть Украины», так как эта область – от Карпат до Дона – имеет не только богатейшие запасы угля и железа, но и является житницей всей Европы. Благодаря такому приобретению дело снабжения страны сырьем было бы обеспечено²¹. Далее в его работе подробно изложены торгово-политические требования германских хозяйственных организаций, планы Германии к захвату мировых рынков и пр. В них речь шла о новых тенденциях в германском судостроении, создании специального министерства для развития германской внешней торговли, образовании синдикатов и других мероприятиях. Много внимания уделено и тем требованиям, которые будут предъявлены воюющим с Германией государствам. Так, в разделе, который касался будущих отношений с Россией, указаны следующие пункты:

1. Уравнение германских евреев в правах, касающихся торговли, с христианскими подданными.

2. Таможенно-политическая автономия Финляндии.

3. Многолетнее значительное облегчение таможенных сборов для продуктов в эвентуально подлежащих отторжению от России местностях, и лишь постепенное создание таможенной границы между этими местностями и Россией.

4. Трехмесячный срок для вступления в силу всех будущих изменений таможенного тарифа, таможенных постановлений или внутренних налогов, сопряженных с усилением налогового бремени. Товары, заказанные до дня опубликования данного постановления, подлежат старым правилам²².

Другой автор, Оссендовский, писал, что с конца 1915 г. имперское правительство во главе с канцлером Т. фон Бетман-Гольвегом приступило к систематической подготовке к будущей экономической борьбе. По словам автора, в Германии готовили три типа акций для завоевания экономического господства. Во-первых, усиление промышленности на внутреннем и внешнем рынке, во-вторых, их завоевание, в-третьих, проведение мероприятий политико-экономического характера. Ключевыми действиями должны были стать: широкая организация дешевого кредита в странах Азии, Африки и Южной Америки, строительство там железных дорог, складов и филиалов крупных германских фирм, особенно под флагами нейтральных государств. Из всего изложенного, пишет Оссендовский, явствует, насколько энергично готовятся наши враги к новой с нами войне – войне экономической. Они делают все возможное для того, чтобы орудия этой новой войны – промышленность и торговля – были вполне мобилизованы и снабжены необходимым дешевым кредитом²³.

²¹ ГАРФ. Ф. 1838. Оп. 1. Д. 2955. Л. 5 об. - 6.

²² Там же. Л. 7-27.

²³ Там же. Л. 69-72 об.

Другая часть документов касается будущих международных отношений. Особый интерес представляют обзоры, где рассмотрены место России в системе мировой торговли таким образом, чтобы эта система соответствовала ее национальным интересам. Авторы учитывали вышеназванные планы, как Германии, так и союзных с Россией держав, с которыми придется иметь дело. В этом отношении представляют интерес аналитические обзоры: «Парижская экономическая конференция в освещении иностранной печати» (Б.А. Никольский), «Ближайшие задачи русской экономической политики после войны» (М.П. Федоров), «Право наибольшего благоприятствования и будущий русско-германский торговый договор» (Б.А. Никольский).

По мнению экспертов, решения Парижской экономической конференции вполне приемлемы для России. Так, Б.А. Никольский отметил, что представители наиболее крупной союзной державы, участвующей в войне – Англии – предложили такую тарифную систему, которая имеет значение для российского экспорта сырья. Автор обращает внимание читателей, что для готовой продукции ставка также минимальна (10%)²⁴. Другой автор, М.П. Федоров, подробно пишет о тяжелых последствиях для отечественной экономики русско-германских договоров 1894 и 1904 гг., подкрепляя выводы обширными статистическими данными по отраслям. Федоров отмечает, что экономическое положение Франции и Англии иное, чем у России. Центр тяжести интересов этих стран лежит в экспорте промышленных товаров, где они проигрывают германским предпринимателям. Россия же заинтересована главным образом в экспорте продовольствия. Поэтому Россия должна идти самым решительным образом навстречу состоявшемуся на конференции соглашению по общей экономической политике союзников, но очень и очень взвесить свое участие после войны по вопросу о сокращении своего сельскохозяйственного вывоза в Германию. Желательно сократить импорт германской промышленной продукции путем развития существующих отечественных предприятий, особенно металлургических и текстильных. Главное, подчеркивал эксперт, «расширение существующей текстильной и металлургической промышленности, создание новых заводов и фабрик, широкое использование государственных лесов, как для внутреннего потребления (железнодорожное строительство и эксплуатация существующих железных дорог, потребности отопления городов и фабрик и другие надобности), так и для широкого вывоза, увеличение добычи топлива и руд, реформа продовольственного дела, перевозки и хранения скоропортящихся продуктов, поднятие скотоводства и утилизация продуктов животноводства, реформа сельскохозяйственного и профессионального

²⁴ Парижская экономическая конференция в освещении иностранной печати, 17 октября 1916 г. // ГАРФ. Ф. 1838. Оп. 1. Д. 2955. Л. 67.

Статьи и сообщения

технического образования и изменение строя нашей внешней торговли – все это представляет пока лишь сложную и перепутанную схему частных и публичных интересов и потому *должно быть переработано в планомерную систему общегосударственной экономической политики, имеющей целью не только осуществление экономической борьбы с Германией, но и, главным образом, восстановление и развитие производительных сил страны, сильно пострадавших от напряженной двухлетней, а, может быть, и трехлетней войны*²⁵.

Представляет интерес также реакция Совета съездов представителей промышленности и торговли на программу работ Комиссии, оформленная в виде очерка («Материалы № 11»). Составителями очерка были товарищ председателя Совета Н. Изнар, председатель Финансовой комиссии при Совете Н.Н. Кутлер, управляющий делами Совета барон Г.Х. Майдель²⁶. По их мнению, внимание комиссии следует сосредоточить «на относительно немногих *коренных* вопросах нашего экономического бытия и придать их рассмотрению принципиальный характер, ни в коей степени не исключающий авторитетности и основательности. Необходимо выработать общие основы финансово-экономической политики, которые явились бы директивами для отдельных ведомств в разработке вопросов, относящихся к их ведению»²⁷. Отмечались и пробелы в программе работ Комиссии: упорядочение денежного обращения, налоговая реформа, железнодорожное строительство. Предлагалось в качестве первоочередных мер провести тщательное изучение возможности экспорта в союзные страны, а также импорта с точки зрения замены ими на русском рынке германских продуктов. Для урегулирования финансовой системы предлагалось «увеличить наш вывоз, одновременно затруднив отлив золота за границу, сокращая, сколько возможно, привоз заграничных товаров». Далее должен быть заблаговременно разработан государственный план демобилизации промышленности. Участие государства обусловлено тем, что без разрешения правительства промышленность, работающая на оборону, не может приостановить свои работы по заказам военного и морского ведомств. Кроме того, снабжение заводов сырьем и топливом, а отчасти и рабочей силой, также находится в руках правительственных регулирующих органов. Подчеркивалось, что «до сих пор один из крупных тормозов развития русской промышленности составляло отсутствие плана развития производительных сил, хотя бы на несколько лет вперед. Едва ли представляется возможным урегулировать работу промышленности, обслуживающей широкие потребительские массы, и сразу, по известному плану, дать крупные заказы на несколько лет вперед». Однако возможно и необходимо «урегулировать

²⁵ ГАРФ. Ф. 1838. Оп. 1. Д. 2956. Л. 7-31 об. Здесь и далее текст выделен курсивом автором документа.

²⁶ Там же. Д. 2956. Л. 81-87.

²⁷ Там же. Л. 81.

основные потребности хозяйственной жизни, которые поддаются учету и непосредственному воздействию правительства. Наиболее важными и в то же время легче учитываемыми потребностями хозяйственной жизни представляются: транспорт (железные дороги), топливо, металлы и сельскохозяйственное машиностроение»²⁸. В заключении составители наметили следующую схему работы Комиссии:

- 1) обсуждение принципов внешней торговли;
- 2) план промышленной демобилизации страны;
- 3) план финансовой ликвидации войны;
- 4) план реформы денежного обращения;
- 5) план реформы акционерного законодательства (в частности, урегулирование вопроса о картелях и синдикатах);
- 6) разграничение сфер публичной и частной инициативы в народном хозяйстве (в связи с изменением и улучшениями казенного хозяйства);
- 7) обсуждение основ официального представительства торгово-промышленного класса;
- 8) меры привлечения капиталов вообще и иностранных в частности;
- 9) общий план народно-хозяйственного строительства (дорожное дело, торговый флот, порты и пр.) в связи с финансовой стороной вопроса;
- 10) меры к увеличению производительности сельского хозяйства;
- 11) основы кредитной реформы и организации промышленного кредита в особенности;
- 12) обсуждение основ профессионально-технического образования в связи с правильной постановкой общего образования;
- 13) нормальная постановка рабочего вопроса;
- 14) меры к правильному развитию кооперативного дела.

О том, насколько основательно и глубоко были продуманы действия Комиссии, свидетельствует сохранившаяся в ее делопроизводстве «Инструкция для представителей императорского российского правительства на предстоящей в Париже конференции союзных государств»²⁹. Это объемный документ (более 50 машинописных листов) детально регламентировал, как реагировать участникам конференции при обсуждении важнейших экономических вопросов военного времени и послевоенного мира. По-видимому, принимая во внимание что члены Комиссии не успели за два месяца решить все поставленные перед ней задачи, требования перед командироваемыми в Париж участниками конференции сформулировали так:

²⁸ ГАРФ. Ф. 1838. Оп. 1. Д. 2956. Л. 83-83 об.

²⁹ Там же. Д. 2955. Л. 93-138.

1. Делегаты императорского российского правительства едут на предстоящую экономическую Конференцию союзных государств исключительно для обмена с членами этой Конференции мнениями по приведенным в разделе II сей инструкции вопросам, относящимся как к периоду текущей войны, так и к периоду непосредственно за ней следующему.

2. Делегаты императорского правительства не уполномочиваются давать какие-либо определенные обещания в отношении нашей будущей экономической политики и предоставления, в частности, союзникам тех или иных торговых льгот. Однако им предоставляется, в случае необходимости, делать заявления о готовности русского правительства отнестись, при условии взаимности, вполне благожелательно к соответствующим пожеланиям союзников, если, разумеется, осуществление таковых пожеланий не будет ограничивать свободного экономического развития России³⁰.

Таким образом, изучение этих документов позволяет сделать следующие выводы. Сам факт образования такого учреждения, как Особая финансово-экономическая комиссия, показывает, что императорское правительство искало выход из тех трудностей, которые предъявила стране Первая мировая война. Широкий круг вопросов, поставленных перед Комиссией, свидетельствует о желании разработать программу возрождения экономики страны. Примечательно также и то, что ни о каком политическом перевороте в документах нет сведений, что отличало Комиссию от межведомственных Особых совещаний начала 1900-х гг., например, Особого совещания о нуждах сельскохозяйственной промышленности³¹.

Общественные и военные деятели, резко критиковавшие правительство за неумение справиться с кризисом, были не всегда справедливы и объективны в подобных рассуждениях, поскольку некоторые документы, освещающие экономическую политику, свидетельствуют, что, во-первых, эти проблемы были в правящих сферах хорошо известны. Во-вторых, в 1916 г. были предприняты шаги по улучшению экономической ситуации в стране, причем при решении экономических вопросов Совет министров опирался на заключения специалистов в области экономики и права.

³⁰ ГАРФ. Ф. 1838. Оп. 1. Д. 2955. Л. 93.

³¹ См.: *Лебедев В.Д.* Местные комитеты Особого совещания о нуждах сельскохозяйственной промышленности (1902–1904 гг.) // Отечественная история. 2001. № 5.

Морозов Вячеслав Юрьевич

кандидат исторических наук

Самарская областная универсальная научная библиотека им. К. Грота

**ДЕМОБИЛИЗАЦИЯ ПРОМЫШЛЕННОСТИ СРЕДНЕГО ПОВОЛЖЬЯ
В ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ 1918 ГОДА
(к вопросу о роли совнархозов)**

Положение, сложившееся в промышленности Среднего Поволжья (да и страны в целом) в первой половине 1918 года, можно считать итогом постепенного отказа России от участия в войне, отказа, проявившегося намного раньше рассматриваемого периода не только в виде недовольства в армии, но и постепенного снижения финансирования военных заказов, самой системы их организации. Сложился целый комплекс причин, побуждавших предприятия перестраиваться на выпуск гражданской продукции. То, что является составляющей ее демобилизации.

Следует отметить, что ни процесс мобилизации промышленности, ни процесс ее демобилизации никогда не являлись стихийными. Это были государственные кампании. Поэтому возникает вопрос о влиянии, которое оказывалось на промышленность «сверху», со стороны контролирующих и регулирующих органов, которыми в указанный период являлись, прежде всего, советы народного хозяйства (далее – совнархозы, СНХ). При этом автор не ставит задачи связывать положение в промышленности с различиями во взглядах разных политических сил, занимавших место в составе руководящих органов поволжских губерний, так как в советах народного хозяйства имевшиеся между этими силами разногласия выпукло себя не проявляли.

Также нужно учитывать, что демобилизация хозяйства, демобилизация промышленности – это не только изменение ассортимента продукции предприятий, но и изменение направления трудовой занятости населения, а при недостаточном планировании процесса со стороны власти – это и рост безработицы. Демобилизация – это неизбежное уменьшение занятости, это перетекание рабочей

силы из тяжелой промышленности в легкую, из промышленности в целом – в сельское хозяйство, поэтому нужно иметь представление о традиционной структуре экономики Среднего Поволжья и изменении этой структуры, о динамике безработицы как вследствие процесса демобилизации, так и всего комплекса причин, влиявших на развитие экономики.

О деятельности совнархозов средневожских губерний до июня 1918 г. писали разные исследователи. Например, С.А. Соколов среди прочего рассмотрел роль совнархозов и других советских органов Поволжья в процессах национализации и развития промышленности, но практически не затронул проблемы демобилизации промышленности¹. С.В. Кряжимский и Т.А. Игнатенко занимались изучением структуры и деятельности Самарского совета народного хозяйства². Ульяновский исследователь В.В. Казюхин рассматривал роль в руководстве губернской промышленностью Симбирского ГСНХ, попутно установив ряд важных дат и фактов в истории его создания³. Т.К. Козлова показала взаимосвязи и параллельные противоречия в деятельности ВСНХ и местных совнархозов⁴.

Уже в постсоветский период проблемы сепаратизма местных совнархозов, влиявшие, в частности, и на промышленную политику, рассматривал М.В. Ходяков⁵, который, однако, не касался особенностей Среднего Поволжья.

В ряде работ поднимались смежные темы, такие как воздействие большевиков на развитие экономики⁶; проблемы создания системы совнархозов⁷; меры по борьбе с безработицей в первые полгода советской власти⁸. При этом вопрос

¹ Соколов С.А. В канун великого почина. (Хозяйственное строительство в Поволжье в 1918 г.). Саратов, 1974.

² Кряжимский С.В. Самарский губсовнархоз в первые годы Советской власти // Труды Куйбышевского инженерно-строительного института. Куйбышев, 1958. Вып. 6; Игнатенко Т.А. Организация и деятельность Самарского губернского совета народного хозяйства в первые годы Советской власти // Из истории рабочего класса и промышленности СССР. Сб. статей. М., 1964.

³ Казюхин В.В. Из истории создания органов управления промышленностью Среднего Поволжья в 1918 году // Ученые записки Ульяновского государственного педагогического института. Серия общественных наук. Саратов, 1966. Т. 22. Вып. 2.

⁴ Козлова Т.К. Значение Первого Всероссийского съезда совнархозов для хозяйственного строительства в Поволжье 1917–1918 гг. // Вестник МГУ. Историческо-филологическая серия. 1957. № 4.

⁵ Ходяков М.В. Децентрализм в промышленной политике регионов России. 1917–1920 гг. СПб., 2001.

⁶ Кряжимский С.В. Руководство Самарской партийной организации хозяйственным строительством в губернии в 1917–1920 гг.: автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 1960.

⁷ Морозов В.Ю. Советы народного хозяйства Среднего Поволжья в 1918–1920 годах: дис. ... канд. ист. наук. Самара, 2000.

⁸ Кузьмина Т.Н. Безработица и первые мероприятия советских органов по борьбе с ней. 1917 г. – первая половина 1918 г. (по материалам Поволжья) // Историография и история социально-экономического и общественно-политического развития России (вторая половина XIX в. – первая

демобилизации промышленности и роли в этом процессе совнархозов так и не нашел должного отражения, что и определило цель настоящей статьи.

Что из себя представляла экономика Самарской, Симбирской и Саратовской губерний перед Октябрьской революцией?

В 1917 г. по объему валовой продукции Самарская губерния находилась на девятом месте, Саратовская – на 14-м, Симбирская – на 19-м среди 31 губернии и двух столиц⁹. В Самарской губернии из 3 986,7 тыс. чел. в городах жило 6,3%, в сельской местности – 93,7%. В Саратовской и Симбирской губерниях соответственно: 3 463,2 тыс., 8,6%, 91,4%; 2 136,8 тыс., 7,3%, 92,7%¹⁰. Все три губернии были преимущественно аграрными, но в Симбирской и Саратовской как сельское, так и часть городского населения большое внимание уделяло кустарным промыслам и ремеслу. В целом по трем губерниям, по данным А.Ф. Засова, в 1916 г. было до 60 тыс. кустарей¹¹.

В торговле в 1916 г. по трем губерниям было занято свыше 90 тыс. чел. (приказчики, возчики, складские работники и др.). На железнодорожном и водном транспорте: в Саратовской губернии – около 34 тыс. чел., в Самарской – свыше 22 тыс., в Симбирской – около 12 тыс. чел.¹²

Информация по промышленности обильная, но, к сожалению, разрозненная, несогласованная, данные разных источников не совпадают, так как период, методика и цели сбора информации были разными. Но некоторые общие выводы сделать возможно.

Из трех рассматриваемых губерний промышленное развитие было сравнительно выше в Саратовской, но и она не шла ни в какое сравнение ни с Центральной Россией, ни с Уралом. Так, по данным 1918 г. Саратовская губерния по уровню развития одной из самых важных отраслей – металлообрабатывающей промышленности – находилась на восьмом месте в списке, состоящем из 31 губернии, Москвы и Петрограда¹³.

Конечно, в связи с увеличением роли промышленности в войну положение изменилось, но ненамного. В Саратовской, Симбирской, Самарской губерниях в

половина XX в.). Сб. статей. Пенза, 1997; Морозов В.Ю., Яшина О.В. Борьба с безработицей в Самарской губернии в 1917–1918 гг. // Вестник молодых ученых СГЭУ. Самара, 2005. Вып. № 2 (12).

⁹ Шарошкин Н.А. Рабочий класс Поволжья в первое десятилетие Советской власти (1917–1927 гг.). Рязань, 1982. С. 16.

¹⁰ Засов А.Ф. Большевики Поволжья в борьбе с мелкобуржуазными партиями в период упрочения Советской власти. Куйбышев, 1967. С. 3.

¹¹ Там же. С. 5.

¹² Там же. С. 4.

¹³ Россия в мировой войне 1914–1918 гг. (в цифрах). М., 1925. С. 66. Табл. 58а.

1916 г. на каждую тысячу человек было занято в промышленности соответственно 84, 57 и 47 чел.¹⁴ Большинство предприятий, по российским меркам, были мелкие и средние. Член президиума Самарского губсовнархоза В.П. Мяги прямо заявлял в декабре 1918 г., что в Самарской губернии при образовании СНХ крупная промышленность отсутствовала¹⁵.

Сколько же всего предприятий находилось в рассматриваемых губерниях ко времени образования совнархозов?

По данным на начало 1918 г., в трех губерниях было 2 487 промышленных предприятий, имеющих теплосиловые установки (Саратовская – 1 142, Самарская – 954, Симбирская – 391)¹⁶. Все эти данные учитывают в основном крупные, фабрично-заводские, ценовые предприятия.

Основная отрасль промышленности всех трех губерний – пищевкусовая. В начале 1918 г. из 2 487 предприятий трех губерний с теплосиловыми установками 2 096 – пищевкусовые¹⁷. На 1918 год Саратовская губерния занимала первое место, а Самарская – второе место среди 31 губерний, Москвы и Петрограда по производству пищевой продукции для армии¹⁸. Кстати, в это время в трех губерниях было 1 254 ценовых предприятия по производству продуктов питания¹⁹. По материалам промышленной переписи 1918 г., в Самарской губернии из 607 охваченных предприятий 536 – пищевая группа²⁰.

Значительно отстают, но все-таки в какой-то мере развиты текстильная, деревообрабатывающая, металлообрабатывающая, химическая промышленность. Но все они развиты далеко не в соответствии с производственными и сбытовыми возможностями трех рассматриваемых губерний. Например, несмотря на большое количество скота, была относительно слабо развита кожевенная промышленность, особенно в Самарской губернии (по причине ввоза изделий из других мест²¹). Правда, вышесказанное нельзя отнести к текстильной промышленности Симбирской губернии. Здесь 16 текстильных фабрик сосредоточили более половины рабочих и производили в стоимостном выражении больше продукции, чем все остальные отрасли промышленности вместе взятые²².

¹⁴ Засов А.Ф. Указ. соч. С. 3.

¹⁵ Российский государственный архив экономики (далее – РГАЭ). Ф. Р-3429. Оп. 1. Д. 397. Л. 27.

¹⁶ Там же. Оп. 4. Д. 12. Л. 14-38.

¹⁷ Там же.

¹⁸ Россия в мировой войне 1914–1918 гг. (в цифрах). С. 66. Табл. 58а.

¹⁹ Всероссийская промышленная и профессиональная перепись 1918 г. М., 1926. С. 10-12, 24-25, 32-33.

²⁰ Отчет Самарского губернского экономического совещания. Самара, 1921. Вып. 1. С. 9.

²¹ Известия Самарского ГСНХ. 1918. № 10. С. 1.

²² Головчинер Я.М. Установление Советской власти в Симбирске. Ульяновск, 1957. С. 6.

На прогресс или регресс отраслей большое влияние оказала Первая мировая война. В Самаре в связи с милитаризацией промышленности стало в 1917 г. до 60 тыс. рабочих, из них половина на военном Трубочном заводе²³ (в 1914 г. во всей губернии было 47 тыс. рабочих²⁴). Металлообрабатывающая промышленность Самарской губернии принимала в оборонном производстве наибольшее участие, по сравнению с двумя другими губерниями, по доле предприятий, вовлеченных в это производство (на оборону работало три самых крупных завода отрасли). В Саратовской губернии на оборону работало девять предприятий, но это было 20% от всех металлообрабатывающих предприятий губернии. В Симбирской губернии из 12 учтенных предприятий отрасли на армию работал только военный завод Главного артиллерийского управления (ГАУ), остальные обслуживали сельское хозяйство²⁵. В мае 1918 г. в Симбирск был эвакуирован еще один крупный петроградский военный завод²⁶. Также в период Первой мировой войны на максимум производительности вышла суконная промышленность Симбирской губернии, кустари кооперировались в артели и выполняли военные заказы²⁷. Увеличилась производительность Самарского сернокислотного завода, построены Саратовский, Трехсосенский и Симбирский сернокислотные заводы²⁸. Было начато строительство еще ряда военных заводов. По всем губерниям происходила концентрация кожевенной промышленности, создавались и укрупнялись кожевенно-обувные фабрики²⁹, на подъеме были паровые мельницы и швейные фабрики. Но закрывались или снижали производительность некоторые кирпичные, лесопильные и пищевые предприятия³⁰.

На рубеже 1917–1918 гг. большинство промышленных предприятий работало нерегулярно, не хватало сырья, топлива, железные дороги не справлялись с перевозками. Резко упало даже сельскохозяйственное производство, не хватало инвентаря, рабочих рук, сократились посевные площади³¹. Росла безработица. В Симбирске на учете в феврале 1918 г. было 466 безработных, а в апреле – уже 4 954, в Сызрани в январе 1918 г. – 2 600. На учете Саратовской биржи труда к

²³ *Медведев Е.И.* Установление и упрочение Советской власти на Средней Волге. Т. 1 // Ученые записки Куйбышевского государственного педагогического института. Куйбышев, 1958. Вып. 24. С. 48.

²⁴ *Коваленко Д.А.* Оборонная промышленность Советской России в 1918–1920 гг. М., 1970. С. 44.

²⁵ Промышленность Поволжья и голод 1921 года. М., 1921. С. 36–37.

²⁶ *Шарошкин Н.А.* Изменения в численности и составе рабочих Поволжья в переходный период от капитализма к социализму (1917–1937 гг.). Саратов, 1984. С. 18.

²⁷ Промышленность Поволжья и голод 1921 года. С. 65–66.

²⁸ Там же. С. 74–75.

²⁹ Борьба за власть Советов в Симбирской губернии (февраль 1917 г. – июнь 1918 г.). Сборник воспоминаний участников борьбы за установление и упрочение Советской власти. Ульяновск, 1957. С. 98.

³⁰ *Засов А.Ф.* Указ. соч. С. 5.

³¹ *Кряжимский С.В.* Самарский губсовнархоз в первые годы Советской власти. С. 128.

концу января 1918 г. числилось 1 783 безработных, на Самарской бирже на 15 ноября 1917 г. – больше 2 тыс. чел., не считая учтенных профсоюзами. А в целом в Самаре с 20 ноября 1917 г. по 23 марта 1918 г. зарегистрировано свыше 7 тыс. безработных³².

На предприятиях необходимо было налаживать производство, связи между предприятиями, переводить работу большинства из них на выпуск мирной продукции, в частности, чтобы оказать поддержку аграрному сектору, помочь крестьянам сельскохозяйственными машинами, промышленными товарами, наладить товарно-денежные отношения города и деревни.

Задача демобилизации промышленности для хозяйственных органов страны была поставлена Совнаркомом еще 9 декабря 1917 г.³³ Она стала одной из важнейших задач вновь созданной системы советов народного хозяйства. Например, среди задач Саратовского губсовнархоза при его образовании на ведущем месте стояли демобилизация промышленности, подчинение дореволюционных, регулирующих экономику организаций, и лишь потом – поднятие производительных сил страны³⁴. Обратим внимание, что «демобилизация промышленности» выделяется отдельной строкой.

Первоначальные задачи Самарского совнархоза, определенные при его создании, предусматривали регулирование всей хозяйственной жизни в Самаре и губернии; установление связи между городом и деревней; борьба с «социализациями», то есть самодетельными захватами предприятий рабочими коллективами; принятие в ведение и национализация предприятий, экспроприированных рабочими или брошенных владельцами, восстановление на них производства; демобилизация промышленности и восстановление производства мирной продукции; заготовка и обеспечение предприятий и населения топливом; организация общественных работ для ликвидации безработицы³⁵. Иными словами, и в Самаре демобилизация промышленности признавалась важной задачей.

10 марта 1918 г. начал свою работу отдел производства Саратовского ГСНХ, во главе которого встал А.Т. Ценципер³⁶. Задачи отдела – производственный контроль частных промышленных предприятий; организация управления национализированными фабриками и заводами; снабжение и перераспределение

³² Кузьмина Т.Н. Указ. соч. С. 53-55.

³³ Директивы КПСС и Советского правительства по хозяйственным вопросам. Сборник документов. М., 1957. Т. I. С. 28-29.

³⁴ Пятилетие Саратовского Губернского Совета Народного Хозяйства (1917/18–1923 гг.). Юбилейная памятка. Саратов, 1923. С. 13, 17.

³⁵ Центральный государственный архив Самарской области (далее – ЦГАСО). Ф. Р-88. Оп. 1. Д. 35. Л. 1 об., 2 об., 12, 12 об.; РГАЭ. Ф. Р-3429. Оп. 1. Д. 397. Л. 27; Оп. 2. Д. 1426а. Л. 18.

³⁶ Хроника революционных событий в Саратовском Поволжье. 1917–1918 гг. Саратов, 1968. С. 232.

сырья; обеспечение потребностей и хозяйственных нужд предприятий всех форм собственности и населения; регулирование всего производственного механизма в целом; развитие производства сельскохозяйственных орудий и распределение их; нормирование цен на изделия; борьба со спекуляцией; прием, перевозка, сортировка и хранение эвакуированного имущества. Именно этот отдел при необходимости занимался национализацией предприятий, а также демобилизацией промышленности. До создания отдела всю эту работу выполняли президиум и исполком ГСНХ³⁷.

10 апреля на заседании отдела производства рассматривалась демобилизация завода «Жесть» – переход с выпуска гранат на выпуск эмалированной посуды. Параллельно был поднят вопрос о строительстве завода эмалированной посуды и прокатного завода³⁸. 15 апреля доклад завода «Жесть» был одобрен на заседании губисполкома, ГСНХ было предписано помочь заводу с демобилизацией³⁹.

Текстильный подотдел отдела производства был создан для использования обмундирования, оставленного демобилизованными частями, но затем расширил свои задачи, подчинив себе суконную фабрику в Кузнецком уезде и другие текстильные предприятия, имевшееся в губернии сарпиночное производство. В связи с задачами разгрузки и распределения фронтowego имущества 1 июня был образован транспортно-разгрузочный подотдел, или транспортная секция. Подотдел занимался перевозкой различных грузов (металлы, сырье, изделия и др.) на склады ГСНХ, а также улучшением транспортного обслуживания. Как выразился один из членов исполкома (далее – ИК) Саратовского губсовнархоза: «Без нас и помимо нас ничего не вывозилось и не ввозилось»⁴⁰. Только за июнь благодаря работе подотдела на склады СНХ поступило 15 вагонов меди, 12 вагонов сортового железа, 9 вагонов проволоки, 12 вагонов сырой кожи, 36 вагонов разных материалов и др.⁴¹ Демобилизация вызвала к жизни и автосекцию, которая занималась сбором автоимущества, нормированием горючего и смазочных материалов, правильной постановкой автотранспортного дела в губернии.

Секция сельскохозяйственного машиностроения в составе отдела действовала с 5 июня 1918 г.⁴² Функции секции – учет сельскохозяйственных машин и орудий, снабжение ими населения, обмен ими с другими губерниями, ремонт сельскохозяйственных орудий. Секция не раз пыталась организовать

³⁷ Годовщина социальной революции в Саратове. Саратов, 1918. Ч. 2. С. 56.

³⁸ 1917 год в Саратовской губернии. Сборник документов (февраль 1917 – декабрь 1918 гг.). Саратов, 1957. С. 348.

³⁹ Хроника революционных событий в Саратовском Поволжье. С. 253.

⁴⁰ РГАЭ. Ф. Р-3429. Оп. 1. Д. 397. Л. 32.

⁴¹ Годовщина социальной революции в Саратове. С. 57.

⁴² 1917 год в Саратовской губернии. С. 472.

соответствующее производство на различных предприятиях и мастерских, но успех был незавиден – не хватало сырья, топлива, специалистов. Секция к концу лета взяла на учет 41 757 шт. различных машин и орудий⁴³, организовала ремонт сломанных, разгрузила и выдала имевшиеся машины и закупила еще на 200 тыс. руб., выделенных для этого ГСНХ⁴⁴.

25 января 1918 г. было декларировано создание четырех секций Самарского совнархоза, в том числе Секция обрабатывающей промышленности, которая имела своей задачей демобилизацию заводов (в более поздних источниках – «национализацию»⁴⁵), развитие промышленности⁴⁶.

На общем собрании СНХ 2 марта в рамках кампании по демобилизации была создана Комиссия по ликвидации постройки Самарского порохового завода⁴⁷. Она была подотчетна перед исполкомом Самарского совета народного хозяйства и начала функционировать уже с 6 марта⁴⁸. К началу 1918 г. на строительстве этого завода было занято около 2 тыс. рабочих и служащих. Завод относился к Главному артиллерийскому управлению, он так и не был достроен ко времени заключения Брестского мира. На дальнейшее строительство не было средств, к тому же началась кампания демобилизации промышленности, поэтому строительство было заморожено.

Уже 11 января собрание рабочих завода потребовало немедленно открыть общественные работы для безработных⁴⁹. Комиссия была создана в результате доклада ФЗК и рабочей контрольной комиссии о положении на строительстве, о том, что строительство не нужно, а рабочие бедствуют⁵⁰. Задачами комиссии были охрана и перераспределение имущества стройки и рабочей силы. Хотя она не сразу нашла общий язык ни с администрацией строительства, ни с коллективом рабочих, ни с ИК ГСНХ⁵¹, действовала до самого прихода чехов. Не имея возможности найти новую работу такому количеству людей, ИК ГСНХ 13 мая постановил просить ВСНХ выделить средства на завершение строительства завода и железнодорожной ветки к нему, которая нужна сама по себе, а комиссию сохранить до организации

⁴³ 1917 год в Саратовской губернии. С. 472.

⁴⁴ Там же. С. 444.

⁴⁵ Победа Великой Октябрьской социалистической революции в Самарской губернии. Документы и материалы. Куйбышев, 1957. С. 451.

⁴⁶ Известия Самарского СНХ. 1918. № 1. С. 10.

⁴⁷ ЦГАСО. Ф. Р-88. Оп. 1. Д. 37. Л. 6, 15 об.

⁴⁸ Там же. Д. 58. Л. 2, 3.

⁴⁹ Победа Великой Октябрьской социалистической революции в Самарской губернии. С. 105, 484.

⁵⁰ ЦГАСО. Ф. Р-88. Оп. 1. Д. 58. Л. 3.

⁵¹ Там же. Д. 31. Л. 5, 9 об.

заводоуправления⁵². Но средства и разрешение не были получены.

Значительным мероприятием Самарского ГСНХ, преследующим сразу четыре цели (демобилизация промышленности, помощь сельскому хозяйству, уменьшение безработицы, создание планирования производства) был план производства сельскохозяйственных машин и орудий, который ИК ГСНХ поручил разработать организационно-административному отделу. В отделе конкретной разработкой плана и проведением его в жизнь занялось Центральное заводууправление, которое при отделе было создано 26 апреля 1918 г. Его функции – координирование управления всеми заводами; учет производимой продукции; распределение заказов; демобилизация военных предприятий; разработка единого плана работы предприятий⁵³. Это был первый план работы металлообрабатывающей промышленности губернии, до этого преимущественно работавшей на военные нужды. Намечено было изготовить 150 нефтяных двигателей, 45 тыс. плугов, 50 тыс. звеньев борон, 800 молотилок и другое оборудование. 3 мая заказы распределены между местными заводами⁵⁴.

Самарский ГСНХ усиленно способствовал процессу демобилизации. Кроме деятельности на пороховом заводе, в его ведение были приняты предприятия Народно-промышленного комитета (бывшего Военно-промышленного), Городского комитета по снабжению армии, на которых и осуществлялся переход на выпуск сельскохозяйственных машин. ГСНХ помогал перейти на выпуск мирной продукции Сергиевскому заводу взрывчатых веществ, другим предприятиям⁵⁵. Некоторые из них, такие как Трубочный завод, находились в критическом положении, на грани остановки работы⁵⁶. Но все планы демобилизации были сорваны развернувшимися военными действиями в Среднем Поволжье, приходом к власти в Самаре Комуча. Демобилизация же Сергиевского завода была приостановлена еще раньше, когда выяснилось, что завод переполнен уже произведенными взрывчатыми веществами⁵⁷.

Огромное значение в рамках демобилизации имела организация работ для безработных, которой в отличие от Саратовского Самарский ГСНХ занимался

⁵² Известия Самарского СНХ. 1918. № 3. С. 8.

⁵³ *Игнатенко Т.А.* Указ. соч. С. 155.

⁵⁴ Известия Самарского СНХ. 1918. № 2. С. 7.

⁵⁵ ЦГАСО. Ф. Р-88. Оп. 1. Д. 31. Л. 2-3, 11 об.

⁵⁶ *Басин С.Г.* Профсоюзы и фабзавкомы Среднего Поволжья в борьбе за создание основ социалистической экономики // Ученые записки Куйбышевского государственного педагогического института. Куйбышев, 1968. Вып. 63. С. 53; *Казюхин В.В.* Борьба рабочих за налаживание производства на самарских заводах в первые месяцы Советской власти // Научные труды Куйбышевского государственного педагогического института. Куйбышев, 1975. Т. 165. С. 65.

⁵⁷ Протоколы Президиума Высшего Совета народного хозяйства. Декабрь 1917 г. – 1918 г. Сборник документов. М., 1991. С. 123-124.

Статьи и сообщения

вплотную. Положение было тяжелым, борьбой с безработицей занимались профсоюзы, Совет ФЗК и ФЗК отдельных предприятий, Самарский горисполком, Комиссариат труда и другие органы, но системы и координации не было.

Какие принимались меры? Перепрофилировались военные заводы, при этом изыскивались средства и заказы⁵⁸. Этим занимался горисполком, впоследствии эту практику перенял ГСНХ. Рабочие временно вставших заводов, например Трубочного, организованно отпускались в села⁵⁹. Рабочие Сергиевского завода взрывчатых веществ с помощью профсоюза отправили 500 чел. своих безработных на асфальтовый завод в селе Батраки Сызранского уезда Симбирской губернии, которые наладили производство и снабдили асфальтом Иващенково, где были приведены в порядок улицы поселка. Также безработные построили в Иващенково 23 жилых дома, три школы, провели водопровод и канализацию⁶⁰.

Организация общественных работ стала основной в деятельности Самарского ГСНХ по решению вопроса безработицы. Сначала этим занимался ИК, потом Секция общественных работ, а с 7 апреля – строительный подотдел организационно-административного отдела. Еще 15 марта 1918 г. секция потребовала, а ИК согласился на создание при секции технического отдела по постройкам⁶¹. Самой значительной общественной работой стало строительство Крытого рынка. Для руководства ею 2 марта при ИК была создана специальная комиссия. В середине апреля – начале мая шли ожесточенные дискуссии об организации общественных работ: что строить? По какому принципу: чтобы занять большее количество безработных, или строить что необходимо, или что выгодно и быстрее себя окупит? Проведено несколько совещаний по данному поводу (19, 20, 25 апреля и др.), на которых были выдвинуты следующие проекты: строительство различных железнодорожных объектов (подъездные товарные, в том числе нефтяные, пути; железнодорожная ветка Самара–Николаевск; железнодорожная ветка за Волгой у Рождествено; продолжение строительства Безымянских железнодорожных мастерских и железнодорожной ветки по набережной Волги); продолжение строительства Крытого рынка; строительство набережной Волги; строительство общественных бань и душей; строительство здания для национализированных типографий; постройка городской центральной больницы; школ; здания университета; домов с дешевыми квартирами; развитие канализационного дела; создание города-сада и др.

⁵⁸ Солдат, рабочий и крестьянин (Самара). 1917. 22 декабря.

⁵⁹ *Василевский В.И., Николаев Ю.Н.* Иван Леонтьевич Мавринский (1885–1966) // Они служили народу. Куйбышев, 1968. С. 202.

⁶⁰ *Попов Ф.Г.* За власть Советов. Разгром Самарской учредилки. Куйбышев, 1959. С. 30.

⁶¹ ЦГАСО. Ф. Р-88. Оп. 1. Д. 31. Л. 8 об.

Статьи и сообщения

Было предложение удовлетворять неотложные нужды населения, поэтому безработных, независимо от профессии, направлять на обработку пашенных и огородных земель, постройку кооперативных домов и ремонт зданий, заготовку лесных и дровяных материалов, на кожевенные, кирпичные, черепичные заводы, обувные мастерские и т.д.⁶² Решено строить то, что более необходимо и быстрее окупится. И это должны быть объекты, близкие к экономике, работы же по улучшению городской санитарии, мощению улиц и площадей, постройку больниц, школ и тому подобного оставить горисполкому⁶³. Остановились на постройке железнодорожных объектов, Крытом рынке, набережной, общественных банях и здании типографий⁶⁴. Некоторые объекты находились на разных стадиях строительства, в частности рынок и мастерские. Относительно других на совещаниях определено, где, как и что конкретно строить.

Главная проблема была в финансировании. Только на Безымянские мастерские нужно было 10 млн руб., на Крытый рынок почти 12 млн, а на все объекты на первое время свыше 100 млн⁶⁵. Планировалось использовать средства железной дороги, обратиться к губисполкому, но так как местный бюджет такой суммы не выдержал бы, то главная надежда была на ВСНХ. Поэтому были составлены сметы на все объекты, которые отвезли в Москву.

Сначала ВСНХ обещал аванс, но в итоге самарские гонцы сообщили из Москвы, что даже Комиссия по постройке Крытого рынка должна рассчитывать исключительно на местные средства, а это был самый достроенный объект из всех. Кстати, сам ГСНХ выделил свои средства только на строительство рынка (всего 185 тыс. руб.)⁶⁶. Поэтому к 7 июня ни одно строительство не было закончено. Уже к маю в Самарской губернии, по данным Т.А. Игнатенко, было 21 477 безработных⁶⁷. То есть губсовнархоз прилагал значительные усилия по организации общественных работ для безработных, но по объективным причинам не преуспел в этом.

По данным Симбирского губернского комиссариата труда, непосредственно в Симбирске к июню 1918 г. было 9 150 безработных, в Сызрани – 3 377⁶⁸. Организация общественных работ стала одной из причин создания Симбирского ГСНХ. Для этого в его структуре был создан специальный отдел. VI Губернский съезд советов собирался возложить на ГСНХ строительство железной дороги Алатырь–

⁶² Известия Самарского СНХ. 1918. № 1. С. 7.

⁶³ Там же. № 3. С. 5.

⁶⁴ Там же. № 1. С. 7; № 3. С. 3-5.

⁶⁵ ЦГАСО. Ф. Р-88. Оп. 1. Д. 37. Л. 6; Известия Самарского СНХ. 1918. № 1. С. 7.

⁶⁶ ЦГАСО. Ф. Р-88. Оп. 1. Д. 37. Л. 18 об., 36 об.

⁶⁷ Игнатенко Т.А. Указ. соч. С. 151.

⁶⁸ Басин С.Г. Борьба профсоюзов Среднего Поволжья с безработицей в 1918 году // Научные труды Куйбышевского государственного педагогического института. Куйбышев, 1975. Т. 165. Вып. 2. С. 71.

Статьи и сообщения

Симбирск–Кинель, гавани, элеватора, расширение существующей электростанции и строительство центральной, строительство трамвая. В ГСНХ рассматривали выдвинутую Нижним Новгородом перспективу строительства железной дороги Ермолино–Нижний Новгород–Кинель⁶⁹. Но дело, как и в Самаре, остановилось на стадии разработки проектов и смет – на строительство денег не было.

По данным статистического отдела Симбирского ГСНХ, в губернии имелось 3 277 предприятий, включая ветряные мельницы⁷⁰. Промышленность весной-летом 1918 г. была в плохом состоянии. Лучше других дело обстояло в текстильной промышленности. Суконные фабрики, по крайней мере, в первой половине 1918 г. полностью не останавливались. Но и на них иссякали запасы сырья, выпуск продукции сократился по сравнению с 1913 г. до 40%, росла безработица. Мукомольная промышленность находилась в застое из-за неурожая и отсутствия организации снабжения и распределения (кстати, мельницами в Симбирской губернии занимался не ГСНХ, а Комиссариат продовольствия). Мельницы разрушались и владельцами, и революционным движением, имел место и саботаж. Работали только мелкие водяные мельницы, находившиеся в руках кулаков и немногих сельских Советов. Кожевенное и обувное производство, достигшее неплохого уровня к 1914 г., снижало выпуск продукции. В наихудшем положении были, пожалуй, лесопильные заводы. Из 70 более-менее крупных работало несколько. Впрочем, для Симбирского совнархоза задача демобилизации промышленности не оказалась первоочередной, вероятно, потому, что этот совнархоз был организован поздно, когда можно уже было говорить о постепенном переходе от демобилизации промышленности вновь к производству военной продукции.

В Саратове процесс демобилизации, как считает Ф.А. Рашитов, был прерван уже в марте 1918 г.⁷¹ Однако и летом Саратовский ГСНХ еще заботился о выпуске мирной продукции, например, обуви⁷². Процесс демобилизации в Саратове оказался в реальности прерван только в середине лета 1918 г. в связи с развернувшимися военными действиями против Комуча.

В Самаре же все попытки и первые мероприятия по демобилизации промышленности были прерваны мятежом чехов.

⁶⁹ Государственный архив Ульяновской области. Ф. Р-103. Оп. 1. Д. 16. Л. 29 об.

⁷⁰ Морозов В.Ю. Деятельность Симбирского ГСНХ в первой половине 1918 года // IX Румянцевские чтения. Материалы Международной научно-практической конференции «Экономика, государство и общество в XXI веке». М., 2011. Ч. 2. С. 90.

⁷¹ Рашитов Ф.А. Основные этапы советского строительства в Саратовской губернии в первой половине 1918 года // Материалы к научной конференции аспирантов и молодых научных сотрудников (Секция истории СССР). Саратов, 1965. С. 39-40.

⁷² 1917 год в Саратовской губернии. С. 451.

Статьи и сообщения

Учитывая аграрный характер экономики всех трех рассмотренных губерний и общее состояние промышленности, основные направления плана ее демобилизации – выпуск товаров для сельского населения и организация общественных работ для освобождающихся рабочих рук – кажутся целесообразными. К сожалению, естественное завершение этой кампании, ее результативность оценить не представляется возможным, так как уже на начальной стадии она была прервана Гражданской войной.

Несомненно одно – главным стратегом и тактиком процесса демобилизации, главным его координатором оказались советы народного хозяйства. Они были созданы и «заточены» советской властью под системный подход, и демобилизация как раз была проявлением этого подхода к экономике страны в целом. Однако рычагов для проведения данной политики в жизнь у совнархозов, особенно провинциальных, не хватило. Конечно, отсутствие опыта и квалифицированных кадров сказывалось отрицательно уже на стадии планирования, приводило к затягиванию реализации этих планов. Однако намного отрицательнее сказалось недостаточное финансирование, которое при желании можно, разумеется, объяснить, но если государство желает достичь успеха, недофинансирование недопустимо. Практика экономических реформ показывает, что ни конверсия, ни демобилизация, ни любая другая масштабная реформа без инвестиций к успеху не приводят.

Сухова Ольга Александровна

*доктор исторических наук
Пензенский государственный университет*

СОЦИАЛЬНЫЕ НАСТРОЕНИЯ И МАССОВОЕ СОЦИАЛЬНОЕ ПОВЕДЕНИЕ ПРОВИНЦИАЛЬНОГО ОБЩЕСТВА В ГОДЫ ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ

Первая мировая война относится к тем событиям, что по масштабам и степени своего воздействия на последующий ход истории человечества являются определяющими. 1914 год выступает тем водоразделом, который необратимо изменил привычный ход течения жизни, создав основу для утверждения «короткий XX век».

Сегодня исследователи не ограничены в выборе методологии изучения истории военного конфликта, что вселяет уверенность в эффективности поисков исследовательской программы, адекватной достижениям современного гуманитарного знания. Наиболее продуктивным, на наш взгляд, выступает обращение к истории повседневности Первой мировой войны как к определенной технологии, позволяющей выстроить мозаичное полотно разрозненных фактов, событий и процессов в единую систему. Представление о естественной установке на изучение жизненного мира как первоосновы конституирования и конструирования произрастает из последовательного развития идей Э. Гуссерля, А. Шюца и их последователей. Темпорально-пространственные координаты культуры повседневности формируются «вокруг "здесь" моего тела и "сейчас" моего настоящего времени»¹. Отталкиваясь от упорядоченной реальности повседневной жизни, можно выстроить систему взаимосвязей в пределах всего социума. В понимании одного из современных исследователей повседневности А. Людтке, основополагающим концептом здесь выступает практика (в современном гуманитарном знании эта идея становится все более популярной, появилось даже

¹ Теоретические концепции повседневности в современной гуманитарной науке: хрестоматия / сост. А.В. Бушмаков. Пермь, 2010. С. 30.

понятие «практический поворот»). Помимо практики (поведения, посредством которого люди осваиваются с условиями своей жизни; адаптации; выживания) автор указывает на другие элементы повседневного взаимодействия: освоение (усвоить, сделать что-то своим в материальном смысле), акторы (действующие лица), силовые поля (социальные связи и действия по производству культурных продуктов), уклонения (стремление поступать иначе, чем ожидается)².

Именно системный подход к анализу взаимодействий и взаимосвязей, возникающих в процессе конституирования и конструирования жизненного мира, позволяет избежать бесцельных дискуссий относительно ограничения круга проблем, подлежащих рассмотрению историей повседневности. В последнее время это направление исследовательских поисков приобретает характер очевидной тенденции. Если вопросы, которые волновали исследователей первой волны интереса к повседневности (рубеж XIX–XX вв.), фокусировали внимание на отдельных элементах конструкции: макро- и микросреда обитания, тело и заботы о его природе и социокультурных функциях, ключевые моменты в жизни человека (рождение, смерть и пр.), семейные и межличностные отношения, досуг³, то в работах последнего времени основной акцент все более смещается в сферу взаимодействия. В частности, Н.В. Розенберг предлагает модель, в которой согласуются три уровня организации структур повседневности:

- близость к собственному «Я» жизненного круга, очерченного пределами быта, обыденной реальности;
- основополагающие дихотомии, отвечающие за взаимодействие внеобыденных и повседневных сфер культуры: привычка–спонтанность, ритуал–внезапность, рутина–креативность, будни–праздник, традиция–мода, стабильность–экстремальность, реальность–виртуальность;
- и, наконец, к третьему уровню необходимо отнести язык, ценности и менталитет⁴.

Специфика изучения истории повседневности в эпоху Первой мировой войны заключается в первую очередь в возможности реконструировать дихотомию: стабильность–экстремальность, а также воссоздать особенности трансформации поведенческих практик, связанных с адаптацией, освоением перехода из привычного жизненного мира в предельно-критический, выстраивая стратегию «жизни в катастрофе» (по выражению И.В. Нарского⁵).

² Людтке А. История повседневности в Германии: Новые подходы к изучению труда, войны и власти. М., 2010.

³ Полякова И.П. Социально-философское понимание повседневности. Липецк, 2009. С. 30-31.

⁴ Розенберг Н.В. Культура повседневности: методология исследования. Тамбов, 2010. С. 89-121.

⁵ Нарский И.В. Жизнь в катастрофе: Будни населения Урала в 1917–1922 гг. М., 2001.

Статьи и сообщения

Изучение повседневности военных периодов позволяет зафиксировать не только следы кардинальных изменений восприятия вещного мира, событийных практик, субъект-субъектных отношений, но и определить наиболее значимые пласты обыденности, отвечающие за стабильность и витальность человеческого бытия.

Первым и, пожалуй, самым серьезным испытанием для российского общества в условиях начавшейся войны следует считать проведение мобилизационных кампаний. В целом, если верить данным Всероссийской сельскохозяйственной переписи, проводившейся летом 1917 г., из сельских местностей 75 губерний и областей российской империи было мобилизовано 12 861,4 тыс. чел., в том числе из 47 губерний Европейской России – 10 932,6 тыс. чел.⁶

В июле 1914 г. впервые в российской истории проводился действительно всеобщий призыв на военную службу, когда в первые же дни войны деревня потеряла около 2,5 млн чел. или 14% всей мужской полноробочей силы⁷. Положение усугублялось тем, что начало мобилизационной кампании пришлось на период страды при достаточно неблагоприятных видах на урожай 1914 г. в Европейской России. В кратчайшие сроки и в небывалых ранее масштабах местные власти вынуждены были решать огромное количество проблем как организационного (обеспечение сопровождения, питания и т.д.), так и идеологического характера (информирование призывников об условиях содержания их семей и пр.). Естественным результатом проведения «всеобщей» мобилизации при отсутствии необходимого периода апробации и согласования необходимых мероприятий силами целого ряда служб становятся сбои в решении организационных вопросов.

В этих условиях патриотический подъем, захвативший в июльские дни общественное сознание, был омрачен целым рядом случаев агрессивного поведения призывников, зафиксированных, главным образом, в восточной части Европейской России – в губерниях Самарской, Саратовской, Уфимской и Пермской. Волнения, вызванные мобилизацией и именуемые в полицейских документах «пьяными бунтами», а в советской историографии «стихийным выражением ненависти народных масс к грабительской войне, затеянной империалистами»⁸, были обусловлены рядом объективных причин.

⁶ Анфимов А.М. Российская деревня в годы первой мировой войны (1914 – февраль 1917). М., 1962. С. 188-189.

⁷ Беркевич А.Б. Крестьянство и всеобщая мобилизация в июле 1914 г. // Исторические записки. М., 1947. Т. 23. С. 13.

⁸ Там же. С. 8; Аналогичные оценки встречаются и у А.М. Гребнева. См.: Гребнев А.М. Аграрные отношения в Пензенской губернии между первой и второй буржуазно-демократическими революциями в России. Пенза, 1959. С. 127.

При рассмотрении рефлексии крестьянского сознания на новые стимулы времени обратимся, в первую очередь, к первичному определению, лексическое значение которого указывает на проблему социальной интерпретации введения запрета на продажу алкогольной продукции. Речь идет о существовании долговременной традиции регулирования сверхсильных переживаний, появление которых было спровоцировано возможной угрозой физической гибели. Как оказалось, в новых условиях реализовать прежний ритуал проводов в армию стало достаточно проблематично (напомним, что использование вина в крестьянской повседневной культуре носило знаковый, можно даже сказать сакрализированный, характер, оценивалось как способ психологической релаксации мобилизованных). Жесткое рассогласование, блокировка представлений массового сознания о востребованности и оправданности существования определенного поведенческого стереотипа, известного как «гульба» призывников, и наличной ситуации, представленной закрытием «казенок» в добавление к общей тенденции роста преступности и девиантных форм поведения в молодежной среде, в конечном итоге вылилось в погромные выступления. Объясняя поведение призывников «взрывом озорских и буйных наклонностей в сельской местности», отмечая «уверенность [запасных. – прим. О.С.] в своей безнаказанности, по примеру таких же грабежей при мобилизации во время войны с Японией, когда нападения на винокурные лавки и расхищение вина из них в Саратовской губернии почему-то не получили возмездия»⁹, местные власти невольно фиксировали существование определенного поведенческого стереотипа, позволявшего регулировать массовые психические состояния.

В крестьянском сознании подобное поведение оправдывалось именно жертвенным характером войны («перед смертью все дозволено»). В образе «солдата» традиционно главной темой, обусловленной одним из первичных инстинктов человека, был «страх смерти», ощущение возможности или неизбежности которой снимало многие ограничительные запреты на поведенческие нормы патриархального общества. Первая мировая война с ее позиционным характером, неясными целями и масштабностью социокультурного воздействия вообще многократно усиливала звучание архаических образов. Именно массовость подобных суждений позволила С. Федорченко запечатлеть в качестве литературного образа: «С водкой сердцу в кулак не вступить. Кабы водку не запретили не добыть бы нам свободы»¹⁰.

С другой стороны, проведение мобилизации в разгар полевых работ породило новое противоречие, связанное с представлениями о сезонности земледельческого

⁹ Крестьянское движение в России в 1914–1917 гг. М.; Л., 1965. С. 122-123.

¹⁰ Федорченко С. Народ на войне. М., 1990. С. 101.

Статьи и сообщения

труда и патерналистской схемой социальных связей, что находит свое отражение в требовании обеспечения семей запасных государственными пособиями¹¹. В документах местных ГЖУ особо отмечалось, что малейшая проволочка с оформлением документов на получение пособия вызывала ропот и возмущение среди «жен призванных»¹².

В частности, 18 июля 1914 г. призванные запасные Маисской волости Городищенского уезда Пензенской губ. в количестве 215 чел. разгромили по пути следования казенную винную лавку в с. Столыпине того же уезда и уничтожили там вино. Для обеспечения порядка губернатор направил в село роту пехоты. Но уже на следующий день в селе вновь была разгромлена казенная винная лавка. Многие призванные изменили маршрут следования, значительная часть их разбрелась по лесу¹³.

По данным Краснослободского уездного исправника, 21 июля 1914 г., направляясь из г. Краснослободска в г. Троицк, партия запасных нижних чинов в числе 490 чел. совершила нападение на казенную винную лавку с. Малый Азясь¹⁴. В погроме участвовало практически все население села. Остановить толпу в 2 тыс. человек двум чинам полиции не удалось. Крестьяне под руководством запасного Тимофея Мартынова нанесли побои охранявшим винную лавку стражнику Кузнецову и уряднику Мельникову и, выбив окна, стали расхищать вино. По словам продавщицы вина казенной винной лавки № 353 А.Л. Машковой, было расхищено спирта 19 сотых ведра и вина 76¼ ведра на сумму 702 рубля и лично принадлежавшего ей имущества на 20 рублей, уничтожена и поломана казенная обстановка на 5 руб. 50 коп. и кружка для сбора пожертвований на слепых. Погром становится общим для всего села делом. Так, в ходе дознания крестьянка с. Малый Азясь Ефимия Тимофеевна Токарева 22 лет отметила, что днем 21 июля она действительно подняла с земли на улице около винной лавки две полбутылки вина, которые отнесла домой и распила с семейными¹⁵. В результате столкновения полиция применила оружие, один из призывников был смертельно ранен¹⁶.

¹¹ Поршнева О.С. Менталитет и социальное поведение рабочих, крестьян и солдат России в период I мировой войны (1914 – март 1918 гг.). Екатеринбург, 2000. С. 111.

¹² Центральный государственный архив Самарской области (далее – ЦГАСО). Ф. 468. Оп. 1. Д. 2127. Л. 4.

¹³ Гребнев А.М. Указ. соч. С. 127-128.

¹⁴ Государственный архив Пензенской области (далее – ГАПО). Ф. 5. Оп. 1. Д. 7988. Л. 24-33.

¹⁵ Там же. Л. 31.

¹⁶ Государственный архив Российской Федерации (далее – ГАРФ). Ф. 102. ДП. 1914. Оп. 123. Д. 138. Ч. 49. Л. 9.

Статьи и сообщения

Все чаще в полицейских сводках фиксировалось преимущественное участие молодежи в погромных выступлениях. Так, в с. Солодче Саратовской губернии в разгроме казенки 26 июля 1914 г. участвовала в основном «всё молодежь». В числе обвиняемых по делу о разгроме винной лавки в с. Переезде Аткарского уезда той же губернии 23 июля 1914 г. оказалось семь подростков 12-16 лет, освобожденных в дальнейшем от ответственности по малолетству, в том числе три девочки¹⁷. В общей сложности, к денежному штрафу или тюремному заключению было приговорено 43 чел., 18 из которых – в возрасте до 30 лет.

В г. Ставрополе Самарской губ., где находился сборный пункт, поводом для волнений послужило повышение цены на хлеб. 21 июля мобилизованные разгромили несколько лавок и магазинов, была предпринята попытка нападения на казначейство. В ходе подавления беспорядков двое участников выступления были убиты, один из стражников получил ранения¹⁸. В Саратовской губернии ситуация также обострилась до предела. В г. Царицыне, где жертвы были наиболее многочисленными (21 июля погибло 20 и было ранено 24 участника выступления), процессу массовизации способствовало отсутствие достоверной информации относительно выдачи пособия семьям запасных, и основную роль в беспорядках, вылившихся в разгром сборного пункта, сыграли здесь женщины – жены призывников¹⁹. Скопление значительных масс людей в непосредственной близости от сборных пунктов, общность эмоционального восприятия происшедшего, ощущение состояния фрустрации как блокировки всех надежд в дополнение к особенностям крестьянской психологии, выраженным склонностью к коллективным способам мышления и поведения, – вот перечень условий формирования определенного состояния сознания, при котором достаточно любого, даже самого незначительного повода для перехода социальной динамики на уровень агрессии. Сам повод в различных его вариациях, вызывавший проявления массового поведения, выполнял исключительно функцию провоцирования толпы на решительные действия и не отражал реального содержания социальных представлений и ощущений²⁰.

Объявление «Высочайшего повеления о призыве ратников» в координатах родового сознания выполнило функцию сигнала к запуску процессов слухообразования, формировавших в крестьянской среде представления об обоснованности, освещения традицией, а значит законности, санкционирования подобных форм поведенческой практики. Распространение слухов о предстоящих

¹⁷ ГАРФ. Ф. 102. ДП. 1914. Оп. 123. Д. 9469. Л. 11-12.

¹⁸ Беркевич А.Б. Указ. соч. С. 16.

¹⁹ Там же. С. 17.

²⁰ См., напр.: ГАПО. Ф. 5. Оп. 1. Д. 7979. Л. 82.

либо состоявшихся винных погромах свидетельствовало, кроме того, о востребованности употребления вина и «гульбы» призывников как необходимых способов релаксации, о допустимости и желательности использования последних. Так, в с. Ольховке Царицынского уезда Саратовской губернии слухи о готовящемся разгроме двух имевшихся в селе винных лавок появились сразу же после объявления о начале мобилизации. И хотя погрома в данном случае удалось избежать, весьма показательной в контексте нашего исследования является реакция «ратников» на отказ пристава открыть питейные заведения. Призывники заявили, что они «...все равно разобьют обе лавки, а на замечание пристава, что за это они понесут строгую кару, призываемые ответили, что бояться им нечего, – "все равно убьют на войне"»²¹.

Запрещение торговли горячительными напитками объективно способствовало распространению тайной продажи алкогольной продукции, нередко не отличавшейся хорошим качеством (изготовление и реализация так называемых «кислушки», «савраски» и т.д.). Даже проявление активности местных властей в этом отношении является косвенным свидетельством сохранения ритуально-обрядовой функции вина в русской бытовой культуре. Так, вслед за закрытием казенных винных лавок последовали распоряжения главноначальствующих сначала о воспрещении появления в общественных местах в состоянии явного алкогольного опьянения, а затем – уже осенью 1914 г., о воспрещении продажи спиртосодержащего кваса, меда и других опьяняющих напитков. Однако, несмотря на введение такого запрета, в полицейской документации продолжают фиксироваться отнюдь не единичные случаи незаконной торговли спиртным. В Пензенской губернии только в Городищенском уезде тайная продажа опьяняющих напитков осуществлялась в самом уездном центре, а также в селах Канаевке, Карамалах, Ильмине, Ивановке, Верхнем и Нижнем Шкафте, Золотаревке, Юлове и др.²² В Самарской губернии за период с 18 июля 1914 г. по 1 января 1915 г. было составлено 282 протокола на тайную продажу спиртных напитков и отмечено 417 случаев появления в нетрезвом виде в публичных местах²³.

Дальнейший рост незаконного производства и потребления алкогольной продукции отмечался местными ГЖУ и в 1915, и в 1916 гг. Согласно донесению помощника начальника Симбирского ГЖУ по Алатырскому, Ардатовскому и Курмышскому уездам от 20 апреля 1916 г., «...за отсутствием водки во многих селах стали варить мед и брагу, а для крепости туда подбавлять разные одуряющие, а

²¹ Государственный архив Саратовской области. Ф. 1. Оп. 1. Д. 9469. Л. 107-107 об. См. также: Крестьянское движение в России (июль 1914 г. – февраль 1917 г.). Сб. док. М.; Л., 1965. С. 118-119.

²² ГАПО. Ф. 5. Оп. 1. Д. 7978.

²³ ГАРФ. Ф. 102. 4-е Д-во. 1915. Оп. 124. Д. 60. Ч. 7. Л. 3 об.

порой и ядовитые вещества»²⁴. В целом же рефлексию крестьянского сознания на запрещение продажи пива позволяют представить материалы анкетирования, проведенного, в частности, пензенским земством путем анонимного опроса деревенских жителей в сентябре-октябре 1915 г. Согласно этим данным, 21,4% опрошенных мужчин и 18,2% женщин из более чем двух тысяч крестьянских респондентов напивались «ежедневно и допьяна», и лишь около 15% крестьян можно было отнести к непьющим и умеренно пьющим («никогда допьяна не напивались») ²⁵.

Погромы казенных винных лавок и другие проявления деструктивного поведения, свойственные российскому крестьянству на начальном этапе войны, не имели в дальнейшем четко выраженной динамики и представляли собой, пожалуй, первую, во многом чисто эмоциональную, реакцию деревни на ставшую суровой реальностью военную действительность. Однако крестьянин-ратник как носитель маргинальных этических идеалов, как, своего рода простейший элемент толпы-массы надолго получит «прописку» в городах региона, и стереотип «солдатского» поведения постепенно превратился из аномалии в норму повседневной жизни²⁶.

Становится очевидным, что в условиях войны основным фактором, угрожавшим не только сохранению социально-политической стабильности, но и разрывавшим пространство обыденной реальности, нарушавшим темпорально-пространственные характеристики повседневности, выступал стремительный рост миграционной активности населения, перемещений значительных масс людей, будь то ратники, военнопленные или беженцы. Само по себе увеличение концентрации людей в том или ином населенном пункте препятствовало эффективному удовлетворению потребностей, чем и создавало основу для возникновения массовых форм поведения (массовой паники, либо массовой агрессии).

Так, в Саратовской губернии в первые же дни мобилизации власти столкнулись с серьезными проблемами по размещению и продовольственному обеспечению призванных. Помещения, где предполагалось организовать ночлег для запасных (реальные училища, гимназии, школы), были явно не предназначены для ночлега (спать приходилось на голом полу). Очагов для варки и кухонных помещений не хватало, так что обедали во много смен до позднего вечера. Не было и необходимого количества офицеров, и призывники оказались предоставлены сами себе. От массовых беспорядков спасало распоряжение губернатора об ограничении

²⁴ Государственный архив Ульяновской области (далее – ГАУО). Ф. 855. Оп. 1. Д. 1325. Л. 86.

²⁵ Вестник пензенского земства. 1915. № 7. С. 124. Всего в сентябре и октябре 1915 г. было распространено 2 167 анонимных листа. При этом число участников-крестьян составило 1 893 чел. или 92,5%.

²⁶ См.: ГАРФ. Ф. 102. 1915. Оп. 124. Д. 60. Ч. 7. Л. 19-20; 1916. Оп. 125. Д. 62. Ч. 3. Л. 4.

Статьи и сообщения

мобилизации только призывными 1913 года. Согласно же распоряжениям Главного штаба, требовалось призвать ратников за 6 последних лет. Поэтому серьезные опасения городских властей вызывало любое промедление с отправкой ратников. Так, к концу июля 1914 г. в г. Сердобске было сосредоточено уже до 2 тыс. ратников. Учитывая, что в ожидании отправки военнослужащих в городе находились и их родственники, исправник тревожился из-за угрозы погромов, требуя или скорейшей отправки запасных или их отпуска по домам для завершения полевых работ²⁷.

В Пензе для расквартирования проходивших через город воинских частей были заняты помещения всех начальных училищ. Учебные занятия в этом звене были приостановлены. Возникли серьезные проблемы в организации учебного процесса в средних общеобразовательных учреждениях²⁸. По той же причине была прекращена деятельность ряда увеселительных учреждений, в том числе кинематографов Рекорд, Кинемо, Эдиссон, Дворянского и Соединенного собраний²⁹.

Летом 1916 г. в городе возникли перебои в водоснабжении, что объяснялось возросшими потребностями в обеспечении воинских частей и предприятий, работавших на оборону. Как отмечалось в материалах заседаний городской думы, «машины водопровода работают при полной своей интенсивности, т.е. по 24 часа в сутки и уже непрерывно в течение нескольких недель». Особенно усиленный забор воды ощущался в предпраздничные банные дни, кроме того утром с 7-ми до 10-ти часов и вечером с 4-х до 6-ти часов. В дальнейшем предполагалось дополнительное увеличение расхода воды: для вновь отстроенных военных барачных – до 25 тыс. ведер, военного эвакуационного пункта – 5 тыс. ведер, вновь строящегося Трубочного завода, добавочных артиллерийских казарм, галетного завода, элеватора Государственного банка. Единственный выход городские власти усматривали в устройстве новой подстанции водопровода (до 5-6 артезианских скважин), что требовало серьезных финансовых затрат общим объемом в 200 325 руб.³⁰

Осенью 1914 г. к прочим добавилась проблема размещения военнопленных. Так, 5 ноября в 7 часов утра с поездом № 48 на станцию «Пенза» Сызрано-Вяземской железной дороги ожидалось прибытие военнопленных австрийских войск в числе 30 офицеров и 1 530 нижних чинов, затем с поездом № 60 в 4 часа дня по местному времени – еще 1 450 нижних чинов и 29 офицеров тех же войск. По требованию губернатора, «водворяемых на жительство» германских и австрийских

²⁷ Посадский А.В. Крестьянство во всеобщей мобилизации армии и флота 1914 года (по материалам Саратовской губернии). Саратов, 2002. С. 64-65.

²⁸ ГАПО. Ф. 5. Оп. 1. Д. 7988. Л. 120.

²⁹ Там же. Ф. 108. Оп. 1. Д. 737. Л. 110.

³⁰ Там же. Л. 159.

подданных необходимо было разместить преимущественно в городах или, в случае затруднительности их размещения, в ближайших крупных селениях. Военнопленные пользовались свободой передвижения «в местности водворения», но им было запрещено отлучаться из ее пределов без особого на то разрешения полицейской власти (исправника, пристава). Разрешение на отлучку из мест водворения могло быть дано полицией только в пределах уезда на срок не более суток. Полиции предписывалось вести строгий учет «всех водворяемых» и сообщать о всех прибывших губернатору незамедлительно³¹. По всей вероятности, для уездных исправников пристанционных городков прибытие военнопленных создавало массу проблем, о чем свидетельствует их переписка с канцелярией губернатора. Размещать по квартирам местных жителей военнопленных можно было только с согласия самих владельцев квартир, причем денег на оплату аренды квартиры не выделялось совершенно³².

В своем рапорте на имя губернатора от 14 ноября 1914 г. инсарский исправник повторно обращается с вопросом «будут ли отпускаться в мое распоряжение денежные средства на пропитание неимущим средств высланным в г. Инсар германским и австрийским подданным и присовокупляю, что жизнь в Инсаре крайне вздорожала, квартир совершенно нет, так как последние заняты размещенными нижними чинами запасного батальона и при дальнейшем прибытии высылаемых, таковые мною будут высылаться в селения, где находятся становые квартиры»³³. Регулярность подобных обращений вызвала появление специального циркулярного письма губернатора исправникам от 16 ноября 1914 г., в котором, в связи с множеством обращений о помощи несостоятельным военнопленным, было объявлено, чтобы «наиболее нуждающиеся из этих лиц пользовались бы помощью со стороны своих состоятельных соотечественников, водворенных в тот же город. Такая помощь могла бы быть оказываема неимущим из них либо призрением их у себя более состоятельными семьями их соотечественников, либо выдачею нуждающимся денежной помощи. Образование каких-либо комитетов в среде водворенных на жительство германских и австрийских подданных, однако, недопустимо»³⁴. В это время численность военнопленных в уездах губернии колебалась от 53 в г. Керенске до 120 в г. Инсаре³⁵.

Весьма характерным примером, иллюстрирующим степень напряженности воспроизводства повседневной жизни рядовых обывателей, является рассмотрение

³¹ ГАПО. Ф. 5. Оп. 1. Д. 7991. Л. 3-3 об.

³² Там же. Л. 41-48.

³³ Там же. Л. 65.

³⁴ Там же. Л. 70.

³⁵ Там же. Л. 555-557.

Статьи и сообщения

случаев нарушения обязательных постановлений губернатора. Так, по протоколу дознания пензенского полицмейстера от 18 апреля 1915 г. крестьянин, проживавший в Пензе, С.И. Курышев «продал партии пленным австрийцам каравай белого хлеба дороже таксы, установленной Пензенской городской думой». По постановлению губернатора от 26 августа на Курышева было наложено денежное взыскание в размере 50 руб. с заменой его в случае неуплаты арестом на 14 дней. Однако в своем прошении о сложении взыскания незадачливый торговец пояснил всю неоднозначность ситуации: «На пасхальной неделе текущего года через станцию «Пенза» Рязанско-Уральской железной дороги провозили военнопленных, взятых в Перемышле. Пленных провозили по несколько тысяч в день и в лавках на порядке, где я живу, не хватало не только хлеба, но и всего, что только можно было съесть и выпить. От центра города порядок был совершенно отрезан весенним половодьем, так что хлеб из пекарен перевозили на лодках в небольшом количестве... Едва я успел вылезти из лодки, как пленные набросились на меня, силой отняли у меня хлеб, хотя тут же и бросили деньги. Я обратился за помощью к стоявшему здесь городовому, который велел мне хлеб продавать по 65 коп. за каравай (хлеб был первого сорта и каравай весил около 8 фунтов). Не продать же на месте хлеба не было возможности, так как пленные уже завладели мешком с хлебом и бросали мне деньги, не справляясь о цене и о весе хлеба. Подобные явления были и с другими, которые несли хлеба только лично для себя, всего несколько фунтов, и набежавшие пленные забирали его и бросали деньги, сколько у них наберется»³⁶.

Необходимо отметить, что даже самый поверхностный анализ делопроизводственной документации относительно нарушений обязательных постановлений губернатора свидетельствует, что чаще всего власти фиксировали незаконную торговлю алкогольными суррогатами, солдатским обмундированием, непредставление сведений в полицию о лицах, прибывающих для проживания в город, а также превышение таксы, установленной городской думой на продажу продуктов первой необходимости³⁷.

Угрожающее слово «дороговизна» стало появляться на страницах провинциальных газет с весны 1915 г. Хотя уже в сентябре 1914 г. в Пензенской губернии отмечался незначительный рост цен на товары первой необходимости. Так, стоимость сахара увеличилась на 3-4 коп. за фунт, керосина – на 1-2 коп., соли – на 1,5 коп³⁸. Однако к апрелю 1915 г. цены на некоторые товары повседневного спроса выросли в 3 раза³⁹. Зимой 1915–1916 гг. продовольственная ситуация здесь

³⁶ ГАПО. Ф. 5. Оп. 1. Д. 8006. Л. 65-69.

³⁷ Там же. Д. 8006.

³⁸ Там же. Д. 7988. Л. 61.

³⁹ Пензенские губернские ведомости. 1915. № 87. С. 2.

Статьи и сообщения

обострилась до предела. Радикализация общественных настроений развивалась по нарастающей. Так, 26 января 1916 г. пензенская газета «Чернозем» отмечала, что вне зависимости от деятельности только что созданной городской продовольственной комиссии в губернском центре «не хватает муки, крупы, соли, мяса, сахара и прочих продуктов... Нет даже мало-мальски съедобного хлеба»⁴⁰.

Дезинтеграция социальных связей в городе экстраполировалась на ситуацию в государстве в целом и посредством каналов массовой коммуникации усваивалась крестьянским сознанием как неотвратимое приближение окончательного крушения мира привычной повседневности. «Ужасная обремененность» дороговизной определяла одно из наиболее общих и сверхсильных массовых переживаний последнего предреволюционного года. Так, в донесении помощника начальника Самарского ГЖУ по Бугульминскому и Бугурусланскому уездам от 13 ноября 1915 г. уже присутствуют сведения, противоречившие донесениям более раннего периода: дороговизна, как отмечалось, теперь стала сильно чувствоваться и крестьянами. Еще месяц назад власти считали, что рост цен на товары первой необходимости на руку сельхозпроизводителям. Теперь же крестьянин «...не может без злобы говорить о том, что лавочники, пользуясь случаем, стараются те предметы, которые приходится ему покупать в лавке, продавать как можно дороже»⁴¹. К сказанному выше следует добавить увеличение налогов по закону 24 декабря 1914 г., что стимулировало рост недоимок, а вслед за этим дестабилизировало ситуацию в деревне. По отдельным губерниям долги достигали огромных размеров. Так, в Саратовской губернии в 1916 г. имели задолженность 302,6 тыс. (76,3%) крестьянских хозяйств, за ними числилось долгу 22,5 млн руб., или в среднем по 74,32 руб. на хозяйство. Сумма долга в этой губернии превышала оклад казенных и земских платежей в 9,6 раза, а в целом по стране – более чем в 6 раз⁴². Закон 17 февраля 1915 г., наделявший местные власти правом запрещать вывоз сельскохозяйственной продукции за пределы своей губернии, устанавливать предельные цены на хлеб и фураж, закупаемые для армии, реквизировать продукты по пониженным ценам, стал еще одним фактором дезорганизации рынка⁴³.

⁴⁰ Чернозем (Пенза). 1916. 26 января. По установленным в марте 1917 г. твердым ценам на оптовую и розничную торговлю мукой в г. Пензе стоимость пуда ржаной муки достигла отметки в 2,5-2,8 руб., а пшеничной – 4,4-4,1 руб., тогда как в 1913 г. ржаная мука в Пензе продавалась не более чем по 90 коп. за пуд, а пшеничная, соответственно, 1,8-2,5 руб. См.: ГАПО. Ф. 5. Оп. 1. Д. 7973. Л. 123; Пензенские губернские ведомости. 1917. № 56. С. 1.

⁴¹ ЦГАСО. Ф. 468. Оп. 1. Д. 2127. Л. 18.

⁴² Анфимов А.М. Указ. соч. С. 266.

⁴³ Поршнева О.С. Указ. соч. С. 120.

При рассмотрении вопроса о противопоставлении двух тенденций: обнищания деревни и, напротив, ее обогащения, важно помнить, что война породила кризис идентичности внутри сельского общества, разделив деревню на преуспевающих «спекулянтов», т.е. семьи, не затронутые мобилизационными кампаниями, и «солдаток», подчас не имеющих возможности самостоятельно обрабатывать землю и превратившихся в полупролетарский–полумаргинальный слой, чье благосостояние зависело главным образом от размеров пособия, роста цен и дефицита продуктов⁴⁴.

К продовольственным трудностям добавилась проблема наплыва беженцев, а вслед за этим и эпидемия тифа⁴⁵. Вынужденные переселенцы, прибывая во внутренние регионы империи, не могли рассчитывать на помощь государства и довольствовались либо прежними накоплениями, либо помощью общественных организаций. Так, повсеместно были открыты губернские отделения комитета Ея Императорского Высочества Великой княжны Татьяны Николаевны для оказания временной помощи пострадавшим от военных бедствий. Размер единовременных выплат комитета составлял в зависимости от ситуации от 25 до 50 рублей. Как правило, беженцы обращались в Татьянинский комитет с просьбами о приобретении самого необходимого – теплой одежды и обуви («о выделении валенок и теплой одежды») или продуктов питания, что свидетельствовало о крайней степени нужды. Так, в своем прошении от 18 мая 1917 г. ученица 7-го класса 2-й женской гимназии, беженка из Курляндской губернии, проживавшая «в Пензе на городской скотобойне», Э.А. Лавенек отмечала: «Не имея отца, а вместе с тем и средств к существованию, даже возможности питаться, покорнейше прошу выдать мне какое-либо пособие на каникулярное время»⁴⁶.

Беженцы, а также военнопленные, в дополнение к пролетаризированным слоям, постепенно превращались в своеобразные анклав, генерировавшие маргинальную культуру, что отнюдь не способствовало сохранению и воспроизводству прежних социальных связей внутри общины, размывало ее основные социетальные функции, усиливало конфликтность, а по мере ухудшения

⁴⁴ По данным А.М. Анфимова, по 50 губерниям и областям число мобилизованных за годы войны составило 22,6% всех мужчин и 47,4% трудоспособного мужского населения. (Анфимов А.М. Указ. соч. С. 188-189). Следовательно, почти половина населения российской деревни получила к 1916 г. устойчивую мотивацию к выражению социального протеста, озлобившись на нарушение именно патерналистских связей, будучи недовольной масштабами государственной «заботы».

⁴⁵ В частности, в январе 1916 г. в Пензенской губ. насчитывалось 6 700 временных переселенцев (в том числе в г. Пензе – 2 019 чел.; число заболевших тифом составило 150 чел.), к октябрю численность беженцев только в г. Пензе возросла до 10 913 чел. По уездам данный показатель колебался от 2 696 до 7 325 чел. См.: Пензенские губернские ведомости. 1916. № 22. С. 3; № 30. С. 3; № 227. С. 3.

⁴⁶ ГАПО. Ф. 87. Оп. 1. Д. 24. Л. 223.

Статьи и сообщения

качества жизни вело к росту аффективности при столкновении с факторами, блокировавшими удовлетворение первичных потребностей. Результатом тиражирования такой культуры становились болезненные изменения общественного сознания, поражавшие, в первую очередь, сферу традиционной корпоративной морали⁴⁷.

Вряд ли при этом можно отрицать реальность угрозы режиму, который доказывал свою неспособность решать проблемы потребления. Выступления в средневожской деревне, происходившие на почве дороговизны, носили поэтому не только «антибуржуйский», нередко с примесью германофобских или антисемитских настроений, но и антиправительственный характер. И рост радикализма в восприятии крестьянством наличных социально-политических связей оценивался современниками посредством фиксации критических высказываний по поводу дороговизны: «еще больше ропот на купцов», «ненависть к купцам», «злоба на торговцев» и т.д. Меры борьбы властных структур с дороговизной в средневожской деревне считались явно недостаточными⁴⁸.

Особое место среди протестных форм социальной активности крестьянского населения занимают выступления против дороговизны. При полном отсутствии таковых на начальном этапе войны, начиная с марта 1916 г. наблюдается резкий рост выступлений⁴⁹, что объясняется недостатком жизненно важных продуктов, в первую очередь хлеба и сахара. По мере ухудшения продовольственного обеспечения «беспорядки на почве дороговизны» постепенно приобретали массовый характер и становились прелюдией к наиболее радикальным формам проявления социальной агрессии.

Период обострения потребительского кризиса в империи приходится на 1916 г., когда увеличение общего количества выступлений на почве дороговизны составило по отношению к периоду начала войны 13 раз. Весьма показательно, что крестьянские выступления в целом дают при этом тридцатикратное увеличение своей динамики⁵⁰. Следовательно, причин для недовольства в российской деревне было несоизмеримо больше, чем в городе.

⁴⁷ На примере распространения пьянства во время празднования Сабантуя в татарских селениях, начиная с 1916 г., что, разумеется, никоим образом не соответствовало бытовавшему традиционному представлению о бытовой культуре последователей ислама, этот тезис убедительно доказывает Д.И. Люкшин. См.: *Люкшин Д.И.* Вторая русская смута: крестьянское измерение. М., 2006. С. 93.

⁴⁸ ГАУО. Ф. 855. Оп. 1. Д. 1325. Л. 255-266.

⁴⁹ В 1916 г. волнения на почве дороговизны составили более 77% от общего количества крестьянских выступлений. См.: *Анфимов А.М.* Указ. соч. С. 362.

⁵⁰ *Кирьянов Ю.И.* Массовые выступления на почве дороговизны в России // Отечественная история. 1993. № 3. С. 10.

Статьи и сообщения

Появлению погромных настроений, как правило, предшествует этап согласования массовых ожиданий, осуществлявшегося посредством традиционных каналов коммуникации. В средневолжском регионе информация о желательности перехода к наиболее радикальному способу разрешения продовольственного кризиса в форме слухов начинает циркулировать летом 1915 г. В частности, по донесениям чиновников Саратовского ГЖУ, именно в это время в губернии были зафиксированы случаи обсуждения московских «беспорядков» на предмет того, что «было бы недурно потрепать и у нас лавки богачей, которые на все поднимают цены»⁵¹. В своем отчете за 1915 г. начальник Саратовского ГЖУ отмечал, что «на почве возмущения дороговизной и спекуляцией в будущем могут произойти большие погромные беспорядки и самосуды». Особенное неудовольствие у крестьян вызывали богатые «немцы-помольщики», поднявшие цены за помол до 15 коп. за пуд⁵². По слухам, имевшим хождение среди жителей г. Самары в сентябре 1915 г., отсутствие в открытой продаже сахара объяснялось произвольным сокрытием товара «в ожидании повышения цен», что значительно усиливало социальное «неудовольствие»⁵³.

В начале мая 1916 г. Самарское ГЖУ сообщало о появлении в городе слухов «о готовящемся 15 мая погроме по примеру г. Оренбурга и г. Саратова, где якобы также произошли беспорядки на почве дороговизны». Беспорядки, по слухам, планировалось приурочить ко дню призыва новобранцев⁵⁴. Подобный психологический прессинг был характерен для многих как городских, так и сельских населенных пунктов Поволжья. Распространение «известий» о погромах в «Кубанской области» стало одним из образов повседневной жизни жителей г. Царицына в июле 1916 г., где среди обывателей «стало более настоятельно высказываться желание проучить купцов»⁵⁵.

Распространение слухов, таким образом, носило двоякий характер: во-первых, содействовало процессам массовизации, т.е. создавало основу «психологической общности», коллективного характера действий («по примеру» других городов и областей), и, соответственно, санкционировало освобождение от ответственности; во-вторых, продуцировало конкретные оценочные образы происшедшего, стереотипы, алгоритм поведенческих реакций («сахар спрятан» – «обыск» по праву «голодного»), а также способствовало формированию знакового образа объекта агрессии, образа внутреннего врага: «торговцы», «купцы», «мукомолы» и т.д. (причем

⁵¹ ГАРФ. Ф. 102. 4-е Д-во. 1915. Д. 30. Л. 78.

⁵² Там же. Д. 62. Ч. 9. Л. 6.

⁵³ Там же. Д. 60. Ч. 3. Л. 4.

⁵⁴ ЦГАСО. Ф. 468. Оп. 1. Д. 2222. Л. 61.

⁵⁵ ГАРФ. Ф. 102. 1915. Оп. 125. Д. 62. Ч. 3. Л. 2.

Статьи и сообщения

в условиях войны этническая принадлежность последних играла далеко не последнюю роль в активизации погромных настроений)⁵⁶.

Выступления на почве «дороговизны» носили, безусловно, стихийный характер и имели в своей основе причины, вызванные экономическими и социально-психологическими факторами. Даже полиция не рассматривала погромы как действия «враждебного правительству характера»⁵⁷. Психологический конфликт и состояние фрустрации разрешались путем активизации архаичных способов регуляции сверхсильных переживаний: мщение маркированным виновникам народных бедствий и передел собственности по праву голодного. Показательно, что эпицентром распространения подобных настроений стал город, крестьянские же протесты в большинстве случаев приобретали «эстафетный» характер, являясь своего рода продолжением аналогичной динамики⁵⁸.

Так, 9 июня 1916 г. в ряде сел Симбирского уезда полицейские чины под давлением населения вынуждены были произвести обыски у крупных торговцев с целью обнаружения запасов сахара и «установления на него нормальной цены»⁵⁹. В с. Жадовка Корсунского уезда той же губернии крестьяне настояли на проведении обыска у торговцев А.А. Тимофеева и Д.Д. Гусева, в результате которого было обнаружено несколько пудов сахара, розданного затем крестьянам. Кроме того, в указанном документе подчеркивалось, что и в Сызранском, и в Сенгилейском уездах население также «несколько озлоблено на торговцев... за повышение цен»⁶⁰. Документальные свидетельства «вынужденных» обысков и иных форм протестной динамики заставляют усомниться в благодушных отзывах Симбирского ГЖУ по поводу массовых настроений в губернии в июне 1916 г., где указывались лишь единичные случаи проявления недовольства⁶¹. Обыски аналогичного характера прежде стали визитной карточкой городской повседневности. Так, в январе 1916 г. ввиду распространения в г. Пензе слухов о больших запасах сахара, «скрываемых будто бы со спекулятивной целью», по поручению Уполномоченного Министерства земледелия князя Кугушева был произведен осмотр торговых помещений всякого

⁵⁶ ГАРФ. Ф. 102. 1915. Оп. 125. Д. 62. Ч. 2. Л. 4.

⁵⁷ Во время известных «майских беспорядков» 1915 г. в Москве, заложивших основы для тиражирования погромных настроений повсеместно в империи, сцены разрушения нередко сопровождалась пением гимна «Спаси, Господи...» См.: *Кирьянов Ю.И.* «Майские беспорядки» 1915 г. в Москве // Вопросы истории. 1994. № 12. С. 145.

⁵⁸ *Анфимов А.М.* Указ. соч. С. 354.

⁵⁹ ГАУО. Ф. 855. Оп. 1. Д. 1325. Л. 141.

⁶⁰ Там же. Л. 164.

⁶¹ Там же.

рода. Местным властям пришлось оправдываться и доказывать горожанам, что «никаких воображаемых запасов этого товара не найдено»⁶².

Таким образом, летние месяцы 1916 г. с большой степенью вероятности можно назвать первым этапом продовольственного кризиса в средневожских губерниях, спровоцировавшего массовую социальную агрессию. Не представляется возможным предположить, чтобы стабилизация продовольственного обеспечения произошла в осенний период. В частности, в Симбирской губернии население не обеспечивалось сахаром, в том числе и по карточкам, ни в октябре, ни в ноябре 1916 г.⁶³

Если в 1916 г. народное недовольство и вспышки социальной агрессии провоцировало обострение продовольственного кризиса, в первую очередь отсутствие в продаже сахара, т.е. частичная нерешенность проблем и противоречий повседневной жизни, то в 1917 г. порог, отделяющий ощущение кризиса от ощущения краха, был перейден, и агрессия уступает место иной форме массового поведения – стихийной массовой панике.

Любопытная динамика прослеживается и относительно половой и социальной принадлежности наиболее активных участников погромов. Жены призванных на фронт запасных чинов считали своим священным правом, оплаченным кровью их мужей, право на государственную помощь и защиту. И нередко, прогнозируя наступление возможной ответственности за погромы, старались не допустить участия в беспорядках представителей иных социальных категорий. «Солдатки кричали замужним женщинам, чтобы они к ним не подходили, говоря: "Нам за это ничего не будет, а вас накажут"»⁶⁴. Основным мотивом, вызывающим подобные формы массового поведения, можно назвать попытку реализации «права на насилие», сформированного в массовом сознании системой патерналистских ценностей в ответ на несоблюдение властями условий «социального договора».

Погромные настроения, имевшие распространение среди призывников в начале войны, были перенесены на новую почву. В условиях крушения государственных институтов только пребывание в массе создавало определенную психологическую защищенность, а также ощущение всемогущества и вседозволенности. И нельзя не признать, что предмет вождения толпы имел высокую ценность и занимал весомые позиции в повседневной жизни российского социума.

Беспорядки на «почве дороговизны», как правило, оказывались для властей «полной неожиданностью». О тревожных настроениях масс начальствующие лица исправно доносили в вышестоящие инстанции, но определить и предупредить

⁶² См.: Чернозем (Пенза). 1916. 30 января.

⁶³ ГАУО. Ф. 855. Оп. 1. Д. 1325. Л. 243 об.

⁶⁴ ЦГАСО. Ф. 3. Оп. 233. Д. 3727. Л. 61 об.

факторы активизации массового поведения не представлялось возможным. Так, в с. Красный Кут Новоузенского уезда Самарской губ. 23 июня 1916 г. «толпа солдаток только что получивших пособия и направившихся к лавке для покупок в связи с предъявлением торговцами повышенных цен на некоторые товары произвела беспорядки и разгромила лавку Думлера»⁶⁵. В ходе допроса участников погрома выяснилось, что спровоцировал беспорядки волостной старшина, который, по словам А. Кириченко, в ответ на просьбу женщин во время выдачи пособия «о прибавке» ввиду дороговизны заявил, что «наше дело пойти и разгромить торговцев, а прибавки нам он дать не может». М. Тинченко показала, что «сам старшина лично разрешил им грабить магазины в течение трех дней»⁶⁶. И на фоне, в данном случае, германофобских настроений, злоупотреблений местных властей в деле обеспечения населения сахаром, а также главным образом потому, что «бедность одолела», общая направленность экономических интересов и ущемленное чувство национального достоинства нашли «санкционированный» начальством выход для накопившейся психологической напряженности, выход в форме социальной агрессии. Критическим моментом в поведении толпы становится либо прямое воздействие на эмоциональную сферу массового сознания (нередко в системе оценок: «свой»–«чужие»–«солдата бьют!»), либо провокационные действия представителей власти или вождя толпы, формирующего «массу под себя». Сахарные погромы в июне 1916 г. охватили четыре села в Новоузенском уезде Самарской губернии и везде проходили примерно по одинаковому сценарию. Вначале солдатки предъявляли торговцам требование снизить цены (в некоторых случаях до норм, какие были до войны). При согласии последних начиналась покупка «по дешевке», продолжавшаяся, однако, недолго и переходившая, как и в случаях несогласия торговцев «на дешевку», в самовольный разбор товаров и унос их по домам⁶⁷. Показательно, что чем сильнее оказывалось противодействие владельцев или приказчиков, тем масштабнее становился грабеж, сопровождавшийся взломом дверей, подпольев и окон. Так, более всего пострадала лавка и дом Прохорова в с. Дьяковка в силу того, что «кто-то из домашних» произвел несколько выстрелов картечью и смертельно ранил «непричастного к погрому крестьянина».

Современные исследователи массовой психологии в качестве одного из важнейших изменений, происходящих с индивидом в массе, называют осознание анонимности действий, а следовательно, появление «чувства силы» при снижении

⁶⁵ ЦГАСО. Ф. 3. Оп. 233. Д. 3727. Л. 26.

⁶⁶ Там же. Л. 132-133.

⁶⁷ Там же. Л. 49.

чувства ответственности и критичности к самому себе⁶⁸. Это находит свое подтверждение и в архивных документах. «...Думалось, что раз все идут, то и мне можно, и ничего за это не будет». «Глядя на людей и я сильно распалилась», – так объясняла свое поведение Марфа Тинченко, участница погрома в с. Красный Кут. Характерно, что после выхода из массы, освобожденные от прежнего психологического состояния участники погрома признают себя виновными (т.е. чувство ответственности возвращается), но в то же время констатируют существование так называемого феномена «амнезии», когда человек совершенно не контролирует собственное поведение: «...участвовала в погроме, но в данное время ничего не помню, все промелькнуло, как во сне»⁶⁹.

Подобные проявления массового психоза являлись по сути дела специфической формой защиты от длительного пребывания в состоянии фрустрации: вспышки социальной активности компенсировали собой осознание невозможности удовлетворения важнейших потребностей, что представляло смертельную опасность для функционирования человеческой психики.

В ходе углубления продовольственного кризиса в сознании масс объективируются в предельном своем выражении «образы» товаров первой необходимости, принимая форму лозунгов, и при отсутствии возможности их опредмечивания, стимулируя рост социальной агрессии в виде погромного движения. В самом сжатом виде символы включают в себя следующий ряд: «хлеб» и, соответственно, «хлебные» погромы; «сахар» и «сахарные» погромы; «вино» и «винные» погромы. Что касается двух первых, можно предположить, что возникновение угрозы голода активизирует глубинные пласты социальной памяти, приводя в движение механизм поиска защитных реакций, в том числе и за пределами норм и правил поведенческой практики. Бинарная оппозиция: «сытно» – «голодно» была представлена в сознании крестьянского социума на протяжении всей его многовековой истории. По мнению И.Е. Козновой, социальная память – это своеобразная «запись законов на теле». Муки голода, безусловно, одно из самых болезненных воздействий на человеческий организм. Именно поэтому периодические голодовки, вызванные рискованным характером земледелия на большей части территории нашей страны и циклическими колебаниями природно-климатической компоненты, делали тему голода одной из наиболее устойчивых в памяти нации⁷⁰.

«Винные» же погромы представляют собой стихийные попытки поиска привычных способов релаксации, превращающиеся в условиях политической

⁶⁸ Ольшанский Д.В. Психология масс. СПб., 2001. С. 41.

⁶⁹ ЦГАСО. Ф. 3. Оп. 233. Д. 3727. Л. 133.

⁷⁰ Кознова И.Е. XX век в социальной памяти российского крестьянства. М., 2000. С. 190.

дезинтеграции в своеобразную форму проявления массового поведения. Распространение панических настроений обусловлено, в свою очередь, представлением об устранении всех возможных блокировок, затруднявших ранее доступ к предмету социального вождения.

Разрушение привычной «картины мира» привело к появлению образа «полукрестьянина-полумаргинала» в солдатской шинели, с «винтовкой в руке» и «без царя в голове», превратившегося в устойчивый элемент повседневности, ставшего мощным источником роста социально-политической дезинтеграции. Здесь следует обратить внимание на присутствие солдат как некой социальной общности, выступавшей носителем наиболее радикального типа сознания, что стало обыденной реальностью, привычным для провинциального города образом уже на рубеже 1915–1916 гг.⁷¹ В начале января 1916 г. В.А. Мишнин (Пензенская губ.) запишет в своем дневнике: «Встаю в 10 часов. Иду к Петропавловской. Обедня уже на исходе. Одни солдаты и женщины»⁷².

Участие солдат в уличных беспорядках чаще всего играло роль катализатора массовой агрессии и вызывало стихийные выступления, объективной причиной которых являлся кризис продовольственного обеспечения и осознание полной блокировки надежд на разрешение возникших трудностей. Так, прелюдией к погрому в г. Вольске Саратовской губернии, произошедшему в июле 1916 г. и вылившемуся в преследование полицейских чинов и захват помещения участка, а затем в разгром и расхищение товаров в ряде городских магазинов, стал конфликт нескольких нижних чинов по поводу кражи сапог и попытки их реализации на базаре⁷³. Так как один из солдат был в гражданской одежде, попытка полиции арестовать рядового, торгующего краденными сапогами, была расценена обывателями как преступление против человеческого достоинства: «Несколько женщин начали кричать: "солдаты кровь проливают, а здесь их бьет полиция"». Общность эмоциональной сферы способствовала мгновенному образованию толпы, состоявшей из женщин, мужчин и подростков. Объектом агрессии стал городской Марусов, представлявший сторону власти при разбирательстве на базаре, на поиски которого и отправились горожане. А так как массовое сознание определяется, как правило, сверхсильным эмоциональным переживанием какой-либо проблемы и не может длительный период времени поддерживать образованную социальную общность в состоянии агрессии, то безуспешность поисков маркированного толпой виновника беспорядков в самом непродолжительном времени кардинально меняет

⁷¹ См.: Мишнин В.А. «Такое ведь счастье, остаться в этой гигантской войне живым». Дневник солдата. 1 октября 1915 г. – 29 января 1918 г. // Земство (Пенза). 1995. № 2. С. 109.

⁷² См.: ГАРФ. Ф. 102. 1915. Оп. 124. Д. 60. Ч. 7. Л. 19-20.

⁷³ Там же. Ф. 102. 1916. Оп. 125. Д. 62. Ч. 3. Л. 4.

характер движения: обыватели возвращаются на базар и приступают к погромам магазинов. Беспорядки были остановлены только вмешательством роты 693-й пешей Саратовской дружины⁷⁴.

К 1917 г. фигура крестьянина, одетого в солдатскую шинель, становится символом эпохи, носителем массового сознания и соответствующих форм поведенческой практики. В условиях полной дезорганизации социально-политических связей феномен «солдата» сыграл далеко не последнюю роль в переходе масс в состояние социальной агрессии, вызываемой переживанием панического состояния фрустрации, и выразившееся в стихийных погромах и насилии, некоторые формы которого поражают откровенным садизмом. Непосредственная мотивация подобного поведения может быть многоликой. В частности, В.П. Булдаков выделяет в своей работе следующие моменты виктимности потерпевших: убежденность, что именно они концентрируют в себе пороки старого режима; «потеря лица» бывшими мира сего перед потенциальными палачами; «неуместный облик», то есть провоцирующее выпадение особой из психической ауры толпы; наконец, ниспровержение революционных квазигероев за отступничество⁷⁵.

Участились и случаи самосудов с участием солдатской массы. Так, по сообщению местной прессы, причина пожара, произошедшего на продовольственном складе и одной из мельниц в г. Сызрани в июне 1917 г., в представлениях «возбужденной толпы», состоявшей «преимущественно из солдат», была интерпретирована как умышленный поджог. Виновными в преступлении сразу же были объявлены владельцы мукомольного предприятия Лев и Иван Чернухины, которые вскоре пали жертвами самосуда толпы⁷⁶. В данном случае мотивация поведения солдатской массы объясняется отнюдь не «влиянием темных сил», как говорилось в публикации, а переживанием ощущения предельной блокировки доступа к запасам хлеба и решения вопроса обнаружения объекта агрессии, ответственного за содеянное. Эмоциональная разрядка достигалась посредством немедленного осуществления возмездия в виде «иррационального» насилия. Психологическая разрядка достигалась в результате избавления от страданий путем причинения боли другому лицу, маркированному как враг, а значит, выведенного из-под действия защитных механизмов, присущих данной общности.

Тревожная обстановка сложилась 25 августа 1917 г. в г. Николаевске Самарской губернии. Город, по сообщениям российской прессы, охватила всеобщая паника. Продовольственная ситуация в уезде летом 1917 г. была, пожалуй, самая

⁷⁴ ГАРФ. Ф. 102. 1916. Оп. 125. Д. 62. Ч. 3. Л. 4 об.

⁷⁵ Булдаков В.П. Красная смута. Природа и последствия революционного насилия. М., 1997. С. 125.

⁷⁶ Известия Симбирского губернского исполнительного комитета. 1917. 15 июля.

Статьи и сообщения

тяжелая в губернии. Масштабная засуха привела к недороду зерновых в большинстве крестьянских хозяйств, к чему добавилось очередное повышение твердых цен на хлеб. Для вспышки массовой агрессии, вызванной переживанием состояния фрустрации, необходим был малейший повод. С 9 августа в городе начинаются «повальные обыски» магазинов, лавок, домов состоятельных горожан. Погром произошел 25 августа, когда солдаты маршевых рот 138-го полка, поддержанные населением, предприняли попытку захватить казенный винный склад со спиртом. Около 100 тыс. ведер спирта и водки было «расташено по городу и окрестным селам»⁷⁷. В результате возникшего пожара взорвались бочки со спиртом, но даже смерть более чем 200 чел. не остановила возбужденную толпу – инстинкт самосохранения оказался заблокирован в процессе массообразования⁷⁸. Весьма показательным и то, что вскоре после погрома ряд волостных земельных комитетов, в том числе и Николаевский, принимают постановление «обратить все земли в общий свободный фонд и распределить между крестьянами»⁷⁹.

В октябре-ноябре 1917 г. фиксируются случаи нападения толпы на магазины в губернских центрах, погромы казенных винных и пивных складов, беспорядков на железнодорожных станциях. Призывы к погромным выступлениям наблюдались, что весьма характерно, «со стороны толпы, состоящей преимущественно из солдат». Служащие станции Рузаевка констатировали, что «провоз бездокументной и контрабандной муки возрос в ужасающих масштабах. Все пассажирские и товарные вагоны буквально забиваются мукой. Если так дело пойдет, в недалеком будущем мы будем осуществлять перевозки только по указанию и требованию солдат, перевозящих муку»⁸⁰. В ночь на 19 октября 1917 г. в г. Пензе в ходе погрома был подожжен казенный винный склад, «вино и спирт расхищены и сгорели»⁸¹. Погромные настроения, выразителями которых выступали преимущественно солдаты, прочно овладели массовым сознанием провинциального социума, предопределяя все новые и новые вспышки социальной агрессии. Возможность применения превентивных мер по охране общественного порядка полностью исключалась не только вследствие политической дезинтеграции, но и проявлением определенной поведенческой реакции со стороны толпы. Так, в телеграмме губернского комиссара Саратовской губернии от 5 октября 1917 г. сообщалось, что

⁷⁷ ГАРФ. Ф. 1791. Оп. 6. Д. 164. Л. 144.

⁷⁸ Там же. Л. 36, 54.

⁷⁹ Там же. Л. 39.

⁸⁰ ГАПО. Ф. 206. Оп. 1. Д. 4. Л. 474.

⁸¹ Там же. Л. 508. 7 ноября 1917 г. в г. Пензе подвергся разгрому пивной склад Горнауэра. См.: Вестник Пензенского губернского исполнительного комитета и комиссариата. 1917. 11 ноября.

Статьи и сообщения

«главным волнующим элементом» в разрастающемся в северных уездах погромном движении выступают пехотные солдаты⁸². Малейшее противодействие аффективно настроенной толпе порождало в лучшем случае угрозы применения насилия по отношению к представителям власти, а в худшем – новый, еще более масштабный взрыв недовольства⁸³.

Характерно также наличие ссылок на массовый характер подобных действий, что использовалось для интерпретации, нравственного оправдания противоправной поведенческой практики. Еще одним мотивом социальной динамики выступало прочтение солдатами своего социального статуса как ситуации ограничения личной свободы, что в условиях революции воспринималось противоестественным. В частности, в ночь с 30 ноября на 1 декабря 1917 г. подвергся разграблению винный склад в имении Русинова (с. Знаменское Мокшанского уезда Пензенской губ.). В «расхищении» спирта приняли участие и солдаты Мокшанского отделения конского запаса. По словам вахмистра отделения старшего унтер-офицера А.И. Скачкова (из крестьян с. Белогривовки того же уезда), солдаты объясняли свои действия необходимостью следования сложившемуся стереотипу: «...Драгунам значит можно брать спирт, а нам нельзя. Все равно спирт уничтожат и мы не попользуемся, а если поедим и заберем немного спирту, только для себя, то, наверное, ничего за это не будет. Если все берут спирт, а мы будем сидеть, то нас все засмеют... И так уж многие вольные говорят: "Почему не едете за спиртом, чего боитесь?"»⁸⁴ Как можно заметить, в своих суждениях солдаты выносили источник погромных настроений за пределы данной социальной общности. Однако, по всей видимости, в массовом сознании провинциального общества к этому времени уже сложилось устойчивое представление о солдатской массе как о носителе девиантных форм поведенческой практики. Действия солдат интерпретировались местным населением как фактор радикализации массовых настроений и объективно выступали основой для распространения реакций внушения (представление о безнаказанности) и подражания. Спустя неделю к складу с целью расхищения спирта стали приходить крестьяне с. Знаменского и окрестных населенных пунктов (сел Михайловского, Богородского, Симбухова, Панкратовки и др.). Окончательный разгром винного склада, завершившийся пожаром, произошел 8-11 декабря. Крестьяне не останавливались даже перед угрозой взрыва, черпая горящий спирт ведрами из цистерн. Несколько крестьян погибли в огне, более 50 получили серьезные ожоги⁸⁵.

⁸² Крестьянское движение в 1917 году: 1917 год в документах и материалах. М.; Л., 1927. С. 329.

⁸³ ГАПО. Ф. 206. Оп. 1. Д. 4. Л. 502.

⁸⁴ Там же. Ф. Р-2840. Оп. 1. Д. 297. Л. 34 об.

⁸⁵ Там же.

Смутное, скорее бессознательное, желание избавиться от ощущения безысходности и катастрофичности бытия и влекло обывателей к винным складам, винокуренным заводам, пивным лавкам. Этот тезис отчасти иллюстрируют выступления делегатов съезда начальников милиции, состоявшегося в Самаре 8 сентября 1917 г. В докладах выступавших особенно часто звучали указания на «развившееся в уездах винокурение». В некоторых селах были даже установлены твердые цены на самогонку⁸⁶. Описания подобного рода рисуют образ, метко названный В.П. Булдаковым «всероссийским пьяным погромом», который надолго засел в сознании рядовых граждан⁸⁷. Проявление компенсационной функции употребления алкоголя при данных обстоятельствах представляется очевидным, что, в принципе во все времена, являлось одной из характерных особенностей крестьянской повседневной культуры великороссов⁸⁸.

Аналитические построения в деле изучения погромного движения в годы Первой мировой войны, создание объяснительных моделей в этом направлении позволяет не только расшифровать мотивы массового поведения, но, главным образом, спрогнозировать варианты дальнейшей динамики общественного развития в условиях углубления социокультурного кризиса, когда девиантные формы поведения в результате масштабного тиражирования становятся привычным способом решения всех проблем повседневности и приобретают характер самостоятельно действующего фактора, определяющего, в числе прочих, ход исторического процесса. Именно погромные поведенческие стратегии позволяли «освоить», «привыкнуть» к экстремальности настоящего, обеспечить выживание «здесь» и «сейчас».

⁸⁶ ГАРФ. Ф. 1796. Оп. 1. Д. 62. Л. 42.

⁸⁷ Булдаков В.П. Красная смута. С. 136.

⁸⁸ Нередко это выражалось в весьма курьезной форме. В частности, известны случаи сбора «по подписке» средств на водку погорельцам – «с горя выпить» (Пензенская губ., конец 1890-х гг.). См.: ГАРФ. Ф. 586. Оп. 1. Д. 115. Л. 16.

Леонов Михаил Иванович

*доктор исторических наук
Самарский государственный университет*

**РУССКАЯ ПРОВИНЦИЯ В ГОДЫ ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ
(1914 – февраль 1917)
(Среднее Поволжье и Заволжье)**

В данной статье предпринимается попытка рассмотреть восприятие Первой мировой войны жителями провинциальных губерний Среднего Поволжья и Заволжья, ее воздействие на уровень жизни, взаимоотношение местной администрации и органов местного самоуправления, а также характер протестных настроений в регионе в годы войны.

Первая мировая война – явление по своей важности чрезвычайное. Многие исследователи, в первую очередь зарубежные, считают поворотным пунктом истории России не 1917, а именно 1914 год¹.

Советская историография долгое время функционировала в прокрустовом ложе доктрины краткого курса «Истории ВКП(б)», согласно которой Россия участвовала в «империалистической», «грабительской войне», «царская армия терпела поражение за поражением», «некоторые царские министры, генералы... втихомолку содействовали успехам немецкой армии; вместе с царицей, связанной с немцами, они выдавали немцам военные тайны», «население и солдаты на фронте голодали, были разуты и раздеты», «все это вызывало ненависть и озлобление к царскому правительству среди рабочих, солдат, интеллигенции, усиливало и обостряло революционное движение народных масс»².

¹ Россия в Первой мировой войне: Новые направления исследований. М., 2013. С. 93, 196.

² История Всесоюзной коммунистической партии (большевиков). Краткий курс. М., 1938. С. 155, 157, 166-168.

В годы «хрущевской оттепели» исследователи «нового направления» отошли от жестких установок «Краткого курса» и создали ряд основательных сочинений³. Они писали о патриотических настроениях россиян, правда, квалифицируя их как «бешеный разгул шовинизма», а также о том, что настроения неустрашенности и недовольства шли сверху вниз⁴. В начале 1970-х гг. с «новым направлением» было покончено, исследователи вновь сконцентрировались на проблемах экономики и классовой борьбы, обходя такие опасные сюжеты, как патриотизм, опускание Смуты сверху вниз и т.д.

Внимание к «забытой войне» усилилось примерно с середины 1990-х гг. Для современной историографии свойственно приращение источниковой базы, расширение тематики, обращение к новым идеям. По справедливому замечанию В.М. Шевырина, «достижения зарубежной литературы у нас "прописались" как родные»⁵. Свидетельство этому – резонансные сочинения В.П. Булдакова и Б.И. Колоницкого⁶.

Среднее Поволжье и Заволжье в годы Первой мировой войны, впрочем, как и русская провинция вообще, долгое время оставались на периферии внимания отечественных исследователей. В обобщающих изданиях эта тема освещалась на считанных страницах в строгом соответствии с господствующей доктриной, а специальные исследования не появлялись. С 1960-х годов начались изыскания о крестьянстве, пролетариате, экономике региона в годы войны⁷. В последние десять с небольшим лет интерес к истории Поволжья и Заволжья в годы Первой мировой войны заметно вырос, изменилась парадигма научного поиска. Проблемы войны и общества, взаимоотношения власти и общества, деятельности администрации и местного самоуправления, мировоззрения населения, формирования кризисных явлений стали объектом внимания Е.К. Максимова, В.П. Тофталушина,

³ *Волбуев П.В.* Пролетариат и буржуазия России в 1917 г. М., 1964; *Сидоров А.Л.* Экономическое положение России в годы первой мировой войны. М., 1973; *Тарновский К.Н.* Советская историография российского империализма. М., 1964.

⁴ «Характерной особенностью революционного кризиса осенью 1915 г. было то, что кризис "верхов" и рост буржуазной оппозиции еще опережали в это время широкое народное движение». (История России с древнейших времен до наших дней. М., 1968. Т. 6. С.589, 605, 626. Раздел, на который мы ссылаемся, написан А.Л. Сидоровым).

⁵ *Шевырин В.М.* Россия в Первой мировой войне. (Новейшая отечественная историография. Обзор) // Россия в Первой мировой войне: Новые направления исследований. М., 2013. С. 49.

⁶ *Булдаков В.* Красная Смута. Природа и последствия революционного насилия. М., 1997; 2-е изд. М., 2010; *Колоницкий Б.* «Трагическая эротика»: образы императорской семьи в годы Первой мировой войны. М., 2010.

⁷ *Румянцев Е.Д.* Рабочий класс Поволжья в годы первой мировой войны и Февральской революции (1914–1917 гг.). Казань, 1989.

Е.П. Семеновой, М.И. Леонова и других авторов⁸.

Известие о вступлении России в войну под лозунгами защиты святой православной веры, братских славянских народов, престижа отчизны, водружения креста на соборе Святой Софии в Константинополе, решения вековой справедливости – овладения проливами и свободного выхода к морю, покарания врагов Родины – германцев, австрийцев, турок, – все это вызвало патриотический подъем. Большинство жителей губерний Среднего Поволжья и Заволжья были уверены, что победоносная война продлится самое большее три-четыре месяца. Повсюду проходили молебны, шествия и манифестации.

В Саратове вечером 17 июля 1914 г., после того как была получена весть о начале австро-сербской войны, на Московской улице собралась масса народа со знаменами, флагами, портретами русского императора. В сопровождении хора и музыкантов манифестанты отправились на Соборную площадь. У памятника Александру II произнесли речи, а затем шествие, растянувшееся почти на целый квартал, по Немецкой улице направилось к казармам. Участники манифестации 20 июля 1914 г. прошли от Московской улицы до Соборной площади, затем по Немецкой улице до Ильинской площади и, отслужив молебен в Ильинской церкви, попытались пройти к зданию оцепленного полицией германского консульства с явным намерением разгромить его. Далее манифестанты направились по улице Вольской к резиденции губернатора и к казармам. В этот и последующие дни состоялись патриотические манифестации и собрания в других городах, а также селах Саратовской губернии. Подобные же манифестации прошли в Самарской и Пензенской губерниях.

25 июля 1914 г. Саратовское губернское чрезвычайное земское собрание приняло всеподданнейший адрес. Также и городская дума Саратова обратилась к императору с всеподданнейшим адресом, в котором демонстрировала готовность всеми средствами поддерживать войну и государя и подчеркивала, что «сильная своим единением с царем Русь вынесет все испытания войной». Саратовские предприниматели и торгово-промышленные служащие 26 июля 1914 г. пожертвовали на военные нужды 600 тыс. рублей. Торжественно отправили на фронт Егерский и Александровский полки из Самары, 177-й Изборский и 178-й Венденский пехотные полки из Пензы, 180-й Виндавский из Саранска. Администрация и земства Саратовской губернии с августа 1914 г. приступили к

⁸ Максимов Е.К., Тотфалушин В.П. Саратовское Поволжье в годы Первой мировой войны. Саратов, 2007; Семенова Е.Ю. Мироззрение городского населения Поволжья в годы Первой мировой войны (1914 – начало 1918 гг.): социальный, экономический, политический аспекты. Самара, 2012; Леонов М.И. Власть и общество Средней Волги и Заволжья в годы Думской монархии // Вестник Самарского государственного университета. 2013. № 8/2 (109).

Статьи и сообщения

созданию уездных земских комитетов, районных и волостных попечительств помощи раненым воинам, а также семьям призванных на войну. К концу года во всех уездах функционировали более 300 районных попечительств. Новоузенский уездный земский комитет Самарской губернии с августа 1914 по июль 1915 г. основал 127 попечительств и 13 районных комитетов⁹.

Губернии Среднего Поволжья и Заволжья была объявлены на положении усиленной охраны, а потом – на военном положении. Обязательные постановления губернаторов следовало неукоснительно соблюдать. Меры наказания были более суровыми, чем в мирное время. Дела о разбое, умышленных поджогах, уничтожении продовольствия и фуража, сопротивлении властям, организации стачек, изготовлении и приобретении без разрешения взрывчатых веществ и снарядов, неисполнении требований властей, оскорблении полицейских, беспатентной торговле крепкими напитками передавались ведению военного суда либо администрации. Нарушение обязательных постановлений каралось штрафом до 3 тыс. руб. или тюремным заключением до трех месяцев. Приказом командующего Казанским военным округом вводилась военная цензура. Военными цензорами назначались полицейские чины, почтовые работники, учителя. Они были обязаны контролировать периодические и непериодические издания, вскрывать письма и другую корреспонденцию, удалять из них нежелательные сведения или задерживать их. С 1915 г. власти запретили «демонстративные шествия»; патриотические манифестации допускались только с разрешения властей.

На период мобилизации закрывались винные магазины и запрещалась торговля спиртным. В остальное время разрешалась торговля только определенными сортами вина; трактиры I-III классов и рестораны не имели права торговать спиртными напитками с 21 до 24 часов. С началом войны было запрещено распитие крепких напитков на улицах, в скверах и т.д., так же как и появление в общественных местах в состоянии алкогольного опьянения. Обывателей, нарушавших это постановление, привлекали к административной ответственности, торговые заведения, его не выполнявшие, закрывали.

Все германские и австрийские подданные мужского пола в возрасте от 18 до 45 лет считались военнопленными и подлежали аресту и высылке, остальных признавали неблагонадежными и отдавали под гласный надзор полиции. Эти действия властей сопровождались всплеском шпиономании.

Значительную часть трудоспособного мужского населения, особенно в сельской местности, мобилизовали в армию. Дворянская молодежь шла на фронт добровольно, детей купцов Головкина, Шихобалова, Колесникова, Сапрыкина, Егорова и других на театре военных событий не было.

⁹ Максимов Е.К., Тотфалушин В.П. Указ. соч. С. 12-24.

Статьи и сообщения

В годы войны в губернии Среднего Поволжья и Заволжья были передислоцированы некоторые промышленные предприятия вместе с частью служащих и рабочих; сюда направлялись беженцы из западных районов Империи, и сюда же отправляли военнопленных. Военные предприятия региона, в том числе такие крупные, как Самарский трубочный и Сергиевский заводы, в разы увеличили производство, соответственно в разы возросла численность служащих и рабочих. В регионе, главным образом в городах, находились многотысячные гарнизоны. Все это, несмотря на мобилизации, вело к росту населения, особенно городского. Численность населения Самарской губернии к 1917 г. увеличилось на 200 с лишним тысяч человек (городского – на 283,1 тыс.). Число жителей Самары со 175 645 чел. в 1914 г. возросло к 1917 г. до 207,3 тыс. чел. (по другим данным до 203 306 чел.), а вместе с мобилизованными и гарнизоном – до 280 тыс. чел.¹⁰ В Саратове к началу 1917 г. проживало 240-250 тыс. человек, а местный гарнизон насчитывал 60-70 тыс. человек, в г. Кузнецке численность гарнизона превышала численность мирного населения¹¹.

С началом войны резко сократилось многоэтажное строительство, зато быстро застраивались одноэтажными деревянными домами поселки. В Самаре – это поселки Рабочий, Железнодорожный, Новый Оренбург, Кавказ, а также район Постникова оврага. Росли цены на жилье. Перед войной в Самаре однокомнатную квартиру с кухней сдавали за 9 руб. в месяц, а в сентябре 1915 г. – уже за 16 руб. Рост цен на жилье вызывал протест жителей, особенно простонародья. Постановлением Самарского губернатора домовладельцам с конца 1915 г. запретили повышать квартирную плату. В Саратове подорожали цены на дрова. За дровами из городских запасов выстраивались очереди. Для отопления более интенсивно, чем ранее, стали употреблять остающийся от изготовления масла жмых (по местному «колоб»), которого в городе скопилось более 2 млн пудов. Но вскоре и «колоб» повысился в цене. Возросла стоимость освещения, отопления, воды, поднялась квартирная плата. Квартирная комиссия Саратовской думы предложила, во-первых, установить таксу на квартплату, а во-вторых, запретить до окончания войны выселение квартирантов. Но городская дума не решилась утвердить такое постановление.

Особое внимание администрация и органы местного самоуправления обращали на обеспечение населения продовольствием, а также предметами

¹⁰ Земско-статистический справочник по Самарской губернии на 1914 год. Самара, 1914. С. 98; Памятная книжка Самарской губернии на 1914 год. Самара, 1914; Центральный государственный архив Самарской области (далее – ЦГАСО). Ф. 170. Оп. 1. Д. 197. Л. 573.

¹¹ Рейли Дж. Политические судьбы российской губернии: 1917 год в Саратове. Саратов, 1995. С. 23; Карнишин В.Ю. Местное управление губерний Поволжья накануне Февральской революции // Известия высших учебных заведений. Поволжский регион. Гуманитарные науки. 2008. № 1. С. 17.

Статьи и сообщения

повседневного обихода. Имперские власти с первых дней войны вменили это местной администрации в качестве важнейшей обязанности. Министр внутренних дел Н.А. Маклаков уже в июльском циркуляре 1914 г. потребовал от губернаторов «издания обязательных постановлений, регулирующих цены на предметы первой необходимости и использовать всю полноту принадлежащей власти для борьбы со спекуляцией на почве общественных действий». Такого рода циркуляры посылались неоднократно все годы войны. Центральные власти обязали губернаторов и всю губернскую администрацию принимать, при необходимости, экстраординарные меры для обеспечения населения продовольствием и другими жизненно важными товарами, регулировать цены, предотвращать дороговизну, пресекать спекуляцию, привлекать к организации снабжения армии и населения органы местного самоуправления и общественность, тесно сотрудничать с ними. Все военное время губернаторы Среднего Поволжья и Заволжья организовывали подвоз продовольствия в города и рабочие поселки, боролись с дороговизной, спекулянтами. Администрация, естественно, могла только несколько смягчить негативные последствия естественного хода событий. Об этом Симбирский губернатор А.С. Ключарев писал министру внутренних дел: «Мы вынуждены ограничиваться совершенно бесплодной борьбой с дороговизною, штрафуя мелких, сравнительно, местных торговцев, рискуя этим оставить потребителя совсем без продуктов»¹².

Земства включились в дело продовольственного обеспечения с августа 1915 г., когда председателей земских управ назначили представителями уполномоченного Особого совещания в уездах. Все годы войны губернаторы Среднего Поволжья и Заволжья и уполномоченные Хлебармии и Особого совещания действовали согласованно. Особых конфликтов не возникало. Администрация губерний строго контролировала деятельность органов местного самоуправления, привлекая аппарат сельской и городской полиции, и следила, чтобы население исполняло все предписания. Временно исполняющий должность самарского губернатора Н.П. Харламов в начале ноября 1915 г. в отчете в МВД отметил, что самарская городская управа в течение года ограничивалась бесконечными дебатами о снабжении горожан в различных исполнительных комиссиях, и лишь настоятельные просьбы вице-губернатора С.В. Горчакова подвигли ее на выработку предельных цен на муку во время их постоянного повышения. 19 ноября 1915 г. Н.П. Харламов распорядился, чтобы полиция не просто наблюдала за торговлей, но и активно воздействовала на торговцев, которые «вызывали наибольшие и, по-видимому,

¹² Семенова Е.Ю. Периодическая печать и цензура в годы Первой мировой войны как фактор формирования менталитета российского общества (по материалам Поволжских губерний) // Известия Самарского научного центра РАН. 2008. Т. 10. № 1. С. 67-68.

справедливые нарекания со стороны местных обывателей»¹³.

Губернатор А.А. Станкевич в июле 1916 г. отчитал самарского городского голову С.Е. Пермякова за «плохую постановку отпуска сахара населению из лавок, лишь поселяющую в населении раздражение». В марте 1916 г. он просил министерства земледелия, путей сообщения и внутренних дел, а также центральный комитет по распределению сахара в Киеве снабдить сахаром Самару. В октябре 1916 г. губернатор Л.Л. Голицын настоятельно предлагал самарскому голове наладить продажу сахара. А через две недели прямо обвинял самарскую городскую управу в плохой работе¹⁴. Губернаторы в конце апреля 1916 г. констатировали, что городские власти не проявляли настойчивости в борьбе со спекуляцией, ибо «состав управы, думы и уполномоченных по продовольствию и топливу сплошь сами торговцы, а зачастую – наиболее злостные спекулянты»¹⁵.

С 1915 г. гласные городских дум стали требовать нормирования цен и создания муниципальных лавок. В Самаре была установлена следующая такса: фунт мяса высшего сорта – 23 коп., первого сорта – 22 коп., второго – 20 коп., третьего – 18 коп. Фунт мяса молодого и тощего скота должен был продаваться на две копейки дешевле. В сентябре 1915 г., несмотря на сопротивление торговцев, дума установила такие цены на хлеб: фунт ржаного хлеба – до 4 коп., фунт хлеба из крупчатки 3-го сорта – до 5,5 коп., 2-го сорта – до 7,5 коп., 1-го сорта – до 9 коп., и обязала пекарей не уменьшать выпечку хлеба. Губернская администрация утвердила постановления думы. 21 ноября 1915 г. временно управляющий Самарской губернией Н.П. Харламов предупредил торговцев Самары, что те из них, кто будет продавать мясо выше установленной таксы, будут подвергаться штрафу в размере до 3 тыс. рублей или аресту до трех месяцев, а их заведения будут закрыты. Цены, тем не менее, росли. По сообщению заместителя начальника третьего участка Николаевского уезда от 7 февраля 1916 г. цены на мясо за последние два года выросли почти в два раза. Так, Николаевский торговец Калинин придерживал около двух тысяч пудов мяса, ожидая повышения цены¹⁶.

Городская дума Саратова установила предельные цены на ржаной, пеклеванный, а также на несколько сортов белого хлеба, на говядину, баранину и солонину. Максимальная цена на фунт белого хлеба первого сорта составляла в январе-марте 1915 г. 5,5 коп., в апреле-августе 1915 г. – 6 коп., во второй половине 1915 г. – 7 коп., с конца января 1916 г. – 8 коп. Цена ржаного хлеба в эти же временные отрезки равнялась трем, трем с половиной и четырем копейкам.

¹³ ЦГАСО. Ф. 3. Оп. 61. Д. 4. Л. 51, 58.

¹⁴ Там же. Оп. 131. Д. 226. Л. 11; Оп. 63. Д. 4, Л. 239; Ф. 153. Оп. 36. Д. 1619. Л. 1; Д. 1549. Л. 14.

¹⁵ Совещание губернаторов в 1916 г. // Красный архив. М.; Л., 1929. Т. 2. С. 163.

¹⁶ ЦГАСО. Ф. 170. Оп. 1. Д. 198. Л. 8-9, 26.

Предельные цены на телятину, молодую баранину, «как на предмет роскоши» не устанавливались.

Постановлением дум и властей с 1915 г. регулировалась продажа сахара. В Самаре в июне 1916 г. было решено ввести карточную систему распределения муки, хотя мука поступала на рынок нормально, а расходы обывателя на хлеб не превышали 20% всех его трат¹⁷. В булочных продавались свободно калачи из муки двух сортов, французские булки и плюшки. В январе-феврале 1917 г. проблема продовольственного снабжения Самарской городской думой не рассматривалась¹⁸. В 1916 г. были изысканы возможности снабжения населения обувью и одеждой из США и других стран¹⁹.

В годы Первой мировой войны население Среднего Поволжья и Заволжья, естественно, испытывало значительные трудности. В лавках и магазинах сильно подорожали, а порой и исчезали из продажи, сахар, некоторые сорта мяса, рыбы, а также чай. Готовая обувь, одежда, ткани, мыло, нитки, керосин, спички попали в разряд дефицитных товаров. Население не отвернулось от привычных способов коммерции и ведения хозяйства, изыскивало возможности преодолеть дефицит продовольственных и непродовольственных товаров и дороговизну²⁰.

В деревне ситуация складывалась иначе, чем в городе. Крестьяне не испытывали особого недостатка в сельскохозяйственных продуктах. Деньги, которые раньше тратились на алкоголь, теперь шли на хозяйственные нужды. А деньги эти были не такие уж малые: до войны крестьяне Симбирской губернии пропивали в год около 9 млн руб. За ушедших на фронт семьи крестьян получали казенные пайки, порой превышавшие довоенный доход, и благодаря этому они даже смогли поправить свое хозяйство²¹. Кроме того, крестьяне придерживали хлеб «на черный

¹⁷ ЦГАСО. Ф. 170. Оп.1. Д. 197. Л. 647, 710-711.

¹⁸ Там же. Д. 198. Л. 438, 600.

¹⁹ Там же. Д. 197. Л. 572-578.

²⁰ Попытка Е.Ю. Семеновой опровергнуть выводы обстоятельного исследования Я.А. Голубинова о достаточной эффективности усилий администрации Среднего Поволжья, в силу чего население региона до февральских событий 1917 г. не предъявляло особых претензий по поводу продовольственного снабжения и оставалось лояльным к власти (*Голубинов Я.А. Продовольственный вопрос в Среднем Поволжье в годы Первой мировой войны: автореф. дис. ... канд. ист. наук. Самара, 2009. С.10, 19*), свелась к подверстыванию считанного числа фактов (почти все о недостатке сахара) к марксистско-советской погудке о ключевой роли «продовольственного кризиса» в складывании накануне 1917 г. так называемой «революционной ситуации». См.: *Семенова Е.Ю. Мироззрение городского населения Поволжья в годы Первой мировой войны (1914 – начало 1918 гг.): социальный, экономический, политический аспекты. С. 156, 157-171.*

²¹ *Прокопович С.Н. Война и народное хозяйство. М., 1918. С. 131-133; На пути к революционным потрясениям. Из истории России второй половины XIX – начала XX века. СПб.; Кишинев, 2001. С. 451-453.*

день» и за годы войны накопили значительные излишки²².

В Симбирской и Пензенской губерниях особых проблем с обеспечением населения хлебом и мукой, основой продовольствия простонародья, не было. Созванное Симбирским губернатором Н.Ф. Ключаровым 6 сентября 1915 г. совещание, на которое были вызваны уполномоченный по продовольствию, губернский и уездный предводители дворянства, начальник ГЖУ и другой начальствующий люд, а также представители биржевого комитета, пришло к заключению, что запасы зерна достаточны и что умышленного отклонения от поставок хлеба армии и населению не будет, а имевшиеся задержки поставок были вызваны сильными и продолжительными дождями. Совещание постановило при необходимости применять принудительные меры к тем, кто взвинчивает цены на сельскохозяйственную продукцию.

Администрация и органы местного самоуправления прилагали значительные усилия для обеспечения населения, в первую очередь необеспеченных слоев, продовольствием по доступным ценам. Для «недостаточного класса населения» Сызранская дума в конце 1915 г. постановила открыть две городские мучные лавки, в которых мука второго сорта продавалась по низкой цене от 2 руб. 30 коп. до 2 руб. 65 коп. за пуд. Кроме того, Сызранская дума предполагала открыть «потребительские лавки» по продаже продуктов первой необходимости. Такая «потребительская лавка» функционировала в городе Сенгилее Симбирской губернии.

Важное средство поддержки трудящегося люда – повышение заработной платы. Симбирское губернское присутствие по делам страхования рабочих 29 января 1915 г. постановило почти вдвое повысить «расценки труда рабочего». Саратовская городская дума с 19 августа 1915 г. увеличила жалованье городским служащим с зарплатой до 240 руб. в год на 20%, с зарплатой 240-480 руб. в год на 10%, с зарплатой 480-600 руб. в год на 8%, с зарплатой 600-900 руб. в год на 5%²³.

Значительных выступлений в связи с нехваткой хлеба в Среднем Поволжье и Заволжье в 1914–1918 гг. не зафиксировано. Случались так называемые «бабьи бунты». Как правило, они протекали по такому сценарию: в очереди, жаждавшей сахара (чаще всего) или мануфактуры, изредка мяса, затевалась ссора. Порой ссорились между собой те, кто стоял в очереди, чаще очередь ругалась с продавцом. От слов переходили к рукоприкладству, а, порой, и к разгрому магазина и

²² Волобуев П.В. Хлебные ресурсы России в 1917 г. // Вопросы истории сельского хозяйства, крестьянства и революционного движения в России. М., 1961. С. 410.

²³ Семенова Е.Ю. Мировоззрение городского населения Поволжья в годы Первой мировой войны (1914 – начало 1918 гг.): социальный, экономический, политический аспекты. С. 245-246, 257, 259-260.

Статьи и сообщения

расхищению продуктов. Гнев всегда был направлен против торговцев, с полицейскими и солдатами дрались только тогда, когда они пытались утихомирить разбушевавшихся. В Самаре на Троицком рынке 5 ноября 1916 г. все началось с оскорбления покупательницы торговцем мяса. Далее события развивались согласно официальному документу так: «В толпе начались шум, крики, улюлюканье, появились малолетние хулиганы-мальчишки, начались погромы лавок». В прибывших стражников и полицейских полетели палки, в ответ те открыли огонь. Были убитые и раненые. С рынка волнения распространились на ближайшие улицы и закончились только к вечеру. Согласно проведенному жандармским управлением расследованию, было разгромлено 56 магазинов и лавок. В погромах активное участие принимали самарские воры («коты») и проститутки. В Симбирске 4 июля того же года рядовые местного гарнизона попытались купить в лавке сахар без очереди. Очередь возмутилась, началась потасовка. На место происшествия прибыли полицейские, военные патрули, чины губернской администрации. В них полетели камни и палки. Затем собравшиеся (около 3 тыс. чел.) направилась громить лавки и магазины, выискивая и растаскивая прежде всего сахар. Порядок установился только после того, как вызванные наряды произвели несколько залпов²⁴. Таких происшествий за 1914–1916 гг. было зафиксировано в Самарской губернии десять (пять в городах и пять в деревнях), в Симбирской – два.

Забастовок рабочих губерний Среднего Поволжья и Заволжья в первый год войны не было, в 1915–1916 гг. они проходили по частным случаям. В условиях тотальной войны жить было трудно. Росли цены на жилье, вызывала раздражение спекуляция. Но рабочие осознавали причину трудностей. В 1914–1916 гг. они особых претензий по поводу обеспечения продуктами питания не предъявляли. Единичные случаи протестного движения были связаны с перебоями в продаже привозных товаров (в первую очередь сахара) и спекуляцией. Рабочие принимали активное участие в профессиональных союзах, потребительских обществах, в выборах в рабочую группу Военно-промышленного комитета.

Администрация и местное самоуправление в годы войны занимались и благоустройством городов, транспортным обслуживанием, образованием населения. В Самаре их усилиями было подготовлено открытие ветеринарного института. Как говорил И.С. Ключев: «Иметь еще одно высшее учебное заведение будет большой плюс для Самары... В Самаре будет новый уголок культуры». Городская Дума буквально билась за открытие университета. Университет, словами училищной комиссии, «имеет большее значение, чем институт». Создали специальный комитет из 26 авторитетных жителей Самары, выделили денежные средства, сформировали

²⁴ ЦГАСО. Ф. 153. Оп. 36. Д. 1627. Л. 7-9; *Кирьянов Ю.И.* Массовые выступления на почве дороговизны в России (1914 – февраль 1917 г.) // Отечественная история. 1993. № 3. С. 38.

общество по открытию университета. Делегаты городской думы побывали у всех министров, от которых зависело решение, убедили их и подготовили все необходимые документы²⁵.

Мировая война кардинально изменила жизнь города. В города, в первую очередь губернские, перебазировали промышленные предприятия, воинские части, эвакуировали жителей других районов. Первые месяцы войны губернская администрация и городское самоуправление в хозяйственных делах действовали дружно. Их усилия были направлены на перевод экономики на военный лад, на строительство лазаретов, на снабжение фронта и горожан продовольствием. Несмотря на закрытие и перепрофилирование предприятий, производивших алкогольную продукцию, и освобождение в связи с этим значительного числа рабочих, на военных заводах их не хватало. Это был предмет постоянной заботы местных властей и органов самоуправления²⁶. В августе 1914 г. городские думы вошли во всероссийский общегородской союз, ассигновали на его нужды средства (Самарская дума внесла 10 тыс. руб.) и учредили много сделавшую областную организацию помощи больным и раненым воинам²⁷.

Единение губернской администрации и городских дум даже в хозяйственных делах, однако, не было абсолютным. В годы войны усилился распад патриархального уклада жизни, традиционного мировосприятия дворянства, а вслед за ним и других высших слоев общества. Сановно-придворный мир «эмансипировался» уже к началу XX века настолько, что воспринимал царя, царицу, царскую фамилию как, в первую очередь, людей. Сакральное восприятие императорской семьи уходило в прошлое. Монархическое сознание дворянства подвергалось коррозии²⁸. Самарский представитель дворянства А.Н. Наумов в 1915 г. перед официальным представлением императрице с некоторым вызовом спрашивал у встречавшего его придворного: «Можно ли русскому предводителю на приеме у русской царицы говорить по-русски». Ответ он получил положительный²⁹.

Военные неудачи, трудности в тылу обострили застарелые противоречия. Лозунги, с которыми Россия вступила в войну, теряли свое обаяние и мобилизующее значение. Речи о братстве славянских народов, защите православия, водружении креста на соборе Святой Софии, свободном выходе к морю не находили прежнего отклика. Врагов (и изменников) искали теперь не вовне, а в первую очередь внутри:

²⁵ ЦГАСО. Ф. 153. Оп. 36. Д. 1627. Л. 649-652, 747-748, 761-764, 797-798.

²⁶ Памятная книжка Самарской губернии на 1915 г. Самара, 1915. С. 11.

²⁷ ЦГАСО. Ф. 153. Оп. 36. Д. 1436. Л. 1-6, 14.

²⁸ *Боханов А.Н.* Святая царица. М., 2006. С. 84; *Колоницкий Б.* «Трагическая эротика»: образы императорской семьи в годы Первой мировой войны. С. 15-20.

²⁹ *Наумов А.Н.* Из уцелевших воспоминаний, 1868–1917. Нью-Йорк, 1955. Т. II. С. 40; *Епанчин Н.А.* На службе трех императоров. М., 1996. С. 226.

Статьи и сообщения

во власти, в правительстве, в окружении царя. Интеллигенты, большинство губернских дворянских собраний, предприниматели, получавшие баснословные барыши, наслаждались слухами о «темных силах вокруг трона», «предателях министрах», «шпионке немке-императрице», «всесилии Гришки Распутина», с удовольствием рассматривали сфабрикованные эротические картинки, на которых изображались Александра Федоровна и Распутин, читали и переписывали стишки В. Мятлева.

Городские думы Самары, Саратова с энтузиазмом поддержали постановление чрезвычайного заседания Московской городской думы (август 1915 г.), в котором утверждалось, что победа возможна лишь при «создании правительства, сильного доверием общества и единодушного», возглавляемого премьером, «которому верит вся страна»³⁰. В 1916 г. у гласных и многих земцев уже не было сомнений в неспособности существующей власти наладить экономику страны, довести войну до победы. Осенью 1916 г. городские думы открыто встали в оппозицию к центральным властям. На заседании Самарской думы 2 ноября 1916 г. П.П. Подбельский при общей поддержке заявил, что страну может спасти только Государственная дума. Через неделю самарские думцы послали приветственную телеграмму лидеру партии кадетов П.Н. Милюкову, который накануне произнес в Государственной думе лживую, построенную на слухах провокационную антиправительственную речь, рефреном которой было: «Глупость или измена». Речь эту либеральные думцы и земцы Среднего Поволжья и Заволжья распространили в тысячах и тысячах экземпляров. С этих пор они использовали любой повод, чтобы поддержать противников власти. На заседании Государственной думы 22 ноября 1916 г. депутат-консерватор Н.Е. Марков 2-ой едко отвечал на нападки ораторов «прогрессивного блока» на правительство. Его все время перебивали возгласами с места, а председатель Думы М.В. Родзянко постоянно делал ему замечания и, в конце концов, лишил слова. Возмущенный Н.Е. Марков бросил в лицо Родзянко: «Только враг родины мог допустить такой поступок». Думское большинство исключило его на 15 заседаний. Событие это всколыхнуло Самарскую городскую думу. Гласные в один голос осудили Н.Е. Маркова и по предложению В.В. Петрова послали М.В. Родзянко телеграмму со словами поддержки и сочувствия³¹.

Каждая эпоха жаждет некоего более прекрасного мира. Вообще говоря, всякое время оставляет после себя гораздо больше следов своих страданий, чем своего счастья, хотя счастливая жизнь, веселая радость и сладостный покой, выпавшие на долю одной эпохи, в итоге не слишком отличаются от всего того, что происходит в любое другое время. Смуту в России инициировали не сирые и убогие, не нищие и

³⁰ ЦГАСО. Ф. 153. Оп. 1. Д. 1448. Л. 14.

³¹ Там же. Л. 1, 4; Ф. 170. Оп. 1. Д. 197. Л. 267, 788, 802, 842.

Статьи и сообщения

голодные, а более всего люди, в быту благополучно устроенные. Европейски ориентированные образованные люди пореформенной России склонны были считать эпоху, в которой они жили, невыносимо трудной. Главным виновником неустройства им представлялась существовавшая власть, скопище безобразного в их глазах. Психоментальность простонародья им была чужда, собственное корпоративное восприятие они эксплицировали как общенациональное, народ представляли реципиентом носимой ими прозападной культуры. Трудности многолетней войны они воспринимали как невыносимые. Те трудности, которые ощущали более всего они (проблемы с деликатесами, изысканной барской одеждой) виделись им и ужасными, и общенародными, вину за них они возлагали на власть.

Многие годы войны, конца которой не было видно, мобилизация почти половины православных мужчин, главным образом из села, трудности снабжения преимущественно привозными товарами и продуктами питания накладывались на военные неудачи, подхлестывали истероидные настроения, сознание искало виновных. Согласованные действия местного самоуправления и администрации Среднего Поволжья и Заволжья в годы Первой мировой войны ограничивались областью насущных хозяйственных дел. Психоментально местное самоуправление, образованное общество ощущали, в конечном итоге, существующую власть во всех ее ипостасях как свое противоположение, видело в ней, особенно в ее высших эшелонах, источник неустойств, неудачи и тяготы войны относило, в первую очередь и главным образом, на ее счет.

В Среднем Поволжье и Заволжье продовольственный вопрос не был в числе первых в формировании нервической обстановки. Сельское население (а это абсолютно большая часть населения) само снабжало себя продовольствием за исключением сахара (но был традиционный продукт сладости – мед), отчасти соли и чая, ряда товаров обихода промышленного производства, как то гребни, сарафаны и т.д. Основа продовольствия простонародья региона – зерновые, что отразилось в пословице: «Хлеб и каша – пища наша». Мясо и т.д. отстояли в рационе на дальних позициях. В городах непереносимых трудностей в снабжении простонародным продовольствием также не было. Но была коренная неустроенность: крестьянская психоментальность не могла смириться с гигантскими частными латифундиями благородных и «чумазных» лендлордов, расположенных рядом с их деревнями, труженики города тяготились патерналистской опекой, гражданское неравноправие задевало большинство населения, сказывались и этноконфессиональные проблемы.

Таким образом, война оказала сильнейшее воздействие на повседневную жизнь населения Среднего Поволжья и Заволжья: до половины православных мужчин работоспособного возраста были мобилизованы; одновременно сюда прибыли сотни тысяч беженцев и военнопленных; в связи с передислокацией

Статьи и сообщения

промышленных предприятий и воинских частей заметно изменился облик городов региона; прекратилось жилищное строительство в городах, подорожали продовольственные и промышленные товары.

В рассматриваемое время продовольственный вопрос в Среднем Поволжье и Заволжье не был в числе первых в формировании протестного настроения. Население не предъявляло особых претензий к власти по поводу снабжения продовольствием, цены на которые повышались постепенно. Простонародье было настроено патриотично и проявляло лояльность к власти. Его недовольство проявлялось в глухом ропоте, жалобах, единичных выступлениях на бытовой почве, в первую очередь в так называемых «бабьих бунтах». В решении хозяйственных дел администрация и местное самоуправление до 1917 г. действовали достаточно согласованно. Вместе с тем органы местного самоуправления, интеллигенция, большинство губернских дворянских собраний и предпринимателей ощущали психоментально власть как свою противоположность, и ориентировались на оппозиционные настроения в столице. Смута спускалась сверху и во второй половине войны охватила высшие слои общества региона.

Многонациональная, многоконфессиональная империя не вынесла тягот войны прежде всего психологически. В начале 1917 г. разлад между властью и обществом достиг критической величины. Достаточно было искры, чтобы разразилась катастрофа.

Смирнов Юрий Николаевич

*доктор исторических наук
Самарский государственный университет*

**ГЛОБАЛЬНЫЕ ПРЕДУПРЕЖДЕНИЯ ПРОВИНЦИАЛЬНОГО ЖУРНАЛИСТА:
ПУБЛИКАЦИИ Н. СЕВЕРСКОГО (А.И. СВИДЕРСКОГО) В ПЕРИОД БАЛКАНСКИХ ВОЙН
(1912–1913 гг.)**

Первая мировая война явилась результатом назревавших длительное время геополитических, экономических, военных межгосударственных противоречий, которые так или иначе проявлялись в предвоенный период, в том числе в общественных настроениях, без изучения которых вряд ли получится правильно и полно осмыслить проблематику Великой войны 1914–1918 гг.

Среди животрепещущих тем, которые привлекали пристальное внимание российской общественности накануне Первой мировой войны, были Балканские войны (1912–1913 гг.). Они указывали на самую болевую точку Европы, ее «пороховой погреб», откуда в недалеком будущем и разгорелся всемирный военный пожар¹.

Отклик российского общества на происходившие в 1912–1913 гг. на Балканах военные конфликты нашел свое отражение в современной исторической литературе². Для выявления и осмысления общественной реакции по вопросу Балканских войн исследователи тщательно проанализировали и материалы периодической печати, стремясь выявить политические силы и интересы, стоявшие

¹ Романова Е.В. Пролог // Стратегия России. 2012. № 2.

² Кострикова Е.Г. Внешняя политика в общественном мнении России накануне Первой мировой войны. 1908–1914 гг.: автореф. дис. ... д-ра ист. наук. М., 2011; Мороз Ю.М. Русское общество и Антанта в период Балканских войн 1912–1913 гг. // Белорусский журнал международного права и международных отношений. 2004. № 4; Учаева Н.А. Македонский вопрос в зеркале либеральной прессы России (1912–1913 гг.) // Известия Самарского научного центра Российской академии наук. 2007. Т. 9. № 2; и др.

за газетными и журнальными публикациями. Однако не все аспекты проблемы оказались раскрытыми в должной степени.

В большинстве трудов речь идет о позиции нескольких наиболее влиятельных изданий различной идейной направленности, которые являлись отражением взглядов и мнений ведущих политических и общественных деятелей страны, крупных партийных лидеров. Соответственно понятия «общество», «общественное мнение» оказались, как правило, ограничены столичной средой. Отношение же к событиям Балканских войн провинциальной общественности, составлявшей как раз основную массу населения России, осталось за пределами исследовательского интереса. Как следствие, по представленным работам может сложиться несколько одностороннее впечатление о круге идейных и политических позиций, определявших отношение к Балканским войнам в России. Так, по мнению Ю.М. Мороза, в обществе господствовало стремление к славянскому единству и защите общеславянских интересов, которое представлял широкий политический блок умеренно-правых, националистов и октябристов³. С этим мнением перекликается позиция Е.Г. Костриковой, которая, правда, расширяет круг сторонников российской опеки над славянством за счет либералов. Она оставляет вне пределов этого круга только крайне правых сторонников союза с Германией и левых радикалов (социал-демократов и трудовиков), которые «использовали любую возможность, чтобы разоблачать империалистическую и захватническую, с их точки зрения, политику». Выходя из сферы социологических и политологических умозаключений в область общественной психологии, Е.Г. Кострикова сочла, что «в период Балканских войн произошел перелом в настроениях части русского общества», что «была пройдена черта, за которой угроза мировой войны уже не казалась катастрофой», а слово «война» стало произноситься легко и привычно во многом благодаря постоянному мельканию на страницах газет⁴. Таким образом, наличие в русском обществе начала XX века пацифистских настроений в период Балканских войн практически не принимается во внимание в имеющейся литературе.

Подобная оценка общественного сознания 1912–1913 гг. не кажется очевидной и полной, что и определило обращение к теме настоящей статьи. Представляется, что «взгляд из провинции» может открыть не только местные подробности, но и указать на явления более широкого порядка, не заметные с политических вершин. Плодотворность такого подхода к проблемам общероссийской значимости с использованием материалов самарской прессы

³ Мороз Ю.М. Указ. соч. С. 75.

⁴ Кострикова Е.Г. Указ. соч. С. 26, 28.

предвоенных лет уже была показана в работах автора настоящей статьи⁵, а также Е.С. Досекина⁶, Л.М. Артамоновой⁷ и др.

За основу анализа были взяты публикации в леволиберальной самарской газете «Волжское слово» за подписью «Н. Северский», посвященные событиям на Балканах в 1912–1913 гг. «Волжское слово» являлось крупным для провинции изданием, пользовавшимся популярностью и влиянием в регионе, выражая мнение немалой части читающей публики.

В ходе Первой Балканской войны, продолжавшейся с 9 октября 1912 г. по 30 мая 1913 г. (по нов. ст.), между Балканским союзом (Болгария, Греция, Сербия, Черногория) с одной стороны и Турцией с другой, симпатии большей части российского общества были, разумеется, на стороне «союзников». Многими война воспринималась как продолжение Русско-турецкой войны 1877–1878 гг., как завершение дела освобождения православных и славянских народов Балканского полуострова из-под османского ига. Кроме религиозной и этнической составляющей, оправдывавших эту войну в глазах общественности как «священную» и освободительную, многие россияне разделяли цели внешней политики собственной империи по созданию у ее юго-западных границ союза православных и славянских государств. Этот союз мыслился не столько как противовес ослабленной и уже не очень опасной Турции, сколько как барьер на пути балканской и ближневосточной экспансии Германии и Австро-Венгрии, угрожавшей экономическим и стратегическим интересам России. К тому же Балканский союз мог быть полезен для усиления одного из военно-политических блоков великих держав, а именно Антанты, или Тройственного согласия, куда входили Россия, Франция, Англия. Внутри же самой Антанты близкие по вере и языку союзники укрепили бы позиции России во взаимоотношениях с западноевропейскими партнерами. Звучали запредельно оптимистические высказывания: «Ясно стало, что Европейской Турции наступил конец. Ясно стало, что у Тройственного согласия вырос новый грандиозный союзник на месте вероятного противника... Надлежало только немедленно протянуть руку помощи, включить Балканский союз целиком в нашу систему, этим достигнуть безусловного военного преобладания в Европе и, следовательно, сделаться

⁵ *Смирнов Ю.Н.* Либеральная провинциальная пресса о первой Балканской войне (на примере Самары) // Культура, наука, образование: проблемы и перспективы. Материалы III Всероссийской научно-практической конференции. Нижневартонск, 2014.

⁶ *Досекин Е.С.* Публикации «Церковно-общественного вестника» 1912–1913 годов и отклики на них в либеральной самарской прессе // Вестник Самарского государственного университета. 2013. № 8.2 (109).

⁷ *Артамонова Л.М.* Организация в Самарской губернии помощи жертвам войны 1912–1913 годов на Балканах // Наука и культура России. Самара, 2013. Т. 1.

хозяевами мира и войны»⁸. И лишь немногие современники осознавали, насколько зыбкими в реальности были как идеалы панславянского или всеправославного единства, так и хитроумные построения дипломатов.

Небольшие балканские страны обладали собственными далеко не скромными амбициями, о которых возглашали голоса с призывами к созданию «Великой Болгарии», «Великой Сербии», «Великой Греции». На путях к воплощению этих призывов стояла не только Турция, но и прочие соседи, включая единоверцев и «братьев-славян». В полной мере эти противоречия проявились во Второй Балканской войне, начатой боевыми действиями 29 июня 1913 г. и достаточно быстро законченной подписанием 10 августа мирного договора. Сербия и Греция вкупе с только что побежденной Турцией и до поры до времени выжидавшей Румынией объединились против обросшей территориальными приобретениями Болгарии, нанеся ей поражение. Рухнул Балканский союз, его участники разошлись по различным военно-политическим блокам, втягивая и без того конфликтующие великие державы в свои противоречия. Ровно через год «пороховая бочка» Европы сдетонировала Первой мировой войной. Балканские войны не стали триумфом российской внешней политики и панславизма, а лишь подтолкнули страну к бедствиям войны и социальному взрыву, разрушившему прежнюю государственность.

Вряд ли даже самые проникательные государственные деятели и дипломаты могли просчитать подобное развитие событий. Тем более интересными и несколько неожиданными являются предупреждения, раздавшиеся со страниц самарской газеты еще в ходе Первой Балканской войны. В провинциальной среде оказались трезвые головы, противопоставившие официальной и шовинистической пропаганде здравый смысл, псевдорелигиозным призывам к «войне за веру» – подлинное христианское миролюбие, а панславистским утопиям – осознание эгоизма национальных элит.

2 ноября 1912 г. «Волжское слово» в комментарии «Русское общество и балканская война» в газетной колонке «Темы дня» четко сформулировало свою позицию по происходящему на Балканах, выдвинув ряд тезисов: 1) «война не вызвала никакого движения в широких слоях», хотя многие «сочувствуют борьбе славян за освобождение»; 2) русская демократия не одобряет войну вообще в качестве средства разрешения международных споров, а сами «демократические слои русского населения сознают, что у них дома у самих непочатый край неразрешенных проблем», решению которых войны не способствуют;

⁸ Цит. по: Улуян А.А. Геополитические взгляды российской правящей элиты на Балканский регион с конца XIX века до 90-х гг. XX века (проблемы исторической политологии) // Человек на Баканах в эпоху кризисов и этнополитических столкновений XX в. СПб., 2002. С. 263.

3) безусловная поддержка войны за «славянское дело» не распространяется далее умеренных и консервативных кругов; 4) «в балканской войне освободительные цели славянских народов смешались с завоевательными целями славянских правительств»⁹. Комментарий шел без подписи от имени редакции, однако, судя по множеству других публикаций, главную роль в его составлении сыграл ведущий автор этой газеты по балканской тематике, подписывавшийся как «Н. Северский».

Под этим псевдонимом в газете сотрудничал Алексей Иванович Свидерский (1878–1933), человек весьма любопытной биографии. Его самарский псевдоним, вероятнее всего, взят по названию Новгород-Северского уезда, где прошли его детские и юношеские годы. Выходец, как он сам писал, из «чиновничье-помещичьей семьи», уже в старших классах гимназии попал под надзор полиции за чтение запрещенной литературы. Поступив в Петербургский университет, Свидерский так его и не закончил, поскольку втянулся в подпольную деятельность сначала в студенческих кружках и «Союзе борьбы за освобождение рабочего класса», а затем в РСДРП, где примкнул к фракции большевиков. Седьмой по счету арест в 1909 г. закончился его третьей по счету ссылкой в 1910 г., на этот раз в Самару. Согласно его автобиографии, во время этой ссылки он не вел активной работы в партии, чему стоит верить, поскольку написал он об этом уже в советское время, когда подобное признание не могло преследовать никаких выгод. Тогда же он не отрицал, что в начале Первой мировой войны занимал оборонческую позицию. Глубокие антивоенные убеждения все же пересилили и, возможно, именно они побудили Свидерского вернуться в 1916 г. в большевистскую партию, в рядах которой он стал видным советским работником и дипломатом, с почетом похороненным у Кремлевской стены¹⁰.

Однако во время пребывания и работы в Самаре он, если и придерживался в какой-то мере марксистских взглядов, то отошел от радикалов-революционеров и организационно, и идейно. Судя по всему, Свидерский оказался тогда ценным приобретением для такого издания, каким было «Волжское слово», позиционировавшее себя левее кадетов, но отрицавшее принадлежность к числу социалистических или революционных изданий.

Наиболее отчетливо собственная позиция Свидерского 1912–1913 гг. была выражена в статье «Жертвуйте на раненых», опубликованной с обычной для него подписью «Н. Северский» 23 декабря 1912 г.¹¹ Несмотря на название, ничем не выделявшееся из множества публикаций того времени с «благотворительным»

⁹ Волжское слово (Самара). 1912. 2 ноября.

¹⁰ Свидерский Алексей Иванович // Большая биографическая энциклопедия. [Электронный ресурс]. URL: http://dic.academic.ru/dic.nsf/enc_biography/110695/Свидерский

¹¹ Волжское слово (Самара). 1912. 21 декабря.

содержанием, статья имела откровенно антивоенный программный характер. В ней осуждался разгул «шовинистических и националистических страстей, разыгравшихся вокруг балканской войны». В России эти страсти, по мнению автора, разжигала, во-первых, «человеконенавистническая агитация части печати, поднявшей начатую правительствами славянских государств войну на идеалистический пьедестал, на котором она фактически не находилась ни в один из своих моментов». Во-вторых, их использовали в своих целях «официозные сферы», т.е. власть и поддерживавшие ее политические силы, «постаравшиеся сделать соответствующее националистическое употребление из шовинистических лозунгов».

Средства агитации были просты и использовали клише, идущие от русско-турецких войн XIX века: «Национал-либеральные и официозные газеты ежедневно трубили о зверствах турок и геройских, полных самоотвержения, подвигов славян... Эта печать кричала о благородных мотивах, вызвавших балканскую войну, рисуя последнюю, как своего рода восстание раба против тирана-господина». В итоге этих идеологических построений, указывал самарский журналист, «войну, являющуюся и являющуюся всегда зверством, связали с идеей христианства, отрицающей всякое убийство», и подняли на пьедестал как религиозную войну «Креста с Полумесяцем», объявив ее «делом вполне христианским и богоугодным». Культурному человеку XX века должно быть стыдно, считал автор, обвинять во всех бедах простых турок – «несчастный нищий народ, виновный лишь в том, что он слишком поздно сбросил с себя ярмо политического рабства».

По мнению Свидерского, в «широких слоях населения» России существовало отвращение «к милитаризму и войнам». Среди людей, к которым обращалась газета, «агитация, полная злобы и ненависти к человеку и оскорбительная для современных этических понятий, должна была вызвать к себе чувство отвращения». Возмущение против шовинизма и политиканства стало особенно заметным, когда победители начали дележ военной добычи, даже не дожидаясь окончания боевых действий, когда спала романтическая и идеалистическая пелена с «освободительных» стремлений правительств балканских стран. К тому же оказалось, что военные преступления совершались всеми противоборствующими сторонами. В анализируемой статье содержался призыв: «Жертвуйте на раненых, независимо от национальности!» В ней утверждалось, что именно такой лозунг, а не призыв к истреблению по признаку веры или языка соответствует истинной христианской любви, которая не может сочетаться с ненавистью.

Вместе с тем, признавал публицист, не стоит переоценивать уровень антивоенных настроений и недооценивать число людей, отравленных «ядом человеконенавистничества». Автор «Волжского слова» писал: «Голос призывающих к жертве страждущим людям-братьям, независимо от того, кто они, – победившие

славяне, или побежденные турки, павшие жертвой своей культурной отсталости и слишком позднего возрождения к новой жизни, – звучит заглушено».

Миролюбивые настроения и их публичное выражение в 1912–1913 гг. действительно заглушались милитаристской и «ура-патриотической» пропагандой, барабанным боем звучавшей в большинстве газет. Не приемля позиции «Волжского слова», «соседи справа» из октябристского «Голоса Самары» причисляли своих оппонентов к социал-демократам, предающим национальные интересы во имя классовой борьбы, и уверяли читателей, что «волжскословские» плевки в чистый колодец славянского дела несут «заразу извращения и безумия в душу всего человечества»¹².

Начало 1913 года ознаменовалось активным вмешательством великих держав в балканские дела и постепенным переводом основных усилий по его разрешению из военной в дипломатическую плоскость. Статья Н. Северского «О демобилизации» была посвящена договоренностям по разрядке в военном пограничном противостоянии России и Австрии. Автор предостерегал от надежд, что снятие напряженности в отношениях двух империй немедленно развяжет балканский узел, считая пограничную демобилизацию лишь шагом в этом направлении. Он указал на куда более значимые болевые точки, мешающие договоренностям и согласованной политике великих держав. Прежде всего, это был вопрос о черноморских проливах, но и он – «не единственный камень преткновения в ближневосточной проблеме», а потому «до разрешения общеевропейского кризиса, разразившегося на почве балканской войны, дистанция – огромного размера»¹³.

Исход войны на Балканах решался вовсе не на полях сражений, а в закулисной игре крупных игроков – таков лейтмотив публицистики «Волжского слова» по этой теме. Однако мимо внимания газеты не проходило и то, что непомерные амбиции политиков малых стран добавляли топлива в костер регионального конфликта и общеевропейской нестабильности. Чем ближе был конец «турецко-славянской» войны, тем ясней становилось журналисту-пацифисту, что она лишь первая в череде войн будущих. Об этом было прямо сказано в статье Н. Северского «Новая фаза балканского кризиса»¹⁴. Панславянского и общеправославного единства в реальной политике и международных отношениях не существует, считал ее автор. Споры между балканскими соседями нельзя объяснять исключительно зарубежными происками: «Дележ отнятых у Турции провинций послужит источником значительных трений между победителями... Неприязнь, возникшая, с одной стороны, между Сербией и Болгарией, и с другой – между Болгарией и Румынией,

¹² Голос Самары (Самара). 1912. 16 октября.

¹³ Волжское слово (Самара). 1913. 28 февраля.

¹⁴ Там же. 6 апреля.

слишком бьет в глаза, чтобы ее можно было игнорировать, как это делают некоторые газеты, прячась за пресловутую австрийскую интригу». Раскладка основных внутривосточных несогласий здесь обозначена правильно, была намечена конфигурация противостояния в будущей Второй Балканской войне, хотя еще не закончилась Первая. Турция побеждена, но у нее есть шансы на то, чтобы частично отыграть потерянное, считал журналист. Он и здесь предвидел поворот, не укладывающийся в мысли «ура-патриотов», уже видевших ее потерявшей все европейские владения и даже черноморские проливы: «...Хотя Турция и разгромлена, однако при определении будущего Балканского полуострова она не может быть сброшена со счетов. История посмеялась над мечтами наших славянофилов о прибитии "щита к воротам Царьграда"». Однако главный вывод, к которому подводило «Волжское слово», касался не только балканских стран, но и самой России: «Пожалуй, мечта наших славянофилов о панславистском союзе так и не осуществится... Будущие международные отношения на Балканах, вероятно, не выразятся в противопоставлении пангерманизма панславизму. Скорее всего, они будут смешанными и чуждыми всякого националистического романтизма». Это провидение оказалось поистине верным не только на ближайшие годы, но и на все последующее столетие.

Современные исследователи считают, что Первая Балканская война породила в российских правящих, дипломатических, научных кругах восприятие «самостоятельности балканских государств и исходящей уже, в связи с этим, угрозы национальным интересам России от растущей активности этих стран, преследующих на международной арене свои национальные интересы в форме этнотерриториальной ревизии»¹⁵. Принимая данное положение, следует признать, что А.И. Свидерский был в числе первых россиян, которые осознали новые геополитические реальности и угрозы. В статье «Европейское равновесие» им была вновь показана ненадежность и без того шаткого баланса интересов великих держав в условиях непредсказуемых и неподконтрольных действий малых стран, отдельных «полевых командиров» или националистических организаций.

На самом исходе Первой Балканской войны согласованный было «европейский концерт» дал сбой из-за отказа маленькой Черногории вывести войска из города Скутари (Шкодера) и ее сговора со сдавшим город османским военачальником, пожелавшим стать королем новой независимой страны – Албании: «...Опасность европейского конфликта, казавшаяся устраненной накануне занятия Скутари черногорской армией, снова выступила наружу, снова заставила о себе говорить и дипломатию, и печать, и общество, снова повисла в виде Дамоклова меча над Европой...» Публицист «Волжского слова» вновь дает точный прогноз: «Ничего

¹⁵ Улуян А.А. Указ. соч. С. 266.

удивительного не будет, если завтра же произойдут события, которые опять опрокинут все дипломатические построения»¹⁶.

Не первый раз «Волжское слово» озвучивало мысль, что любые «мелочи» в балканских делах грозят глобальной катастрофой. От выхода этой статьи до одной из таких неожиданностей, ставшей поистине роковой, а именно – до выстрелов Гаврилы Принципа в Сараево, оставался всего год и два месяца.

После разрешения «скутарийского инцидента», который грозил ни много ни мало «нарушить общеевропейский мир», в публикации Н. Северского под названием «К ликвидации балканской войны» констатировалось, что ее полное окончание произойдет очень скоро. После этого следовал второй вывод, внешне парадоксальный и противоречащий первому, но вполне справедливый: «Балканский кризис только ставится сейчас во всем своем объеме». Прекращение войны, по мнению автора, отнюдь не устранил «опасность как европейского столкновения, так и столкновения между отдельными балканскими государствами»¹⁷.

Предсказания как нового регионального конфликта, так и общеевропейского, данные на страницах самарской газеты, оказались верными. За четыре дня до официального начала Второй Балканской войны, которая была объявлена 17 июня по старому или 30 июня по новому стилю, под подписью Н. Северского в «Волжском слове» вышла статья «Заговорили пушки»¹⁸. В ней шла речь о начале войны и окончательном крахе пророссийского Балканского союза уже как о свершившемся факте, хотя несколько следующих дней еще продолжались переговоры и предпринимались дипломатические шаги по ее предотвращению.

Вторая Балканская война закончилась достаточно скоро. 29 июля 1913 г. боевые действия прекратились. Однако ровно через год опять-таки на Балканах нападением Австрии на Сербию 28 июля 1914 г. началась европейская война, переросшая в Первую мировую. Самые мрачные предсказания глобальной катастрофы сбылись. Мир не прислушался к предостережениям об опасности такого исхода, раздававшимся от разных политических сил и деятелей, из разных стран и городов, в том числе из Самары.

То, что его предвидения сбывались одно за другим, вовсе не радовало Свицерского. Он продолжал надеяться, что люди опомнятся от ненависти, застывшей их глаза. Уже после того как разразилась Первая мировая война, в «Волжском слове» под привычным псевдонимом Н. Северского появляется необычная для военного времени статья «Рождественский благовест в тяжелую годину». Автор призывал вспомнить в день Рождества заветы «Учителя Любви», пришедшего в мир

¹⁶ Волжское слово (Самара). 1913. 21 апреля.

¹⁷ Там же. 1 мая.

¹⁸ Там же. 13 июня.

Статьи и сообщения

1914 лет назад: «Даже в ниспосланные историей нынешние тяжкие дни человечество не желает расстаться с своей верой в конечную победу Любви над Ненавистью. Борьбу, которую ведет Ненависть, оно рассматривает как неизбежное средство утверждения царства Любви»¹⁹.

Таким образом, наличие пацифистских и гуманистических настроений в обществе накануне Первой мировой войны не подлежит сомнению. «Волжское слово», его авторы, не только Н. Северский, но и другие, доказывали этот факт неоднократно²⁰. Судя по их выступлениям, антивоенная составляющая действительно наличествовала в русском общественном сознании, в том числе проявляясь у части трезво мыслящих провинциалов. И этим, как нам видится, во многом объясняется быстрый переход под воздействием неблагоприятных политических и экономических факторов от подъема в 1914 г. великодержавных чувств к ниспровержению в 1917 г. власти и политиков, вовлекших Россию в глобальный вооруженный конфликт, предвестием которого стали Балканские войны.

¹⁹ Волжское слово (Самара). 1914. 25 декабря.

²⁰ См.: *Артамонова Л.М.* Критика внешней политики правительства на Балканах и антивоенные выступления в самарской печати 1912–1913 г. // Внешнеполитические интересы России: история и современность: сборник материалов Всероссийской научной конференции, приуроченной к 100-летию начала Первой мировой войны. Самара, 2014. С. 12-13, 17-18.

Братолубова Мария Викторовна

*кандидат исторических наук
Южный федеральный университет*

ВИЗУАЛИЗАЦИЯ «ОБРАЗА ВРАГА» В ПЕРИОД ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ В ДОНСКОЙ САТИРИЧЕСКОЙ ГРАФИКЕ

Несмотря на обилие публикаций по истории Первой мировой войны, ряд сюжетов остается до сих пор недостаточно изученным. В их числе – военная визуальная сатира. Изучение визуальной сатиры как исторического источника является одной из задач современной науки. Военная карикатура – это одновременно и художественное произведение, и оружие борьбы, и «зеркало современности», и барометр общественного мнения, и эффективное средство его формирования. Если учесть массовое тиражирование произведений сатирической графики, их доступность и популярность, станет ясно, какое влияние творчество карикатуристов могло оказывать на общественные унастроения россиян в начале XX века.

Карикатура относится к полупрофессиональному жанру (близкому к фольклору) и поэтому имеет гораздо большее влияние на обыкновенных людей, чем возвышенные идеи философов или даже литература, поскольку затрагивает не только сферу рационального мышления, но и воздействует на эмоции. Графическое изображение, особенно при многократном его повторении, легко остается в сознании. Все это делает военную карикатуру для историка не просто сопутствующим, иллюстративным материалом исследования (что в подавляющем числе случаев до сих пор наблюдается в историографии), но важным социокультурным феноменом, являющимся одновременно фактором общественного сознания определенной эпохи и своеобразным источником информации об изучаемом объекте или событии. Хотя нельзя не согласиться с теми исследователями, которые утверждают, что комплексное, многомерное и адекватное

представление о прошлом сатирическая графика способна дать не сама по себе, а лишь в сочетании с другими источниками.

Карикатура лишь недавно стала объектом исторических исследований. Обращение историков к теме визуальной сатиры – явление само по себе не частое, как правило, адресное¹. Изучению конкретных исторических периодов, в частности Первой мировой войны, сквозь зеркало политической карикатуры посвящены единичные труды².

В настоящей статье предпринята попытка проследить специфику визуализации «образа врага» сквозь зеркало военной политической карикатуры и охарактеризовать стратегию исключения «чужих» в донской периодической печати периода Первой мировой войны.

Визуальная сатира переживала в начале XX века свой расцвет. Чаще всего газетная карикатура была рассчитана на городские образованные слои, на ту часть либерального общества, которой было свойственно умеренное свободомыслие, не поднимавшееся до уровня партийных споров. При этом в сатирической графике проявились все ступени эскалации вражды – от «инога», «чужого» до «врага».

Важно учесть двойственную природу периодики. Она служила инструментом формирования общественного настроения и в то же время его индикатором. В 1914 году «европейская война», ее цели, ход, перспективы, противники и союзники России, с первого дня приковали к себе внимание деятелей газетного мира, равно как и читающей публики. Возрос читательский спрос на разнохарактерную информацию, связанную с войной, в первую очередь именно на ежедневную информацию. Поднялся интерес к периодической печати, а значит, возрастало ее

¹ *Ватлин А.Ю., Малашенко Л.Н.* История ВКП(б) в портретах и карикатурах ее вождей. М., 2007.

² *Голиков А.Г., Рыбаченок И.С.* Смех – дело серьезное. Россия и мир на рубеже XIX–XX веков в политической карикатуре. М., 2010; *Купцова И.В.* Тема патриотизма в российской художественной культуре в годы Первой мировой войны // *Границы: Альманах Центра этнических и национальных исследований ИвГУ.* Иваново, 2008. Вып. 2; *Лазари А. де, Рябов О.В., Жаковска М.* «Русский медведь» в западноевропейской пропаганде Первой мировой войны // *Лабиринт. Журнал социально-гуманитарных исследований.* 2013. № 4; *Оболенская С.В.* Немецкий вопрос и представления в России о немцах в годы Первой мировой войны // *Россия и Германия.* М., 2001; *Поршнева О.С.* Внешний враг в сознании народных низов России в период Первой мировой войны // «Наши» и «чужие» в российском историческом сознании. Материалы междунар. науч. конф. СПб., 2001; *Рябов О.В.* Образ врага в гендерном дискурсе российской пропаганды периода Первой мировой войны // *Vater Rhein und Mutter Wolga: Diskurse um Nation und Gender in Deutschland und Russland.* / Hrsg. v. Cheaure E., Nohejl R. und Napp A. Würzburg: ERGON Verlag, 2005. (Identitaeten und Alteritaeten. Sbd. 20); *Цыкалов Д.Е.* Карикатура как орудие пропаганды в период Первой мировой войны // *Вестник Волгоградского государственного университета.* Сер. 4. История. 2012. № 1(21); *его же.* Образ «русского медведя» в отечественной карикатуре периода Первой мировой войны (июль 1914 – февраль 1917) // *Лабиринт. Журнал социально-гуманитарных исследований.* 2013. № 4.

воздействие на «общественное мнение своей страны, союзных, нейтральных и враждебных государств». «Все силы» печати концентрировались «на главном направлении – формировании образа врага»³, который становится продуктом пропаганды. Последняя при помощи семантических, оптических и графических средств стремится к демонизации противника, для того чтобы (как правило) легитимировать собственное господство⁴.

Исследуя карикатурный «образ врага», мы будем подразумевать именно внешнего врага – Германию, Австро-Венгрию, Турцию, и, соответственно, немецких, австро-венгерских и турецких воинов. Для осмысления данного образа нами были проработаны донские общественно-политические издания, прежде всего «Приазовский край» и «Южный телеграф», которые и с содержательной точки зрения, и с изобразительной стороны являлись ведущими средствами массовой информации региона, публикующими качественную военную карикатуру.

Для визуальной сатиры рассматриваемого периода была характерна «фольклоризация», желание сделать создаваемую солидарность «всегда бывшей» и, следовательно, народной. Визуальным сообщениям приписывается каузальная связь с действительностью, и потому они играют решающую роль в визуализации «чужих» и «врагов». Карикатура, как и фотография, формирует образ «врага», но отличие карикатуры в том, что она предоставляет своему зрителю уже подготовленный образ, который поддерживает идентичность, доказывает собственное превосходство и тем самым способствует победе над врагом.

«Образ врага» формировался одновременно и «снизу», и «сверху», и в исторической памяти общества, и в идеологической политике властей. Представленные пропагандистские образы государств Четверного союза во многом были продолжением традиционных стереотипов, существовавших еще до начала войны: «Давние представления о Востоке как о чем-то экзотическом и как об объекте экспансии повлияли на образ глупого несчастного султана, живущего посреди фантастической роскоши. Образы слабой, разваливающейся империи, отражающие соперничество с Австрией, проецировались на фигуру старого и слабого Франца-Иосифа»⁵. Доминирующая роль Вильгельма в этом трио и его якобы сатанинский характер отражают восприятие русскими Германии как наиболее опасного врага, против которого должны быть направлены наибольшие усилия.

³ Сенявская Е.С. Противники России в войнах XX в.: Эволюция «образа врага» в сознании армии и общества. М., 2006. С. 63.

⁴ Buchbender O. Zentrum des Bosen. Zur Genesis national-sozialistischer Feindbilder // Wagenlehner G. Feindbild. Geschichte-Dokumentation-Problematik. Fr./M., 1989. S. 18.

⁵ Jahn H.F. Patriotic culture in Russia during World War I. Ithaca; L., 1995. P. 173.

Статьи и сообщения

Публичный дискурс в первый год военных действий преподносил воображаемую войну в ура-патриотическом ключе. Пропаганда стремилась навязать населению определенный заранее разработанный «образ чужого», однако оперировала чаще всего слишком абстрактными понятиями (славянство, честь России, слава русского оружия и т.п.). Образ немца как врага писался в годы Первой мировой войны отнюдь не с чистого листа, отражая определенные стереотипы восприятия.

В русском образованном обществе немец как обобщенный, традиционный образ довоенного периода имел в целом позитивный характер: учитель европейской мудрости, своего рода культуртрегер⁶. Германия длительное время была для России положительным культурным ориентиром, немецкая культура и немецкий язык имели высокую степень значимости для дореволюционной интеллигенции, и потому антигерманские карикатуры были в довоенный период в России большой редкостью. Даже в начале Первой мировой войны ситуация в России существенно не изменилась. Хотя на этом этапе Германия в донских карикатурах аллегорически изображалась в виде жадной до денег, с манией величия женщины, высмеивалась ее любовь к расчетной книжке, но никаких непосредственных целей демонизации здесь

Мечты и действительность
(Приазовский край. 1914. 3 сентября)

еще не наблюдается. Скорее мы видим не более чем стремление принизить противника и минимизировать его угрожающий потенциал.

Пожалуй, можно утверждать, что карикатуры начального периода войны еще не преследовали агитационных целей, не были направлены на создание наводящих ужас вражеских образов. Они хотели прежде всего выставить врага на посмешище и зачастую являлись для зрителя скорее объектом веселья, чем средством внушения ненависти.

⁶ См. об этом подр.: *Филппова Т.А.* «Враг с Востока». Образы и риторика вражды в русской сатирической журналистике начала XX века. М., 2012.

Статьи и сообщения

Только с середины 1915 г. на страницах донских газет и журналов немец появляется уже в несколько ином образе. Германия и ее союзники постепенно представлялись жестокими и коварными агрессорами, на которых целиком и полностью возлагалась ответственность за развязывание войны. Демонстрировалось (в том числе с использованием религиозных и квазирелигиозных образов и символов), что Россия сражается за «правду». Так, известный донской карикатурист А. Воронецкий в карикатуре «Голова Кайзера» изобразил Германию страшным врагом-чудовищем, внушающим ненависть и презрение. Хотя, на наш взгляд, дегуманизация врага в Первую мировую войну не достигла крайней степени. Визуальные оценки немцев хотя и были негативными, но «менее эмоционально окрашенными, более нейтральными, часто даже беззлобными и просто ироничными»⁷.

Изобразительная концепция карикатуры, сатирического прорисовывания определенных, «назначенных» характерными признаков противника включала и представление собственной (позитивной) стороны. По отношению к себе также часто устанавливалась юмористически действующая дистанция. Любопытно, что столь красочные и по-своему целостные образы враждебных наций не сопровождались таким же целостным образом самой России: «Русские имели достаточно ясное представление о том, против кого они воюют, но не о том, за кого или за что»⁸.

Как правило, в донской карикатуре участвовали два главных лица – «свой» (народный герой) и «чужой» (немец, австриец, турок). Немцам приписывались такие качества, как «трусость», «глупость», «заносчивость», «недалекость». В определениях, которые давались немцам вообще, заметно воспроизведение давних стереотипов. Часто повторяется слово «колбасники», подчеркивается приверженность деньгам, бездушие, нахальство и, наконец, неискоренимая

Голова кайзера. Рис. А. Воронецкого
(Приазовский край. Иллюстрированное приложение
к газете. 1915. 1 января)

⁷ Сенявская Е.С. Указ. соч. С. 105.

⁸ Jahn H.F. Op. cit. P. 229.

привычка пить пиво. Еще В. Розанов писал: «Символ немцев... пиво, а не виноградное вино, бочки пива, а не драгоценный фиал душистой влаги...»⁹ Русским, напротив, – такие лестные качества, как мощь, мужество и сила.

Основной мишенью для насмешек местных карикатуристов стал кайзер Вильгельм II. На него переносились все возможные негативные стереотипы. Образ Вильгельма включал традиционные русские клише о педантизме немцев, мелочности и ограниченности. В странах Антанты Вильгельма считали главным виновником конфликта, потому на многих местных карикатурах кайзер изображен мечтающим, подобно Наполеону, захватить весь мир. Образ Вильгельма-Наполеона был чрезвычайно популярен в донской прессе. На наш взгляд, власть через пропаганду попыталась подменить коммуникативную память о Первой мировой войне культурной памятью о войне 1812 г. Донская карикатура 1914–1917 гг. вслед за подобными произведениями визуальной культуры 1812 г. обращалась к теме борьбы за мировое господство, изображала немецких военных как убогих, калек или детей, часто обращались к таким сюжетам, как бегство Наполеона и отступление армии.

Если для простого народа годились подобные, довольно примитивизированные приемы пропаганды, то в других ее видах, предназначенных для более образованной публики, звучали и иные мотивы. Германия превратилась в оплот милитаризма, и в визуальной сатире появились сюжеты, характерные уже только для Первой мировой войны – карикатуры, изображающие сражения с использованием новой техники – аэропланов, дирижаблей, подводных лодок. Меняется отражение Германии, образ немецкого солдата эволюционирует от «чужого» до «врага».

Тело героя в карикатуре является антитезой «чуждости» и одновременно служит ключом для раскрытия его внутреннего мира. Карикатура не претендовала на документальную правдивость, ее не связывали узы «вероподобности». Единственное, чем руководствовались ее создатели, так это договором со зрителем, то есть требованием узнаваемости. В связи с этим внешность «врага» художники создавали не в соответствии с анатомическими атласами, а в опоре на современные им этнические стереотипы. Карикатуристы рисовали немцев неправдоподобно худыми, сутулыми, падающими или спотыкающимися, с выраженными феминными признаками. Феминность немецких солдат была усилена в карикатурах их бытованием в пространстве «женской жизни»: Вильгельм II зачастую изображен в образе женщины, посажен на бочку, его воины вместе со своими женами идут грабить русские села и деревни, сидят в избе, окруженные детьми и стариками. Визуальные проявления феминности должны были восприниматься зрителями как знак недееспособности врага, а также как отсутствие у него чести и достоинства.

⁹ Розанов В.В. Война 1914 г. и русское возрождение. Пг., 1915. С. 142-148.

Статьи и сообщения

Но не только стереотипы служили основой для визуального отчуждения и высмеивания противников. Навыки художников-физиономистов пригодились донским карикатуристам для изображения низменных чувств, исказивших лица врагов. Кроме того, они умело пользовались таким универсальным средством распознавания народа, как форма носа. Враги изображались с открытыми от изумления ртами (признаком глупости) и длинными «галльскими» носами (что, согласно руководству И.К. Лафатера, есть признак эгоизма, бесчестности, склонности к воровству и развращенности персонажа)¹⁰. Эффективность такой идентификации персонажа в отечественной карикатуре связана с традициями крестьянской смеховой культуры. Визуальная сатира дореволюционной России дает пример того, как стихия смеха в разные эпохи учитывала социальный заказ, отражала массовые представления о противнике и вписывалась

Рождественский выпуск. Рис. А. Воронцового.
(Приазовский край. Иллюстрированное приложение
к газете. 1914. 25 декабря)

в жесткие требования цензуры военного времени. Играя на исторических аллюзиях, карикатуристы изображали немца и турка с огромными отмоороженными носами. Вероятно, в данном случае мы имеем дело не только с сохранением сюжетов и воспроизводством визуальных метафор, но и с учетом готовности зрителей к смеху.

Довольно часто для создания образа врага донские карикатуристы пользовались зооморфизмом. Противники наделялись «звериными» инстинктами и эмоциями, а «народные герои» демонстрировали разумную, то есть «человеческую», сдержанность и владение своими чувствами. Так, карикатуристам «Приазовского края» зооморфизм предоставил набор выразительных средств для приписывания внешнему врагу низменных культурно-психологических свойств. Характерный пример показывает рисунок под названием: «Перед западней», где враги нарисованы в образе ворон с человеческими лицами. «Образ врага» выполнял функцию антиобраза русского героя. Для донской карикатуры было характерно

¹⁰ Вишленкова Е. Визуальное народоведение империи, или «Увидеть русского дано не каждому». М., 2011. С. 186.

Статьи и сообщения

дихотомическое строение сюжета. Изображение немцев сопровождается такими коннотациями, как «тщеславие», «кичливость», «грабительство», «бесчеловечие». Публике было понятно, что все эти свойства представляют собой полную противоположность нравственным качествам соотечественника, ведь «наш человек» – скромный, добрый, мирный, человеческий.

Союзники Германии – Австро-Венгрия и Турция – воспринимались как второстепенные противники. В донской карикатуре одним из первых сложился «образ турка». В первую очередь, это представитель отживающей свой век Османской империи. На рисунках турок изображен в виде враждебного, но старчески слабого и немощного.

Турция готовится к войне с Россией
(В австро-венгерской ортопедической мастерской)
Рис. А. Воронцового
(Приазовский край. 1914. 10 августа)

◀ Положение, при котором турок может стать страшным
(Приазовский край. 1916. 13 декабря)

Образ «больного человека» в целом соответствовал имеющемуся в то время в российской журналистике клише для обозначения Турции. В карикатурах «Горе султана», «К войне с Турцией», «В Месопотамии» изображена старая дряхлая Турция, которую немец целенаправленно натравливает на Россию. Известный донской художник А. Воронцовский в карикатуре «Турция готовится к войне с

Россией» рисует «сборку» турецкого воина в Австро-Венгерской ортопедической мастерской.

«Южный телеграф» изображал турка обманутой марионеткой, которой можно жонглировать. Читая визуальное послание, зритель понимал, что немец использует Турцию в своих собственных целях против России и славянства, руками «Востока» лукавый «Запад» стремится ослабить Россию. Турок в обобщенном визуальном образе – послушный инструмент в руках врагов с Запада. А значит – истинный враг не на Востоке. Можно согласиться с Т.А. Филипповой, которая в своих работах затрагивает тему «западно-восточного» провоцирования фобийности, утверждает, что визуальная сатира имела своей целью показать, что на Востоке лишь «инструменты» геополитики, которые использует опытный, хитрый, просвещенный прагматик – враг, который окопался на Западе¹¹.

Для донской визуальной сатиры была также характерна игра с возрастными отличиями. Через возраст трактовались те или иные особенности «чужого»: немец – ребенок-переросток, турок – старый султан. Надо сказать, что образ немца был весьма противоречивый: ребенок-переросток, уродливая женщина, пивная бочка и др. Здесь присутствуют и конфликт «мужского» и «женского» начал, и возрастные категории.

Донская политическая карикатура представляет собой лингвизуальный феномен и является жанровой разновидностью креолизованного текста, фактура которого состоит из двух негомогенных частей: вербальной (языковой, речевой) и невербальной (принадлежащей к другим системам, нежели естественный язык)¹². В донской политической карикатуре рассматриваемого периода слово и рисунок – два равноправных вида знаков. Карикатуристы исходили из убеждения, что визуальное нуждается в вербальной поддержке, а вербальная коммуникация – в визуальном опосредовании. Потому в донских газетах можно наблюдать гибридную форму взаимодействия вербального и визуального, которая образует разнонаправленные векторы в идентификации.

Анализ визуальных источников позволяет сделать вывод о художественной примитивности «образа врага». Враг не должен был быть художественно привлекательным. Чем он хуже, тем большего эффекта, как предполагалось, добьется карикатурист.

Образ врага не был канонично закреплен в отечественной визуальной культуре. Донские художники буквально на ощупь создавали кальку для визуального «овражения» противников. При выявлении направленности риторик враждебности

¹¹ См.: Филиппова Т.А. Указ. соч.

¹² Сорокин Ю.А., Тарасов Е.Ф. Креолизованные тексты и их коммуникативные функции // Оптимизация речевого воздействия. М., 1990. С. 6.

Статьи и сообщения

становится ясно, что за этими процессами стояло, с одной стороны, намеренное конструирование фобий, с другой – воспроизводились исторические стереотипы массового сознания. Стереотипы оказывали давление на оторефлексированный средствами сатиры «образ врага» военного времени.

Изучение карикатуры позволяет пролить свет на особенности военной пропаганды, способы конструирования «образа чужого» и функции «образа врага». Тема врага занимала значительное место в тогдашних донских газетных публикациях, попадая в центр особого внимания и критического осмысления. Визуальная сатирическая стихия смеха создавала яркие визуально-публицистические образы, позволяющие увидеть направления культурно-исторической рефлексии. Изучение военной карикатуры того времени позволяет заглянуть в зазеркалье сатиры «чужих» и понять, что не так со «своими».

Терехина Ольга Валентиновна

*кандидат исторических наук
Самарский государственный университет*

ЧЕШСКИЙ ВОПРОС В РОССИЙСКОЙ ПЕРИОДИЧЕСКОЙ ПЕЧАТИ В ГОДЫ ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ

Начавшаяся в 1914 г. мировая война поставила перед российским общественным сознанием множество вопросов, как лежащих в плоскости внутренних проблем Российской империи, так и требующих серьезного переосмысления представлений о роли России в Европе и в мире, о «своих» и «чужих», «союзниках» и «врагах». Важное место в списке проблем, активно обсуждавшихся в ходе общественных дискуссий военного времени, занял национальный вопрос. Объяснялось это не только патриотическим подъемом первых месяцев войны и ростом националистических настроений в российском обществе, но еще и тем, что с началом Первой мировой войны новое звучание и особую остроту приобрел целый ряд европейских «национальных вопросов», в том числе чешский.

Учитывая, что чешский вопрос в годы Первой мировой войны был одновременно вопросом о территориальной целостности империи, о праве наций на самоопределение и обретение своей государственности, можно утверждать, что взгляды российских политиков, ученых, общественных деятелей на этот вопрос были теснейшим образом связаны с их воззрениями как на возможное послевоенное устройство мира, так и на пути решения национального вопроса в Российской империи. Поэтому изучение того, как чехи, Чехия и чешский вопрос отражались в российском общественном сознании в годы войны, приобретает актуальность для специалистов не только по чешской, но и по отечественной истории.

С целью выявления наиболее распространенных представлений о чехах и возможном будущем чешского народа, которые существовали в российском обществе в годы Первой мировой войны, в настоящей статье будут проанализированы материалы российской периодической печати 1914–1917 гг. При

этом из всего многообразия газетных и журнальных публикаций, так или иначе затрагивающих чешскую тематику, внимание будет сосредоточено на тех, которые позволяют осветить два важнейших с точки зрения изучения российского общественного мнения соответствующего периода вопроса:

– какое место в российском сознании в условиях войны должен был занять образ Чехии и чехов применительно к системе координат «свои» – «чужие» – «союзники» – «враги»;

– какие представления о возможностях решения национального вопроса вообще и чешского в частности существовали в российской мысли в годы Первой мировой войны.

Значимость той роли, которую сыграли в распаде Австро-Венгрии национальные движения разных народов, населявших земли, входившие в состав Габсбургской империи, предопределила серьезный исследовательский интерес к путям решения чешского, польского и других национальных вопросов в годы Первой мировой войны. Причем первые исследования по этой проблематике стали появляться и в России, и в других странах еще в условиях военного времени, и на протяжении XX века интерес к различным аспектам темы продолжал развиваться. С 1990-х гг. в России в связи с исчезновением идеологических табу и открытием архивов, а за рубежом – под влиянием событий 1989–1990 гг., темы национальных движений в государстве Габсбургов, распада Австро-Венгрии, путей решения национальных вопросов в годы Первой мировой войны стали приобретать новое звучание и актуальность¹.

Говоря непосредственно об изучении чешского вопроса, необходимо отметить работы Н. Каржанского, Г. Сухомлиновой, Я. Шмерала, А. Клеванского, Е. Серапионовой, Р. Ляйна². Разумеется, особенно важное место эта проблематика занимает в чешской историографии. К ее различным аспектам, в том числе

¹ См.: *Волос М., Шкундин Г.* Национальные вопросы Габсбургской монархии во время Первой мировой войны в историографии и историософии: взгляд из России // *Народы Габсбургской монархии в 1914 – 1920 гг.: от национальных движений к созданию национальных государств.* М., 2012. Т. 1; *Шварц И.* Современная австрийская историография о распаде Габсбургской монархии // Там же.

² *Каржанский Н.* Чехо-словаки в России: По неизданным официальным документам. М., 1918; *Сухомлинова Г.Ф.* К истории образования чехословацкого государства в 1918 г. // *Октябрьская революция и зарубежные славянские народы.* М., 1957; *Шмераль Я.Б.* Образование Чехословацкой республики в 1918 году. М., 1967; *Клеванский А.Х.* Чехословацкие интернационалисты и проданный корпус: Чехословацкие политические организации и воинские формирования в России. 1914–1921 гг. М., 1965; *Серапионова Е.П.* Карел Крамарж и Россия. М., 2006; *ее же.* Чехословацкое национальное движение и планы образования государства во время Первой мировой войны (по материалам российского МИД) // *Народы Габсбургской монархии в 1914–1920 гг.: от национальных движений к созданию национальных государств.* Т. 1; *Lein R.* *Pflichterfüllung oder Hochverrat? Die tschechischen Soldaten Österreich-Ungarns im Ersten Weltkrieg.* Wien; Berlin, 2011.

Статьи и сообщения

связанным с событиями в России, обращались историки как в межвоенной³, так и в социалистической Чехословакии⁴. Из работ современных чешских историков – это исследования И. Шедивого⁵, а также доступные на русском языке статьи М. Главачки и В. Дубека⁶.

Среди исследований по проблеме формирования в сознании россиян в годы войны представлений о «врагах» и «союзниках» стоит упомянуть работы Е.С. Сенявской, которая не только рассматривает соответствующие образы, но и достаточно подробно останавливается на особенностях понятийного аппарата и инструментария исторической имагологии⁷. Следует также обратить внимание на материалы междисциплинарного научного семинара по истории взаимовосприятия культур «Россия и мир глазами друг друга», который с 1994 г. работает на базе Центра по изучению отечественной культуры Института российской истории РАН⁸. На страницах официального сайта семинара среди прочего представлены публикации по проблематике образов «врагов» и «союзников» в годы Первой мировой войны⁹.

Стоит, однако, отметить, что образ чехов и Чехии, существовавший на страницах российской прессы в исследуемый период, не мог полностью вписаться ни в категорию «враги», ни в категорию «союзники», и это актуализирует необходимость его специального изучения.

³ *Mašín E.* Česká družina. Praha, 1922; *Papoušek J.* Masaryk v Rusku // *Masaryk osvoboditel.* Praha, 1920; *Papoušek J.* Carské Rusko a naše osvobození. Praha, 1927.

⁴ *Pichlík K.* Bez legend. Zahraniční odboj 1914–1918. Praha, 1968; *Syllaba T.* T.G. Masaryk a revoluce v Rusku. Praha, 1959; *Веселы И.* Чехи и словаки в революционной России 1917–1920 гг. М., 1965.

⁵ *Šedivý I.* Rakousko-uherská branná moc a problém československých legionářů 1914–1918 // *Moderní dějiny*, № 1. Praha, 1993; *Šedivý I.* Češi, české země a velká válka 1914–1918. Praha, 2001.

⁶ *Главачка М.* Причины распада Габсбургской монархии: взгляд из Праги // *Народы Габсбургской монархии в 1914–1920 гг.: от национальных движений к созданию национальных государств.* Т. 1; *Дубек В.* Карел Крамарж и Томаш Гарриг Масарик: чешская концепция развала Австро-Венгрии // Там же.

⁷ *Сенявская Е.С.* Человек на войне. Историко-психологические очерки. М., 1997; *ее же.* Противники России в войнах XX века: эволюция «образа врага» в сознании армии и общества. М., 2006. URL: http://www.plam.ru/polit/protivniki_rossii_v_voinah_hh_veka_yevolyucija_obraza_vraga_v_soznanii_armii_i_obshestva/p1.php; *ее же.* Народы Австро-Венгрии в Первой мировой войне глазами русского противника // *Вестник РУДН. Серия «История».* 2009. № 4.

⁸ URL: <http://rosmir.iriran.ru/index.php?id=1>

⁹ Черноперов В.Л. Образы «Россия и русские», «Кайзеровская империя и немцы», «Антанта и народы стран Согласия» на страницах дневника Ю.В. Готье (1917–1918 гг.) // *Россия и мир. Междисциплинарный научный семинар по истории взаимовосприятия культур:* сайт. URL: <http://rosmir.iriran.ru/archival.php?id=44>; Филиппова Т.А. «Враг с Запада» – «враг с Востока». Образы и мифологемы в контексте Первой мировой войны (по материалам русской сатирической журналистики 1913–1918 годов) // Там же. URL: <http://rosmir.iriran.ru/archival.php?id=93>

Статьи и сообщения

Напомним, что основной линией в чешской политике конца XIX – начала XX в. (вплоть до войны) была линия, направленная на сохранение Австро-Венгрии. Первая мировая война сделала реальной возможность решить чешский вопрос вне империи, путем создания независимого государства. Правда, нельзя не согласиться с тем, что важнейшей составляющей чешского вопроса в начале XX в. было «стремление довести существование чешских земель до европейского сознания, разместить чешскую (позднее – чехословацкую) звезду на европейском, а позднее и на мировом небосклоне»¹⁰.

Задача эта представлялась непростой. Один из активнейших участников деятельности, завершившейся созданием Чехословацкой республики, первый президент этого государства, лидер партии реалистов, известный ученый и общественный деятель Т.Г. Масарик, развернувший вместе со своими соратниками пропагандистскую работу за пределами Австро-Венгрии, признавал позднее, что на Западе о чехах знали мало: «...Они, собственно говоря, знали лишь то, что нам удалось сделать известным при помощи наших слабых средств»¹¹. Российские же официальные круги, по мнению Масарика, обратили внимание на чехов «лишь под давлением Франции и Англии и их благожелательного отношения к нам...»¹² Впрочем, с этим упреком Масарика вряд ли стоит соглашаться на все сто процентов. Сошлемся в данном случае на исследования Е.П. Серапионовой, подчеркивающей, что «российский МИД пристально следил за развитием национального движения чехов и словаков, как в России, так и за границей, в Австро-Венгрии и на Западе, получая сообщения от своих представителей и резидентов»¹³.

Благодаря работе прессы, о чехах и чешском национальном движении в годы войны, вне сомнений, была осведомлена и российская читающая публика. М.Д. Савваитова, проанализировав в своей диссертации материалы газет «Биржевые ведомости», «Вечернее время», «Голос Руси», «Московские ведомости», «Новое время», «Русская воля», «Русское знамя», «Славянин», показала, что российская пресса с 1914 г. демонстрировала явный интерес к чешским сюжетам, а со временем стала проявлять и неплохую осведомленность в чешских делах¹⁴. Более того, существовал ряд тем, которые привлекали к себе повышенное внимание, и эти сюжеты, выделенные М.Д. Савваитовой, мы находим и в других российских газетах,

¹⁰ *Veber V.* Česká politika a Rusko na konci XIX a na začátku XX století // *Slovansky přehled.* 1997. Č. 2. S. 247.

¹¹ *Масарик Т.Г.* Мировая революция. Прага, 1926. Т. 1. С. 84.

¹² Там же. Прага, 1926. Т. 2. С. 240.

¹³ *Серапионова Е.П.* Чехословацкое национальное движение и планы образования государства во время Первой мировой войны (по материалам российского МИД). С. 119.

¹⁴ *Савваитова М.Д.* Чешский вопрос в русском общественном мнении в период Первой мировой войны. (1914 – октябрь 1917 г.): дис. ... канд. ист. наук. М., 1993. С. 10.

Статьи и сообщения

причем издававшихся не только в Петрограде или Москве, но и, например, в харьковской «Русской жизни». Среди них – арест К. Крамаржа и процесс над ним¹⁵, развитие чешского движения на территории России¹⁶, пятисотая годовщина гибели Яна Гуса¹⁷. Сообщения на эти темы мы встречаем и в газетах, выходивших в годы войны в Самаре¹⁸.

В ситуации, когда распространенным пропагандистским штампом стала характеристика начавшейся в 1914 г. войны как проявления «вековой борьбы между германизмом и славянством»¹⁹, у российской публики возрос интерес к славянским народам, в том числе к чехам, к их историческому прошлому и к особенностям положения чешских земель в составе государства Габсбургов. Этот интерес нашел свое отражение на страницах газет и журналов. Несомненно, условия военного времени и идея «противостояния славянского и германского миров» во многом диктовали выбор сюжетов и тональности публикаций о чехах и Чехии в российской прессе. Так, заметное место и в периодических изданиях, и в небольших брошюрах, призванных познакомить с зарубежным славянством российского читателя, занимает тема «извечного противостояния чехов и немцев»²⁰.

Кроме того, с конца 1914 г. на страницах российской прессы регулярно появляются сообщения о репрессиях против чехов со стороны австрийских властей. Как правило, эти сообщения очень невелики по размерам, а источники информации, на которые ссылаются авторы таких заметок, зачастую анонимны. Многие из этих заметок уже на уровне заголовков призваны были вызывать у российской публики глубокое сочувствие к чехам и другим славянским подданным Австро-Венгрии: «Кого отдать людоедам?»²¹, «Опальный край»²², «Чехия, ее страдания и надежды»²³,

¹⁵ См.: Русская жизнь (Харьков). 1916. 13 ноября, 28 декабря; Русские ведомости (М.). 1915. 21 января; 1916. 14 декабря; Русское слово (М.). 1916. 16 января, 25 мая; Утро России (М.). 1916. 3 ноября, 28 декабря.

¹⁶ Русская жизнь (Харьков). 1916. 9 ноября; 1917. 5 февраля; Русское слово (М.). 1914. 30 июля, 2, 9, 11 августа; 1915. 23, 25, 27 февраля; 1916. 13, 23 апреля; Утро России (М.). 1915. 22, 24, 27 февраля; 1916. 10 августа.

¹⁷ Русское слово (М.). 1915. 22 июня; Утро России (М.). 1915. 24 июня.

¹⁸ Волжский день (Самара). 1915. 16, 17 мая, 23 июня, 21 августа, 11 декабря; Волжское слово (Самара). 1915. 15 мая, 23 июня, 19 июля.

¹⁹ Горовцев А. После войны. Германизм и славянство. Условия мира. Пг., 1915. С. 18.

²⁰ Белгородский А.В. За что боролся и пострадал Ян Гус. Пг., 1916. С. 4; его же. Порабощенное славянство (в Австро-Венгрии и Германии). Пг., 1915. С. 62; Богданович М. Братья – чехи. М., 1914. С. 7; Грот К. Великая война и Карпато-дунайская монархия. Пг., 1915. С. 7; Тучек Л.В., Конишек С.С. Чешский вопрос (письмо в редакцию) // Русское слово (М.). 1914. 10 августа.

²¹ Новое время (Пг.). 1914. 25 сентября.

²² Русское слово (М.). 1915. 21 июня.

²³ Биржевые ведомости (Пг.). 1916. 23 июля.

«Обезглавленная нация»²⁴, «Немецкий террор в Чехии»²⁵, «Славянские политические узники в Австрии»²⁶.

На страницах как петроградской и московской²⁷, так и провинциальной²⁸ российской прессы упоминается о преследованиях чешских политических деятелей и об иных мерах репрессивного характера, среди которых: замена чешских названий улиц немецкими²⁹, запрет на исполнение многих чешских народных песен³⁰, закрытие газет и другие ограничения на работу чешской печати³¹.

Подобное освещение в российской прессе «чешской тематики» позволяло, как представляется, решить сразу несколько пропагандистских задач. Во-первых, это рисовало яркую картину раскола в австро-венгерском обществе, наличия в тылу противника пророссийски настроенной оппозиции. Вместе с попадавшими даже на страницы провинциальной прессы сообщениями о нехватке продовольствия в австрийских и чешских городах, экономических трудностях и демонстрациях протеста³², такая подача материала позволяла поддерживать у российских читателей оптимистичный взгляд на перспективы противостояния между Российской империей и государством Габсбургов. Во-вторых, акцентируя внимание на «чешско-германском» противостоянии в прошлом и настоящем, на репрессиях, которым подвергалось чешское население Австро-Венгрии, российские журналисты частично справлялись со сложностями, возникшими у отечественной пропаганды с репрезентацией образа чешского народа. Ведь это был народ, который одновременно входил в состав как славянского мира, так и государства (согласно пропагандистским клише времен Первой мировой войны), по отношению к этому миру враждебного, что явно осложняло ориентацию в рамках дилеммы «свой – чужой».

Впрочем, степень внимания отечественной прессы к чешскому вопросу не всем в России казалась достаточной. На страницах еженедельника «Русская будущность» славист А.Л. Погодин, анализируя материалы «Чехословака» и «Чехослована», чешских периодических печатных органов, выходивших в России в годы Первой

²⁴ Русские ведомости (М.). 1916. 2 июля.

²⁵ Русская жизнь (Харьков). 1916. 4 декабря.

²⁶ Там же. 1917. 21 февраля.

²⁷ Там же; Русские ведомости (М.). 1915. 14 февраля; 1916. 3 декабря; Русское слово (М.). 1914. 23 сентября; 1915. 21 июня, 28 ноября; Утро России (М.). 1916. 3 ноября.

²⁸ Волжский день (Самара). 1915. 28 мая, 18 сентября, 24, 25 ноября.

²⁹ Русское слово (М.). 1915. 2 октября; Русская жизнь (Харьков). 1916. 4 декабря.

³⁰ Русские ведомости (М.). 1917. 15 января.

³¹ Вечернее время (Пг.). 1916. 14 сентября; Русские ведомости (М.). 1915. 14 февраля; 1917. 15 января.

³² Волжский день (Самара). 1915. 21 апреля, 2 декабря; Волжское слово (Самара). 1915. 5 марта, 25 мая.

Статьи и сообщения

мировой войны, сетовал: «...В России славянские журналы разделяют общую участь всего, что касается славянства, т.е. встречаются с ничем не пробиваемой стеной русского общественного индифферентизма»³³. Подобную позицию стремится довести до читающей публики и газета кадетского направления «Волжский день», в которой мы читаем: «О жизни южных и западных славян в русские газеты проникло очень мало сведений, а русское общество интересовалось этой жизнью и того меньше. О том, что не только мы, русские, самым настоятельным образом нужны славянам, подвергавшимся немецкому Drangu на восток и на юго-восток, но что и эти славяне также настоятельно нужны нам, ввиду опасности, угрожающей России со стороны Германии и Австро-Венгрии, – говорилось очень мало или вообще не говорилось»³⁴.

Конечно, если обратиться к материалам наиболее известных российских «толстых ежемесячников» того времени, таких как «Вестник Европы», «Русская мысль», «Русское богатство», «Современный мир» и т.п., то мы вынуждены будем признать, что на протяжении Первой мировой войны в них не встречаются публикации, полностью посвященные исключительно чешскому вопросу. Да и в российских газетах по количеству и объему публикаций чешский вопрос представлен гораздо меньше, чем, например, польский или украинский. Но говорить об игнорировании чешской тематики российской прессой, как можно убедиться на основе ранее изложенного, было бы преувеличением. Осведомленность в годы Первой мировой войны российской читающей публики о существовании чешского вопроса не вызывает никаких сомнений, также, как не вызывает сомнений осведомленность российского МИДа о различных проектах решения этого вопроса, выдвигавшихся чешскими политиками³⁵.

Отметим, что нередко при обсуждении чешского вопроса на страницах российских газет и журналов предоставлялась возможность высказаться самим чехам. Именно так поступает уже в 1914 г., например, редакция газеты «Русское слово»³⁶. На страницах русских газет мы можем найти статьи чешских политиков (например, Т.Г. Масарика)³⁷, подробное изложение или анализ российскими журналистами материалов чешской эмигрантской печати³⁸. Поэтому внимательный

³³ *Погодин А.* Славянское «русофильство» и «русобоязнь» в наши дни // Русская будущность. 1917. № 1. С. 11.

³⁴ *Волжский день* (Самара). 1915. 13 мая.

³⁵ См., напр.: *Серapiroнова Е.П.* Карел Крамарж и Россия. С. 220-280.

³⁶ *Русское слово* (М.). 1914. 10 августа.

³⁷ *Масарик Т.* «Delenda est Austria!» // Русская воля. 1916. 22 декабря; Заявление профессора Масарика, председателя чехо-словацкого национального совета // Русская жизнь (Харьков). 1917. 1 февраля.

³⁸ *Утро России* (М.). 1917. 21 января; *Семенов Е.* Юго-славяне и чехо-словаки // Русская будущность.

российский читатель вполне имел возможность получить достаточно точное представление о непосредственно чешском видении сути и путей решения чешского вопроса. Более того, он мог найти публикации, отражающие наличие разных позиций и взглядов в чешском национальном движении как на территории России, так и в Западной Европе и в США, ознакомиться с дискуссиями и конфликтами между сторонниками этих позиций³⁹.

Что касается российских политиков и публицистов, то их взгляды на возможные пути решения чешского вопроса можно разделить на три основные группы. К первой из них следует отнести безусловных сторонников предоставления чехам (или чехам и словакам) после войны собственной государственности. Среди них наибольшую известность получила, пожалуй, позиция по чешскому вопросу П.Н. Милюкова⁴⁰, изложившего ее в сконцентрированном виде в ежегоднике газеты «Речь». Суть этой позиции может быть сведена к двум основным положениям:

– уничтожение Австро-Венгрии, поскольку «основной лозунг войны – освобождение малых народностей – не может осуществиться, если главное из европейских государств, искусственно подчинивших себе обрывки этих народов – или эти народы в целом виде – сохранится после войны в прежнем виде»⁴¹;

– удовлетворение чешских устремлений, которые «сводятся к созданию независимого чешского государства в этнографических границах расселения чехословацкого народа с присоединением горных географических границ, с территорией в 120 тыс. кв. км и с населением в 12 млн, из которых 8,5 млн будут чехо-моравы и словаки»⁴².

Иначе говоря, Милюков, что он сам подтверждал и позднее, в 1937 г., поддержал Масарика и его сторонников в «стремлении объединить чехов, словаков и карпатских руссов в границах теперешнего государства (межвоенной Чехословакии. – *О.Т.*) и построить это государство на демократических началах, отстранив претензии старых славянофилов»⁴³.

Для российских политиков и общественных деятелей чешский вопрос в годы Первой мировой войны, несомненно, был прежде всего связан с вопросом о послевоенной судьбе Австро-Венгрии и о праве наций и народов на

1917. № 1. С. 15.

³⁹ Штепанек В.К. Чешское освободительное движение и славянство // Славянские известия. СПб., 1916. Кн. 2. С. 52-63; Среди чехов // Утро России (М.). 1917. 13 февраля.

⁴⁰ Кустов В.А. Восточная и Юго-Восточная Европа во внешнеполитических планах кадетской партии (март – апрель 1917 года). URL: <http://www.sgu.ru/files/nodes/10087/01.pdf>

⁴¹ Милюков П.Н. Цели войны // Ежегодник газеты «Речь» на 1916 год. СПб., 1916. С. 56.

⁴² Там же. С. 107.

⁴³ Милюков П.Н. Мои встречи с Масариком // Т.Г. Масарик и «Русская акция» Чехословацкого правительства: К 150-летию со дня рождения Т.Г. Масарика. М., 2005. С. 191.

самоопределение. Публицист Л. Слонимский называет «национальные требования чехов, хорватов, словаков», способные привести к тому, что «в конце концов, империя Габсбургов распалась бы на свои составные части, к великому облегчению соседних стран и всей Европы», как минимум справедливыми⁴⁴. О распаде или разделе Австро-Венгрии, как о «политически необходимом и вполне осуществимом выводе из войны», не обращаясь, правда, к анализу чешского вопроса, пишет на страницах «Русской мысли» П.Б. Струве⁴⁵.

Но мысль о неизбежности распада Австро-Венгрии далеко не однозначно воспринималась представителями российской общественности. Так, в одном из номеров того же журнала «Русская мысль» И.О. Левин осторожно замечает: «Было бы чрезвычайно рискованно высказывать в настоящий момент какие бы то ни было предположения относительно будущего, которое ждет Австро-Венгрию»⁴⁶.

Идею предоставления чехам (или чехам и словакам) национальной государственности также разделяли далеко не все авторы опубликованных в российских газетах и журналах материалов. Кроме того, взгляды российских политиков и журналистов на чешский вопрос развивались под воздействием множества факторов: изменения внутривнутриполитических обстоятельств в России и в Австро-Венгрии, меняющегося положения на фронте, деятельности чешских политиков.

Естественно, с наиболее скептическими высказываниями по этому поводу мы встречаемся в 1914 г. Еще 18 (31) июня, рассуждая о последствиях убийства Франца-Фердинанда, анонимный автор «Русского слова» писал: «...Пагубно было бы отпадение от Австрии для наций, ныне лишенных самостоятельного политического бытия. Например, независимое Чешское королевство, при современных политических условиях, едва ли могло бы долго устоять в борьбе с напором окружающих масс немецкого населения. Чешская промышленность, рассчитанная на вывоз в альпийские области Австрии, Венгрии и Галицию и дающая главные средства существования населению земель чешской короны, не может существовать одним внутренним рынком. Затем, отделившись Чехия не имела бы выхода к морю, что неминуемо повлекло бы за собой полное расстройство экономической жизни в новом государстве»⁴⁷.

Но и в газетах и журналах 1915–1917 гг. мы находим публикации, авторы которых высказывают серьезные сомнения не только в целесообразности создания независимого чешского или чехословацкого государства, но и в самой «идее

⁴⁴ Слонимский Л. Иностранное обозрение // Вестник Европы. 1916. № 10. С. 360.

⁴⁵ Струве П.Б. Суд истории // Русская мысль. 1916. № 7. С. 115-116.

⁴⁶ Левин И.О. Смерть Франца-Иосифа // Русская мысль. 1916. № 11. С. 12.

⁴⁷ Русское слово (М.). 1914. 18 июня.

этнической государственности». Среди них привлекают к себе внимание статьи кадета Г.А. Ландау, последовательно критикующего сам принцип определения государственных границ по признаку этнической принадлежности населения той или иной территории. Он выявляет массу недостатков этого принципа, подчеркивая, что прежде всего бросается в глаза «невозможность реально распространить его на все европейские страны и народы»⁴⁸. Ландау убежден, что подобный подход не разрешает, а обостряет национальные конфликты, а проблему национальных меньшинств превращает в практически неразрешимую. Явные сомнения в целесообразности «неукоснительного проведения до конца строго этнографического принципа» по отношению как к России, так и к другим великим европейским странам, были высказаны в 1917 г. и на страницах газеты «Русские ведомости»⁴⁹.

О возможности сохранить целостность Австро-Венгрии пишет и активно сотрудничавший с газетой «Русские ведомости» выдающийся российский географ Д. Анучин: «...Что касается Австро-Венгрии, то всем известна мозаичность этой империи, включающей в себя более десятка отдельных языков и народностей. Все они стремятся к автономии, которая получила осуществление пока лишь в отношении к немногим из них, да и то не в одинаковой степени. Несмотря, однако, на различие интересов отдельных народностей империи, есть и между ними известные культурные и экономические связи, которые препятствуют распаду и объединяют разноплеменное население в служении общим целям и в охране общего государственного целого»⁵⁰.

Еще одну группу российских публикаций по чешскому вопросу составляют те, авторы которых, не отрицая идеи создания чешского или чехословацкого государства, не мыслили его без тесного союза с Россией и без ее покровительства. Распространенными мотивами в подобных публикациях являются: покровительственная роль России по отношению к остальным славянским народам, в том числе и к чехам; миссия России по спасению мира от угрозы германизма; мечта о славянском единстве и ее популярность среди чехов.

Так, А.В. Амфитеатров, со ссылкой на анонимного чешского эмигранта, находящегося в Риме, пишет: «Конечно, чехи встречают с радостью известия о русских победах и с горестью об их неудачах, так как в объединении автономной Богемии с Россией-покровительницей – единственная надежда чехов на избавление от невыносимого унижения, от всей душащей чехов политики Габсбургов»⁵¹. М. Первухин весьма смело утверждает, что только одной надеждой живет «все

⁴⁸ Ландау Г. Идея этнической государственности // Северные записки. 1915. № 4. С. 187.

⁴⁹ Русские ведомости (М.). 1917. 13 июня.

⁵⁰ Там же. 30 июня.

⁵¹ Русское слово (М.). 1915. 6 августа.

способное мыслить в Чехии»: «Может быть, скоро придут русские, и штыками выковыряют пауков-немцев, пьющих сейчас жадно кровь чешского народа, и принесут Чехии весть об избавлении»⁵². Д. Дмитраковский «мечтой большинства славянских деятелей» называет план, согласно которому «славянские народы должны образовать три независимых федерации: русско-польскую, чешско-словацкую и сербо-хорватскую. Политически самостоятельные, эти три отдельные славянские государства, в целях самозащиты и борьбы с германизмом, должны вступить между собой в постоянный, возможно более тесный, военный и экономический союз»⁵³. Более того, не отказывая России в роли покровительницы и освободительницы, он, тем не менее, выражает мнение, что «...освобождая народы Австро-Венгрии и создавая в тылу у германцев ряд самостоятельных государств, крепких своим национальным самосознанием и дорожащих своей свободой, мы, надо надеяться, не будем ни стараться обратить их в русские губернии, ни сажать им на престолы немецких принцев, ни обманывать неисполненными обещаниями»⁵⁴.

Таким образом, анализ материалов периодической печати показывает нам, что в российском общественном мнении времен Первой мировой войны складывался образ чехов как народа, представители которого не вписывались жестко в характерное для военного времени противопоставление «своих» и «чужих», «врагов» и «союзников». Многочисленность публикаций, посвященных характеристике сложного положения чешских земель в составе Австро-Венгрии, а также примерам чешско-немецкого противостояния в прошлом и настоящем, позволяет утверждать, что скорее это был образ потенциального союзника в стане врага, своеобразного «своего среди чужих».

Что касается проблемы предполагаемого будущего чехов и Чехии, то на страницах российской печати, по крайней мере в 1915 – первой половине 1917 г., преобладало, хотя и не бесспорно, представление о решении чешского вопроса путем создания единого и независимого чехословацкого государства. При этом, однако, не существовало единого мнения о месте как этого предполагаемого государства, так и России в будущей (послевоенной) системе европейских и межславянских международных отношений, и целый ряд журналистов «условно славянофильского» толка стремился закрепить в сознании российской читающей публики мифологизированный образ России – покровительницы славянства, играющей особую роль в этом неизменно тяготеющем к ней славянском мире.

⁵² *Первухин М.* Распятая Чехия. Письмо из Рима // *Русская будущность.* 1916. № 41. С. 20.

⁵³ *Дмитраковский Д.* Славянофильство как политика реальных интересов // Там же. 1916. № 11. С. 6.

⁵⁴ Там же.

Гольцов Виктор Иванович

*кандидат исторических наук
Самарский государственный университет*

**ПЕРВАЯ МИРОВАЯ ВОЙНА И ФОРМИРОВАНИЕ МИРОВОЗЗРЕНИЯ РУССКИХ
ИНТЕЛЛЕКТУАЛОВ КОНСЕРВАТИВНОГО НАПРАВЛЕНИЯ XX ВЕКА
(на материалах творчества И.А. Ильина)**

Формирование мировоззрения ряда русских интеллектуалов пришлось на период Первой мировой войны. Среди них Иван Александрович Ильин, чье идейное наследие является в последнее время предметом пристального внимания. Представляется актуальным проанализировать влияние войны на духовное становление мыслителя.

Творчество Ильина, как бы к нему ни относиться, оставило заметный след в истории философской, политической, социальной, юридической, этической мысли XX века. Поэтому изучение генезиса основ его мировоззрения дает возможность осмыслить мотивы умозаключений автора, в настоящее время не просто известного, но и, в силу изложенных ниже причин, популярного. Уже само по себе это становится увлекательным исследовательским сюжетом. К тому же, влияние Первой мировой войны на мировоззрение Ивана Ильина практически не исследовано в отечественной историографии. Изучение данной проблемы позволит закрыть хоть и локальное, но значимое историографическое «белое пятно», понять, каким образом выводы, сформулированные И.А. Ильиным в годы Первой мировой войны, повлияли не только на его дальнейшее мировоззрение, но и на мировоззрение близких ему по духу мыслителей.

Таким образом, целью настоящей статьи является изучение влияния Первой мировой войны на формирование мировоззрения Ивана Ильина, в частности – на формирование его консерватизма, проявившегося впоследствии.

Нельзя не отметить, что решить эту, в общем-то, относительно локальную проблему установления взаимосвязи мировоззрения Ильина и реалий Первой

мировой войны невозможно без оценки данного мыслителя в целом. И это не есть подмена тезиса статьи, а, напротив, необходимое условие адекватного решения ее цели. Условие, помимо прочего, продиктованное крайней политизацией и значительным упрощением образа и творчества Ильина.

Так получилось, что после долгого забвения мыслителя в советские годы как противника большевизма, идеолога белого движения и чуть ли не фашиста, в 2000-е годы наступил буквально «бум Ильина». С 1993 по 2008 гг. опубликовано 28 томов собрания его сочинений, не считая многочисленных отдельных изданий. В 1990 г. в Екатеринбурге (в то время еще Свердловске) был открыт негосударственный Уральский институт бизнеса имени Ивана Ильина. В октябре 2005 г. прах Ильина и его жены был перезахоронен в некрополе Донского монастыря, на перезахоронении присутствовали первые лица государства. Вышло несколько документальных фильмов об Ильине. Творчество Ильина вызывает интерес не только у историков и философов, но и у исследователей иных специальностей¹. Тексты Ильина используются в части «С» Единого государственного экзамена. Ильина активно цитируют различные политики. Ильин, как принято говорить сейчас, «в тренде». Он, если угодно, моден, «без него и кутья не святится», если вспомнить сохраненную В.И. Далем русскую поговорку. И хотя, по моим наблюдениям, пик политической моды на Ильина прошел, своеобразная «ильиномания» продолжается. В 2008 г. на здании МГУ на Моховой была установлена мемориальная доска в память о выпускнике и преподавателе университета Иване Ильине, а в 2012 г. в Екатеринбурге возле вышеупомянутого института бизнеса был открыт памятник Ильину.

Разумеется, возвращение внимания к крупному российскому мыслителю после долгих лет забвения является морально оправданным и справедливым. Но то, что Ильин стал любимым философом ряда российских политиков, сыграло с его теоретическим наследием дурную шутку. Так, если взять высказывания Ильина, цитируемые ими, то у несведущего человека возникнет образ философа как примитивного этакрата, империалиста и милитариста, поддерживающего свое государственничество ссылками на религию. Между таким образом Ильина и подлинным Ильиным – огромная пропасть. Оппоненты же власти в значительной степени разделяют такой взгляд на образ мыслителя, но с другой целью, ради «шпильки» – вот, мол, смотрите, *кто* ваш любимый автор. Кроме того, с их стороны ради компрометации Ильина в ход идут и морально устаревшие большевистские

¹ Например, составитель и комментатор полного собрания сочинений И.А. Ильина – Юрий Трофимович Лисица – по образованию математик, доктор физико-математических наук, по совместительству работающий заведующим кафедрой религиоведения миссионерского факультета Православного Свято-Тихоновского гуманитарного университета.

оценки его, и сомнительные обвинения в фашизме. Каков Ильин был на самом деле – никого не интересует. Мыслителя буквально рвут на части, цитаты вырываются из контекста, о реконструкции мотивации выводов Ильина и речи не идет, как и о подходе к его концепции в целом с позиций им же исповедуемого гносеологического плюрализма. В ход подключается и массовое историческое сознание, активно проявляющееся в Интернете, которое занимается свойственным ему делом – упрощает, утрирует, применяет к судьбе Ильина конспирологические теории, цитирует наиболее хлесткие отзывы о нем, вроде отзыва Зинаиды Гиппиус, назвавшей известную книгу Ильина «О сопротивлении злу силою» «военно-полевым богословием».

Все это позволяет сделать вывод, что проблема оценки Ивана Ильина, свободной от крайностей политического дискурса, является более чем актуальной и в значительной степени поглощающей более частные проблемы, сформулированные ранее. Таким образом, выделенные проблемы заявленной темы не являются чем-то отдельным друг от друга, а, напротив, требуют теоретического синтеза, комплексного рассмотрения.

Необходимо подчеркнуть, что раскрытие темы данной статьи требует специальной методологии. Считаю, что при изучении подобных тем целесообразно применить методологию, давно используемую за границей, а с 1990-х гг. постепенно набирающую силу и в отечественной историографии, а именно – «новую интеллектуальную историю». Это вовсе не дань очередным «модным» направлениям исторической науки, а настоятельная потребность современного историописания по избранной проблематике.

Разработка интеллектуальной истории предполагает не столько изучение истории идей или истории интеллектуалов, сколько изучение следующей цепочки: социокультурный и политический контекст – деятельность мыслителя – его идеи. Это, в свою очередь, предполагает изучение интеллектуальной биографии мыслителя, основанной, в числе прочего, на внимательной текстологии².

К началу Первой мировой войны Ивану Александровичу Ильину 31 год. Это немало. За его плечами сначала Пятая, а затем Первая московские гимназии, питомцами которой были будущие ракетостроитель Михаил Тихонравов, философ Владимир Соловьев, историк и политик Павел Милюков, юридический факультет Московского университета, кандидатские сочинения об идеальном государстве у

² Подробнее см.: *Гольцов В.И.* Методология интеллектуальной истории как способ преодоления кризиса исторической эпистемологии // Теории и методы исторической науки: шаг в XXI век. Материалы международной научной конференции. М., 2008; *его же.* Новая биографическая история в контексте российской интеллектуальной истории XIX века // Время, событие, исторический опыт в дискурсе современного историка: XVI чтения памяти члена-корреспондента АН СССР С.И. Архангельского, 15-17 апреля 2009 г. Н. Новгород, 2009. Ч. 2.

Платона и о кантовской «вещи в себе» в теории познания, первые историко-философские сочинения 1906–1909 гг., получение университетского диплома и оставление в университете для подготовки к профессорскому званию, получение звания приват-доцента, научная командировка на два года в Германию, Италию и Францию, подготовка диссертации о философии Гегеля, и вновь научные работы³.

Этого, разумеется, немало. Но нельзя не отметить, что судьба Ильина идет пока по достаточно накатанной для российского молодого интеллектуала канве. И его опыт на данном этапе пока больше академический, книжный, несравнимый с теми испытаниями, которые ему (как и его коллегам) уготовит судьба в будущем. Первая мировая война, революция, Гражданская война, «философский пароход», эмиграция с ее идейными спорами, нацизм и отъезд из Германии, Вторая мировая война – все это впереди, и все это будет влиять на формирование его мировоззрения.

Наиболее крупной и показательной для Ильина работой, написанной в период до Первой мировой войны, является достаточно пространная статья «Понятие права и силы» (1910 г.). О чем она свидетельствует? О том, что молодой философ в какой-то степени прошел период увлечения историей философии и начинает тяготеть к философии права, а через нее – к философии государства, что неизбежно приведет его к политическим вопросам. Но это впереди, анализа государства в работе почти нет, а анализа конкретных государств – нет вообще (он появится в знаменитой работе Ильина 1919 года «О сущности правосознания»). И хотя Ильина явно начинает волновать проблема силы как определенного регулятора общественной и политической жизни, излагается она вполне академично. О мировоззренческих и политических взглядах автора статья представления не дает, она скорее представляет собой попытку разобраться в понятийном аппарате.

Разумеется, при желании можно и эту работу изобразить как свидетельство этатизма Ильина. Ведь даже самый примитивный анализ текста показывает, что число оборотов речи, включающих в себя понятия «государство», «право», «сила» у Ильина гораздо больше, чем оборотов с терминами «права человека», «демократия», «частная собственность». Но такой анализ все равно будет не научным, а политическим. Ведь совершенно очевидно, что мыслитель, интересующийся вопросами государства и права, будет оперировать соответствующими терминами, но о его политических взглядах это ничего не говорит.

И вот наступает Первая мировая война. Работ, связанных с войной, у Ильина

³ О жизненном пути И.А. Ильина см., в частности: *Лисица Ю.Т. И.А. Ильин // Ильин И.А. Сочинения в 2 т. М., 1993. Т. 1. С. 3-8; его же. И.А. Ильин: Историко-биографический очерк // Ильин И.А. Собрание сочинений в 10 т. М., 1993. Т. 1. С. 5-36.*

немного. В основном это статья «Основное нравственное противоречие войны»⁴ и брошюра «Духовный смысл войны»⁵.

Основное нравственное противоречие войны, по мнению Ильина, заключается в том, что в годы войны «мы непрерывно живем в атмосфере, заставляющей нас сочувствовать тому, что обычно вызывает в нас глубокое и решительное неприятие...»⁶ Ильин имеет в виду известия с фронтов, где люди разделились на «наших» и «врагов» (он сознательно заключает эти слова в кавычки) и невольную радость победам «наших».

Таким образом, он начинает свой анализ войны с констатации нравственного кризиса, ею приносимого: «...или совесть не есть последний и несомненный источник нравственной очевидности? или есть положения, перед которыми она бессильна или *inter arma* умолкают не только законы, но и единый божественный закон добра?»⁷ Никакого этатизма, милитаризма и империализма.

Основная нравственная проблема, которая, по мнению Ильина, возникает в годы войны – это потеря доверия к совести. Основное нравственное противоречие войны, по его мнению, вырастает из вопроса: может ли человек разрешить себе по совести убийство другого человека? Лишить жизни, по мнению Ильина, властен тот, кто властен дать ее и не дать, чье изволение владеет тайною жизни и смерти, т.е. Бог. И когда человек убивает человека, то в сознании людей встает естественный вопрос: «кто ты, что дерзаешь?» Ты берешь, чего не дал; ты разрушаешь, чего создать не можешь; кто же ты...? Ильин подводит своего читателя к выводу, что убийство есть истинный акт жизненного и душевного саморазрушения, выполненный над собою.

По мнению мыслителя не может помочь и указание на то, что война начата не нами, а врагом, что мы находимся в состоянии «необходимой обороны». Признак необходимой обороны, справедливо учитываемый правом, успокаивает только ту душу, которая привыкла не беспокоить себя действительным голосом совести: пусть обороняющийся не замышлял убийства и не хотел его, однако он его совершил, и для развитого чувства ответственности этого довольно.

Любопытно, что в статье «Основное нравственное противоречие войны» Иван Ильин излагает концепцию Льва Толстого о непротивлении злу насилем, причем в достаточно нейтральной тональности, что будет резко контрастировать с его работой периода эмиграции «О сопротивлении злу силою».

⁴ Ильин И.А. Основное нравственное противоречие войны // Единое Отечество: сайт. URL: <http://www.otechestvo.org.ua/main/20088/1211.htm>

⁵ *Его же*. Духовный смысл войны М., 1915.

⁶ Ильин И.А. Основное нравственное противоречие войны.

⁷ Там же.

Итак, в своей первой статье о войне Ильин не показывает себя ни этактистом, ни консерватором, скорее либералом, осуждающим войну в моральных координатах общего характера.

В следующем, 1915 году, Ильин выпускает брошюру «Духовный смысл войны», И уже ее начало дарит загадки любому, пытающемуся проникнуть во внутренний мир мыслителя.

Вот что пишет Ильин в самом начале: «Теперь уже нет сомнения в том, что русский народ испытал и испытывает настоящую войну, как *призыв*, – как призыв, ответить на который составляет для него не только правовую обязанность, или моральный долг, но живую духовную потребность»⁸. Итак, война не как нравственное неразрешимое противоречие, а как моральный долг и духовная потребность. Этот, образно говоря, камертон брошюры разительно отличается от статьи предыдущей, временной интервал с которой весьма небольшой. Как же сам Ильин объясняет это явное оправдание войны, которое сменило собой осуждение?

В начале брошюры ее автор отмечает, что «с детства привыкаем мы жить, сосредоточиваясь на непосредственных и "ближайших" интересах небольшого круга людей»⁹, в результате наша душа избавляет нас «от необходимости "отвечать" на призыв, если он "чужой", и отзываться на беду, если она не "наша"»¹⁰. В результате наши души разъединены, потому что каждая занята своими заботами. И вот – война. Она «насильственно вдвинула в наши души один *общий* предмет...»¹¹ В результате возникает открытость душ и их совместное горение. Люди чувствуют себя ветвями и листьями единого дерева; их корни где-то сплелись; их души тянутся к одной и той же, единой цели. И это сознание, что «"мы одно", научает людей радоваться тому, что у них *единое* солнце, *единый* воздух, *единая* родина»¹².

Провозгласив этот дифирамб объединительной силе войны, заметим, не оригинальный, Ильин продолжает дальше цепочку своих рассуждений. Теперь они сводятся к констатации того, что война меняет жизнь человека, заставляет не просто жить по приказу, но, возможно и умереть. Если не будет удовлетворительного ответа на эти вопросы, зачем это нужно (а в этом, по мнению Ильина, и заключается духовный смысл войны), то у людей наступает озлобление и ожесточение.

И здесь Ильин формулирует концепцию войны как духовного суда, перед которым стоит человеческая душа. Если человек рассуждает, что защищать то, чем он жил доселе, рискуя своею жизнью, совершенно не стоит, что лучше какая-нибудь

⁸ Ильин И.А. Духовный смысл войны. С. 5.

⁹ Там же.

¹⁰ Там же. С. 6.

¹¹ Там же. С. 8.

¹² Там же. С. 9.

Статьи и сообщения

жизнь, чем ее нежданный, насильственный конец, то в этом заключается приговор делу этого человека. «Жить стоит только тем, за что стоит и умереть». «Умей умереть за то, чем ты жил». Эти максимы войны, по Ильину, ставят перед человеком «начало ответственности: каждый отвечает за то, чем он жил и как он жил»¹³.

Отсюда следует вывод: «Война учит нас всех, – призванных под оружие и не призванных, – жить так, чтобы смерть являлась не постылым и позорным окончанием озлобленного и хищного прозябания; но естественным увенчанием жизни, последним, самым напряженным, творческим актом ее; чтобы действительно каждому стоило защищать дело его жизни хотя бы ценою мучений и смерти»¹⁴, при которой «нет жертвы, но свободная легкая отдача себя...»¹⁵

Далее следуют рассуждения о духовном дезертирстве и духовном добровольчестве, о том, что русский народ не раз показывал способность превращаться из дезертира по мелочам в добровольца великого дела, и хорошо бы, чтобы эта способность была бы не только в годовщину великих бед. Следом излагается довольно большое количество рассуждений о духовном подъеме в годы войны, о патриотизме, приводятся ссылки о войнах, которые вела Россия. Подчеркивается необходимость защитить великую духовную страну. Следуют и антигерманские пассажи вполне в духе официальной пропаганды того времени.

Таким образом, две основные публикации Ильина о Первой мировой войне на первый взгляд несут в себе столь разные концепции (война как духовная катастрофа, как катастрофа совести в первой работе и война как суровая проверка достоинства прежней жизни, духовный суд и духовное возвышение во второй), что ставят вопрос о причинах подобной (почти от либерализма чуть ли не к этатизму), и главное, столь быстрой духовной метаморфозы. Как ответить на него?

Уже упоминавшаяся новая интеллектуальная история ориентирует искать причину в событиях жизни Ильина с 1914 по 1915 год, т.е. с момента от первой публикации до второй. Но изученные автором статьи биографические данные не содержат информацию о факторах, которые могли повлиять на мировоззрение Ильина в этот период. Абстрагируясь, можно выдвинуть большое количество умозрительных гипотез: больше поддался напору официальной пропаганды; заинтересовался ходом войны и узнал много информации о жестокости германской стороны; рассорился с другом, придерживающимся либеральных взглядов и т.п. Отечественная историография не привыкла рассматривать подобные причины изменения взглядов мыслителей, а зря. Ибо в реальной жизни это будут вполне серьезные мотивы для изменения позиции кого-либо, в конкретном случае –

¹³ Ильин И.А. Духовный смысл войны. С. 15.

¹⁴ Там же. С. 17.

¹⁵ Там же. С. 20.

Ильина. Но данных об этом нет, в результате чего подобные гипотезы превращаются в «гадание на кофейной гуще».

Выход в данном случае один – в следовании правилу, что писатель своими трудами подчас сообщит о себе больше, чем данные его биографии и, следовательно, во внимательной текстологии. На мой взгляд, ответ на вопрос дает сам Ильин. Вот что он пишет в работе о духовном смысле войны и на что обычно мало обращают внимание: «Победа не должна вызвать в нас самоуверенность и самодовольство, гордость и национальное самопревознесение; она не должна вызвать в нас нелепую и чудовищную уверенность в том, что мы – единственный "избранный" народ, высший и лучший из всех существовавших, что к нам "переходит" теперь "гегемония" и руководство всеми другими народами; она не должна пробудить в нас хищные инстинкты и мстительные чувства и увлечь нас на путь политического и тем более духовного подавления нашего врага; она не должна привести нас к культу силы и милитаризма»¹⁶. Ильин отмечает, что такая победа будет действительной, истинной, так как она будет победой не только над врагом, но и над собой¹⁷.

Отсюда можно сделать вывод, что отмеченные выше противоречия во взглядах Ильина на войну отнюдь не принципиальные. Он рассматривает войну как способ задуматься над духовными вопросами – прежде всего об ответственности человека за свою жизнь до войны. Для него чужд этатизм, милитаризм и национализм, хотя не чужды понятие патриотизма, духовности и национальной общности. Перед нами человек, для которого ценны понятия морали, нравственности, религиозности. Понятия по определению консервативные. Но это культурный консерватизм, защищающий подлинные, а не искаженные консервативные ценности.

Затрагивая проблему консерватизма следует подчеркнуть, что это понятие часто трактуют односторонне, как форму, как сохранение того, что есть вне зависимости от содержания этого «есть». Но ведь консерватизм, в первую очередь – совокупность идейно-политических течений, направленных на сохранение ценностей, среди которых не только государство, но и брак и семья, не только церковь, но и собственность. Консерватизм защищает частную жизнь и частные ценности не менее, чем государственные. Безусловно, Ильина следует считать одним из крупных представителей консервативного направления общественной мысли XX века. Но при этом в первую очередь его следует считать консерватором не с точки зрения формы, т.е. как сторонника сохранения сложившихся общественно-политических реалий, а как консерватора, защищающего истинные консервативные,

¹⁶ Ильин И.А. Духовный смысл войны. С. 46.

¹⁷ См.: Там же. С. 47.

как это ни парадоксально, западные ценности (право, цивилизованное государство, религию, семью и т.п.).

Это доказывает и позиция мыслителя в годы Первой мировой войны, и последующая его идейная эволюция, базирующаяся на приобретенном в военный период опыте. В работе «О сущности правосознания», написанной в 1919 году, содержится такая резкая и точная критика деспотических, патерналистских и тоталитарных государств, которая представляется актуальной на все времена и которую редко можно встретить даже на страницах авторов подлинно либерального и подлинно демократического направления. В ней И.А. Ильин называет большим политический режим, основанный на взаимном неуважении власти и народа. Он отмечает, что *«власть, неуважающая гражданина, не может полагаться на его собственный разум и его собственную волю; она видит в нем не правоспособного субъекта, а более или менее испорченный душевный механизм, который неспособен к автономии и поэтому нуждается в мелочной и неотвязной регламентации. Именно отсюда рождается идея "полицейского государства" и в особенности тоталитарного государства»*¹⁸. По мнению Ильина, «тоталитарная опека, основанная на неуважении, закрепляет в гражданах *дурные инстинкты* и стремится не превратить их в *благие мотивы*, но создать для них устрашающий противовес»¹⁹. В результате «гражданин незаметно вырождает свою духовную жизнь, превращается в раба и привыкает трепетать и предавать. А государственная власть приемлет этот трепет как свое достижение, как политический успех...»²⁰

И.А. Ильин подчеркивает, что «неуважаемый гражданин превращается или в раба, или в *революционера*, а может быть, совмещает черты обоих»²¹, «совсем разучается ценить и созидать порядок правового властвования»²². В результате граждане, превратившись в подданных или даже в рабов, утрачивают такую черту, как правосознание, а власть, перестав подпитываться правосознанием граждан, утрачивает источник своего духовного достоинства.

Ильина никак нельзя назвать сторонником сохранения, т.е. консервирования данной системы. Он стремился сохранить такие понятия, как право и правосознание, государство, облагоустроенное правом.

Весьма показательно, что Ильин-государственник в работе «О сущности правосознания» применяет крайне резкую критику государства. Но не всякого, а базирующегося на недоверии к гражданам: «Государство вообще не может

¹⁸ Ильин И.А. Сочинения в 2 т. Т. 1. С. 269.

¹⁹ Там же.

²⁰ Там же. С. 270.

²¹ Там же.

²² Там же.

существовать, если оно превращается в систему взаимного недоверия и подозрения. Если власть не доверяет гражданам, то это значит, что она ожидает от них дурных и противоправных деяний; она не надеется на их правосознание и потому признает их "неблагонадежными"; она испытывает их волеуправление как противогосударственное или противоправительственное, усматривает в их действиях "крамолу" и "диверсию" и при первом же поводе провозглашает их "внутренними или классовыми врагами". Но враги пребывают не в правовом единении, а в состоянии войны, и вот *власть объявляет своему народу гражданскую войну*. Все приемы международной войны во всей их отвратительности переносятся во внутреннюю жизнь государства и применяются к подданным, и притом с такими ухищрениями и извращениями, которые были впервые введены в историю человечества тоталитарным режимом: эти рабские концлагери, эта пытка голодом, холодом, разлучением семей, унижениями, страхом, ночными и дневными многочасовыми допросами, побоями, подкожными впрыскиваниями, отравлением при помощи газа (Аушвиц) и т.д., и т.д. Власть развивает напряженную и всеобъемлющую бдительность и предусмотрительность: внутренние враги окружаются целою сетью надзора, охраны и уловления; развивается политический сыск и шпионаж; создаются целые организации, которые должны разузнавать о "кознях" граждан, доносить на них, предупреждать их "козни" и даже больше – овладевать ими посредством мнимого участия в них, а в случае надобности – прямо организовывать мнимые заговоры. Идя по этому пути, власть берет на себя чудовищную задачу – мобилизации и оформления непокорной воли в стране в целях ее обессиления и искоренения: политическая провокация воспроизводит злейшие приемы международного злодейства, и государственное управление переживает величайшую духовную деградацию. Власть выступает по отношению к гражданам в роли *предателя, провокатора* и палача: она не скрывает своего презрения и своей вражды к народу и открыто стремится воспитать рознь и измену в стане своих внутренних врагов. Политика власти становится *циничной* и бесконечно жестокой, она приобретает характер откровенной порочности, и это заставляет правительство заполнять свои ряды *откровенно порочными людьми*. Пути коварства и насилия становятся для власти обычными путями, и судьба ее оказывается судьбою самого зла...»²³

Столь длинная цитата потребовалась по одной причине: она лучше прочих высказываний И.А. Ильина показывает, что его никак нельзя считать этакратом, ценящим государственность ради нее самой, восхваляющим силу государства в самом примитивном смысле, каким его, увы, изображают многие его интерпретаторы. Страх и насилие он называет мнимыми основами государства, в то

²³ Ильин И.А. Сочинения в 2 т. Т. 1. С. 274-275.

время как истинной основой считает духовное уважение и доверие народа к правительству и правительства к народу²⁴. И уважения власти к народу он требует, пожалуй, в первую очередь. Ильин – сторонник правовых и моральных основ власти. Поэтому он – государственник в европейском смысле слова, консерватор, в значительной степени, западного типа, как это не неприятно нашим современным антизападникам, пытающимся использовать имя Ильина в своих целях.

Справедливости ради заметим, эмигрантская жизнь с ее раздорами и расколами привела к определенному дрейфу И.А. Ильина «вправо». К примеру, ему не удалось избежать излишне политизированного русофильства в последние годы жизни, когда он активно обличал так называемую мировую закулису. В этом смысле можно провести определенную параллель между ним и консерваторами конца ХХ – начала ХХI вв., например, Солженицыным, который так же, как и Ильин, резко осуждал созданное большевиками государство, но при этом не осуждал государство как таковое, придерживаясь идеи гармонии государственной власти и самоуправления. Но это уже тема отдельного исследования.

Таким образом, можно сделать вывод о том, что в годы Первой мировой войны И.А. Ильин много думал над духовными вопросами: о нравственном кризисе, вызванном войной, о войне как о духовном суде. В результате у мыслителя сформировался своеобразный культурный консерватизм, отражающий ценности патриотизма, духовности, национальной общности, морали, религиозности и т.п. Мы не видим проявлений милитаризма, национализма, этатизма. Подлинно консервативные ценности помогли Ильину после окончания Первой мировой дать жестко критический анализ деспотических, патерналистских, авторитарных и тоталитарных государств. Ильин отстаивает идею государства, облагороженную правом и правосознанием, настаивает на обязанности власти сохранять духовное достоинство гражданина. В работе «О сущности правосознания» страх и насилие он прямо называет мнимыми основами государства, а взаимное доверие народа и власти – истинными основами. Это говорит о том, что он консерватор и государственник в западном смысле слова, поэтому политические попытки сделать из него символ банального охранительства, превратить его в жесткого этакрата и державника искажают суть его учения и затрудняют объективный анализ фигуры мыслителя.

²⁴ См.: *Ильин И.А. Сочинения* в 2 т. Т. 1. С. 275-276.

Исхаков Салават Мидхатович

*доктор исторических наук
Институт российской истории РАН*

**МЕНЬШЕВИК А. ЦАЛИКОВ ОБ ОТНОШЕНИИ РОССИЙСКИХ МУСУЛЬМАН
К ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЕ. 1917 г.**

Для современной историографии Первой мировой войны актуальной остается проблема состояния многонационального и многоконфессионального российского общества, оказавшегося под влиянием как общеевропейского, так и внутреннего кризиса. На этот счет существуют самые разные, подчас противоположные оценки. Налицо также неразработанность ряда ключевых вопросов, что все более и более сказывается на уровне общих трудов. До сих пор, в частности, бытуют мифологизированные утверждения о том, что в начале XX в. существовали панисламистская и пантюркистская угрозы расчленения Российской империи при участии ее граждан мусульманского вероисповедания, хотя еще весной 1914 г. очередное совещание по мусульманскому вопросу убедительно показало, что оба указанных течения не пользуются успехом среди подданных царя – мусульман¹.

Идея «панисламистской» и «пантюркистской» угрозы, как известно, была широко распространена и активно использовалась зарубежной историографией времен «холодной войны»². Между тем эти устаревшие оценки сумели пробиться и закрепиться в российской научной литературе и время от времени дают о себе знать и поныне. Кроме того, несмотря на существенное продвижение в изучении истории российских мусульман и их общественных и политических лидеров начала XX в., часто встречаются суждения, которые сделаны под влиянием тех или иных веяний уже современной геополитической конъюнктуры. Так, А.В. Жевелева пишет о «системе взаимоотношений между российскими мусульманами и турецким

¹ Особое Совещание по мусульманским делам 1914 года: Журналы. Казань, 2011. С. 26.

² См.: *Hostler Ch.W.* Turkism and the Soviets: The Turks of the World and Their Political Objectives. L., 1957; *Zenkovsky S.A.* Pan-Turkism and Islam in Russia. Cambridge, 1960.

правительством к началу Первой мировой войны», которая якобы представляла собой «сеть политических агентов, агитаторов и контрразведчиков». В Турции, как ей представляется, надеялись через российских мусульман, прежде всего через депутатов-мусульман Государственной думы, получить доступ к служебным сейфам российского Генштаба (!), к информации о его мобилизационных планах на случай военных действий на Кавказе³. Поразительно, что напечатан этот ляпсус в серьезной работе, изданной Восточным факультетом Санкт-Петербургского госуниверситета. Этот ремейк проистекает из домыслов, которые распространялись чиновниками МВД Российской империи, что, например, отмечает Т.В. Котюкова: руководство МВД с большой долей вероятности полагало, что в случае военного столкновения с Османской империей приверженцы ислама в России встанут на сторону единоверцев⁴. Конечно, это не так, о чем достаточно свидетельствуют данные Военного министерства и Министерства юстиции, не видевших никакой подобной угрозы со стороны подданных-мусульман. Так, туркестанский генерал-губернатор А.В. Самсонов 11 мая 1913 г. сообщал начальнику Главного штаба российской армии Н.П. Михневичу, что идеи «ныне модного в Европе "панисламизма"» отнюдь не свойственны «широким массам мусульман Средней Азии». Самсонов полагал, что говорить о «явно враждебном нам настроении среди всех туземцев наших Средне-Азиатских владений... нет никаких веских оснований». В конфиденциальном письме Михневичу от 20 мая 1913 г. Самсонов сделал еще более откровенное признание: «Ни для кого не тайна, что не сомнительные идеи панисламизма, а наша окраинная политика последнего времени... является... одной из главнейших причин того недовольства киргиз (казахов. – С.И.), о котором ныне столь много говорят»⁵. Туркменское население, – докладывал в ноябре 1914 г. ташкентский прокурор в Петербург, – в массе своей настроено весьма благожелательно к России и к русским⁶. Но эти данные не принимаются во внимание, а беспочвенные фантазии и шпиономанские «утки» как тогда, так и сейчас нацелены фактически на создание в обществе негативного образа российских мусульман.

В то же время делаются попытки и противоположного свойства, отражающие стремление «монархизировать» образ российского мусульманства. К примеру, по

³ Жевелева А.В. Политическая эмиграция мусульман России в Османскую империю в конце XIX–XX вв. // Россия и Восток: феноменология взаимодействия и идентификации в Новое время. СПб., 2011. С. 141–142.

⁴ Котюкова Т.В. Восстание 1916 г. в Туркестане: ошибка власти или историческая закономерность? // Обозреватель – Observer. 2011. № 8. С. 103; *её же*. Восстание 1916 г. в Туркестане: ошибка власти или формирование национальной идеи? // Великая война 1914–1918. М., 2014. Вып. 1.

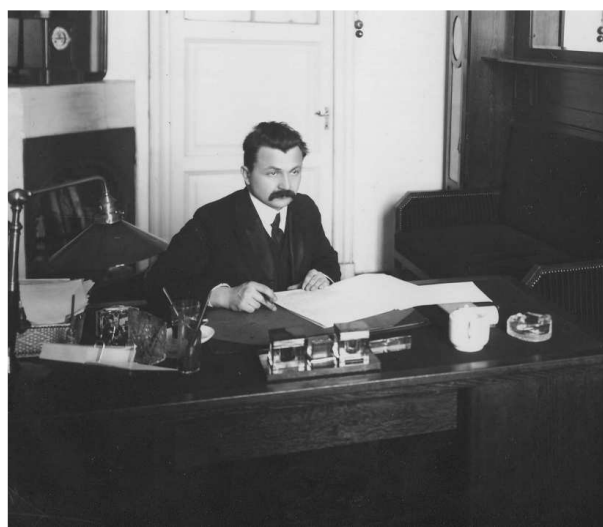
⁵ Российский государственный военно-исторический архив. Ф. 400. Оп. 1. Д. 5067. Л. 17 об., 18 об., 19 об., 31.

⁶ Государственный архив Российской Федерации (далее – ГАРФ). Ф. 124. Оп. 52. Д. 316. Л. 6–6 об.

Статьи и сообщения

утверждению автора ряда публикаций по истории Романовской династии П.В. Мультатули, Николай II хорошо знал, что мусульмане в своем подавляющем большинстве верны престолу⁷. Тогда совершенно не понятно, почему после Февраля 1917 г. мусульмане почти повсеместно поддержали русскую революцию, выступили за демократию и боролись с оружием в руках против восстановления монархии в ходе Гражданской войны.

Очевидно, что ситуация требует дальнейшего изучения, в том числе и на персональном уровне деятелей, так или иначе отражавших мнение мусульманского населения Российской империи. Одним из них был Ахмед Тембулатович Цаликов (Цалыккаты) – осетин-мусульманин, яркий публицист, журналист, писатель, историк, известный российский общественно-политический деятель, один из лидеров общемусульманского движения 1917 г., затем один из горских лидеров на Северном Кавказе в 1918–1920 гг.

А.Т. Цаликов. Январь 1918 г.

Его фамилия, порой с самыми различными и прямо противоположными эпитетами, довольно часто упоминается на страницах советских изданий и современных исторических исследований. В Осетии, на его родине, появились различные публикации о нем⁸, а также сборник его избранных произведений⁹. Несмотря, однако, на определенные достижения осетинских исследователей, далеко не все важные работы Цаликова, связанные с проблемами мировой войны, революцией 1917 г. и Гражданской войной, вошли в научный оборот, а в его политической биографии все еще остаются загадки и невыясненные обстоятельства, требующие восполнения, учитывая, что Цаликов являлся одним из лидеров мусульманского населения Российского государства в 1917–1920 гг.

⁷ Мультатули П.В. Император Николай II и мусульмане. М., 2013. С. 25.

⁸ См.: Каргиев Э.К., Чеджемов С.Р. Ахмет Цаликов. Возвращенные имена // Политический собеседник (Владикавказ). 1990. № 21; Медоев К. Человек, остановивший «дикую» дивизию // Северная Осетия (Владикавказ). 1997. 16 сентября; Чеджемова Е.Н. Педагогические воззрения А.Т. Цаликова: дис. ... канд. пед. наук. Владикавказ, 2006.

⁹ Цаликов А. Избранное. Владикавказ, 2002.

Статьи и сообщения

Таким образом, цель настоящей статьи – показать отражение Цаликовым настроения мусульманских народов, в частности, в отношении Первой мировой войны, осветив при этом ряд неизвестных фактов из его биографии.

Цаликов родился 27 декабря¹⁰ 1882 г. в с. Ногкау (предместье г. Владикавказа) Терской области, окончил Ставропольскую мужскую классическую гимназию. Затем поехал, как и ряд других будущих мусульманских политиков, получать высшее образование в центр империи. В 1900 г. он поступил на юридический факультет Московского университета, где участвовал в студенческом движении и увлекся революционными идеями, а вскоре вступил в РСДРП, стал меньшевиком и руководителем ряда студенческих кружков. В 1903 г. за революционную деятельность он был выслан из Москвы на Кавказ, где продолжил, однако, заниматься организацией социал-демократических комитетов в Терском крае и вести революционную работу в родной Осетии. Деятельность его вскоре охватила и Дагестан, в результате был создан Терско-Дагестанский комитет РСДРП, а Цаликов стал членом социал-демократического комитета, который образовался во Владикавказе летом 1904 г., затем стал лидером меньшевиков в Осетии. В 1904 г., вернувшись в Москву, он был избран представителем от Московского университета на всероссийский съезд студентов в Киеве (нелегальный).

В 1906 г. Цаликов, получив разрешение Министерства народного просвещения, сдал государственные экзамены и был удостоен диплома юриста в марте 1907 г. На короткое время пробовал заняться адвокатурой, но вскоре вернулся к политической деятельности. Прославился Цаликов тем, что выступил во Владикавказе за созыв беспартийного рабочего съезда и создание широкой классово-политической организации пролетариата накануне V (Лондонского) съезда РСДРП (1907 г.), за что подвергся критике со стороны В.И. Ленина. Цаликов сотрудничал в меньшевистских изданиях «Наше дело», «Возрождение» и др., координировал деятельность Терско-Дагестанского и Северов-Кавказского союзов РСДРП, Владикавказского, Кубанского и Армавирского комитетов РСДРП, печатался в ряде крупных столичных изданий – «Русское слово», «Раннее утро», «Утро России», «Вестник Европы» и др. Кроме того, он является автором нескольких книг, в том числе «Кавказ и Поволжье. Очерки инородческой политики и культурно-хозяйственного быта» (М., 1913), и др.¹¹ Таким

¹⁰ ГАРФ. Ф. Р-5764. Оп. 3. Д. 6204. Л. 1. Эта дата указана в анкете, заполненной и подписанной Цаликовым 22 мая 1924 г. в Праге. На сайте Архивной службы Республики Северной Осетии – Алании указана иная дата его рождения – 26 сентября. (URL: <http://archive-osetia.ru/sobytiya-i-daty-2/kalendar-2012god/>). А его имя на мемориальной доске во Владикавказе почему-то исправлено на Ахмат.

¹¹ *Исхаков С.М.* А.Т. Цаликов // Политические деятели России. 1917. Биографический словарь. М., 1993. С. 336-338; *его же.* Первая русская революция и мусульмане Российской империи. М., 2007. С. 20-21, 83.

Статьи и сообщения

образом, Цаликов начал свою политическую деятельность в рядах московской социал-демократии, затем занимался организацией оппозиционных элементов среди горской интеллигенции. Попутно стоит заметить, что горцы проявляли себя в рядах русских политических партий, не внося в их работу ничего специфически горского, или, во всяком случае, весьма мало.

Во время Первой мировой войны Цаликов включился в общемусульманское движение народов Российской империи. Он стал членом бюро, созданного в Петрограде в феврале 1916 г. при мусульманской фракции Государственной думы из нескольких экспертов-интеллектуалов, представлявших Северный Кавказ, Туркестан, Крым и Поволжье, для разработки вопросов, стоявших перед мусульманской фракцией. Его появление среди мусульманских политиков связано, вероятно, с тем, что меньшевики решили с его помощью усилить свое влияние среди мусульманского населения.

Он жил в Петрограде и готовился воевать. В письме, датированном 16 сентября 1916 г., он писал, в частности, о предстоявшем призыве в ряды армии¹². Однако этого не произошло.

Цаликов был среди первых мусульманских политиков, близко соприкоснувшихся с произошедшей в Петрограде Февральской революцией. Мусульманская фракция Государственной думы с целью подготовки всероссийского мусульманского съезда организовала в Петрограде в середине марта 1917 г. совещание мусульманских общественных деятелей, где участвовал и Цаликов. Совещание, в котором приняли участие члены мусульманской фракции Думы, члены бюро при этой фракции и приехавшие из разных регионов страны делегаты мусульман, было посвящено задачам, стоящим перед российским мусульманством в связи с произошедшей революцией и предстоящим созывом Всероссийского Учредительного собрания. Ими было решено организовать в Петрограде Временное центральное бюро российских мусульман, задачи которого состояли в том, чтобы созвать в Москве не позднее 1 мая всероссийский мусульманский съезд. Председателем этого бюро был избран именно меньшевик Цаликов.

Всероссийский мусульманский совет (ВМС) – высший политический орган самоуправления мусульманских народов Российской империи/Российской Республики – был создан на проходившем 1-11 мая 1917 г. в Москве I Всероссийском мусульманском съезде. В ВМС вошли 30 представителей мусульман Европейской России и Сибири, Туркестана, Казахстана, Крыма, Кавказа и литовских татар. ВМС и его исполкому съездом была предоставлена вся полнота национального представительства и руководство политической жизнью мусульманского населения всей страны. Цаликов был избран не только

¹² Центральный государственный исторический архив г. Москвы. Ф. 418. Оп. 77. Д. 5006. Л. 3.

председателем ВМС, но и его исполкома¹³. Он также стал главным редактором газеты «Известия Всероссийского мусульманского совета» (Петроград, июнь-декабрь 1917 г.). Все это давало ему возможность получать информацию о том, что происходило в мусульманской жизни, быть в курсе важных событий и влиять на принятие решений ВМС.

Выступая на московском съезде с докладом «Мусульмане России и война», Цаликов подробно остановился на отношении российских мусульман к мировой войне. Вот что он сказал: «Мусульмане России в огромном большинстве своем – демократия. И их политика может и должна быть политикой демократии. Но мусульмане остаются в то же время и мусульманами – особой группой населения свободной России и, как таковые, могут иметь общие мусульманские идеалы и интересы». Мусульмане, – говорил он, – «могут и должны самым решительным образом протестовать против той политики захватов, которая под видом освободительной борьбы проводится европейскими державами», т.к. объектом агрессии европейской буржуазии являлись главным образом мусульмане и мусульманские страны. Судьба дала «нам великую миссию протестовать против этого империализма – вписать новую страницу в политическую жизнь мусульманских народов». Делая это, «мы работаем не только на благо всего мусульманского мира, но и всего человечества. Мы протягиваем руку той рабочей демократии Европы, которая начинает в настоящее время являться в Европе единственным носителем великих принципов мира, свободы, равенства и братства народов. Нужно понять великое значение того союза, который сейчас создается на почве общности лозунгов рабочей демократии Европы и многомиллионного мусульманства». По мнению Цаликова, «только трудовая демократия Европы поддержит наш лозунг общемусульманского освобождения, потому что борьба с империализмом, которую ведет в настоящее время рабочий класс, в реальном результате должна иметь прежде всего освобождение мусульманских стран от опасности раздела и от эксплуатации европейского капитала». Цаликов призывал участников съезда требовать, чтобы Временное правительство опубликовало договоры царского правительства с союзниками, и аннулировать все те, в которых предусматривается «раздел» того или другого народа, не только в Европе, но и в Азии и Африке. Поддерживая лозунг «мир без аннексий и контрибуций» на основах самоопределения народов, мусульмане считают нужным добавить: «где бы эти народы ни находились – в Европе, Азии или Африке».

Таким образом, заключал Цаликов, «наша позиция и отношение к войне могут быть сформулированы следующими положениями: 1) Мы считаем источником

¹³ Исхаков С.М. Российские мусульмане и революция (весна 1917 – лето 1918 г.). 2-е изд., испр. и доп. М., 2004. С. 168, 180-182.

мировой бойни империалистические стремления господствующих классов Европы, и как мусульмане мы протестуем против империалистической политики, где бы и в чем бы она ни выражалась, так как мусульмане всего мира – жертва европейского империализма. 2) Мы приветствуем историческое обращение Петроградского совета рабочих и солдатских депутатов, обращенное к трудящимся всего мира. 3) Наш лозунг – мир без аннексии и контрибуции на основах самоопределения национальностей Европы, Азии и Африки. 4) Мы считаем заявление Временного правительства от 27.03.[1917] о целях войны первым шагом по пути отказа от империалистических стремлений старого дореволюционного правительства. 5) Вторым шагом должно быть опубликование договоров и соглашений, заключенных Россией с союзниками, поскольку в этих договорах нет военной тайны, и немедленное аннулирование тех из них, которые предусматривают аннексии и разделы в Европе, Азии и Африке. 6) Мы считаем необходимым защищать Россию от всяких вражеских посягательств и во имя войны за свободу нести в жертву все наши силы и все наше достояние»¹⁴.

Эти основные пункты определяли деятельность ВМС, его исполкома и представителей, направленных в Петроградский совет крестьянских депутатов, в Петроградский совет рабочих и солдатских депутатов (им являлся Цаликов), в Комиссию по духовным делам при Департаменте инославных исповеданий МВД, в Государственный комитет по народному образованию при Министерстве народного просвещения и др. Таким путем Цаликов стал членом Петроградского совета рабочих и солдатских депутатов, который возглавлял меньшевик Н.С. Чхеидзе.

То, что ВМС был коалиционным многопартийным органом (в нем имелись сторонники кадетов, эсеров, меньшевиков и др.), влияло на его работу, но, несмотря на политические пристрастия и различия, ВМС сделал очень много для того, чтобы поддержать Временное правительство, которое считал гарантом претворения в жизнь всех чаяний мусульманских народов страны. Члены ВМС стремились укрепить его власть в глазах мусульманского населения. Исполком активно вел пропагандистскую деятельность, объясняя широким массам перспективы сотрудничества с Временным правительством, в том числе и в плане успешного разрешения вопроса войны и мира, участвовал в решении задач, выдвинутых революцией, в специфических условиях, характерных для мусульманского населения страны. При этом наибольшие усилия ВМС сосредотачивались на том, чтобы привлечь как можно больше мусульман к общегосударственному строительству, ввести их представителей как в состав Временного правительства, так и Советов.

¹⁴ Цаликов А. Мусульмане России и война. Речь, произнесенная на Всероссийском мусульманском съезде в Москве 1-11 мая 1917 года. Пг., 1917. С. 14-15.

Статьи и сообщения

Во время очередного правительственного кризиса и событий 3-5 июля 1917 г. в Петрограде, когда в столице произошли массовые демонстрации с требованием отставки Временного правительства и передачи всей власти Советам, вечером 3 июля состоялось частное совещание мусульманских политиков, на котором был поднят вопрос о необходимости принятия мер к тому, чтобы добиться включения в реорганизуемое коалиционное правительство представителей мусульманских народов страны. 3 июля в меньшевистской газете «День», редактируемой правым меньшевиком А.Н. Потресовым, было опубликовано обращение исполкома ВМС «К мусульманам России!», составленное, судя по стилю, самим Цаликовым: «Наша участь связана неразрывно с судьбой революционной демократии страны, и наше сознание говорит, что все мы должны сплотиться прочной силой вокруг того, что носит название правительства спасения революции. Долг всех наших организаций, долг каждого сознательного гражданина в отдельности – все усилия направить на то, чтобы и впредь мусульмане всячески отменяли от себя анархию. Долг каждого из нас – укреплять всеми средствами революционное правительство, и тогда мы получим все, или, если падет правительство, лишимся всего».

4 июля состоялось заседание исполкома ВМС с участием членов Всероссийского мусульманского совета. Было решено требовать включения в состав коалиционного правительства представителей от мусульман, и была направлена делегация для переговоров с правительством. Во время почти часовой встречи с членами делегации глава Временного правительства князь Г.Е. Львов заявил им, что он в принципе согласен с их предложением, поинтересовался, какие кандидатуры выдвигаются. После этого разговора мусульманские политики обсудили кандидатуры. Во время этого совещания Цаликов высказал мнение, что самым подходящим на первое время требованием для мусульман являлся бы пост министра государственного призрения. В итоге участниками совещания было решено добиваться предоставления постов министра государственного призрения и заместителей министров просвещения и земледелия. На должность министра государственного призрения были предложены пять кандидатур, в том числе Цаликов. После голосования остались две кандидатуры, включая Цаликова. Таким образом, он вполне мог стать министром социального обеспечения коалиционного Временного правительства. Но эти предложения мусульманских политиков не были реализованы в связи с резким изменением политической ситуации¹⁵.

Прекрасно зная психологию российских мусульман, в особенности кавказских, Цаликов сыграл важную роль в предотвращении похода воинских частей на Петроград под командованием верховного главнокомандующего генерала Л.Г. Корнилова, который отводил Кавказской туземной конной дивизии (КТКД) роль

¹⁵ Исхаков С.М. Российские мусульмане и революция... С. 199-201.

Статьи и сообщения

главной ударной силы, направленной против Временного правительства. Дивизию из 6 конных полков (24 сотни) перевозили под Петроград на 36 эшелонах. К 18 августа 1917 г. 12 эшелонов проследовало до ст. Дно: 3 эшелона Черкесского полка, 1 – Ингушского и др. Когда в Петрограде стало известно, что в составе корниловских войск, движущихся к столице, имеется и КТКД, исполком ВМС предложил ЦИК Советов рабочих и солдатских депутатов отправить своих представителей навстречу кавказцам для привлечения их на сторону революции. Предложение было принято. Кроме того, исполком ВМС провел переговоры с представителями правительства для выработки плана совместных действий.

Тем временем эшелоны с полками, достигнув ст. Вырица (в 100 км от Петрограда), остановились. Дальше на Петроград двинулись только Ингушский и Черкесский полки, насчитывавшие 1 350 сабель. 28 августа, когда два эшелона с этими полками подошли к 42-й версте от Петрограда, они вынуждены были остановиться между ст. Семрино и ст. Сусанино, так как железнодорожниками был разобран путь. 28 августа из Петрограда на паровозе с двумя пассажирскими вагонами выехала мусульманская делегация, которую возглавлял Цаликов. По прибытию на ст. Семрино выяснилось, что в двух верстах от нее железнодорожный путь был разобран, а два полка находились на соседней ст. Сусанино. Делегация начала переговоры по телефону с начальником эшелона, прибывшего на ст. Сусанино. В результате первая встреча состоялась между этими станциями, около разобранного участка пути. Из Сусанино прибыла группа из офицеров, преимущественно русских, и всадников-ингушей. Представители мусульманской делегации объяснили цель своего приезда и заявили офицерам, что недопустимым является вовлечение горцев в политическую борьбу, используя их в качестве слепого орудия, что вызовет против них ненависть со стороны русского населения. Переговоры с офицерами не привели ни к каким результатам. Они заявили, что всецело стоят на стороне Корнилова. Один из офицеров во время встречи сказал, что Временное правительство «продавало и продает Россию оптом и в розницу», что они идут разогнать правительство, что «единственный спаситель России – это генерал Корнилов». Войти в непосредственное общение с всадниками не удалось. Но у участников делегации сложилось впечатление, что они совершенно не понимали смысла разыгравшихся событий. Переговоры были прекращены.

Цаликов вернулся в Петроград. Тем временем полки в конном строю направились к Павловску. Ингушскому полку до столицы оставалось всего 32 км. 29 августа утром делегация во главе с Цаликовым снова выехала навстречу горцам. К этому времени ст. Семрино уже была занята заставой Ингушского полка. Благодаря офицеру-ингушу стал возможен контакт горцев с делегацией, и ей удалось проследовать дальше и переговорить на ст. Вырица с командирами Ингушского и

Статьи и сообщения

Черкесского полков. Делегация убеждала горцев не вмешиваться в дела русских, обещала, что Керенский отправит дивизию на Кавказ, в родные места, и еще наградит.

Утром 31 августа, в третий раз, делегация доехала до ст. Чолово, где состоялось заседание всех полковых комитетов. На заседании, кроме членов мусульманской делегации, выступили представители Петроградского совета рабочих и солдатских депутатов, а также Преображенского, Семеновского и Егерского полков. От имени ЦК Союза объединенных горцев Северного Кавказа и Дагестана, Петроградского комитета горцев Северного Кавказа и Дагестана и Комитета кавказских мусульман в Петрограде было оглашено обращение, в котором говорилось, что «единственное назначение полков Туземной дивизии... защищать родину от внешнего врага и ни в коем случае не служить орудием политической борьбы какой бы то ни было партии», а потому участие в корниловском выступлении оторвет их «от общей горской семьи» и нанесет «непоправимый ущерб идее объединения и национального самоопределения всех горцев».

Мусульманская делегация после переговоров с Кавказским туземным конным корпусом 31 августа 1917 г.
(4-й справа во втором ряду сидит А. Цаликов)

В этот раз переговоры оказались успешными. Делегация со ст. Чолово отбыла в Петроград, чтобы сообщить о достигнутых результатах правительству. В Петрограде их встретили с цветами и оркестром, а затем повезли в Зимний дворец и угостили обедом. После этого члены делегации вместе с представителями горцев были приняты А.Ф. Керенским. 1 сентября они посетили Петроградский совет рабочих и солдатских депутатов. 3 сентября последовал приказ главковерха Керенского о том, что горцы подлежат отправлению на ст. Дно, откуда направятся на Кавказ для отдыха. Предпринятые исполкомом ВМС и другими мусульманскими организациями действия предотвратили наступление мусульманской дивизии на Петроград, чем было предотвращено повсеместное вооруженное столкновение мусульман и православных¹⁶.

В этой сложной ситуации проявилось отчетливое нежелание мусульманской общественности участвовать в русской гражданской войне. У мусульман были другие проблемы. Об этом Цаликов сказал на Всероссийском демократическом совещании в Петрограде (14-22 сентября 1917 г.), где присутствовало свыше 1 500 участников (депутатов Государственной думы, представителей от Советов крестьянских депутатов, Советов рабочих и солдатских депутатов, городских дум, армии и флота, кооперативов, торгово-промышленных кругов, банков, профсоюзов, земств, национальных организаций, в том числе от мусульманских организаций). Исполком ВМС представляли 6 человек, в том числе Цаликов. Его выбрали в состав президиума совещания от мусульман. 17 сентября на вечернем заседании он выступил, указав, что когда упоминается Всероссийский мусульманский совет, «большинство русских граждан думает, что здесь объединение на религиозной почве, они думают, что мусульманство противопоставляется христианству». В действительности, – объяснял Цаликов, – «под мусульманством мы подразумеваем ту великую историческую культуру, которая вписала славные страницы в историю всей человеческой культуры... Мы хотим, оставаясь по почве древней культуры, приобщиться к современной культуре великих завоеваний человечества. Мы хотим идти... своим собственным путем к великим общечеловеческим целям». Он отметил, что революционная демократия к мусульманам страны «относится в большинстве случаев отрицательно». «Мне кажется, – говорил он, – что здесь сказывается... странное пренебрежительное отношение к народам Востока», которых по-прежнему считают «людьми низшей расы» и относятся к ним, как к людям, которых нужно еще опекать. «Но тогда, когда их действительно нужно опекать, когда действительно нужно прийти к ним на помощь, мы оставляем их без всякой помощи». Цаликов указал, что требования мусульман минимальны – создание сильной власти, опирающейся на широкие демократические массы. Все свои требования они представят в Учредительном

¹⁶ Исхаков С.М. Российские мусульмане и революция... С. 322-332.

собрании, до тех пор их представители выступали, во-первых, с предложением образования при правительстве Секретариата по мусульманским делам во главе со статс-секретарем, в ранге товарища министра, во-вторых, за создание Предпарламента, поскольку голос мусульман был «не слышен» в революционных организациях, в которых они представлены не в достаточном количестве. И потому Предпарламент – это единственная возможность довести до сведения русского народа нужды мусульманского населения.

22 сентября собрание делегатов национальных организаций, обсудив вопрос о распределении 27 мест, предоставленных им во Всероссийском Демократическом Совете, который был создан на совещании, решило предоставить ВМС 4 места. Собравшись вторично, участники собрания предоставили список лиц, избранных в члены этого Временного совета Российской республики (Предпарламент). Делегация ВМС избрала Цаликова в числе своих представителей.

На совещании участников Предпарламента 23 сентября было принято предложение об издании декларации Временного правительства с признанием за всеми народами права на самоопределение на основах, которые будут выработаны Учредительным собранием. В декларации правительства от 25 сентября, во-первых, подтверждалось признание за всеми народами права на самоопределение на основах, выработанных Учредительным собранием; во-вторых, обещалось разработать и издать законы, обеспечивавшие национальным меньшинствам на местах их постоянного жительства пользование родным языком в школе, суде, органах самоуправления и в отношениях с местными органами государственной власти; в-третьих, провозглашалось образование при правительстве Совета по национальным делам с представителями от всех народов страны, цель которого состояла в подготовке материалов по национальному вопросу для Учредительного собрания. В Предпарламенте была создана комиссия по национальному вопросу, которая поставила на обсуждение вопрос о самоопределении народов.

Цаликов подготовил речь к заседанию Предпарламента, которая была посвящена отношению мусульманского населения к международным проблемам, к мировой войне. В ней он на основании поступавшей к нему информации решил откровенно сказать от имени всего многомиллионного мусульманского населения России, что в вопросах внешней политики «жизнь катится по проторенному руслу царского империализма». Мусульмане хотели поставить перед российской государственностью новые великие государственные задачи для «действительного придания войне *освободительного характера во всем мире – в Европе, в Азии и в Африке*. А при невозможности – принятия всех мер к ее немедленной ликвидации»¹⁷. Здесь четко выражен протест российских мусульман против агрессивных планов

¹⁷ Исхаков С.М. Российские мусульмане и революция... С. 345-348, 353.

Временного правительства в отношении Османской империи, захвата ее территорий (Стамбула и проливов).

После свержения Временного правительства и прихода к власти большевиков исполком ВС 28 октября 1917 г. постановил делегировать трех своих представителей в антибольшевистский Комитет спасения родины и революции. Считая, что Советы рабочих и солдатских депутатов являются органами, сконструированными односторонне (мусульмане в них почти не были представлены), исполком ВС высказался за создание демократического Совета с возможно полным представительством в нем населяющих Россию народов. Было также решено при формировании власти добиваться учреждения Секретариата по мусульманским делам со статс-секретарем во главе на правах товарища министра. Несмотря на «Декларацию прав народов России» (2 ноября 1917 г.), в которой новой властью им было обещано право на свободное самоопределение, вплоть до отделения и образования самостоятельного государства, а также отдельное обращение Совнаркома «Ко всем трудящимся мусульманам России и Востока» (20 ноября), формально провозглашавшее право на самоопределение для народов Востока и обещавшее мусульманам неприкосновенность их верований и обычаев, мусульмане были сильно обеспокоены угрозой крушения их надежд и замыслов.

30 ноября в газете «Новая жизнь», которую издавали меньшевики-интернационалисты, Цаликов опубликовал «Открытое письмо Совету Народных Комиссаров», в котором заявил, что мусульмане не сомневаются в «добрых чувствах большевистских комиссаров к угнетенному мусульманскому миру», но в то же время констатировал: «Нынешняя власть большевиков ведет такую политику, которая в конечном результате может иметь для мусульманского населения России и Востока совершенно обратное значение». Призвав к изменению политики, Цаликов ясно выразил отношение ВС к приходу к власти большевиков: однопартийная власть не может быть признана мусульманской демократией. Он не призывал к вооруженной борьбе с большевистской властью, но предупреждал, что мусульманские народы будут вынуждены принять меры к защите своих интересов¹⁸.

Будучи членом Учредительного собрания, Цаликов в своем выступлении 5 января 1918 г. огласил декларацию, в которой отмечалось, что Совнарком «оказался бессильным обеспечить народам России свободное развитие и осуществление ими всей полноты национального творчества. Мало того, политика эта в ряде случаев становилась в решительное противоречие с лозунгами великой российской революции и несла народам России... меч гражданской войны, зарево пожаров и потоки крови». Вскоре после разгона Учредительного собрания исполком

¹⁸ Исхаков С.М. Российские мусульмане и революция... С. 369.

Статьи и сообщения

ВМС обратился с воззванием к мусульманскому населению России, призвав встать на защиту Учредительного собрания и к свержению «большевистского засилья». Его члены разъехались по стране и вели агитацию среди мусульман, призывая их к восстанию против советской власти и достижению независимости¹⁹.

После постановления об упразднении ВМС, подписанного наркомом по делам национальностей И.В. Сталиным 16 мая 1918 г., Цаликов уехал на Северный Кавказ. На IV съезде народов Терека (Владикавказ, 23 июля – 21 августа 1918 г.) его избрали заместителем председателя президиума съезда, а затем председателем нового Терского областного народного совета. Подробно о том, что тогда ему пришлось увидеть и испытать, он написал в очерках «Гражданская война в Терском крае», опубликованных в тифлисской прессе в начале 1919 г.²⁰ В столице Грузинской республики Цаликов оказался, спасаясь от большевиков, завоевывавших Северный Кавказ. Он стал участником важного совещания общественных и политических деятелей Северного Кавказа, которое состоялось 12 июля 1919 г. в Тифлисе. Здесь Цаликов был избран председателем Комитета горцев Северного Кавказа. В сентябре 1919 г. он возглавил Союзный меджлис горцев Кавказа²¹, также находившийся в Тифлисе.

10 октября 1919 г. в с. Леваши Даргинского округа открылся съезд представителей населения Дагестана, на который прибыли члены президиума Союзного меджлиса горцев Кавказа и большинство его членов. На этом съезде был избран Комитет обороны Чечни и Дагестана, в который вошел Цаликов. Этот Совет являлся фактически Временным правительством Дагестана, который был создан по инициативе членов Союзного меджлиса горцев Кавказа. На Совет были возложены функции правительственной власти с обязательством по завершении военных операций и освобождении своей территории созвать народное представительство на началах всеобщего избирательного права. Ввиду образования Совета обороны Союзный меджлис горцев Кавказа постановил самоликвидироваться, предоставив в распоряжение этого Совета все свои средства и всех своих работников²².

Вернувшись в Тифлис, Цаликов решил в редактируемой им здесь газете повторить свою речь о войне и мусульманах на Всероссийском мусульманском съезде в Москве в мае 1917 г. Он с удовлетворением вспоминал: «Резолюция, предложенная мной, была единогласно, при бурных овациях, принята делегатами съезда. В той резолюции, можно сказать не преувеличивая, отразились чаяния

¹⁹ Исхаков С.М. Российские мусульмане и революция... С. 445-446.

²⁰ См.: Гражданская война в России и мусульмане. Сборник документов и материалов. М., 2014. С. 504-534.

²¹ Там же. С. 44, 566, 569.

²² Борьба (Тифлис). 1919. 19 октября; 5, 8 ноября; Вольный горец (Тифлис). 1919. 10 ноября.

демократии всех мусульманских народов России. Теперь, когда идет ликвидация мировой войны, воспоминание об этих чаяниях имеет не один только исторический смысл, и ознакомление с этой речью не лишено значения для политических деятелей государств, находящихся на рубеже мусульманского Востока». После этого предисловия повторялся вышеупомянутый доклад, опубликованный в Петрограде летом 1917 г. Однако в газетном тексте имеются несколько существенных отличий от вышеприведенного текста: «Но мусульмане остаются в то же время и мусульманами – *особой культурно-исторической формацией* (здесь и далее отличия выделены мной курсивом. – С.И.), *особой группой населения свободной России и, как таковые, могут иметь особые общие мусульманские идеалы и интересы как внутри России, так и вне ее...* Мы, *демократия мусульманских народов России*, считаем источником мировой бойни империалистические стремления господствующих классов Европы...»²³ Эта редакция его речи относится либо к маю 1917 г., либо к 1920 г. Так или иначе, Цаликов подчеркивал специфику российского мусульманства, его права на свои интересы.

Большое значение он придавал документальному освещению событий гражданской войны на Кавказе. В конце 1920 г. в Тифлисе под его редакцией и с его предисловием готовились к печати два выпуска сборника документов под названием «Борьба с Добрармией. Материалы по истории революционной борьбы горских народов Северного Кавказа» (Вып. I (апрель-сентябрь 1919 г.); Вып. II (сентябрь 1919 г. – январь 1920 г.)). Кроме того, Цаликов написал две книги – «По восставшему Дагестану. Заметки и наблюдения» и «Два года в Грузии. (1919 г. и 1920 г.). Встречи и впечатления»²⁴.

После разгрома Грузинской республики и установления здесь советской власти в начале 1921 г. Цаликов был вынужден покинуть Кавказ и эмигрировать. Из Тифлиса он в 1921 г. уехал в Батум, оттуда перебрался сначала в Турцию. О его жизни в эмиграции мало что известно, несмотря на то, что он играл важную роль в делах общекавказской политэмиграции. Так, в письме одному азербайджанскому эмигранту, датированном 1 декабря 1921 г., он писал из Стамбула в Париж, что «неблагоприятные материальные условия тормозят мое выздоровление, но иншаллах²⁵ – я думаю, что я все же выздоровлю и еще поработаю на общую с Вами цель». 2 декабря Цаликов написал письмо в Париж, в котором сообщил, что 1 декабря в Стамбуле было создано Информационное бюро Союза четырех республик Кавказа (Азербайджанской, Армянской, Грузинской и Горской).

²³ Вольный горец (Тифлис). 1920. 31 декабря.

²⁴ Там же.

²⁵ Если Бог пожелает (араб.).

Секретарем этого бюро был избран Цаликов²⁶. Вскоре Цаликов перебрался в Европу, куда переместились российские эмигранты-мусульмане из кемалистской Турции, власти которой были против подобной их деятельности из-за протестов Москвы. В анкете, заполненной им 22 мая 1924 г. в Праге для местных властей, он указал, что покинул Россию «по политическим причинам»²⁷. За ним чекистами было установлено наблюдение. По их данным, он активно участвовал в деятельности северокавказской политической эмиграции. Осенью 1924 г. Цаликов, будучи членом эмигрантского Горского комитета, в который входили бывшие руководители Горской республики, находился уже в Париже²⁸, где был центр всей российской политической эмиграции. Кроме Парижа, он жил в Праге и Варшаве, где работал адвокатом, занимаясь также литературной деятельностью. Умер Цаликов 2 сентября 1928 г. в Варшаве, где и похоронен.

Таким образом, то, что именно меньшевик А. Цаликов в условиях Великой российской революции 1917 г. был избран председателем Всероссийского мусульманского совета, объединявшего мусульманские народы всей бывшей Российской империи, не видится случайностью. Как общероссийский и мусульманский политик он пользовался в их среде большой поддержкой. В годы войны он стал теоретиком демократического общемусульманского движения, отразив настроения широких мусульманских слоев в отношении Первой мировой войны: мусульмане были против аннексий чужих территорий, в особенности Стамбула и проливов, выступали в поддержку национально-освободительной борьбы народов Азии и Африки, являвшихся колониями европейских стран. Эта война, порожденная борьбой европейских держав за колонии, рынки и мировое господство, привела в движение угнетенные народы, в том числе российских мусульман, очень быстро пробуждавшихся в условиях мировой войны, русской революции и Гражданской войны к новой жизни, к борьбе за свои права.

²⁶ Le Centre d'études des mondes russe, caucasien et centre-européen, l'École des hautes études en sciences sociales (Paris). Archives d'Ali Mardan-bey Topchtchibachi.

²⁷ ГАРФ. Ф. Р-5764. Оп. 3. Д. 6204. Л. 1.

²⁸ Русская военная эмиграция 20–40-х годов XX века. Документы и материалы. М., 2010. Т. 5. С. 476.

Пятикова Марина Васильевна

*кандидат исторических наук
Южный федеральный университет*

**ПРОБЛЕМА МИРА И ВОЙНЫ В ДИСКУССИЯХ РОССИЙСКИХ
СОЦИАЛ-ДЕМОКРАТОВ (МЕНЬШЕВИКОВ) В 1917 г.**

1917 год в российской истории является не только поворотным для страны, но и одним из самых сложных и противоречивых периодов новейшего времени. Затянувшаяся мировая война стала своеобразным катализатором революционных потрясений. На рубеже 1916–1917 гг. в России наметился кризис, выразившийся в формировании общенациональной оппозиции, усугубленной антидинастическим движением. В результате мощнейшего социального взрыва рухнула веками существовавшая монархия. Среди первоочередных и наиболее значимых задач, которые встали перед новой властью, была необходимость скорейшего завершения войны. Однако вопрос о выходе России из Антанты и прекращение военных действий вызвал жесточайшие дискуссии среди партийно-политических сил, захватив и меньшевистское крыло российской социал-демократии.

В отечественной исторической науке проблема восприятия и оценки меньшевиками событий Первой мировой войны обсуждалась не раз. Советская историография меньшевизма может быть рассмотрена с точки зрения сочетания ряда критериев: во-первых, определения места и роли исторической науки в советском обществе, а также идеологической ситуации в стране, накладывавшей существенный отпечаток и на историческую науку в целом; во-вторых, сопряжения идеологии и научного знания. Советская историографическая традиция начала складываться параллельно с формированием большевистского режима. Специфической чертой советской историографии была ориентация на марксистско-ленинскую теорию как на единственно верную методологическую парадигму. Первым историографом меньшевизма является В.И. Ленин, по меткому выражению

С.В. Тютюкина, ставший «летописцем» меньшевизма¹. Складывание триады – небольшевизм-немарксизм-контрреволюция, прочно вошедшей в советскую историческую науку, определило изучение истории РСДРП в контексте борьбы большевиков с меньшевиками. И. Вардин утверждал, что усилия меньшевиков в 1917 г. были направлены на утверждение единовластия буржуазии². П. Лепешинский также отмечал, что меньшевики в 1917 г. «докатались до роли контрреволюционного фактора в прямом смысле этого слова»³.

На рубеже 1920–1930-х гг. ситуация в советской исторической науке начинает меняться в связи со свертыванием фронта исторических исследований. Сокращение изданий по историко-партийной тематике было обусловлено стремлением установить идеологическое единообразие в оценках исторических событий и их участников. В «Кратком курсе ВКП(б)» позиция меньшевиков в годы Первой мировой войны оценивалась в качестве завуалированной поддержки буржуазного правительства.

Большинство современных исследователей считают, что со второй половины 1950-х до начала 1970-х гг. в советской историографии произошел возврат к ленинским оценкам истории и деятельности небольшевистских партий. В учебнике по истории КПСС, вышедшего в 1959 г. под редакцией академика Б.Н. Пономарева, деятельность меньшевиков в период Первой мировой войны оценивалась как оппортунистическая, трансформировавшаяся в открыто контрреволюционную в 1917 г. В соответствии со сложившейся советской историографической традицией была опубликована книга Н.В. Рубана, в которой борьбе течений внутри РСДРП не придавалось особого значения и указывалось на мелкобуржуазность ее членов⁴. В 1972 г. вышла знаковая книга С.В. Тютюкина «Война, мир, революция»⁵. Историк предпринял попытку пересмотра ряда методологических установок, связанных с изучением истории меньшевистской партии. В монографии собран огромный фактический материал по истории меньшевизма, освящены все основные течения меньшевизма в период Первой мировой войны.

В 1960–1970-е гг. издавалась многотомная история КПСС, где меньшевики оценивались как мелкобуржуазная и оппортунистическая партия⁶. Наблюдалась определенная эволюция оценок в отношении РСДРП, и в частности ее центристского течения в годы Первой мировой войны, применительно к которым использовался

¹ Тютюкин С.В. *Меньшевизм: страницы истории*. М., 2002. С. 5.

² Вардин И. *Революция и меньшевизм*. М.; Л., 1925. С. 28.

³ Лепешинский П. *Меньшевики*. М., 1931. С. 63.

⁴ Рубан Н.В. *Октябрьская революция и крах меньшевизма (март 1917–1918 гг.)*. М., 1968.

⁵ Тютюкин С.В. *Война, мир, революция. Идеиная борьба в рабочем движении России. 1914–1917 гг.* М., 1972.

⁶ *История Коммунистической партии Советского Союза: В 6 т. М., 1966. Т. 2.*

термин «революционный шовинизм». Попыткой создания обобщающего труда по истории политических партий в России стала монография «Непролетарские партии России. Урок истории»⁷. Позиция меньшевиков была охарактеризована в ней как социал-шовинистическая с ярко выраженным националистическим компонентом.

На современном этапе историки по-новому рассмотрели концептуальные наработки меньшевиков в различные периоды их существования. Можно выделить целую серию работ, в которых в той или иной мере анализировалась позиция российских социал-демократов в годы Первой мировой войны. Одним из крупнейших исследователей истории российской социал-демократии считается С.В. Тютюкин, посвятивший данной проблематике ряд исследований⁸. Его монография «Меньшевизм: страницы истории» носит синтезирующий, обобщающий характер. Одна из глав работы посвящена оценкам меньшевиков в период Первой мировой войны. Российские социал-демократы считали войну империалистической, но при этом отрицали империалистический характер внешней политики России, а агрессивность курса связывали с традициями великодержавности и экспансионизма военно-феодалного типа⁹. Тютюкин показал весь спектр оценок и мнений существовавший в РСДРП по проблеме войны и мира.

В начале 2000-х гг. вышел ряд трудов, посвященных меньшевизму и его отношению к вопросам внутри- и внешнеполитического курса России. Так, Т.В. Щукина комплексно проанализировала деятельность меньшевистских организаций в специфических условиях Донской казачьей области с момента начала Первой мировой войны до декабря 1917 г.¹⁰ Автор провела исследование конкретно-практической деятельности меньшевиков в рабочих группах при военно-промышленных комитетах в 1915–1916 гг., доказав, что среди меньшевиков, входивших в эти группы, были представители не только оборонческого течения, но и те, кто стоял на интернационалистских позициях. Щукина установила, что региональные руководящие структуры меньшевиков в период Первой мировой войны реагировали на происходившие изменения гораздо быстрее, чем центральные партийные организации.

⁷ Непролетарские партии России: Урок истории. М., 1984.

⁸ Тютюкин С.В. Г.В. Плеханов // Политическая история России в партиях и лицах. М., 1993; *его же*. Г.В. Плеханов. Судьба русского марксиста. М., 1997; *его же*. Современная отечественная историография РСДРП // Отечественная история. 1998. № 6; *его же*. Меньшевизм: страницы истории; Тютюкин С.В., Шелохаев В.В. Марксисты и русская революция. М., 1995.

⁹ Тютюкин С.В. Меньшевизм: страницы истории. С. 277.

¹⁰ Щукина Т.В. Меньшевистские организации Области Войска Донского: 1914 – декабрь 1917 г.: дис. ... канд. ист. наук. Ростов-на-Дону, 2005.

В.В. Кудряшов проанализировал взгляды сибирских меньшевиков по проблеме мировой войны, экстраполируя их на общероссийский контекст¹¹. В частности, он указал на тот факт, что в силу оторванности от идеологического центра представители РСДРП в Сибири, вынужденные самостоятельно вырабатывать позицию по отношению к войне, формировали свою точку зрения в соответствии с прежней партийно-фракционной принадлежностью. Ссылные меньшевики смогли раскрыть экономические и политические причины мировой войны и ее характер. Идеино сибирские меньшевики были близки большевикам.

Тем не менее, при наличии исследований по проблеме меньшевизма в годы Первой мировой войны остается не до конца изученным ряд вопросов, требующих уточнения позиции членов РСДРП на общероссийском уровне. Прежде всего, это выявление оттенков мнений и точек зрения по проблеме войны и мира, которые существовали в партии, соотнесение их с реалиями того времени. Возникает вопрос: насколько жизнеспособны были их концептуальные наработки и отвечали ли они требованиям времени. Также необходимо оценить, насколько они могли быть реализованы.

Целью данной статьи является выявление специфических черт во взглядах меньшевиков-интернационалистов, «революционных оборонцев» и правых оборонцев, представлявших собой противоборствующие течения внутри РСДРП по проблеме войны и мира в 1917 г.

В ситуации радикализации масс весной 1917 г. партии социалистической направленности играли все большую роль. Некоторые исследователи считают, что российские социал-демократы (меньшевики) в данный период стали «партией ведущей идеологии», при этом их отношение к войне не отличалось единством мнений. Весной 1917 г. РСДРП делилась на несколько течений, каждое из которых имело собственную точку зрения по основным вопросам, в том числе и по проблеме войны: крайне правое крыло возглавлял А.С. Потресов и М.И. Либер, правое – представляла газета «Единство» во главе с Г.В. Плехановым, центр – Н.С. Чхеидзе, Ф.И. Дан, И.Г. Церетели, левое крыло – газета «Новая жизнь» под руководством Авилова, крайне левые позиции занимали меньшевики-интернационалисты, где признанным лидером и идеологом был Ю.О. Мартов. Однако на протяжении 1917 г. наиболее активными и непримиримыми оппонентами внутри РСДРП являлись правые оборонцы, «революционные оборонцы» и интернационалисты, раскачивавшие маятник политической напряженности. Ключевыми вопросами в полемике различных направлений меньшевизма были проблемы продолжавшейся войны и установления сильной власти. Занимавшие ведущее положение в партии

¹¹ Кудряшов В.В. Ссылные меньшевики и мировая война // Сибирская ссылка: Сборник научных статей. Иркутск, 2009. Вып. 5 (17).

Статьи и сообщения

«революционные оборонцы» к осени 1917 г. стали утрачивать доверие основной массы меньшевиков, так как их попытки найти пути решения совместно с либералами окончились провалом. Правые оборонцы во главе с А.Н. Потресовым придерживались озвученной им еще в 1914 г. формулы «непротиводействия войне при противодействии правительству». В то же время интернационалисты во главе с Ю.О. Мартовым с их идеей однородного коалиционно-социалистического правительства больше отвечали требованиям времени и настроениям масс.

Вопрос о войне, хотя и являлся для меньшевиков ключевым, первоначально ими не обсуждался, так как они надеялись, что пролетариат других стран поддержит инициативу российских рабочих и свергнет свои империалистические правительства. В целом тональность выступлений меньшевиков сводилась к оборонческим позициям, так как они считали возможным реализовывать право на защиту достижений Февральской революции. В начале марта 1917 г. в Петрограде меньшевики, пытаясь преодолеть разобщенность партии, создали единую организацию для выработки дальнейшей тактики и стратегии по проблемам установления сильной власти и окончания войны. Они провозгласили условную поддержку Временного правительства и одновременного давления на него. По вопросу о войне провозглашалась задача борьбы за мир без аннексий и контрибуций. В обращении Петроградского Совета от 14 марта 1917 г. «К народам всего мира» война признавалась «чудовищной ошибкой», но тем не менее предлагалось стоять на революционных оборонческих позициях. 19 марта Объединенный комитет РСДРП опубликовал резолюцию «Об отношении к войне и миру», в которой, во-первых, признавал Первую мировую войну империалистической, а во-вторых, провозглашалась необходимость созыва международной социалистической конференции в Стокгольме в мае 1917 г. для выработки общей платформы по вопросу об окончании военных действий¹². Фактически партия подтвердила свою оборонческую позицию, но осудила всевозможные попытки следовать в русле империалистической войны.

Данная идея была поддержана И.Г. Церетели, ставшим весьма популярным среди рабочих в 1917 г. Он фактически «сделал идею национально-патриотического оборонческого блока доминантой меньшевистской тактики»¹³. Именно Церетели сформулировал концепцию революционного оборончества¹⁴.

В период с 29 марта по 3 апреля 1917 г. проходило Всероссийское совещание Советов. На нем среди наиболее дискуссионных вопросов оказалось отношение к проблеме мира и войны. Церетели снова выступил с идеей революционного

¹² Меньшевики в 1917 г. М., 1994. Т. 1. С. 157-158.

¹³ Тютюкин С.В. Меньшевизм: страницы истории. С. 331.

¹⁴ Там же. С. 332.

оборончества, заключавшейся в отказе от империалистических устремлений и борьбе за всеобщий демократический мир¹⁵. Таким образом, «революционные оборонцы» весной 1917 г. заняли определенную нишу на политической арене революционной России, и, как показали выборы в Советы, их поддерживала значительная часть пролетариата. Однако революционно-оборонческая линия не нашла всеобщей поддержки и подвергалась критике в самой партии. Большевики не смогли выработать единую тактику поведения после Февральской революции.

Практической реализацией резолюции от 19 марта 1917 г. стал созыв Всероссийской майской конференции (7-12 мая 1917 г.), которая состоялась после первого кризиса Временного правительства, вызванного, как известно, нотой П.Н. Милюкова о «войне до победного конца». Целью конференции было не только помочь сплотить все течения меньшевизма для создания партии «европейского типа», но и сформулировать варианты решения общенациональных задач, в том числе окончания войны. Однако по мере обсуждения проблем все отчетливее выявлялось различие в подходах правых оборонцев, «революционных оборонцев» и интернационалистов, ставших в 1917 г. основными течениями в партии, между которыми и разворачивалась дискуссия по концептуальным и практическим вопросам. Естественно, что проблема войны и мира решалась сразу в нескольких плоскостях. Во-первых, это достижение мира внутри страны, но при этом признавалось продолжение борьбы с буржуазией. Во-вторых, выход России из Первой мировой войны. На конференции вновь был подтвержден буржуазный характер произошедшей революции. Только этот тезис и объединял разрозненные группировки меньшевиков. В остальных вопросах у каждого из течений внутри РСДРП отмечалось свое мнение.

Большевики прекрасно осознавали, что от состава правительства напрямую зависело то, каким образом, как скоро и в каком статусе Россия завершит военный конфликт. В первый же день работы конференции началось обсуждение вопроса о причинах вхождения социалистов во Временное правительство, так как данное обстоятельство неоднозначно было воспринято различными направлениями меньшевизма. «Революционные оборонцы» в лице И.Г. Церетели, Ф.И. Дана, Б. Горева мотивировали вхождение во власть целым рядом причин. По их мнению, революция в России произошла в неординарных условиях. Буржуазия была неспособна «выделить» сильную власть, которая бы могла решить весь спектр общенациональных задач. В принятой 8 мая 1917 г. резолюции меньшевики-оборонцы провозгласили, что их главной целью является создание сильной революционной власти. Будучи во властных структурах, «революционные оборонцы» надеялись ускорить созыв Учредительного собрания, улучшить материальное

¹⁵ Большевики в 1917 г. Т. 1. С. 161-163.

положение рабочих и служащих, выйти из войны в кратчайшие сроки и, кроме того, все тяготы разрухи переложить на плечи имущих классов. Более того, Церетели считал вхождение меньшевиков в состав правительства крупной тактической победой партии¹⁶. Логика размышлений «революционных оборонцев» свидетельствовала о попытках сохранить завоевания революции и геополитическое тело России.

8 мая на конференции по проблемам мира и войны выступил еще один лидер меньшевиков – Ф.И. Дан, стоявший на революционно-оборонческих позициях. В своем докладе «О войне» он осудил империалистическую войну, заявил о необходимости скорейшего заключения мирного соглашения, но при этом отстаивал оборонческую позицию до момента революционизирования мирового пролетариата и свержения национальных правительств¹⁷. Это было достаточно утопичное предложение. Явная переоценка роли международного рабочего движения была характерна для всех направлений меньшевизма. Но оборонцы более взвешенно подходили к решению данного вопроса, так как считали, что нельзя было полагаться только на международный пролетариат, но и следовало вести параллельно работы по укреплению обороноспособности страны.

Лидеры меньшевиков-интернационалистов Ю.О. Мартов, П.Б. Аксельрод, О. Ерманский вернулись в Россию в период работы конференции (9 мая 1917 г.). Они стояли на позиции Амстердамской резолюции, принятой в 1904 г., на Международном социалистическом конгрессе II Интернационала, разрешившего вхождение социалистов в буржуазное министерство в исключительных случаях под контролем партии и на базе определенной программы. Тем не менее, мартовцы считали, что вхождение социалистов в «буржуазное» Временное правительство не соответствовало фазе развития революции. Приемлемым для рабочих было такое положение, когда они обладали бы властью, а крестьяне подчинялись «пролетарской психологии». Мартов настаивал на том обстоятельстве, что вхождение меньшевиков во Временное правительство можно и следовало избежать, а министров необходимо было «заставить» остаться у власти¹⁸. Пагубность решения о вхождении в состав правительства интернационалисты видели в том, что буржуазно-социалистическое правительство не способно было достичь соглашения по вопросам выхода России из войны и внутренним социально-политическим и экономическим проблемам, так как каждая из политических сил, входивших в правительство, имела собственные доктринальные установки, которым они следовали в проведении тактической линии. Потому Мартов считал кризис власти неизбежным. Российская революция,

¹⁶ *Церетели И.Г.* Кризис власти. М., 1992. С. 70-71.

¹⁷ *Меньшевики в 1917 г.* Т. 1. С. 316.

¹⁸ Там же. С. 351.

вызванная во многом событиями Первой мировой войны, поставлена в зависимость от международной обстановки. Идя под знаменем «войны до победного конца», буржуазия собирает силы для борьбы с революционной демократией и пролетариатом, – подчеркнул Мартов на конференции¹⁹.

Определяя союзников в борьбе за реализацию демократических преобразований, интернационалисты видели в мелкой буржуазии непоследовательную силу, которая постоянно колебалась. Мелкая буржуазия, по их мнению, сузила движение борьбы за мир до русла борьбы за пересмотр целей войны. Более того, мартовцы ставили ей в вину торможение мирового революционного процесса, так как представители мелкой буржуазии подогревали иллюзию о возможности заключения мира, ведя при этом активные боевые действия. Как считал Мартов, российский пролетариат, застигнутый революцией, оказался в сложной ситуации. Мировая война внесла идейный разброд в международные связи российских рабочих. Именно поэтому социалистически настроенный пролетариат попал под влияние мелкобуржуазной среды, растворившись в революционной демократии и созданных ею органах, что привело в конечном итоге к торжеству «революционного оборончества». Политика революционных оборонцев, по мнению Мартова, завела партию в тупик и сделала возможным вступление социалистов во Временное правительство. Как было зафиксировано в декларации меньшевиков-интернационалистов, соглашение, заключенное при образовании коалиционного министерства, связывало пролетариат в борьбе за мир, в отличие от буржуазии, которая оказалась ничем не связанной и смогла проводить свою политическую линию²⁰. Впервые на Всероссийской майской конференции Мартов заявил, что «худшее наше заявление это то, что мы не стремились взять в свои руки власть». Союз же с буржуазией он назвал «глупостью, недостаточно взвешенным политическим решением»²¹. Но одновременно, критикуя своих товарищей и не беря на себя ответственность за политику коалиционного правительства, меньшевики-интернационалисты заявили о поддержке всех мероприятий, целью которых будет борьба за мир, укрепление и развитие революции.

Главный недостаток Временного правительства мартовцы видели в отсутствии контакта с Петросоветом. Только установление тесной связи с данным органом могло способствовать спасению революции от внешней угрозы и от контрреволюционных выступлений внутри страны. Таким образом, Всероссийская майская конференция, хотя и сохранила единство РСДРП, но не смогла

¹⁹ Меньшевики в 1917 г. Т. 1. С. 352.

²⁰ Там же. С. 511.

²¹ Там же. С. 358.

урегулировать спорные вопросы и примирить правых оборонцев, «революционных оборонцев» и интернационалистов. Каждая из сторон продолжала настаивать на своей линии и не стремилась к компромиссу. Тропинка достижения прекращения военного конфликта не была найдена.

Одним из главных составляющих элементов концепции меньшевиков было положение о мировой социалистической революции. Интернационалисты считали, что Первая мировая война станет катализатором мирового революционного процесса. В декларации меньшевиков-интернационалистов, датируемой второй половиной мая 1917 г., указывалось, что империалистическая в своей основе война обострила существовавшие противоречия капиталистических обществ и создала условия для осуществления революций в данных странах. Более того, меньшевики делали ставку не только на ход, но и на окончание войны, которая могла оказать существенное влияние на процесс революционизирования ряда стран. При этом меньшевики-интернационалисты ставили в обратную зависимость развитие российской революции от международной обстановки. Они признавали, что Россия с началом Первой мировой войны во многом утратила свою экономическую самостоятельность и попала под влияние немецкого и британского империализма²². Мартовцы провозгласили необходимость организации «всенародного движения в пользу немедленного заключения общего перемирия на всех фронтах» с целью заключения мира без аннексий и контрибуций. Кроме того, они предложили восстановить социалистический Интернационал в качестве международного органа, способного оказывать давление на правительства для борьбы за подписание немедленного перемирия, либо для начала переговоров о мире²³. Утопичными и иллюзорными выглядят и предположения меньшевиков-интернационалистов о неминуемости европейской революции. Если «революционные оборонцы» считали вполне закономерным вхождение социалистов в буржуазное правительство, то интернационалисты крайне негативно восприняли данный шаг. Сам факт нахождения с либералами во Временном правительстве действительно приводил к тому, что меньшевиков воспринимали в качестве их сторонников, которые затягивали окончание войны.

Положение в стране осложнилось летом 1917 г., после выступления большевиков 3-5 июля в Петрограде, которое совпало с наступлением немецких войск. Официальные органы РСДРП осудили действия большевиков. Но июльское выступление большевиков привело к тому, что меньшевики вынуждены были еще больше сблизиться с либералами, предполагая тем спасти страну от возможной гражданской войны. Это, однако, не было поддержано интернационалистами,

²² Меньшевики в 1917 г. Т. 1. С. 508.

²³ Там же. С. 513.

которые видели в подобной коалиции только дискредитацию идей социализма и затягивание решения вопроса о выходе из войны.

Особое значение при решении вопроса об окончании войны меньшевики-интернационалисты придавали созыву международной социалистической конференции. В опубликованном обращении ОК РСДРП от 21 июля в газете «Вперед» содержался призыв ко всем рабочим и социалистическим партиям принять самое активное участие в работе Стокгольмской конференции, назначенной на август 1917 г. Меньшевики считали, что только пролетарский Интернационал способен был помешать продолжающейся войне. Мир, по их мнению, мог быть достигнут посредством соглашения международного пролетарского движения²⁴. Рабочие не только воюющих, но и нейтральных стран должны быть вовлеченными в процесс обсуждения вопросов о способах борьбы за мир и условиях мира²⁵. Таким образом, мартовцы не видели иной возможности решения вопроса о мире и войне как созыв международной пролетарской конференции, которому придавалось исключительное значение. Данная позиция представляется весьма слабым аргументом.

В начале августа 1917 г. проходила III Общегородская конференция Петроградской организации меньшевиков. По сообщениям «Рабочей газеты», в ней приняло участие около 2 700 человек, из них 59 интернационалистов и 49 оборонцев. Основным вопросом, обсуждавшимся на конференции, был вопрос о выборах в Центральную Думу. Один из старейших членов РСДРП, примыкавший в 1917 г. к интернационалистам, Ю. Ларин (Лурье) указал на тот факт, что Думе придется не раз принять участие в организации обороны страны. И поэтому он предложил отстаивать «укрепление и создание боевой мощи страны... лишь в том случае, если правительство поведет энергичную борьбу за мир, не останавливаясь перед разрывом с империалистической коалицией»²⁶.

На данной конференции раскол в РСДРП еще более углубился. Плеханов направил письмо французской социалистической партии, в котором квалифицировал участие социалистов в международной Стокгольмской конференции в качестве государственной измены. Следует отметить неоднозначность позиции Плеханова по вопросу мира и войны, которая встречала непонимание значительной части меньшевиков. Он еще осенью 1915 г. от имени группы социал-демократов и эсеров-оборонцев выступил с воззванием «К сознательному трудящемуся населению России», которое получило одобрение Министерства внутренних дел и было широко распространено в изданиях

²⁴ Меньшевики в 1917 г. М., 1995. Т. 2. С. 184.

²⁵ Там же. С. 185.

²⁶ Там же. С. 258.

Статьи и сообщения

различных политических направлений. Плеханов считал виновниками войны Германию и Австро-Венгрию, а Англию и Францию – защитниками интересов мирового пролетарского движения. Он откровенно призывал к гражданскому перемирию внутри страны, отговаривая при этом пролетариат от каких-либо столкновений с правительством. П.Б. Аксельрод вынужден был отложить свою поездку на Стокгольмскую конференцию. Он считал, что «отказ пролетариата от международной борьбы за мир означал бы заключение мира без его участия и, следовательно, повлек бы за собой, прежде всего, ограбление слабейших последствиями империалистического мира»²⁷. Мартынов в своем выступлении о текущем моменте назвал причиной нерешенности общенациональных задач продолжающуюся войну²⁸. Именно с фактором войны следовало, по его мнению, бороться в первую очередь. На конференции была принята резолюция в интернационалистском духе, провозгласившая борьбу за всеобщий демократический мир.

Большие надежды меньшевики возлагали на Объединительный съезд, проходивший 19-25 августа 1917 г. Съезд был призван сплотить ряды РСДРП и уточнить тактические и стратегические установки. Несмотря на то, что официально заявлялось о создании РСДРП объединенной (далее – РСДРП(о)), о единстве ее рядов, кризис в реальности не был преодолен. Большинство партии стояло на оборонческих позициях. Меньшевики-интернационалисты категорически отказывались принимать официальную политическую линию партии. Близки оказались позиции Церетели и Потресова, ставших в противовес линии Мартова. При обсуждении вопроса о коалиционном правительстве Мартов подчеркнул тесную связь российской и мировой буржуазии, мешавшую заключению мирного договора на демократической основе. 20 августа на вечернем заседании Объединительного съезда принимавший участие в обсуждении Р. Абрамович высказал интересное замечание о том, что русский империализм теснейшим образом связан с американским и английским империализмом. А действия российского коалиционного правительства свидетельствовали об усилении «союзнического империализма»²⁹. П.Б. Аксельрод обвинил большевиков, призывавших к заключению немедленного сепаратного мира, так как подобный шаг означал бы огромные территориальные потери. Он призвал правительство бороться за мир в международном масштабе, а «не быть послушным орудием в руках Лондона и Вашингтона»³⁰. Церетели, в свою очередь, сосредоточил внимание на двух понятиях,

²⁷ Меньшевики в 1917 г. Т. 2. С. 258-259.

²⁸ Там же. С. 259.

²⁹ Там же. С. 392.

³⁰ Там же. С. 393.

фигурировавших в дискуссиях: «сепаратный мир» и «сепаратная война». Он считал, что Россия не могла предъявлять ультиматумы союзникам, так как они прекрасно осознавали гибельность для страны постановки подобных условий³¹.

22 августа обсуждение вопроса о войне продолжилось. С докладами выступили А.С. Мартынов, М.И. Либера и Н.Н. Суханов. Меньшевик-интернационалист Мартынов сделал ставку на созыв Стокгольмской конференции, но с тем непременным условием, что в ее состав должны были входить такие представители пролетариата, которые «не плетутся в хвосте империалистических правительств»³². Мартынов во многом декларативно призывал рабочих участвовать в борьбе за мир. В случае же неуспеха своей линии и победы империалистических тенденций, заключающихся в подписании сепаратного мира, меньшевики снимали с себя вину перед народом. Говоря об обороноспособности страны, Мартынов отметил необходимость разъяснения солдатам, что они должны бороться за скорейшее заключение мира на демократических началах. Суханов обвинил коалиционное Временное правительство в том, что оно ничего не сделало для достижения мира, не созвало конференцию для пересмотра союзных договоров. В свою очередь, Суханов подверг критике и деятельность Петросовета, который также не предпринял никаких действительных шагов в области внешней политики³³. По мнению Суханова, следовало порвать с союзниками. Он указал на то, что если дожидаться помощи от союзников, то ее можно и не дожидаться. Мартов, отвечая своим оппонентам справа, указал на то, что, несмотря на сохранение тайной дипломатии, представлявшей собой фактически центральный фактор российской политики, Россия должна отказаться от сепаратного мира. Он призвал и дальше под знаменами революции попытаться заключить всеобщий демократический мир³⁴.

24 августа на голосование было представлено три проекта резолюций по вопросу о войне и мире. Большинством голосов – 96 против 72 при 5 воздержавшихся – была принята резолюция Либера, так как Суханов свой проект документа снял с голосования. Резолюция, озвученная Мартовым, не была поддержана. Суханов обвинил органы революционной демократии в недостаточной последовательности в деле защиты мира, что, по его мнению, дискредитировало русскую революцию в глазах европейской демократии и затруднило созыв Стокгольмской конференции, на которую интернационалисты возлагали большие надежды³⁵. В заявлении группы 26 делегатов-интернационалистов было указано, что

³¹ Меньшевики в 1917 г. Т. 2. С. 413.

³² Там же. С. 447.

³³ Там же. С. 448.

³⁴ Там же. С. 455.

³⁵ Там же. С. 491.

они выступают против официальной линии РСДРП по внешнеполитическому вопросу, так как оборонцы фактически встали на путь оппортунизма и национализма, не связанного с решениями Циммервальдской конференции³⁶. Таким образом, Объединительный съезд, формально сохранив РСДРП единой, помог уточнить стратегию и тактику партии, но в то же время на данном форуме линия Церетели–Дана постепенно стала утрачивать ведущие позиции. Связано это было с ухудшением положения внутри страны и за ее пределами. Декларативность резолюций «революционных оборонцев» становилась все более очевидной. Более того, в ситуации радикализации обстановки в стране подобная революционно-оборонческая линия не могла находить отклик в массах. Правый оборонец Потресов также не сумел достичь компромисса с данными течениями в РСДРП, хотя и выступил против Мартова в тандеме с Церетели.

Существенное влияние на изменение политической ситуации в стране, на расстановку партийно-политических сил оказал Корниловский мятеж. Спровоцировав очередной кризис коалиционного Временного правительства, он привел к созыву Демократического Сопевания, проходившего с 13 по 22 сентября 1917 г. Основным вопросом, обсуждавшимся на Сопевании, был вопрос о принципах формирования нового коалиционного правительства. При этом все прекрасно сознавали, что от конфигурации социалистов в правительстве зависело не только то, как будут решаться внутривполитические задачи, но и вопрос об окончании Первой мировой войны.

3-5 октября 1917 г. на закрытом заседании ЦИК Советов снова рассматривался вопрос о мире и войне. Было предложено несколько проектов резолюций. Дан, занявший в РСДРП лидирующие позиции после отъезда Церетели и Чхеидзе на Кавказ, обосновал необходимость созыва межсоюзнической конференции для решения вопроса о целях войны и для выработки общей линии внешней и военной политики³⁷. Цель российской делегации видели в настаивании на рассекречивании союзных договоров и составлении общей декларации союзных держав о начале мирных переговоров. В проекте резолюции Б.О. Богданова содержалась достаточно обстоятельная характеристика военного положения России. Он обрисовал опасности, грозившие стране из-за отсутствия должного внимания тыла к фронту. Ухудшающиеся условия на фронте приводили к необходимости отступления. Богданов подчеркнул, что «при таких условиях международное влияние русской революции падает с каждым днем и иссякает вера международного пролетариата в ее силы»³⁸. Поэтому заключенный в настоящем положении мир являлся бы «миром

³⁶ Меньшевики в 1917 г. Т. 2. С. 514.

³⁷ Там же. М., 1996. Т. 3. Ч. 1. С. 385.

³⁸ Там же. С. 388.

Статьи и сообщения

за счет России»³⁹. Подписанный на подобных условиях мирный договор мог привести, по его мнению, к подъему националистических и шовинистических настроений, к идее реванша и, в конечном счете, к реставрации прежнего строя⁴⁰. Чтобы не допустить подобного развития событий, необходимо было поднять авторитет власти, провести военную реформу, изменить порядок комплектации личного офицерского состава, восстановить субординацию в армии. К этому в качестве обязательного условия Богданов добавил и необходимость проведения реформ внутри страны. Осуществление демократических преобразований до созыва Учредительного Собрания должно было проходить под руководством Совета Республики. Свой проект резолюции внес и Мартов. Он призвал немедленно приступить к мирным переговорам, добиваться, чтобы «условия мира не означали насилия над народами России»⁴¹. Резолюция Мартова набрала 10 голосов, большевиков – 19 и Дана – 31. Таким образом, принятая резолюция по вопросу войны и мира явилась своеобразной альтернативой по отношению к правительственному курсу. Позиция Дана стала постепенно смещаться влево.

10 октября 1917 г. в Совете Республики на совместном заседании комиссий был заслушан доклад военного министра генерала А.И. Верховского, который доказывал, что дальнейшее продолжение войны невозможно, так как страна и армия полностью истощены. Мартов в своем выступлении поддержал опасения военного министра. Он отметил, что «нынешнее состояние армии, характеризуемое как близкое к полному разложению, есть результат нашей революции»⁴². Однако причиной такого состояния он назвал вовсе не Февральскую революцию, а предшествующую политику имперского режима. Мартов призвал провести демократизацию армии, а это можно было реализовать только в том случае, если солдаты будут уверены в получении земли, обещанной властью. Необходимо было уволить из армии контрреволюционные элементы, развивать институт комиссаров, подконтрольных центральным органам революционной демократии. Кроме того, Мартов вновь акцентировал внимание на необходимости отмены смертной казни и «начать всем воюющим странам переговоры о заключении мира с провозглашением перемирия на всех фронтах и приглашением союзных правительств присоединиться к этой инициативе Российской Республики»⁴³. Тогда же меньшевики-интернационалисты вынесли на обсуждение проект резолюции об обороноспособности страны, в котором были изложены основные положения,

³⁹ Меньшевики в 1917 г. Т. 3. Ч. 1. С. 388.

⁴⁰ Там же. С. 389.

⁴¹ Там же. С. 391.

⁴² Там же. М., 1997. Т. 3. Ч. 2. С. 129.

⁴³ Там же.

содержавшиеся в речи Мартова. После этого меньшевики-интернационалисты образовали отдельную фракцию из 27 человек и озвучили право отстаивать собственные позиции во Временном Совете Российской Республики. Но и среди интернационалистов не было единства. Так, Суханов говорил о том, что Мартов, несмотря на весь радикализм его суждений, формулировал слишком мягкие выводы⁴⁴. В этом заключалась слабость его теоретических и практических наработок.

М.И. Либер, выступая 12 октября на заседании Совета Республики, выделил причины упадка боеспособности российской армии, связав их с затяжным характером войны, отсутствием доверия среди солдат к офицерскому составу, отсутствием твердой внешней и внутренней политической линии. Он предложил ряд мер по устранению недостатков в армии: признание оборонительного характера войны, изменение экономической политики и улучшение снабжения армии продовольствием, боеприпасами и фуражом, поднятие дисциплинированности в армии, отмена смертной казни, борьба с контрреволюционными и погромными движениями внутри армии⁴⁵. Таким образом, в преддверии октябрьских событий «революционные оборонцы» продолжали игнорировать опасность, исходившую от большевиков. Отстаивание оборонительных принципов войны негативно отражалось на имидже всей партии, ее восприятию рабочими массами.

В начале октября создалась угроза нападения немецких войск на Петроград. 16 октября 1917 г. в Предпарламент были внесены тезисы РСДРП(о) о внешней политике России. Большевики считали необходимым проводить активную внешнюю политику, ставили своей целью добиваться от министра иностранных дел опубликования союзнических договоров на межсоюзнической конференции, используя формулу «мира без аннексий и контрибуций с правом наций на самоопределение» в отношении тех национально-государственных образований, судьба которых является наиболее животрепещущей. После оглашения программного доклада министра иностранных дел Терещенко, в котором он высказался отрицательно о возможности заключения «мира любой ценой», меньшевики подвергли резкой критике позицию Временного правительства. 18 октября на заседании Совета Республики Дан выступил с формулой обороны страны, смысл которой сводился к обеспечению обороноспособности России до заключения перемирия посредством заверения народа в том, что в ближайшее время будет проведена аграрная реформа. 20 октября 1917 г. Дан выступил с более обстоятельным докладом по внешней политике. Он указал на тот факт, что Первая мировая война изначально не являлась народной по своей сути, а разразившаяся Февральская революция была нацелена против военных действий. Он выдвинул и

⁴⁴ Суханов. Н.Н. Записки о революции. М., 1992. Т. 3. С. 241.

⁴⁵ Большевики в 1917 г. Т. 3. Ч. 2. С. 138-139.

Статьи и сообщения

весьма спорный тезис о том, что не внутренне разложение армии диктует ей желание заключить мир, а «неудовлетворенное стремление к миру продолжает разложение армии»⁴⁶. Кроме того, он считал, что не следует затягивать до весны с подписанием документов о мире, а следует немедленно опубликовать тайные договоры России со странами Антанты и отказаться от аннексий и контрибуций. От меньшевиков-интернационалистов Лапинский выразил опасение в «гниении и распаде революции и войны» в случае затягивания с ее окончанием. С защитой в поддержку российской армии выступил 23 октября 1917 г. М.И. Скобелев. Причину неудач во внешней политике он видел в отставании ее темпов от работы российского дипломатического ведомства⁴⁷. Скобелев вполне справедливо отметил, что «трагизм русской демократии в том и состоит, что на ее плечи легла слишком тяжелая задача – приблизить мир и разрешить проблемы, стоящие на пути к этому в демократическом направлении»⁴⁸. В то же время Р. Абрамович высказал пророческую мысль, что «та страна, которая ставит себе в войне непосильные задачи, попадает в тупик, из которого единственным выходом является сепаратный мир»⁴⁹.

Таким образом, российские социал-демократы (меньшевики), находясь в рамках марксистской социологической схемы, в течение весны-осени 1917 г. попытались выработать программу действий для достижения мира внутри страны и за ее пределами. В РСДРП сформировалось несколько противоборствующих линий: правые оборонцы во главе с А.Н. Потресовым, «революционные оборонцы» – с И.Г. Церетели и Ф.И. Даном и интернационалисты – с Ю.О. Мартовым. Их позиции в решении вопроса о мире и войне, с одной стороны, были весьма близки, а с другой – противоположны.

Во-первых, проблема мира и войны в 1917 г. была тесно переплетена с вопросом о возможности вхождения социалистов в буржуазное правительство. Меньшевики решились на подобный эксперимент, хотя это не соотносилось с их концептуальными наработками. В этом заключалась их тактическая ошибка⁵⁰, так как они взяли на себя ответственность за проводимый Временным правительством курс, который нельзя было назвать полностью демократическим. От состава правительства и от его внешнеполитического курса зависело решение вопроса о мире и войне. При этом «революционные оборонцы» считали необходимым продолжать сохранять на должном уровне защиту страны, пытаясь в то же время заключить перемирие.

⁴⁶ Меньшевики в 1917 г. Т. 3. Ч. 2. С. 157.

⁴⁷ Там же. С. 170.

⁴⁸ Там же. С. 171.

⁴⁹ Там же. С. 174.

⁵⁰ Тютюкин С.В. Меньшевизм: страницы истории. С. 541.

Статьи и сообщения

Меньшевики-интернационалисты, в свою очередь, выступали яркими противниками подобного подхода, так как считали, что война должна была быть закончена как можно скорее.

Во-вторых, и оборонческие течения, и интернационалисты отвергали возможность подписания сепаратного мира. Они настаивали на созыве международной Стокгольмской конференции, на которой представители пролетариата ведущих европейских держав должны были решить проблему заключения мира. Позднее, когда данная идея фактически провалилась, меньшевики неизменно условием достижения мира стали называть созыв межсоюзнической конференции для оглашения тайных договоров. Разрыв союзнических отношений со странами Антанты являлся условием достижения мира.

В-третьих, и те, и другие абсолютизировали значение мирового революционного движения и самосознания масс.

Позиции, сближавшие «революционных» и правых оборонцев, находили отклик среди населения на отрезке весны–лета 1917 г. Но радикализация масс, наступившая к началу осени, свидетельствовала о слабости ОК РСДРП, проводившего линию Церетели–Дана. В ситуации недовольства действиями коалиционных правительств, сопровождавшимся постоянными кризисами, и усилению позиций большевиков, игнорирование подобных фактов стало фатальной ошибкой руководства РСДРП. В этом заключалась недальновидность «революционных» и правых оборонцев. В то же время меньшевики-интернационалисты предлагали более реальные проекты выхода из общенационального и военного кризисов. Создание однородного социалистического правительства являлось своеобразной платформой для решения задач, выдвинутых революцией, и, прежде всего, выхода из войны. Однако шаткой позицией меньшевиков-интернационалистов являлась чрезмерная теоретизированность их подходов.

Тем не менее дискуссия российских социал-демократов (меньшевиков) в 1917 г. по проблеме мира и войны позволила выявить их основные концептуальные наработки и оценить вклад в решение общенациональных задач. Безусловно, меньшевики в 1917 г. сыграли одну из ведущих ролей в партийно-политической борьбе. Но наличие в партии огромного количества политических оттенков, отсутствие должного учета настроения масс, стремящихся любой ценой выйти из войны, стали причиной их политического поражения.

Обухов Леонид Аркадьевич

кандидат исторических наук

Пермский государственный национальный исследовательский университет

**БОРЬБА ПАРТИЙ В СОВЕТАХ УРАЛА ПО ВОПРОСУ
О ВОЙНЕ И МИРЕ В 1917 ГОДУ**

Вопрос войны и мира являлся одним из самых острых и наиболее болезненных в политической жизни России и его нерешенность в 1917 г. во многом определяла вектор развития страны от Февраля к Октябрю. Не вдаваясь при этом в дискуссию о «двоевластии», следует отметить, что Временное правительство не могло не считаться с позицией Советов по данному вопросу. В частности, под давлением Петроградского Совета оно приняло 27 марта 1917 г. Обращение к российским гражданам о задачах войны. В свою очередь на позиции Петроградского Совета, а затем и Всероссийского ЦИК Советов рабочих и солдатских депутатов и Исполкома Всероссийского Совета крестьянских депутатов немалое влияние, в том числе и по вопросу о войне, оказывали местные Советы. Таким образом, понять развитие процессов без изучения ситуации, которая складывалась в регионах, затруднительно, картина получится далеко не полной и не вполне объективной. При этом очевидно, что осмыслить происходившее без учета позиций партийных организаций, входивших в Советы, вряд ли возможно.

В советской историографии отношение партий к вопросу о войне и мире трактовалось, как правило, упрощенно и прямолинейно: большевики выступали за скорейшее прекращение войны и заключение демократического мира, им мешали меньшевики и эсеры, занимающие оборонческую позицию. Подход не претерпел пересмотра и в постсоветский период. При этом приходится констатировать, что проблема партийной борьбы в Советах по вопросу о войне и мире, особенно на местах, не относилась к категории популярных сюжетов и до сих пор остается мало исследованной. К тому же тактика политических партий и деятельность Советов

Статьи и сообщения

зачастую рассматриваются в отрыве друг от друга¹. Поэтому целью настоящей статьи является изучение постановки вопроса войны и мира в Советах Урала в 1917 г. через призму отношений к нему партийных фракций.

После падения самодержавия меньшевики и эсеры перешли на платформу так называемого революционного оборончества, ярким примером которого стало обращение исполкома Петроградского Совета «К народам всего мира» от 14 марта 1917 г. При этом руководящий орган меньшевиков (Организационный Комитет РСДРП) встал на эти позиции 25 марта, а эсеры – на III съезде партии в конце мая 1917 г., приняв резолюцию «О целях в войне». Что касается большевиков, то у них, как известно, не существовало единого мнения по вопросу о войне вплоть до приезда В.И. Ленина и Апрельской конференции. При этом на Урале большинство социал-демократических организаций после Февраля 1917 г. создавались как объединенные, что не могло не сказаться на позиции большевиков, многие из которых попали под влияние идей революционного оборончества.

Идеи эти проявились здесь уже в начале марта. 7 марта Уральский (Пермский) Совет рабочих и солдатских депутатов подавляющим большинством голосов (при 2 против и 14 воздержавшихся) принял резолюцию оборонческого характера «О ближайших задачах рабочих и армии». Большевик А.А. Анишев призвал рабочих учесть, что для армии нужны оружие и шинели: «Это необходимо для окончательной победы внутреннего абсолютизма и внешнего врага»². Исполком Уралсовета обратился к гарнизону с воззванием, в котором обращалось внимание на то, что постановления Петроградского и Московского Советов «не всегда могут распространяться на Пермский гарнизон»³. Руководство Уралсовета стремилось ограничить влияние на части местного гарнизона некоторых решений Петроградского Совета и, прежде всего, Приказа № 1. 14 марта учредительное собрание Вятского Совета рабочих и солдатских депутатов назвало Временное правительство «национальным правительством обороны». Собрание провозгласило борьбу за победу над германским империализмом «в целях скорейшего достижения международной демократией социалистического идеала»⁴. На собрании отмечалось, что выступления рабочих за свои права, как политические, так и экономические, могут нанести ущерб делу обороны. Присоединиться к лозунгу «Война до победы, но без захватов» решило 19 марта собрание Кунгурского Совета рабочих и солдатских

¹ См.: *Заболотный Е.Б.* Российская историография революции 1917 года на Урале. Екатеринбург, 1995; *Постников С.П., Фельдман М.А.* Советы на Урале в 1917 году: современная историография проблемы // Урал индустриальный: Бакунинские чтения: в 2 т. Екатеринбург, 2009. Т.1. С. 121-127.

² Государственный архив Пермского края (далее – ГАПК). Ф. Р-484. Оп. 2. Д. 251. Л. 116-117.

³ Известия Уральского Совета рабочих и солдатских депутатов (Пермь). 1917. 7, 25 марта.

⁴ Государственный архив Кировской области (далее – ГАКО). Ф. 897. Оп. 1. Д. 4. Л. 1-2.

депутатов⁵.

Тем не менее, среди рабочих и солдат уральских гарнизонов даже в условиях всеобщей эйфории и воодушевления в связи со свержением самодержавия были сильны антивоенные настроения, вплоть до выдвижения лозунга с требованием мира. Уральский, Вятский Советы, совещание Советов Пермской губернии, Уфимская военная организация уже в марте рассматривали вопрос о борьбе с подобными настроениями⁶.

Екатеринбургская организация РСДРП 22 марта 1917 г. поддержала обращение Петроградского Совета, заявив, что «Совет рабочих и солдатских депутатов должен добиваться от Временного правительства выражения своего отношения к войне и под контролем Советов, которые являются единственными представителями народа, не прекращая пока войны, приступило немедленно к переговорам о мире»⁷.

На собрании Уфимских социал-демократов с докладом о текущем моменте выступил большевик А.И. Свицерский, который в числе ближайших целей назвал немедленную ликвидацию войны без аннексий и контрибуций, в то же время подчеркнул необходимость упорной борьбы на фронте «пока не явится возможность ликвидации войны на указанных выше условиях». Собрание утвердило лозунги социал-демократии: «Долой войну империалистическую!», «Да здравствует мир без аннексий и контрибуций!», «Да здравствует война, как неизбежное средство защиты от империалистической Германии, несущей России контрреволюцию и поражение демократии, как русской, так и демократии международной!»⁸ При обсуждении наказа делегатам на Всероссийское совещание Советов 22 марта на заседании исполкома Уфимского Совета выступили Б.М. Эльцин от социал-демократов и И.З. Штейнберг от эсеров. В позициях докладчиков не было принципиальных разногласий. В результате принята резолюция, выражавшая протест против лозунга «Война до победного конца» и содержащая призыв к демократии воюющих стран воздействовать на свои правительства для публичного заявления их о программе мира. «До заключения международного мира, – отмечалось в принятой резолюции, – русская демократия в целях защиты революционных завоеваний считает себя обязанной участвовать в обороне страны и ее нового правового строя»⁹. Во многом аналогичный наказ своим делегатам принял и Екатеринбургский Совет, в котором на тот момент большевики пользовались значительным влиянием, а в исполкоме имели

⁵ Кунгурский листок (Кунгур). 1917. 20 марта.

⁶ См.: Центральный Государственный исторический архив республики Башкортостан (далее – ЦГИА РБ). Ф. 2. Оп. 1. Д. 17. Л. 5-6; ГАПК. Ф. Р-636. Оп. 1. Д. 1. Л. 5; Пермская жизнь (Пермь). 1917. 21 марта; Вестник Пермского края (Пермь). 1917. 19, 23 марта; ГАКО. Ф. 897. Оп. 1. Д. 4. Л. 1-2.

⁷ Уральская жизнь (Екатеринбург). 1917. 28 марта.

⁸ Вперед! (Уфа). 1917. 19 марта.

⁹ ЦГИА РБ. Ф. 2. Оп. 1. Д. 32. Л. 11.

большинство¹⁰. Характерно в этом отношении заявление П.М. Быкова, большевика, председателя Совета солдатских депутатов на проводах маршевых рот: «Воины революционной армии, вы идете защищать не царя, а свободную Россию и свободу». От Совета рабочих депутатов на проводах выступил его председатель Л.С. Сосновский, отметивший: «Нам тяжело провожать вас. Вы идете на врага не рабами и вернетесь господами свободной России»¹¹. Всеобщая эйфория, необычайный подъем охватили широкие слои населения в первый месяц революции. Не избежали этого и представители практически всех политических партий.

На заседании исполкома Уралсовета 24 марта большевики смогли добиться принятия резолюции, которая предлагала обратиться с предложением к Временному правительству «об официальном отказе от аннексий и контрибуций и немедленном предложении на этих основах начать мирные переговоры». Резолюция была принята большинством с перевесом всего в один голос (6 против 5), и на следующем заседании меньшевики и эсеры добились ее пересмотра: требование к Временному правительству было сочтено «несвоевременным»¹². Советы Урала практически единодушно поддержали декларацию Временного правительства от 27 марта «О целях в войне». Екатеринбургские эсеры на своем собрании даже пришли к явно поспешному выводу: «После того, как выяснено отношение к войне Временного правительства, вопрос этот потерял свое значение»¹³.

12 апреля Екатеринбургский Совет рабочих и солдатских депутатов заслушал делегатов Всероссийского совещания Советов П.М. Быкова и Л.С. Сосновского. При этом следует отметить, что, хотя Быков и Сосновский присутствовали на собрании большевиков, на котором выступил Ленин со своими знаменитыми «Апрельскими тезисами», это не повлияло на их позицию по вопросу о войне. После острой дискуссии на нескольких заседаниях Совета 4 мая была принята резолюция, в основу которой положен проект, выработанный мартовским совещанием партийных работников. В ней признавалась необходимость перехода власти в руки пролетариата и революционной демократии для прекращения империалистической войны. Но в то же время поддерживалась идея созыва международного социалистического конгресса, не исключалась возможность «заставить Временное правительство отказаться от завоевательных планов и предложить всем воюющим народам мир без аннексий и контрибуций»¹⁴. Солидарную с меньшевиками позицию

¹⁰ Уральская жизнь (Екатеринбург). 1917. 25 марта.

¹¹ Обухов Л.А. Л.С. Сосновский на Урале (1917 год) // Наш Капцугович. Пермь, 2006. С. 215.

¹² ГАПК. Ф. Р-636. Оп. 1. Д. 1. Л. 15-16.

¹³ Уральская жизнь (Екатеринбург). 1917. 9 апреля.

¹⁴ Там же. 13 апреля; Борьба (Екатеринбург). 1917. 18 апреля, 16 мая; Думы Урала (Екатеринбург). 1917. 10 мая.

по вопросу о войне занимали и уфимские большевики. Собрание Уфимского Совета 8 апреля по докладу Н.П. Брюханова единогласно поддержало резолюции Всероссийского совещания Советов о войне и Временном правительстве¹⁵. В поддержку резолюции Всероссийского совещания Советов о войне высказались Уральский (Пермский), Вятский, Челябинский, Надеждинский Пермской губернии и другие Советы Урала¹⁶.

Тактическую линию уральских большевиков по основным вопросам революции во многом определили решения I Уральской (Свободной) конференции РСДРП, проходившей в Екатеринбурге 14-15 апреля 1917 г. С докладом о войне выступил Н.Н. Крестинский, участник совещания партийных работников. Он отметил, что характер войны после свержения монархии остался империалистический, «война действительно станет оборонительной лишь тогда, когда у власти станет революционный народ». Но в то же время «мы отвергаем дезорганизацию армии, ...мы призываем рабочих и солдат оставаться на своих местах, но помогать империалистическому правительству в войне, поддерживать его мы не будем. ...Мы будем вести борьбу с резолюцией Петросовета об отношении к войне, но не с самим Советом»¹⁷. Подавляющим большинством голосов была принята резолюция, носившая противоречивый характер, как и доклад Крестинского. С одной стороны отмечалось, что война сохранила свой империалистический характер, представляет угрозу революции. Задачей партии является скорейшее прекращение войны на основе мира без аннексий и контрибуций, предоставление каждому народу права на самоопределение. Единственным путем к этой цели является превращение русской революции в мировую – восстание народов всех воюющих стран. С другой стороны, конференция высказалась в поддержку международного социалистического съезда, считала возможным «заставить Временное правительство... предложить всем воюющим странам мир без аннексий и контрибуций»¹⁸. При этом позиция Ленина по вопросу о войне была известна и руководителям (Сосновский, Крестинский, Свердлов), и участникам конференции, поскольку «Апрельские тезисы» были 7 апреля опубликованы в газете «Правда». Тактику давления на Временное

¹⁵ Вперед! (Уфа). 1917. 12 апреля.

¹⁶ Станным выглядит утверждение И. Нарского о том, что «будущий воинственный большевик» С.М. Цвиллинг на собрании Челябинского Совета 11 апреля призывал к продолжению войны до победного конца. (См.: *Нарский И.* Жизнь в катастрофе: Будни населения Урала в 1917–1922 гг. М., 2001. С. 35). Но собрание единогласно присоединилось к резолюции совещания Советов (см.: *Союзная мысль (Челябинск).* 1917. 15 апреля), в которой проводились идеи революционного оборончества.

¹⁷ Центр документации общественных организаций Свердловской области (далее – ЦДООСО). Ф. 41. Оп. 1. Д. 227. Л. 40-41.

¹⁸ Там же. Д. 231. Л. 3-5.

правительство и идею созыва международной социалистической конференции Ленин, как известно, считал ошибочной: «Все эти съезды не что иное, как комедии, прикрывающие сделки дипломатов за спиной народных масс»¹⁹. Тем не менее, уральские большевики оставались на полуменьшевицких позициях²⁰.

Волну возмущения на Урале вызвала нота министра иностранных дел Временного правительства П.Н. Милюкова от 18 апреля 1917 г. 22 апреля собрание Уфимского Совета приняло резолюцию, предложенную от имени эсеров и социал-демократов И.З. Штейнбергом: «Уфимский Совет рабочих и солдатских депутатов протестует против этого акта Временного правительства и требует от правительства ведения войны только в интересах и пределах народной самообороны и совместно с демократией союзных стран обращения к воюющим державам с нотой о заключении мира без аннексий и контрибуций на основе национального самоопределения»²¹. Резолюции с осуждением ноты Милюкова приняли Вятский, Златоустовский, Симский и Усть-Катавский Советы Уфимской губернии, Алапаевский и др. Советы Пермской губернии. Некоторые Советы Пермской губернии – Кунгурский, Лысьвенский, Мотовилихинский – в своих резолюциях под влиянием большевиков вышли за рамки «чистого оборончества» и потребовали опубликования тайных договоров²². На собрании Челябинского Совета рабочих и солдатских депутатов 9-12 мая с докладом об отношении к войне выступил большевик С.М. Цвиллинг. От имени исполкома он предложил принять резолюцию как дополнение к принятой прежде резолюции Всероссийского совещания Советов. Дополнение состояло в признании невозможности для России продолжать войну, требовании созыва социалистического конгресса и в утверждении необходимости того, «чтобы Временное правительство принудило союзников высказаться о своих целях в войне»²³.

Уральские большевики, несмотря на решения VII (Апрельской) конференции, продолжали придерживаться в вопросе о войне позиции, отличной от линии ЦК. Этому в немалой степени способствовало существование объединенных организаций²⁴. Только с мая 1917 г. начинается размежевание в объединенных

¹⁹ Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 31. С. 367.

²⁰ Любопытное объяснение этому факту дал в свое время Ф.П. Быстрых: «За столь короткий срок делегаты не могли продумать и понять всей глубины и значения этих тезисов». См. Быстрых Ф.П. Первая Уральская (Свободная) Областная конференция РСДРП(б) // 1917 год на Урале. Пермь, 1957. С. 25.

²¹ Вперед! (Уфа). 1917. 25 апреля.

²² Обухов Л.А. Советы Урала в 1917 году. Пермь, 1992. С. 24.

²³ Союзная мысль (Челябинск). 1917. 16 мая.

²⁴ См.: Обухов Л.А. Объединенные социал-демократические организации на Урале в 1917 году // Социал-демократия и российское общество в истории и современности. Пермь, 2002. С. 18-21.

организациях. Однако процесс размежевания затянулся кое-где до осени 1917 г., что не могло не сказаться на позиции большевиков. Вопрос партийной дисциплины в то время не стоял жестко: меньшевики и большевики входили в одну организацию, но по принципиальным вопросам на заседаниях Советов нередко голосовали исходя из своих представлений. Характерно в этом отношении поведение известного большевистского деятеля С.М. Цвиллинга, который вплоть до размежевания объединенной организации РСДРП 11 июня придерживался полуменьшевистских позиций. 2 июня на заседании Челябинского Совета от имени исполкома он внес резолюцию, в которой предлагалось потребовать через Всероссийский съезд Советов от Временного правительства предъявить союзным правительствам ноту «с категоричным заявлением о том, что русская демократия ни в коем случае не будет вести войну за империалистические стремления союзников и требует, чтобы союзные правительства заявили, что они готовы приступить к переговорам о мире». Резолюция предлагала ускорить созыв Всемирной социалистической конференции²⁵. При этом именно большевики Челябинска старались до последней возможности сохранить объединенную с меньшевиками организацию. Когда меньшевики вышли из нее, то большевистская часть выразила протест «против группы безответственных лиц» и предложила «ликвидировать свое существование, влившись своими интернациональными силами в существующую организацию социал-демократов»²⁶. Большевистская группа некоторое время называла себя даже не большевиками, а «социал-демократами-интернационалистами».

8-13 мая в Перми проходил I Областной съезд Советов рабочих и солдатских депутатов Урала²⁷. Первым вопросом повестки дня стоял вопрос о войне. С докладом по нему выступил член исполкома Уральского (Пермского) Совета меньшевик В.И. Мухин. Докладчик призвал поддержать резолюцию Всероссийского совещания Советов о войне. В то же время Мухин сделал любопытное признание, что результаты обращения Петроградского Совета от 14 марта «К народам всего мира» не оправдали ожиданий. От большевиков на съезде выступил Крестинский, заявивший, что «новое коалиционное правительство тоже не ставит решительных шагов к ликвидации войны, война продолжает оставаться завоевательной, так как более половины коалиционного министерства состоит из элементов, выступающих за завоевательные цели. Путь к миру лежит через завоевание пролетариатом и крестьянством полной власти». Крестинский высказался в поддержку братания на

²⁵ Союзная мысль (Челябинск). 1917. 8 июня.

²⁶ Уральская правда (Екатеринбург). 1917. 25 июня.

²⁷ Областные объединения Советов были намечены Всероссийским совещанием Советов. В Уральскую область входили Вятская, Пермская и Уфимская губернии, а также два уезда Оренбургской губернии – Троицкий и Челябинский.

фронте, считая его одним из этапов, ведущих к демократической революции²⁸. Не совсем понятным в этом отношении выглядело заявление Сосновского: «Мы не знаем, как кончить войну, но полагаем, что полный переход власти в руки народа может приблизить развязку войны». Скорее всего, лидеры уральских большевиков либо не поняли, либо не в полной мере приняли решения Апрельской конференции по вопросу о войне. Эсер С.К. Тарин (Тарабукин) справедливо подметил противоречия в позиции большевиков: с одной стороны они выступают за сохранение мощи армии, а с другой – против активного участия в войне²⁹. Эсеры и меньшевики выступили с критикой позиции Крестинского и особенно против братания. Умеренные социалисты считали, что вхождение социалистов в правительство изменило характер войны, и поддержали готовящееся наступление русской армии. На голосование были поставлены две резолюции: Крестинского, во многом повторявшая резолюцию I Уральской (Свободной) конференции РСДРП, и Мухина, являвшаяся резолюцией Всероссийского совещания Советов. За резолюцию большевиков голосовали 67 делегатов, за резолюцию меньшевиков и эсеров – 164³⁰. Результаты голосования дают представление о соотношении партийных сил в Советах Урала.

Резолюция Областного съезда Советов о войне обсуждалась многими Советами. 19 мая Невьянский Совет Пермской губернии после бурных прений большинством 45 против 5 принял резолюцию, предложенную на съезде большевиками³¹. Однако в мае 1917 г. это был скорее исключительный случай. Подавляющее большинство Советов одобрило решения Областного съезда.

Вопрос войны и мира, наряду с аграрным, стоял в центре внимания и на съездах крестьянских депутатов. Значительную часть делегатов крестьянских съездов, в отличие от съездов Советов рабочих и солдатских депутатов, составляли беспартийные, что не могло не отразиться на их решениях. В середине мая крестьянский съезд Екатеринбургского уезда поддержал воззвание Петроградского Совета и высказался за оборону страны до тех пор, «пока союзники и неприятельские страны не договорятся о мире». По предложению беспартийных делегатов, поддержанных частью эсеров, съезд высказался за «оглашение секретных документов, связанных с войной»³². На Пермском губернском крестьянском съезде 15-18 мая с докладом о войне от эсеров выступил И.С. Сигов. Он предложил присоединиться к резолюции о войне Всероссийского крестьянского съезда,

²⁸ Известия Уральского Совета рабочих и солдатских депутатов (Пермь). 1917. 14 мая.

²⁹ Там же.

³⁰ Пермская жизнь (Пермь). 1917. 17, 27 мая.

³¹ См.: Рабочий класс Урала в годы войны и революций в документах и материалах: в 3 т. Свердловск, 1927. Т. 2. С. 177.

³² Думы Урала (Екатеринбург). 1917. 21, 26 мая.

Статьи и сообщения

высказался в поддержку наступления русской армии, а братание назвал изменой. Предложение эсера М.И. Маринина об опубликовании тайных договоров было отклонено под предлогом того, что «это нанесет вред союзникам и наши товарищи, министры-социалисты, не допустят каких-либо противных духу социализма договоров»³³. Большинством голосов съезд принял резолюцию, предложенную Сиговым, в которой отмечалось, что «война со стороны России изменила свой характер и является не империалистической, а войной за защиту революции...» Единственным дополнением к резолюции, с которым согласились эсеры, явился пункт о необходимости пересмотра договоров с союзниками³⁴.

Позицию Советов Урала по вопросу о войне и мире во многом определяла оборонческая тактика меньшевиков и эсеров, которые имели преобладающее влияние. Следует, однако, отметить, что уже к лету 1917 г. в уральских организациях эсеров все чаще начинает проявляться левое течение, а у меньшевиков, хотя и в меньшей степени, течение интернационалистов. Так, 27 мая на внеочередном собрании Екатеринбургского Совета с докладом о войне выступил эсер В.И. Хотимский. Он осудил братание и поддержал готовящееся наступление, которое, по его мнению, «теперь не может быть империалистическим: русский трудовой народ от захватов отказался». Докладчик призвал оказать доверие коалиционному правительству, которое в своей декларации обещало войти в соглашение с союзниками и добиться от них признания формулы «мир без аннексий и контрибуций на основе самоопределения народов». Будет достигнуто соглашение между правительствами, а на социалистической конференции трудовые народы также придут к соглашению. Таков, по мнению Хотимского, путь к ликвидации мировой войны. Я.Н. Чупраков, выступавший от меньшевиков, не поддержал наступление: «В данное время оно является недопустимым». Но в то же время высказался за сохранение мощной и сильной армии, «чтобы с нами считались и союзники и Германия». На братание он смотрел как на одно из проявлений стремления к миру, но «это плохое средство борьбы за мир, т.к. вносит разложение в армию»³⁵. Позиция меньшевиков отражала взгляды интернационалистов. Не случайно они вместе с бундовцами сняли свою резолюцию и при голосовании воздержались. Выступивший от большевиков Л.С. Сосновский согласился с Чупраковым, что наступление невозможно. Он выделил два пути окончания войны: «Одна линия хочет кончить войну штыком, одним коротким, но сильным ударом. Второй путь – энергичная борьба международного пролетариата против всемирной войны... наступление большевики отрицают как акт политический». В результате

³³ Известия Уральского Совета рабочих и солдатских депутатов (Пермь). 1917. 2, 6 июня.

³⁴ Пермская земская неделя (Пермь). 1917. 4 июня.

³⁵ Уральская жизнь (Екатеринбург). 1917. 31 мая, 11 июня.

Статьи и сообщения

голосования резолюция большевиков получила 87 голосов, за резолюцию эсеров голосовали 149 депутатов³⁶. Следует отметить, что Хотимский, будущий лидер левых эсеров, был направлен ЦК ПСР в Екатеринбург по просьбе местной организации, чтобы противостоять таким ярким ораторам-большевикам, как Сосновский и Крестинский. Местные лидеры эсеров по своему уровню и ораторским способностям явно уступали большевистским лидерам. Можно привести пример с прапорщиком Мялициным, одним из руководителей военной организации эсеров. Противостоять такому блестящему публицисту и оратору, как Сосновский, в открытой полемике прапорщик не мог. Тогда в отчаянии он направил своему оппоненту официальный вызов на дуэль. Это был неслыханный скандал в рядах революционной демократии. Эсеры осудили поступок Мялицина, отозвали его из исполкома Совета и предложили выслать из Екатеринбурга³⁷. На заседании Совета 29 мая Сосновский и Хотимский в очередной раз вступили в полемику. Представитель большевиков обвинил военного министра Керенского в том, что тот «идет по следам Гучкова и вводит железную дисциплину». В ответ, защищая своего коллегу по партии, Хотимский заявил: «Керенский как социалист, не признавая войны и армии, поставлен в трагическое положение, будучи военным министром. Но раз война факт, то трагедия истории заставляет его исполнить свой долг»³⁸.

Неоднозначным было и отношение социалистических партий к «Займу свободы». Меньшевики и эсеры поддержали заем. Большевики в марте относились к нему достаточно сдержанно, особо не возражая, но и не агитируя за подписку на заем. В то же время ряд изданий РСДРП, в частности газета уфимской организации «Вперед!», «Кунгурский листок» и др., в которых значительным влиянием пользовались большевики, регулярно публиковали призывы о подписке на заем. Нечеткую позицию в отношении «Займа свободы» заняла и I Уральская (Свободная) конференция РСДРП. Позицию большевиков сформулировал Сосновский: «Дезорганизовывать его не станем, поддерживать тоже». В принятом постановлении содержался призыв: «Ни в коем случае не брать на себя активной поддержки и агитации за заем», но сам заем не осуждался³⁹. Характерно в этом отношении решение Челябинского Совета от 21 апреля, который по предложению Цвиллинга высказался против поддержки займа «пока Временное правительство не опубликует тайных договоров»⁴⁰. Меньшевики и эсеры неоднократно пытались добиться

³⁶ Зауральский край (Екатеринбург). 1917. 31 мая; Уральская жизнь (Екатеринбург). 1917. 31 мая, 1 июня; Борьба (Екатеринбург). 1917. 1 июля.

³⁷ См.: Обухов Л.А. Л.С. Сосновский на Урале... С. 218-219.

³⁸ Зауральский край (Екатеринбург). 1917. 1 июня.

³⁹ ЦДОСО. Ф. 41. Оп. 1. Д. 227. Л. 77; Большевики Урала в борьбе за победу Октябрьской социалистической революции. Сборник документов и материалов. Свердловск, 1957. С. 57.

⁴⁰ Союзная мысль (Челябинск). 1917. 29 апреля.

пересмотра даже такой непоследовательной резолюции и, наконец, 26 мая им это удалось. В принятой по предложению меньшевика Г. Шмотина резолюции выражалась моральная поддержка займа, но реализовывать его должна была буржуазия. Предлагалось с целью изыскания средств на оборону страны конфисковать капиталы монастырей и семьи Романовых, сверхприбыли капиталистов⁴¹.

Бурное обсуждение на заседании Екатеринбургского Совета 7 июня 1917 г. вызвал приказ командующего Казанским военным округом генерала Мышлаевского. От имени военного министра приказ требовал от начальников гарнизонов два раза в неделю доносить обо всех нарушениях порядка службы и воинского долга чинами гарнизона. Причем Мышлаевский в своем приказе ссылался на постановление Временного правительства, Петросвета и Всероссийского съезда крестьянских депутатов о необходимости довести войну до победного конца. Не только большевики, но и эсеры, меньшевики, бундовцы, беспартийные депутаты выступили против приказа. Умеренные социалисты попытались представить приказ Мышлаевского как «случайное недоразумение». Большевики заявили, что «приказ является логическим завершением всей политики военного министра» и исполнению не подлежит. На голосование было поставлено две резолюции: меньшевиков и бундовцев и социал-демократов интернационалистов (большевиков). Эсеры свою резолюцию сняли и присоединились к резолюции меньшевиков и бундовцев. В результате голосования 130 голосов получила резолюция умеренных социалистов: «Совет считает совершенно недопустимым осуществление приказа в целом. Срочно обратиться к Петросвету за разъяснениями. Впредь до разъяснений приказ объявить недействительным в г. Екатеринбурге». В резолюции большевиков, за которую было подано 108 голосов, содержались более жесткие оценки и приказа и политики военного министерства: «...Приказ является логическим завершением всей политики военного министерства последних дней. Екатеринбургский Совет решительно протестует против недопустимой, постыдной политики военного министерства посягнуть на свободу солдат и восстановить в революционной армии охранно-сыскные порядки. Приказ генерала Мышлаевского исполнению не подлежит»⁴². 8 июня Временный военный комитет Златоустовского гарнизона, обсудив телеграмму генерала Мышлаевского, заявил: «слова "Война до победного конца", приписываемые Временному правительству и Совету рабочих, солдатских и крестьянских депутатов, противоречат ноте Временного правительства и резолюции

⁴¹ Союзная мысль (Челябинск). 1917. 2 июня.

⁴² Уральская жизнь (Екатеринбург). 1917. 13 июня.

Совета»⁴³.

Последовательную антивоенную позицию занимал Лысьвенский Совет рабочих и солдатских депутатов, в котором преобладающее влияние имели большевики. 12 июня исполком Совета принял решение не посылать своего представителя в губернский Военно-промышленный комитет, поскольку его задачи «в корне расходятся с задачами рабочего класса, в особенности по отношению к войне»⁴⁴.

Если в июне 1917 г. заметно некоторое колебание в вопросе об отношении к войне ряда Советов рабочих и солдатских депутатов, то этого нельзя сказать о Советах крестьянских депутатов. В Вятской губернии значительным влиянием пользовались народные социалисты. На некоторых крестьянских съездах звучал чисто кадетский лозунг: «Война до победного конца!» Выступая на Вятском губернском крестьянском съезде 7 июня с докладом о войне, народный социалист А.В. Ковалев говорил: «Ради успеха борьбы за мир революционная Россия должна быть сильна и могуча – тогда будут с нами считаться. Должна не останавливаться ни перед какими жертвами, продолжать войну до тех пор, пока трудящиеся всего мира не добьются прочного и справедливого мира. Борьба ведется не против немецкого народа, а лишь для защиты великой русской революции и добытых ею земли и воли, для защиты слабых стран»⁴⁵. Чердынский съезд крестьянских депутатов Пермской губернии 28 июня направил письмо, так как телеграф не принимал приветственные телеграммы, Керенскому. В письме подчеркивалось, что съезд «с чувством глубокой надежды встретил весть о начавшемся наступлении и от имени крестьянства Чердынского уезда приветствует вождя революционной армии А.Ф. Керенского»⁴⁶. Резолюции с поддержкой наступления приняли крестьянский съезд Зауральских уездов Пермской губернии, Красноуфимский, Кунгурский и ряд других съездов крестьянских депутатов.

В условиях начавшегося наступления большевики несколько смягчили свои позиции, чтобы не оказаться в полной изоляции и не дать повода для провокаций. Выступая на заседании Екатеринбургского Совета 28 июня с участием представителей фронта, Н.Н. Крестинский изложил позицию большевиков: «Раз наступление начато, тыл выполнит перед армией свой долг. Но принимая во внимание, что наступление затрудняет революционную борьбу, приветствуем делегатов фронта и, обещая ему помощь, выражаем глубокое сожаление по поводу начавшегося наступления»⁴⁷. Антивоенная пропаганда большевиков в условиях

⁴³ Российский Государственный военно-исторический архив (далее – РГВИА). Ф. 1720. Оп. 12. Д. 16. Л. 35.

⁴⁴ Известия Лысьвенского Совета рабочих депутатов (Лысьва). 1917. 15 июня.

⁴⁵ Вятская речь (Вятка). 1917. 9 июня.

⁴⁶ РГВИА. Ф. 1720. Оп. 12. Д. 12. Л. 2246.

⁴⁷ Борьба (Екатеринбург). 1917. 13 июля.

начавшегося наступления порой приводила к нежелательным эксцессам. 25 июня в Перми на мирную демонстрацию пермских и мотовилихинских рабочих, проходившую под антивоенными лозунгами, напали солдаты украинской роты. Они порвали лозунги и транспаранты, избили нескольких демонстрантов, в том числе членов городского комитета большевиков А.П. Спундэ и А.Г. Кравченко. 29 июня на станции Кунгур во время проводов маршевой роты солдаты избили двух большевиков⁴⁸. Но это были все же единичные случаи.

Острое противостояние проявилось между президиумом исполкома и исполкомом Уфимского Совета рабочих и солдатских депутатов при обсуждении вопроса о формировании ударных батальонов. Президиум предложил одобрить деятельность представителей черноморской делегации по вербовке волонтеров в революционные ударные батальоны, поскольку это «соответствует требованиям момента и политической линии поведения революционной демократии. ...Оказать возможное содействие в их деятельности». Исполком Совета принял более сдержанную резолюцию: «Оказывать техническое и политическое содействие наступающей армии. Всякое скрытое или явное противодействие наступлению грозит бросить факел гражданской войны в ряды революционной армии. Совет рабочих и солдатских депутатов может и должен оказывать массовую организованную поддержку армии, а не присоединяться к инициативе частных групп и лиц, направленную на создание ударных батальонов». Общее собрание Совета 4 июля отклонило резолюцию исполкома и поддержало резолюцию президиума. Ввиду возникших разногласий между президиумом и исполкомом председатель президиума меньшевик И.А. Ахтямов заявил об отставке⁴⁹.

Безусловно, на противоречивую и не всегда последовательную позицию социал-демократов по вопросу о войне оказывал влияние тот факт, что они входили в одну организацию, между некоторыми видными членами РСДРП существовали давние дружеские отношения, которые трудно было порвать сразу. Следует признать, что не только меньшевики оказывали влияние в объединенных организациях на позицию большевиков, но имело место и обратное влияние. В Нижнем Тагиле и Златоусте объединенные организации действовали до июля, а в Уфе, Воткинске, Чермозе и ряде других мест – до сентября 1917 г.

К июлю 1917 г. на большевистских позициях по вопросу о войне стояли Советы таких крупных заводов, как Лысьвенский, Мотовилихинский, Невьянский Пермской губернии, Симский Уфимской губернии и ряд других. Но большинство Советов по-прежнему оставались на позициях революционного оборончества. Иногда заводские

⁴⁸ См.: Попов Н.Н., Бугров Д.В. Бремя упущенных возможностей: Урал в 1917 году. Екатеринбург, 1997. С. 69.

⁴⁹ Известия Уфимского губернского комиссариата (Уфа). 1917. 6 июля; Вперед! (Уфа). 1917. 11 июля.

Советы под давлением большевиков, части беспартийных, интернационалистов из числа меньшевиков и эсеров выходили за рамки чисто оборонческих резолюций, включая требование о публикации или пересмотре договоров с союзниками.

После событий 3-5 июля 1917 г. в Петрограде при всей важности вопроса о войне и мире на первый план в Советах выходят вопросы текущего момента, о власти и Временном правительстве. Резкая критика, настоящая травля большевиков, начавшаяся после июльских событий, со временем стала касаться и умеренных социалистов, и самих Советов. Это способствовало усилению левого течения в рядах меньшевиков и особенно эсеров, складыванию левого блока. Как справедливо заметил один из лидеров эсеров в Кунгуре на заседании Совета 12 июля: «Если сегодня будут бессознательно бить большевиков, то завтра и мы, социалисты, можем ожидать такой же участи»⁵⁰. Исполком Екатеринбургского Совета 14 июля созвал совещание представителей социалистических партий для обсуждения вопроса о координации действий. На совещании решено было создать коалиционный орган для борьбы с контрреволюцией⁵¹.

Тактику социалистических партий в послеиюльский период определили областные конференции. На конференции эсеров с докладом о войне и Временном правительстве 8 июля выступил В.И. Хотимский. Резолюция о войне в основном повторяла резолюцию III съезда партии: «Из тупика безысходной войны может вывести Европу лишь организованное революционное вмешательство международной демократии. ...Революционная Россия должна в лице Советов воздействовать на Временное правительство, требуя решительных мероприятий по принятию союзными правительствами формулы мира Петросовета, пересмотра договоров. Считая переход в наступление свершившимся фактом – поддержать революционным путем армию». В то же время конференция под влиянием левого крыла призвала «перестать поступаться нашими требованиями в угоду буржуазному большинству Временного правительства». Делегат от Уфимской организации партии П. Мелков предложил принять более радикальную резолюцию: обратиться с воззванием к рабочим всего мира с призывом к восстанию. «Не сепаратный мир, а сепаратная война во имя мирового восстания трудящихся». Резолюция явно левацкого толка, поэтому за нее проголосовало лишь два делегата⁵². На областной конференции меньшевиков и объединенцев 13-17 июля с докладом «О текущем моменте» выступил лидер пермских меньшевиков А.А. Шнееров. Практически все выступавшие высказались в поддержку коалиционного правительства, утверждая,

⁵⁰ Кунгурский листок (Кунгур). 1917. 14 июля.

⁵¹ См.: 1917 год на Урале: поиски компромисса // Политический альманах Прикамья. Пермь, 2002. Вып. 2. С. 155-156.

⁵² ЦДОСО. Ф. 41. Оп. 1. Д. 451. Л. 115-116.

Статьи и сообщения

что «без коалиционного министерства нельзя ликвидировать войну»⁵³. На II Уральской конференции большевиков 14-18 июля вопроса о войне и мире касались при обсуждении вопроса о текущем моменте и о III Интернационале. В резолюции по текущему моменту большевики выступили против созыва Государственного совещания в Москве, считая его «новой попыткой со стороны правительства опереться на буржуазные элементы и устранить пролетарские и крестьянские массы, объединенные в Совете, от контроля над властью и передать судьбы страны и революции в руки врагов трудящихся масс и затормозить или сделать невозможным заключение скорейшего мира»⁵⁴. В резолюции о III Интернационале, выступив против участия в Стокгольмской конференции, «где происходит торг социал-империалистов с ведома и под руководством империалистических правительств», тем не менее, было признано необходимым созвать конференцию циммервальдистов⁵⁵. Руководители уральских большевиков, в отличие от линии ЦК, сохраняли иллюзии в отношении контроля Советов над Временным правительством, а идею созыва международной конференции социалистов заменили на конференцию циммервальдистов. Оригинальную резолюцию о войне принял Златоустовский уездный съезд крестьянских депутатов, проходивший 6-8 августа 1917 г., фактически поддержав лозунг «Война до победного конца!», но сформулировал его по-своему: «Довести войну до такого конца, чтобы своего не упустить»⁵⁶.

С 17 по 21 августа в Екатеринбурге проходил II Областной съезд Советов Урала. Это был один из первых областных съездов, проходивших под влиянием большевиков. Большевики, ввиду неполного представительства (на съезде присутствовали представители 65 Советов из 90, входивших в областное объединение), выступили против признания съезда правомочным. Однако голосами большевиков и эсеров съезд был признан правомочным. Большевики в знак протеста покинули съезд. По вопросу о войне съезд признал, что «единственным путем к миру является завоевание во всех воюющих странах власти рабочими, а в России – рабочими и беднейшими крестьянами». Фракция эсеров, в которой значительную часть составляли представители левого крыла, предложила свою резолюцию о войне. Они по-прежнему выступали за давление демократии на буржуазные правительства с целью прекращения войны «вплоть до низвержения». Но признали неспособность коалиционного правительства добиться мира –

⁵³ Пермская жизнь (Пермь). 1917. 15, 18 июля.

⁵⁴ ЦДООСО. Ф. 41. Оп. 1. Д. 231. Л. 31.

⁵⁵ Антонов А.Д. Вторая Уральская Областная конференция РСДРП(б) // 1917 год на Урале. Пермь, 1957. С. 158.

⁵⁶ Крестьянский депутат (Уфа). 1917. 14 сентября.

Статьи и сообщения

«...только переход власти в руки трудовой демократии даст возможность успешной борьбы за мир». Ближайшими задачами эсеры считали пересмотр договоров с союзниками, отказ от аннексий и контрибуций, созыв Стокгольмской конференции, восстановление боеспособности армии. Резолюция большевиков получила 76 голосов, за эсеровскую было подано 38 голосов⁵⁷. Орган ЦК большевиков газета «Рабочий путь» дала подробную информацию о съезде и выделила его среди других подобных съездов по характеру решений. Газета отметила, что съезд признал политику Временного правительства контрреволюционной, и обратила внимание на внутреннюю борьбу во фракции эсеров⁵⁸. На съезде произошел раскол в блоке меньшевиков и эсеров. Меньшевики, заявляя свой протест, рассчитывали на поддержку эсеров, но эсеры, после некоторого колебания, решили остаться на съезде.

В конце августа в Вятке проходил окружной съезд Советов рабочих и солдатских депутатов. Партийный состав съезда predetermined упорную борьбу по основным вопросам революции. Меньшевик Н.П.Алеев в своем выступлении призвал поддержать Временное правительство и заявил о необходимости «вести войну до победы над германским милитаризмом». Левый эсер М.Н.Алексеев и большевик И.В.Попов резко осудили выступления правых эсеров и меньшевиков, высказались против поддержки Временного правительства в ведении оборонительной войны. Съезду было предложено две резолюции: меньшевиков и правых эсеров, призывавшая к поддержке коалиционной власти, за продолжение оборонительной войны, и резолюция большевиков и левых эсеров против коалиционного министерства, за отмену смертной казни. В результате голосования большинством (16 против 11) была принята резолюция, предложенная Алеевым⁵⁹.

На II окружном Уральском (Пермском) съезде Советов с докладом по текущему моменту от фракции большевиков выступил Л.С.Сосновский, специально командированный областным комитетом партии для усиления пермских большевиков. Говоря о мире, Сосновский указал: «Вопрос о мире не будет решен на конференции (имелась в виду Парижская конференция союзников, на которую меньшевики и эсеры возлагали большие надежды. – Л.О.)..., мы продолжаем захватническую войну. У нас ничего не делается для скорейшего заключения мира». Докладчик предложил объявить перемирие на всех фронтах. Завершая речь, Сосновский заявил: «Только новый переворот, только гражданская война способна спасти русскую революцию от цепких объятий международного капитала»⁶⁰.

⁵⁷ Рабочий класс Урала... Т. 2. С. 185; Вперед! (Уфа). 1917. 31 августа.

⁵⁸ См.: Рабочий путь (Пг.). 1917. 8, 9 сентября.

⁵⁹ Вятская речь (Вятка). 1917. 25-29 августа.

⁶⁰ Известия Уральского Совета рабочих и солдатских депутатов (Пермь). 1917. 21 октября.

Докладчик от эсеров И.В. Бабушкин видел спасение страны в создании однородного социалистического министерства, а меньшевик А.А. Шнееров – в коалиционном правительстве. В результате по текущему моменту каждая фракция предложила свою резолюцию, и ни одна из них не была принята⁶¹.

Осенью 1917 г. основными вопросами, вокруг которых развернулась упорная борьба партий в Советах, было отношение к Демократическому совещанию и его решениям, о созыве II Всероссийского съезда Советов и о власти Советов. Для большевиков вопрос войны и мира был тесно связан с вопросом о власти: пока у власти Временное правительство, с войной покончить невозможно. То есть вопрос о власти являлся, по сути, вопросом о войне и мире. Единственный выход – переход власти в руки Советов. Только таким образом можно покончить с войной, либо, если воюющие страны откажутся заключить мир, предложенный Советами, тогда революционная война, тогда большевики станут оборонцами. Этот вариант прекращения войны, который предложил Ленин в «Апрельских тезисах», представлял не столько путь к миру, сколько путь к продолжению войны, но войны «революционной». Лидерам большевиков на Урале потребовалось почти пять месяцев, чтобы окончательно принять ленинскую точку зрения. Меньшевики продолжали стоять на позициях революционного оборончества, призывали к единству всех «живых сил» ради «спасения родины и революции». Нарастание политического и экономического кризиса в стране не изменило принципиально их позицию. Но под давлением масс в некоторых организациях меньшевиков, прежде всего заводских, усиливается интернационалистское течение. Позиция эсеров была менее последовательной, чем меньшевиков. Во многом это связано с выделением левого крыла, которое было намного влиятельней, чем течение интернационалистов у меньшевиков, и по ряду вопросов, в том числе о власти и о войне, было близко к большевикам.

Таким образом, позиции политических партий, представленных в Советах Урала, по вопросу о войне и мире на протяжении от Февраля к Октябрю претерпели определенные изменения. Их нельзя толковать упрощенно, в «черно-белом цвете»: за или против войны. Как правило, они содержали массу нюансов, противоречий, возможность компромиссов. Партийные организации на местах не всегда следовали линии своих ЦК. Это прослеживается прежде всего на позициях большевиков, отчасти эсеров и в меньшей степени меньшевиков. Стремление политических партий сохранить влияние на массы заставляло их прислушиваться и учитывать настроения низов, особенно солдат запасных полков, которые представляли значительную силу на Урале.

⁶¹ Пермская жизнь (Пермь). 1917. 20 октября.

Статьи и сообщения

Захват власти большевиками и принятие II Всероссийским съездом Советов рабочих и солдатских депутатов декрета о мире не привели к заключению всеобщего демократического мира без аннексий и контрибуций. Большевики начинают переговоры о заключении сепаратного мира, что вызвало новый виток ожесточенной межпартийной борьбы и привело к расколу непосредственно в партии большевиков. Но это уже другой период в истории революции, требующий отдельного рассмотрения.

Халоша Ксения Витальевна

магистрант

Омский государственный университет им. Ф.М. Достоевского

В.М. ЧЕРНОВ: ПЕРВАЯ МИРОВАЯ ВОЙНА И «ТРЕТЬЯ СИЛА»

Первая мировая война в отечественной историографии долгое время носила разные наименования. Помимо «Первой мировой» ее называли «Великой войной», «Большой войной», «Второй Отечественной», «Великой Отечественной», а также неформально – «германской» и «империалистической». Дискуссии о причинах, характере, итогах этой войны продолжаются в отечественной и зарубежной историографии до сего дня. Определенный интерес в связи с этим приобретает рассмотрение взглядов очевидцев событий на проблемы мировой войны. Стремление постичь значение и эпохальность войны вместе с желанием оставить потомкам достоверное свидетельство о пережитых трагических событиях побуждали их заняться воспоминаниями. Но многие из современников уже накануне и в самый разгар войны пытались анализировать происходящие вокруг события, дать им оценку, а иногда и предсказать их исход. Среди них выделяется фигура Виктора Михайловича Чернова.

В отечественной историографии советского периода Чернов долгое время был обойден вниманием исследователей. Его деятельность и теоретическое наследие рассматривались в неотрывной связи с партией социалистов-революционеров, к которой уже в ранних советских работах сформировался подход, отличавшийся сугубой идейно-политической направленностью и критическим неприятием¹. Взгляды Чернова на мировую войну оценивались, соответственно, как антисоциалистические, и вслед за всей партией социалистов-революционеров он

¹ См.: *Вардин И.В.* Эсеровские убийцы и социал-демократические адвокаты. (Факты и документы). М., 1922; *Лелевич Г.* Правда об эсерах. Гомель, 1922; *Луначарский А.В.* Бывшие люди. Очерки истории партии эсеров. М., 1922; *Мещеряков В.Н.* Партия социалистов-революционеров. М., 1922. Ч. 1-2; *Стеклов Ю.М.* Партия социалистов-революционеров (правых эсеров). М., 1922.

представал врагом родины и заговорщиком. На долгие годы этот образ зафиксировал вышедший в 1938 г. печально известный краткий курс «Истории ВКП(б)», на страницах которого деятельность Чернова рассматривалась как помощь «буржуазии обманывать народ, скрывать империалистический, грабительский характер войны»².

Лишь со второй половины 1950-х годов интерес советских ученых к истории эсеровской партии начинает повышаться. Выходит целый ряд серьезных работ, посвященных эсерам, расширяется проблематика исследований, начинает признаваться вклад эсеров в дело борьбы с самодержавием³. Однако не происходит преодоления негативных оценок послефевральского и особенно послеоктябрьского этапа истории эсеровской партии, деятельность которой продолжала оцениваться как контрреволюционная и освещалась с точки зрения «связи с белогвардейцами». В этом списке можно выделить труды К.В. Гусева, затронувшего вопрос отношения Чернова к войне. По мнению исследователя, основные противоречия между странами накануне ее начала Чернов объяснял теорией «гиперимпериализма», а именно – стремлением передовых индустриальных капиталистических государств «политически закрепить свою экономическую, в особенности торговую, диктатуру над странами, производящими сырье и средства существования, над странами аграрными, и заменой конкуренции национальных империализмов одним сложным союзом – сверх- или "гиперимпериализмом"»⁴. Но если накануне революции 1917 г. Чернов занимал в партии по вопросу о войне центристскую позицию, то в течение 1917 г. он все более сближается с оборонцами⁵.

Постсоветский этап ознаменовался поворотом не только в методологии, подходах и оценках исследователей, но и в тематике поисков. Обозначился серьезный интерес к личности Чернова, его роли в организации и деятельности эсеровской партии, к его концепции социального, экономического и политического переустройства России. Появляется новая работа К.В. Гусева, в которой историк останавливается на теории «третьей силы» Чернова, считая, что она «служила и обоснованием политики эсеров во Временном правительстве и, особенно, на

² История ВКП (б): Краткий курс. М., 1946. С. 186-187, 343.

³ См.: Большевики в борьбе против мелкобуржуазных партий в России (1910–1920 гг.): Сб. статей. М., 1969; *Комин В.В.* Банкротство буржуазных и мелкобуржуазных партий в период подготовки и победы Великой Октябрьской социалистической революции. М., 1965; *Спирин Л.М.* Классы и партии в гражданской войне в России (1917–1920 гг.). М., 1968.

⁴ *Гусев К.В., Ерицын Х.А.* От соглашательства к контрреволюции. (Очерки истории политического банкротства и гибели партии социалистов-революционеров). М., 1968. С. 35.

⁵ *Гусев К.В.* Партия эсеров: от мелкобуржуазного революционаризма к контрреволюции. М., 1975. С. 58.

Статьи и сообщения

начальном этапе Гражданской войны»⁶. А.И. Аврус в статье, посвященной взглядам Чернова на вопрос «третьей силы» в Первой мировой войне, приходит к выводу, что во время революции эсеровский лидер не изменил своих прежних позиций, оставаясь верным социалистическим и интернационалистическим идеалам⁷.

Из современных зарубежных исследователей взгляда, что поддержка Черновым Временного правительства рассматривалась последним как необходимый шаг в укреплении плацдарма «третьей силы» в Европе (т.е. русской революции), придерживается американский исследователь С. Соссинский⁸. В то же время новозеландский историк А. Трапезник считает, что при решении вопроса о войне и мире во время революции Чернов полностью отказался от своей интернационалистской позиции, и в принятой партией резолюциях отсутствует какое-либо упоминание о «третьей силе», долженствующей, по Чернову, завершить войну⁹.

Таким образом, среди исследователей не выработалась единая точка зрения на позиции Чернова, отсутствует единство в понимании его концепции «третьей силы», ее места и роли в войне, что и определило наш интерес к проблеме.

С началом войны Чернов занял интернационалистскую позицию. Уже на конференции социалистов стран Антанты (Лондон, февраль 1915 г.) вместе с М.А. Натансоном он подписал декларацию, определявшую войну как преступление и отмечавшую, что нужна не победа какой-либо из группировок, а рост во всех государствах-участниках мировой войны широкого народного антивоенного движения. Чернов, выступив противником мировой войны, воспринял ее как «всеевропейский шквал» и «величайшую катастрофу для социализма, для демократии и вообще для всей европейской цивилизации». Он предположил три варианта развития событий. Первый – война закончится ничьей, так как «из-за отказа разочаровавшихся в военных иллюзиях масс» она не сможет быть доведена до конца. Но не менее возможными итогами войны будет победа Антанты или же блока Центральных держав. При этом Чернов подчеркивал, что «встать за "тех" или "других" из двух воюющих лагерей для... социалистов, было бы идейным и моральным самоубийством»¹⁰.

Свои взгляды на войну Чернов изложил на страницах газет «Жизнь» и «Мысль».

⁶ Гусев К.В. Виктор Чернов. Штрихи к политическому портрету. (Победы и поражения Виктора Чернова). М., 2000. С. 59.

⁷ Аврус А.И. В.М. Чернов о «третьей силе» в Первой мировой войне // Доклады академии военных наук. Военная история. 2006. № 5 (23). С. 224-227.

⁸ Sossinsky S.B. Pages from the Life and Work of an SR Leader a Reappraisal of Victor Chernov. Ph. D. Diss. Boston, 1995. P. 94.

⁹ Трапезник А. V.M. Chernov: Theorist, Leader, Politician. Newcastle, 2007. P. 110.

¹⁰ Чернов В.М. Перед бурей. Воспоминания. Нью-Йорк, 1953. С. 305.

Статьи и сообщения

Позднее его статьи были собраны и составили брошюру «Война и "третья сила"», напечатанную в Женеве в 1915 г. Основную причину войны Чернов видел в сущности империализма – обострение противоречий «двух гигантских военно-политических трестов, решающих оружием спор о "разделе мира"». Но вместе с тем война – это и следствие «обострения внутренних противоречий капитализма», нарождающейся в современной Европе революционной ситуации. И попытка «временного разрешения внутренних противоречий... путем расширения внешних границ арены деятельности национального капитала» была весомым основанием для начала мировой войны¹¹. «Они – каждый для себя – хотели обмануть мировой кризис, уйти от него, искусственно направить силу его давления на соседей», – писал Чернов о политике враждующих государств, отмечая, однако, что «им будет суждено только обострить последствия этого кризиса – повсеместные его последствия – всем тем чудовищным разрушительным влиянием, какое имеет современная война, эта война – монстр, война, сметающая с лица земли всякое подобие культуры»¹².

Первоочередными задачами Чернов считал борьбу за прекращение войны «вмешательством международного социалистического движения» и за приближение последнего акта «решительной борьбы за власть». Предпочтение перед «дюжиной резолюций и программ» он отдавал «одному шагу вперед практического движения»¹³. Поэтому, несмотря на войну и ради скорейшей ее ликвидации, Чернов проповедовал веру в возрождение международного рабочего движения, взывал к восстановлению Интернационала и требовал, чтобы Интернационал уже во время войны проявил себя не как «Интернационал слов, международных парадов и резолюций, а как Интернационал действия»¹⁴.

Казалось бы, здесь явная солидаризация позиций Чернова и сторонников Ленина. Но имеется и отличие от ленинского «пораженчества»: «"Ни победителей, ни побежденных" – это должно означать: поражение правительства от руки возрожденной "третьей силы", – утверждал Чернов, – и нельзя подменять его формулой "поражение своего правительства в империалистической войне"». Нельзя, «ибо последнее означает – победу другого, столь же враждебного трудовой демократии правительства, в той же войне»¹⁵. Выступая за мир без победителей и побежденных (среди противостоящих блоков), Чернов был убежден, что «в борьбу

¹¹ Чернов В.М. Война и «третья сила»: Сборник статей. 2-е изд. Пг., 1917. С. 38. URL: http://chernov.sstu.ru/data/1906_1916_15.pdf

¹² Там же. С. 39.

¹³ Чернов В.М. Чужими путями: Сборник статей. Женева, 1916. С. 83. URL: http://chernov.sstu.ru/data/1906_1916_17.pdf

¹⁴ *Его же*. Война и «третья сила». С. 3. URL: http://chernov.sstu.ru/data/1906_1916_15.pdf

¹⁵ Там же. С. 49.

Статьи и сообщения

двух гигантских военно-политических трестов, решающих оружием спор о "разделе мира", может вмешаться и спутать карты военно-завоевательной игры новая, третья сила – сила наученной горьким опытом, очнувшейся от военного психоза трудовой демократии, третья сила внутренней революции»¹⁶. Признавая полную своевременность в России этой «решительной борьбы за власть», Чернов критиковал социал-патриотов за впадение под влиянием кризиса в полное революционное безверие, за принятие ими войны и за то, что, находясь «по одну и ту же сторону баррикады» с царским правительством, они призывают к «самообузданию» революционеров ввиду якобы всеопределяющих «интересов фронта»¹⁷.

Не менее любопытны суждения Чернова относительно возможной победы народа над своим правительством в условиях империалистической войны и дальнейшей политики революционного временного правительства. «Если в решительной борьбе за власть, – писал он в статье "Чужими путями", – победит народ, то даже революционное временное правительство – а без него в революции не обойдется – тоже не будет встречать армию завоевателей "хлебом-солью". Но оно поведет против него революционную, народную войну; оно обратится к германскому пролетариату с призывом последовать примеру России и вырвать власть у Гогенцоллернов, чтобы ликвидировать войну не сообразно перевесу грубой военной силы, а на принципах справедливости и права; она разорвет все международные обязательства старой России, связанные с захватническими аппетитами и с задними империалистическими целями союзных с нею государств... Вот в каком смысле для нас, революционных социалистов, мыслима "оборона страны", – оборона, перестающая быть простой обороной границ полицейского государства и превращающаяся в "оборону" общечеловеческих начал против всего отжившего, – и вот в чем наше отличие от "принявших войну" обезверенных эпигонов социализма»¹⁸.

Главным лозунгом и тактической задачей Чернов считал «превращение переживаемого современной Европой военного кризиса в кризис революционный»¹⁹, не исключая, что именно России уготовано начать преобразование мира на социалистических началах. «Кто же даст этот толчок? Почем знать – быть может, Россия. В ней не закончена, оборвана, вогнана внутрь революционная встряска 1905–1906 гг.; в ней контрреволюция копила долго и настойчиво вековые неразрешенные социальные и политические проблемы; в ней

¹⁶ Чернов В.М. Война и «третья сила». С. 4. URL: http://chernov.sstu.ru/data/1906_1916_15.pdf

¹⁷ Его же. Чужими путями. С. 79. URL: http://chernov.sstu.ru/data/1906_1916_17.pdf

¹⁸ Там же. С. 82.

¹⁹ Чернов В.М. Война и «третья сила». С. 40. URL: http://chernov.sstu.ru/data/1906_1916_15.pdf

Статьи и сообщения

упорство обанкротившейся и в военном деле бюрократии создает недовольных даже там, где она могла бы рассчитывать найти своих естественных союзников: в ней общая дезорганизация, административная анархия и полная свобода всякой спекуляции и всякого хищничества способны обострить внутренний кризис и брожение в такой степени, что они прорвутся с силою элементарной стихии, которую не успокоят никакими заговорами и заклинаниями», – писал он незадолго до 1917 г.²⁰

Таким образом, теоретик обладал удивительным «чутьем момента», даром предвидения. Во время Первой мировой войны, говоря о необходимости выступления «третьей силы», Чернов верно предположил, что именно России выпадет «роль фермента всеевропейского преобразования, роль смелого инициатора, своим примером приводящего в движение другие народы»²¹. Однако, войдя во время революции в состав коалиционного правительства и солидаризировавшись с позицией Временного правительства первой, да и последующих коалиций, по вопросу войны и мира, он отказался по существу использовать свое предвидение, свои наработки. Не смог реализовать свою идею «третьей силы» – объединения рабочего движения разных стран в борьбе за демократический мир без аннексий и контрибуций, за решение вопроса о власти в рамках социалистической революции. Словно бы забыл собственное видение роли России в возможном революционном катаклизме; забыл все свои установки на спасение мира через «очистительное пламя революции», смысл которой – «наступление на основы буржуазного господства и буржуазной собственности», притом что «если не начало гражданской войны», то для социалистов остается одно: «путь пассивного подчинения стихии, паралич собственной деятельной воли и фактический отказ от своей духовной сущности»²². Можно, пожалуй, согласиться с С. Соссинским, что Чернов был излишне поглощен теоретическими и философскими сражениями со своими противниками, чтобы уделять надлежащее внимание практическим вопросам²³. Именно это помешало теоретику с мощными прогностическими способностями стать адекватно действующим политиком.

²⁰ Чернов В.М. Война и «третья сила». С. 57. URL: http://chernov.sstu.ru/data/1906_1916_15.pdf

²¹ Там же. С. 56.

²² Там же. С. 32, 44, 47, 48, 58.

²³ Sossinsky S.B. Op. cit. P. 126.

Корневский Андрей Витальевич

*кандидат исторических наук
Южный федеральный университет*

**ВЧЕРАШНЕЕ ЗАВТРА РОССИИ:
БРИТАНСКИЙ ВЗГЛЯД ЭПОХИ ВЕЛИКОЙ ВОЙНЫ**

Общим местом в отечественной науке и публицистике стало «пресечение» споров об узловых моментах нашей истории заявлениями о том, что она-де, история, «не знает сослагательного наклонения». Но, собственно, каковы основания для утверждения этой сомнительной аксиомы? Цицерон называл историю «наставницей жизни», а какое назидание можно извлечь из знания о прошлом, если считать, что все произошедшее состоялось потому, что не могло не произойти, так как над ним довлел фатум «исторической закономерности», сиречь неизбежности?

В.О. Ключевский, объясняя, чем отличается «университетская» история от «гимназической», писал: «Учитель истории рассказывает ученикам, что *было*; профессор рассуждает со студентами, что это былое *значило*»¹. Иными словами, подлинная историческая наука не может ограничиваться ответами на вопросы «что? где? когда?», более того, она не может не побуждать к вопрошанию: «почему и как?» А за этими главными историческими вопросами с логической неизбежностью должно следовать: «Почему это произошло так, а не иначе? И могло ли быть по-другому?». Предельно точно и емко сформулировал суть этой коллизии А.Я. Гуревич: «Если мы исходим из положения, что одним из признаков конкретной исторической закономерности является то, что она выступает как равнодействующая участвующих в движении социальных сил, как своего рода средняя статистическая всех действующих в данный момент одинаково и разно направленных воль, то не следует ли предположить в каждый такой момент возможность и различных вариантов

¹ Ключевский В.О. Исторические портреты. М., 1991. С. 522.

исторического развития? Те или иные компоненты, взаимодействие которых порождает историческое движение, могут иметь различную силу и направленность, и от изменений этих факторов зависит изменение резульативной равнодействующей»².

Таким образом, если над историком не довлеют идеологические, политические и иные запреты, он не только может, но и должен задаваться подобными вопросами. Следует согласиться с В.Г. Хоросом в том, что «если историк лишь констатирует то, что было, и задним числом подыскивает этому объяснение, то он покидает почву научного анализа и становится пассивным регистратором событий, если не их апологетом»³. По большому счету, данная постановка вопроса лишь частный случай фундаментальной проблемы познания прошлого – проблемы исторической вероятности. Как писал М. Блок, «историк, спрашивающий себя о вероятности минувшего события, по существу лишь пытается смелым броском мысли перенестись во время, предшествовавшее этому событию, чтобы оценить его шансы, какими они представлялись накануне его осуществления»⁴.

Однако куда как легче поставить проблему альтернативных исторических сценариев, чем воплотить этот подход в исследовательской практике. Как бы ни стремился историк к беспристрастности и взвешенности оценок, главным препятствием для объективного сравнительного анализа исторических альтернатив будет само знание историка о том, какая из них реализовалась, а какая – нет. Историк *мешает* то, что он смотрит на события из будущего и знает, чем они завершились. Поэтому кроме «смелого броска мысли» нужны еще и надежные свидетельства прошлого о том, как виделось будущее предшествующим поколениям. Нужна точка опоры – источники, позволяющие взглянуть на это «будущее в прошедшем» глазами современников.

Увы, в целом таких источников не так уж много. Но в отношении Первой мировой войны данная интеллектуальная операция вполне осуществима. Будучи порождением «века идеологий», она и сама была конфликтом не только военно-политическим, но и мировоззренческим – «Великой войной слов», по меткому выражению канадского историка П. Бьютенхьюза⁵. Поэтому по обе стороны линии фронта тиражировались пропагандистские тексты, содержащие не только боевые кличи и обличения противника, но и картины будущего «справедливого» переустройства мира. Как писал Г. Уэллс, наряду с другими писателями

² Гуревич А.Я. Общий закон и конкретная закономерность истории // Вопросы истории. 1965. № 8. С. 23-24.

³ Хорос В.Г. Русская история в сравнительном освещении. М., 1994. С. 153.

⁴ Блок М. Апология истории, или Ремесло историка. М, 1986. С. 71.

⁵ Buitenhuis P. The Great War of Words: British, American and Canadian Propaganda and Fiction, 1914–1933. Vancouver, 1987.

Статьи и сообщения

участвовавший в разработке британской пропагандистской доктрины, «подлинной целью союзников является не только разгром врага, но и установление такого мирового порядка, при котором будет исключена опасность повторения войны»⁶.

Разумеется, не все подобные тексты были равноценными. Своего рода полюсами недостоверности являлись исполненные патриотического негодования описания о врагах и сверхкомплиментарные о себе. Иное дело – тексты о союзниках, в которых авторы не столь «зашорены» и могли позволить себе хотя бы относительную объективность, поскольку не обязаны были демонстрировать ни праведный гнев к «чужим», ни горячую любовь к «своим».

Таким образом, коль скоро нас не может не волновать проблема трагического излома в истории России, произошедшего в годы Великой войны, то, чтобы понять его причины, следует обратиться к аналитическим прогнозам из стана ее союзников, в первую очередь Британии, безусловно первенствовавшей на идеологическом фронте всемирной бойни. Тем паче, что эту тему трудно отнести к числу «освоенных» историками. Если участие британских писателей в деятельности Бюро военной пропаганды, известного по его местоположению как Веллингтон-Хаус, отражено в великом множестве добротных монографий, то вклад профессиональных историков в работу этого ведомства не удостоился столь же пристального внимания. Трудно указать на нечто значительное по данной теме за исключением одной главы в книге К. Нельсона и С. Олина «Почему война?»⁷ и нескольких пассажей в биографиях таких классиков исторической науки XX века, как А.Дж. Тойнби⁸ и Л. Неймир⁹, сотрудничавших с Веллингтон-Хаус в годы Великой войны. В российской же историографии данный сюжет вообще обойден вниманием исследователей, не считая отдельных абзацев в книгах таких отечественных исследователей творчества Тойнби, как Е.Б. Рашковский¹⁰, Ю.Н. Семенов¹¹ и В.М. Мучник¹². Однако и эти фрагменты касаются в основном участия Тойнби в разоблачении антиармянской политики Османской империи и его критики идейных основ национализма. В то же время русская тема в работах Тойнби, равно как и в сочинениях его коллег по Веллингтон-Хаус, остается вне поля зрения историков.

⁶ *Stuart C. Secrets of Crewe House. The Story of a Famous Campaign.* L.; N.Y.; Toronto, 1920. P. 62.

⁷ *Nelson K.L., Olin S.C. Why War? Ideology, Theory and History.* Berkley; Los Angeles; L., 1980. P. 92-132.

⁸ *McNeill W.H. Arnold J. Toynbee. A Life.* New York; Oxford, 1989. P. 68-76.

⁹ *Namier J. Lewis Namier: A Biography.* L., 1971. P. 122-149.

¹⁰ *Рашковский Е.Б. Востоковедная проблематика в культурно-исторической концепции А.Дж. Тойнби.* М., 1976. С. 69-70.

¹¹ *Семенов Ю.Н. Социальная философия А. Тойнби (критический очерк).* М. 1980. С. 12.

¹² *Мучник В.М. В поисках утраченного смысла истории: эволюция мировоззрения А.Дж. Тойнби.* Томск, 1986. С. 42-44.

Бедность историографии данной проблемы при ее очевидной не только научной, но и социальной актуальности, тем более удивительна, что для ее исследования имеется весьма солидная и репрезентативная источниковая база. Наиболее обстоятельные и аргументированные суждения о будущем Российской империи в послевоенном мире представлены в работах Тойнби, в первую очередь – в его капитальном труде «Национальность и война», а также в работе «Новая Европа: очерки о реконструкции», являющейся его логическим продолжением. Работы коллег Тойнби У. Сетон-Уотсона и Л. Неймира, в которых также имеются прогнозы будущего России, позволяют существенно расширить и уточнить наше представление о том, как в британских политических кругах виделось послевоенное устройство мира и какое место отводилось в нем России. Наконец, имеется целый ряд источников вспомогательного характера, содержащих ценную информацию для воссоздания того интеллектуального и культурного ландшафта, в котором вызревали идеи Тойнби и других аналитиков Веллингтон-Хаус. Это мемуары (в первую очередь самого Тойнби), военно-политическая публицистика и периодика того времени. Все это в сумме составляет достаточно репрезентативную базу для реконструкции «будущего в прошедшем» Российской империи, того, как виделись перспективы ее послевоенного развития ведущим политическим аналитикам из Бюро военной пропаганды Великобритании накануне трагического излома в истории России. Разумеется, воссоздание столь сложной и насыщенной ментальной реальности во всей ее полноте и многообразии нюансов – неподъемный труд в формате статьи. Поэтому задача ставится скромнее: сфокусировав внимание на наиболее значимых и информативных текстах, обозначить общий контур проблемы и подходы к ее последующему решению.

Важная особенность британской пропагандистской стратегии заключалась в том, что на идеологический фронт были мобилизованы не только газетчики, карикатуристы и прочие мастера агитационного «ширпотреба», но и подлинные интеллектуалы. Именно им, по словам Бьюттенхьюза, удалось достаточно быстро сфабриковать пропагандистский миф, «который господствовал вплоть до конца войны вопреки противоречившей ему очевидности»¹³.

Достаточно много написано об активном участии в деятельности Бюро военной пропаганды таких писателей, как А. Конан Дойль, Р. Киплинг, Г.К. Честертон, Дж. Голсуорси, Т. Гарди, Г. Уэллс. Гораздо меньше известно об историках, также призванных на пропагандистский фронт, но выполнявших несколько иную миссию. Их тексты должны были воздействовать не столько на чувства, сколько на разум; их целевой аудиторией были не «широкие массы», а политический класс, причем не только британский, но и американский. И хотя то подразделение в Веллингтон-Хаус,

¹³ *Buitenhuis P. The Great War of Words. P. XV.*

в котором трудились эти специалисты, называлось Отделом пропаганды, они были скорее аналитиками, чем пропагандистами: в их задачу входило обеспечение надежной и обоснованной информацией тех, кто принимает политические решения и организует пропагандистские кампании. При этом одна часть данной информации предназначалась исключительно для служебного пользования, другая – предавалась огласке в соответствии с потребностями политического момента.

Весьма примечателен персональный состав этого уникального мозгового треста. Первым профессиональным историком, призванным на идеологический фронт, был один из самых влиятельных английских германистов Джеймс Виклиф Хедлэм. Он был широко известен как автор биографии Бисмарка, считавшейся «образцовой, общепринятой биографией Бисмарка»¹⁴, «лучшим выражением английской точки зрения на сей предмет»¹⁵.

Следом за Хедлэмом в Веллингтон-хаус был приглашен признанный знаток Австро-Венгрии Роберт Уильям Сетон-Уотсон. Пожалуй, он подходил для выполнения миссии, возлагавшейся на отдел, даже в большей мере, чем Хедлэм: в его послужном списке уже значился опыт аналитических исследований с элементами политологического прогноза, т.е. именно таких текстов, о необходимости которых говорил Г. Уэллс. Широкую известность приобрела книга Сетон-Уотсона «Будущее Австро-Венгрии и позиция великих держав», изданная в 1907 г., т.е. всего за год до аннексии Габсбургской империей Боснии и Герцеговины, поставившей Европу на грань войны. Исходной посылкой его видения будущего Двуетной монархии был тезис, сформулированный в одной из предшествующих публикаций историка: «Европа – тонкий (delicate) организм, и если в нем страдает один орган, то вместе с ним страждут и остальные»¹⁶.

Сетон-Уотсон доказывал, что «Франция и Великобритания должны приложить все усилия для сохранения Двуетной монархии (разумеется, внутренне преобразованной)»¹⁷, поскольку «Австро-Венгрия, несмотря на ее внутренние распри, задает ось европейской политики, и ее исчезновение неминуемо сокрушит баланс сил»¹⁸.

¹⁴ Тойнби А.Дж. Пережитое. Мои встречи. М., 2003. С. 492.

¹⁵ Sloane W.M. Rev.: Bismarck and the foundation of the German Empire, by James Wycliffe Headlam // Political Science Quarterly. 1901. Vol. 16. № 1. P. 149.

¹⁶ Cited in: Péter L. R.W. Seton-Watson's Changing Views on the National Question of the Habsburg Monarchy and the European Balance of Power // Slavonic and east European Reviv. 2004. Vol. 82. № 3. P. 655.

¹⁷ Scotus Viator (Seton-Watson R.W.). Future of Austria-Hungary and the Attitude of the Great Powers. L., 1907. P. VII.

¹⁸ Ibid. P. 4.

Впрочем, путешествие по Венгрии, предпринятое автором вскоре после издания книги, заставило его существенно скорректировать свои взгляды. Причиной тому было сделанное им во время странствий по Венгрии неприятное открытие: общаясь с людьми самых разных убеждений, Сетон-Уотсон обнаружил, «сколько глубоко погрязла Венгрия в шовинизме»¹⁹.

Примечательно, что именно в связи с разочарованием в национальной политике Двуетодной монархии Сетон-Уотстон дает политический прогноз, в котором фигурирует Россия: «Историческая миссия дома Габсбургов – обеспечение равных прав и свобод всех находящихся на его попечении народов. Отказ от этой миссии позволит России утвердить свое господство на Балканах и поставит под угрозу само существование какой-либо великой державы на Среднем Дунае»²⁰.

Но если в процитированном отрывке Россия воспринимается как угроза интересам Великобритании, то в следующей своей книге «Югославянский вопрос и Габсбургская монархия», написанной уже после аннексии Боснии и Герцеговины, Сетон-Уотстон существенно корректирует свою позицию. Он вполне определенно говорит об «австро-венгерском империализме»²¹, направленном против славян, а в России видит защитницу их интересов, хотя и отмечает слабость ее внешнеполитических позиций, проявившуюся во время Боснийского кризиса²². С другой стороны, авторитет России как защитницы славян подрывает ее внутренняя политика – «репрессивный шовинизм», проявляемый по отношению к Польше и Украине. Тем не менее, Сетон-Уотстон полагает, что в Балканском вопросе Британия должна проявлять солидарность с Россией, причем аннексию Боснии и Герцеговины он считает не только русским, но и британским поражением: «мы (sic!) проиграли первое сражение»²³.

Дальнейшее развитие этих взглядов мы можем увидеть в подготовленной под редакцией Сетон-Уотстона книге «Война и демократия» – первом крупном издательском пропагандистском проекте, реализованном под эгидой Веллингтон-Хаус. Отдав дань своим прежним убеждениям, Сетон-Уотстон подчеркнул, что всегда считал Австро-Венгрию вполне жизнеспособным организмом, достигшим существенного прогресса в области конституционного строя и политических свобод. «Но, – подводит он безрадостный итог, – каждый раз Венгрия оказывалась злым гением Австрии: влияние венгерской олигархии привносило реакционный дух во внутреннюю и внешнюю политику, блокировало любые реформы, отравляло

¹⁹ *Scotus Viator (Seton-Watson R.W.). Future of Austria-Hungary. P. XII.*

²⁰ *Ibid. P. 418.*

²¹ *Seton-Watson R.W. The Southern Slav Question and the Habsburg Monarchy. L., 1911. P. 405.*

²² *Ibid. P. 338.*

²³ *Ibid. P. 405.*

отношения государства с его южными соседями»²⁴. Это вынуждает автора признать неизбежной перекройку карты Восточной Европы в пользу России: Австро-Венгрия могла бы купить мир уступкой Восточной Галиции («провинции, которая никогда в полной мере не вписывалась в ее географическую и политическую систему»²⁵) и тесно связанной с ней северной части Буковины (южную, как он полагал, следует передать Румынии).

Но еще радикальнее оказались высказанные Сетон-Уотсоном суждения по самому болезненному для России вопросу – о Черноморских проливах. Стоит вспомнить, что на протяжении всего предшествующего столетия позиция Британии в этом вопросе была непоколебимой. Даже во время Боснийского кризиса Россия, уже будучи ее союзником по Антанте, не получила никакой поддержки в планах «получить Константинополь хотя бы в виде "нейтрализованного и свободного города", никому не принадлежащего, но с русскими пушками на Босфоре, в обмен на согласие с австрийской аннексией Боснии и Герцеговины»²⁶.

Теперь же именно то решение, о котором в 1908 г. А.П. Извольский униженно просил сэра Эдварда Грея, Сетон-Уотсон вынужден был признать «замечательным в теории», но крайне опасным на практике: «Такой откат к диким и нелепым предрассудкам предшествующего поколения стал бы прелюдией крушения нашего союза с Россией, в сохранении которого жизненно заинтересованы все британские патриоты»²⁷. Сетон-Уотсон не видит препятствий к тому, чтобы Константинополь приобрел статус вольного города под российским флагом, с российским губернатором и автономной администрацией, подобно Триесту – порто-франко под флагом Италии. Единственной возможной компенсацией за передачу проливов и Константинополя под контроль России, равно как и снятие любых ограничений для русского флота, он считает демонтаж фортов на Босфоре и Дарданеллах. И уж совершенно «не по-британски» звучат слова автора: «Величайшей из христианских держав должно быть позволено водрузить крест на куполе святой Софии»²⁸.

Помимо этих маститых профессионалов в Отдел пропаганды были зачислены три выпускника оксфордского Бэйллиол-колледжа – Хемиш Пэтон, Льюис Неймир и Арнольд Дж. Тойнби²⁹. По всей видимости, слово за них замолвил хорошо знавший их Альфред Циммерн – друг Сетон-Уотсона, его компаньон по второму путешествию в Венгрию и один из соавторов книги «Война и демократия». Двум последним из

²⁴ *Seton-Watson R.W., Dover Wilson J., Zimmern A.E., Greenwood A. The War and Democracy. L., 1914. P. 251.*

²⁵ *Seton-Watson R.W., etc. The War and Democracy. P. 257.*

²⁶ *Михайловский Г.Н. Записки. Из истории российского внешнеполитического ведомства. 1914–1920. В 2 кн. М., 1993. Кн. 1. С. 85.*

²⁷ *Seton-Watson R.W., etc. The War and Democracy. P. 287-288.*

²⁸ *Ibid. P. 287.*

²⁹ *Smith A. «New Statesman»: Portrait of a Political Weekly 1913-1931. N.Y., 1996. P. 120.*

этой тройки – Неймиру и Тойнби – удалось, несмотря на их юные годы, сыграть поистине выдающуюся роль в антигерманской пропаганде, а после войны стать всемирно известными историками.

Льюис Неймир (настоящее имя Людвик Бернштейн-Немировский) был крещеным евреем родом из села Воля Окжейска в российской части Польши, земляком Генрика Сенкевича и на тот момент страстным польским патриотом. Много позже, столкнувшись с зоологическим антисемитизмом новой польской элиты, он станет убежденным сионистом.

Неймир был, пожалуй, самым информированным в проблематике Восточной Европы сотрудником отдела после Сетон-Уотстона. Как вспоминал позже Тойнби, он за год или два до войны (Тойнби точно не мог вспомнить – было ли это Рождество 1912 г. или Пасха 1913 г.), вернувшись после каникул с родины, рассказывал о явных военных приготовлениях по обе стороны границы. Однако утверждение Неймира о том, что «европейская война уже не за горами», вызвало безудержное веселье остальных участников беседы, считавших такую перспективу абсолютно невозможной. «Не прошло и трех лет после того удивительного разговора, – подытоживает Тойнби, – как половины из этих незадачливых насмешников уже не было в живых»³⁰.

О политических взглядах Неймира накануне войны, а также о степени его увлеченности этими идеями, говорит другой случай, описанный в мемуарах Тойнби: «Как-то днем он зашел к нам в дом, как раз в тот момент, когда моя жена собиралась выходить, и начал перечислять по памяти исконные славянские названия германских городов к востоку от Эльбы»³¹. Эта антигерманская эскапада заняла целых двадцать минут, за что Розалинд Тойнби, из вежливости не прерывавшая Неймира и стоявшая все это время на сквозняке, заплатила простудой.

В 1915 г. Л. Неймир опубликовал книгу «Германия и Восточная Европа», где, приведя внушительное количество статистических и иных фактов и описав историческую прелюдию вопроса, вынес свои рекомендации. С его точки зрения причины войны следует искать именно в Восточной Европе («европейском Ближнем Востоке», по терминологии автора³²), в вековом противостоянии славянства и «германской системы»³³ – немецкого доминирования в Восточной Европе, осуществляемого как напрямую, через скоординированную политику двух «германоязычных держав», так и опосредованно – через влияние, оказываемое на правительства стран региона.

³⁰ Тойнби А.Дж. Пережитое. Мои встречи. М., 2003. С. 345.

³¹ Там же. С. 344.

³² Namier L. Germany and Eastern Europe. L., 1915. P. XIII, 107.

³³ Ibid. P. 10.

Даже антипольскую политику России Неймир склонен был объяснять немецким засильем в имперской бюрократии и придворных кругах. По его словам, «разделы Польши не были делом славянских государственных мужей», и этому противились такие «московские» политики, как канцлер Безбородко, «предпочитавший не получить ни дюйма польской территории, только бы не содействовать немецким государствам в разделе славянской страны»³⁴.

Подлинным виновником бед своей родины Неймир считал канцлера К. Нессельроде, стремившегося максимально подчинить российскую политику прусским интересам: «При любых обстоятельствах, в интересах России и нашей династии, наша политика должна оставаться, как это и было в прошлом, монархической и антипольской», – цитирует Неймир «Политическое завещание» Нессельроде. – Нам не следует забывать, что в нынешнем кризисе (имеется в виду Крымская война. – А.К.) из всех держав одна лишь Пруссия выказала твердое намерение не быть нам враждебной»³⁵. Но насколько «невраждебной» была политика Пруссии, свидетельствует, по мнению Неймира, позиция «железного канцлера», прикидывавшегося честным маклером: «Когда Бисмарк, покидая Санкт-Петербург, как бы между прочим отрезал "La Russie, c'est le neant" (Россия – это ничто), эта фраза выражала не только мнение, но также – желание и надежду»³⁶.

Линии Нессельроде, как считал Неймир, в российской и польской политической элите противостояла линия канцлера А.М. Горчакова, великого князя Константина Николаевича и маркиза А.И. Велепольского – последователей программы Адама Чарторыйского, видевшего будущее Польши в воссоединении всех ее территорий под сюзеренитетом России.

Таким образом, во имя будущего России, Польши, равно как и всех народов восточной Европы, а также для установления мира на всем континенте, «германская система» должна быть демонтирована. Германию как главную виновницу войны и причину перманентной напряженности в регионе следует лишить всех не-немецких территорий, а Двуетную империю – вообще раскассировать. Процитировав известное выражение Горчакова «Австрия не государство, а правительство»³⁷, Неймир в то же время выразил свое несогласие с известным суждением о ней как о тюрьме народов. Точнее, она является таковой лишь для трех народов – итальянцев, сербов и румын, считающихся нелояльными короне, поскольку их национальные государства недружественны империи. Для остальных же это скорее «отель или

³⁴ *Namier L. Germany and Eastern Europe. P. 13-14.*

³⁵ *Ibid. P. 10-11.*

³⁶ *Ibid. P. 20.*

³⁷ *Ibid. P. 120.*

пансион»³⁸, впрочем – достаточно старый и ветхий. Поэтому неудивительно, что крыша этого дома, наконец, рухнула на головы его обитателей. Окончательный вердикт Неймира таков: полякам и украинцам следует воссоединиться со своими соотечественниками под эгидой Российской империи, в пределах которой они должны получить после войны широкую автономию, остальным – образовать собственные национальные государства, а немцам Австрии, «лишив их власти над другими странами, предоставить свободу идти туда, куда они пожелают»³⁹.

Но, пожалуй, самые масштабные исследовательские проекты в рамках Отдела пропаганды были предприняты Арнольдом Тойнби. Поскольку в Оксфорде он специализировался по античной и византийской истории, а после окончания университета продолжил образование в Афинской археологической школе, в Веллингтон-Хаус его пригласили в качестве эксперта по Балканам. При этом следует отметить, что его знание было не только книжным: в 1911–1912 гг. Тойнби исходил пешком большую часть Греции (по его собственной оценке – не менее трех тысяч миль⁴⁰), и к этому опыту личного общения с живыми наследниками эллинской и византийской культур он неоднократно обращался в своих книгах.

Вскоре после зачисления в штат Отдела пропаганды Тойнби подготовил и издал очерк, посвященный политике Греции с 1882 г., т.е. с того момента, когда, правительством премьер-министра Х. Трикуписа был взят курс на сближение страны с Францией и Великобританией⁴¹. Тогда же он был включен в авторский коллектив издания «Балканы: история Болгарии, Сербии, Греции, Румынии, Турции»⁴². Но постепенно круг его интересов значительно расширился, о чем свидетельствует опубликованное в декабре 1914 г. в журнале «Political Quarterly» эссе о славянских народах⁴³.

Наконец, в феврале-марте следующего, 1915 г., Тойнби подготавливает 522-страничное исследование планов Антанты по послевоенному устройству мира «Национальность и война» (точнее, «идея нации и война» – *Nationality and the War*). Особенно примечательно то обстоятельство, что львиная доля объема этой книги была посвящена России, и это при том, что изначально ее автор не был специалистом в данной области. Но, пользуясь помощью своего друга Неймира и собственными усилиями, Тойнби в короткий срок восполнил пробелы в своих познаниях и смог представить весьма обоснованный анализ ситуации. Можно даже

³⁸ *Namier L.* Germany and Eastern Europe. P. 124.

³⁹ *Ibid.* P. 126.

⁴⁰ *Тойнби А.Дж.* Пережитое. Мои встречи. С. 32.

⁴¹ *Toynbee A.J.* Greek Policy since 1883 (Oxford Pamphlets). L. etc., 1914.

⁴² *Forbes N., Toynbee A.J., Mitrany D., Hogarth D.G.* The Balkans: A History of Bulgaria, Serbia, Greece, Rumania, Turkey. Oxford, 1915.

⁴³ *Toynbee A.J.* The Slav Peoples // *Political Quarterly*. 1914. № 4. P. 33-68.

сказать, что его видение будущего России и Восточной Европы оказалось более точным, чем у Неймира, а в некоторых аспектах почти пророческим.

В своем пристальном внимании к России Тойнби исходил не только из трезвой оценки ее реального вклада в борьбу с Центральным блоком. Это было и проявлением гражданской позиции. Его волновало и возмущало широко распространенное среди соотечественников двуличное отношение к своему союзнику, выражавшееся в сочувственном отношении к главному тезису германской пропаганды об угрозе для европейской цивилизации со стороны «варварской России» и ее «панславистской» агрессивной политики: «Мы могли бы с улыбкой пренебречь "панславистской" страшилкой Германии, если бы это не находило отклика в нашей стране, – восклицает Тойнби, – но уж слишком часто слетает с уст фраза "После Германии – Россия". Выходит, мир – та высшая цель, ради которой мы всем жертвуем сегодня – иллюзия? И вслед за тучами этой войны из-за горизонта надвигаются новые, более грозные?»⁴⁴ Поэтому автор ставит цель проанализировать тиражируемые вражеской пропагандой памфлеты о «русской угрозе».

Итак, с точки зрения Германии, ее «империализм» – всего лишь средство сдерживания варварской агрессивной России, которая ничем ее не лучше – «из того же теста, только качество похуже, да помол поглубже»⁴⁵, а ее заявления о якобы бескорыстной защите поработенных славян – лицемерие, что подтверждается политикой Российской империи по отношению к Польше. Столь серьезные обвинения побуждают, как считает Тойнби, предельно внимательно отнестись к их проверке: «Если Россия в душе подобна нынешней Германии, злом возвысившейся и добро попирающей, ситуация безысходна»⁴⁶. Если «панславизм» всего лишь эвфемизм для обозначения политики «панрусизма», масштабного «русского заговора», «в котором малые славянские народы – орудие, а цель – господство в Европе»⁴⁷, то это будет означать полную дискредитацию планов Антанты по послевоенному переустройству Европы.

На первый взгляд, замечает Тойнби, немецкие аргументы могут показаться убедительными. Действительно, политическое устройство империй Гогенцоллернов и Романовых кажется очень похожим, хотя при всем их сходстве это сравнение явно не в пользу последней: «Цели и методы российской и немецкой бюрократии примерно одинаковы; но если немецкое правительство эффективно и, в целом, опирается на поддержку общественного мнения, то русское – оторвано от народа,

⁴⁴ *Toynbee A.J. Nationality and the War. L.; Toronto, 1915. P. 295.*

⁴⁵ *Ibid. P. 294.*

⁴⁶ *Ibid. P. 295.*

⁴⁷ *Ibid. P. 281.*

невежественно и неэффективно»⁴⁸.

Но в этом-то и заключается, по убеждению Тойнби, главное различие между двумя странами, поскольку нельзя ставить знак равенства между правительством и подданными: «Даже в демократически организованных государствах Западной Европы эти два фактора не совпадают, а в центре и на востоке континента они и близко не соприкасаются»⁴⁹. Исправное функционирование немецкой государственной и военной машины, как считает Тойнби, свидетельствует не о более высокой цивилизованности Германии, а об извращении самой идеи цивилизации и моральном фиаско немецкой нации: «С одной стороны – немецкое правительство, использующее такие порожденные цивилизацией национальные черты, как точность и предусмотрительность для достижения своекорыстной и, как мы считаем, нецивилизованной цели завоевания мира, подобно тому, как трест подтачивает благосостояние общества, используя обеспечиваемую обществом защиту собственности и скорость коммуникаций. С другой стороны, великая немецкая нация, поправшая свои идеалы и саму суть цивилизации – способность делать свободный выбор и смотреть на все собственными глазами, служит дурным целям правительства. Нынешний успех политики немецкого правительства стал обвинительным актом немецкой нации в том ее виде, в каком она предстает сегодня. Нет нужды в насилии по отношению к добровольному сообщнику, не нужно прибегать к обскурантистским кампаниям против деморализованной и изолгавшейся интеллигенции»⁵⁰.

Совершенно иначе Тойнби характеризует ситуацию в России. В первую очередь он решительно возражает против утверждений о «русском варварстве», считая, что речь может идти лишь об определенном отставании в силу длительной изоляции от Европы, которое, однако же, стремительно преодолевается. Тойнби предпринимает экскурс в историю России XVIII–XIX вв., дабы доказать, что за этот короткий срок она проделала путь, на который другим странам континента понадобились века, и при этом внесла неоценимый вклад в европейскую культуру.

Тойнби выразил свое искреннее преклонение перед русской литературой, «столь же значимой и важной для мировой духовной истории, как и французская литература восемнадцатого столетия»: «Когда вы читаете русский роман, то попадаете из космополитической среды индустриальной Европы в "Святую Русь" – мир рек и лесов, снега и солнца, религиозных традиций и обычаев, совершенно незнакомый вам прежде. Но вы неожиданно легко привыкаете к нему, потому что струящееся в нем

⁴⁸ *Toynbee A.J. Nationality and the War. P. 295.*

⁴⁹ *Ibid.*

⁵⁰ *Ibid. P. 295-296.*

чувство жизни столь же отчетливо, как звук прибоя, который улавливается вашим ухом после нескольких месяцев пребывания вдали от моря»⁵¹.

При этом Тойнби не испытывает никаких симпатий к политическому режиму Российской империи, считая его рудиментом прошлого, банкротом, полностью утратившим доверие общества. Тойнби искренне надеялся, что война приведет к либерализации российского политического строя. Залог этого виделся ему в успехах российского парламентаризма и росте политической активности русской интеллигенции, не заискивающей перед правительством в отличие от «изолгавшихся» немецких интеллектуалов.

Оспаривая мнение об отчужденности русского образованного класса от своего народа, о том, что это – «дом на песке», Тойнби утверждал, что «русская интеллигенция обретает живительную влагу в неистощимом источнике народной жизни», и это, по мнению автора, сулит стране большие перемены: «Российская нация обрела свою душу; неминуемо наступит следующая стадия, когда ни на что уже не годное "сильное правительство" уступит место тем, кому сама нация доверит свою судьбу. Нынешняя война – очень важный момент в данной трансформации. Тому также есть параллель во французской истории, а именно – успешное вмешательство в Войну за независимость Соединенных Штатов Америки, позволившее либерализму угнездиться в лоне официальной политики. Подобным же образом российское правительство не может развернуть знамя, не изменив надпись, вытканную на нем прежде. Изменение перспективы будет означать замену персонала: Россия может найти тех Тюрго и Неккеров, кто, усвоив уроки своих французских предшественников, решит проблемы, перед которыми те спасовали; и может как раз сейчас в рядах ее армии сражаться более сильный и целеустремленный Лафайет. Недопонимание и трения, имеющиеся сегодня в отношениях между правительством и народом России, не симптом разложения, как это представляется немцам, а признак роста. Если бы нация стала на позицию бюрократии, это действительно было бы доказательством морального падения нации. Но российская бюрократия принадлежит прошлому. Либерализм торжествует и будет набирать силу»⁵².

При каких же условиях, по мысли Тойнби, этот оптимистический сценарий мог бы реализоваться? Подобно упоминавшимся уже ранее коллегам по Веллингтон-Хаус, он считал ахиллесовой пятой Российской империи ее национальную политику. Жесткий антипольский курс дискредитирует Россию в глазах Европы и дает козыри германской пропаганде, позволяя обвинять ее в лицемерии. Поэтому Россия должна открыто и недвусмысленно продемонстрировать союзникам и всему миру конструктивную позицию в польском вопросе. Свое видение этой проблемы Тойнби

⁵¹ *Toynbee A.J. Nationality and the War. P. 298.*

⁵² *Ibid. P. 298-299.*

изложил в параграфе с весьма символическим заглавием «Рисорджименто Польши»⁵³. Смысл этой метафоры, отсылающей читателя к эпохе объединения Италии, нетрудно понять: итогом войны должно стать воссоединение польской нации в общих политических границах.

Однако Тойнби вовсе не считал, что обретение полной независимости было бы реальным благом для поляков. Он полагал, что небывалый экономический бум конца XIX – начала XX веков в той части их страны, которая входила в состав России, был прямым следствием таможенного протекционизма империи и доступа к ее необъятному внутреннему рынку. Какой же выход видится автору? Тойнби доказывает, что единственным способом сохранить единое политическое и экономическое пространство России, удовлетворив при этом все чаяния угнетенных наций, является деволюция, т.е. такое перераспределение функций управления, при котором значительная часть полномочий перейдет от центра к регионам, а морально обанкротившаяся имперская бюрократия утратит монополию на власть. При этом данное перераспределение функций вовсе не должно быть арифметически равным на всей территории империи.

С точки зрения Тойнби, мера внутренней самостоятельности каждой отдельной территории, полученной ею в результате деволюции, должна быть обратно пропорциональна степени ее включенности в экономическое, политическое и социокультурное пространство империи. В центре страны, где разные народы жили вместе веками и где степень взаимозависимости отдельных областей чрезвычайно велика, ослабление вертикальных связей опасно, да попросту и невозможно. В то же время на окраинах империи можно сохранить за центром ровно столько полномочий, сколько необходимо для нужд обороны и внешней политики. Иными словами, каждая составная часть данного политического организма может быть, по мысли Тойнби, суверенной ровно настолько, насколько самодостаточной является она в экономическом и культурном отношении.

Широкую автономию с сохранением за центром вопросов внешней политики и общеимперских коммуникаций Тойнби считает оптимальной для Польши, Литвы и остзейских губерний. В то же время придание подобного статуса Украине он считал нецелесообразным в виду чрезвычайно тесной экономической и культурной связи данного региона с центром страны. Весьма симптоматично, что он почти не употребляет слово «Украина», предпочитая именовать ее Малороссией (Little Russia), доказывая, что это лишь часть единого этнического массива («расы»), различающегося «диалектами». Более того, русины (Ruthenes) Галиции – часть этого же массива, поэтому присоединение данного региона к России в результате послевоенного переустройства Европы вполне соответствует национальным

⁵³ *Toynbee A.J. Nationality and the War. P. 291-294.*

устремлениям малороссов. Подтверждением того, что данная перспектива встречает сочувственное отношение и со стороны галицийского населения, Тойнби считал так называемое «москвофильское» движение. Впрочем, чтобы окончательно завоевать симпатии местного населения после включения Галиции в состав России, имперским властям потребуются немалые усилия. Тойнби отмечает, что при Габсбургах русины имели достаточно прочные гарантии сохранения языка и культуры, что налагает на Россию соответствующие обязательства.

Дополнительным и весьма веским аргументом в пользу неотделимости Украины от России Тойнби считал существование между этническими ареалами «великороссов» и «малороссов» такого специфического региона, как Новороссия (New Russia). Предприняв развернутый экскурс в историю колонизации причерноморских степей, он указывает, что заселение региона происходило как с северо-востока, так и с северо-запада, но «малороссийский элемент» здесь никогда не преобладал. Поэтому, несмотря на историческую и географическую близость Новороссии к Украине, формируемый здесь этнокультурный сплав («новороссийская смесь») «определенно никогда не будет иметь особой "малороссийской" окраски»⁵⁴. Новороссия, подытоживает Тойнби, «не имеет социальных связей с Малороссией и никогда не сможет быть поглощена ею, но Малороссия как самоуправляемая единица, не имеющая выхода к побережью, географически и экономически почти невозможна»⁵⁵.

Тойнби полагал, что в единстве Российской империи заинтересовано подавляющее большинство населяющих ее народов, но от Украины ее сохранение зависит в особой степени: «Малороссийский элемент составляет около трети всей расы, и если он отколетя и попытается следовать собственным курсом, это неминуемо нарушит баланс всей имперской системы»⁵⁶. Результатом этой братоубийственной борьбы, взаимно ослабляющей обе стороны, будет «в худшем случае полный распад Российской империи, а в лучшем – длительный политический паралич»⁵⁷. Именно поэтому украинцы, как полагал Тойнби, в собственных же интересах «должны оставить свой партикуляризм и согласиться на то, чтобы вновь вращаться в единое тело "Святой Руси"»⁵⁸.

Итак, принимая во внимание сложносоставной характер экономического, политического и социокультурного пространства Российской империи, Тойнби считал оптимальным для нее государственное устройство, представляющее собой

⁵⁴ *Toynbee A.J. Nationality and the War. P. 316.*

⁵⁵ *Ibid. P. 316-317.*

⁵⁶ *Ibid. P. 318.*

⁵⁷ *Ibid. P. 319.*

⁵⁸ *Ibid.*

своего рода гибрид федерации и конфедерации. На первый взгляд, это может показаться очень похожим на проект превращения Британской империи в Содружество наций, который именно в то время активно пропагандировала группа интеллектуалов «Круглый стол» во главе с Лайонелом Кертисом⁵⁹. Тем паче, что программная работа последнего, посвященная федерализации империи, вышла в свет в том же 1915 г.⁶⁰

Однако стоит заметить, что знакомство Тойнби с этим «пророком» федерализации империи состоялось лишь 3 июня 1915 г.⁶¹, тогда как книга «Национальность и война» вышла из печати 1 апреля того же года⁶², т.е. на два месяца раньше. Причем на тот момент концепция Содружества наций предполагала предоставление широкой автономии исключительно «белым колониям», т.е. доминионам, наиболее близким метрополии по языку и культуре. Лишь с 1917 г. деятели «Круглого стола» стали включать в число тех владений, которые вполне созрели для широкого самоуправления, Индию. Тогда же ими стал использоваться термин «деволюция»⁶³. Сам Кертис впервые употребил его в своих «Письмах к народу Индии»⁶⁴, почти каждый раз добавляя при этом прилагательное «специфическая», из чего можно заключить, что на тот момент данный термин был еще не вполне привычен для него. Но уже с начала 1920-х гг. слово «деволюция» прочно входит в политический лексикон и рассматривается как ключевое условие удовлетворения национальных прав⁶⁵. Таким образом, есть все основания полагать, что не идеи деятелей «Круглого стола» вдохновили Тойнби на его размышления о будущем Российской империи, а, скорее всего, имело место обратное влияние. Впрочем, в любом случае такое созвучие двух имперских проектов вполне объяснимо, поскольку эти мысли буквально носились в воздухе.

В подтверждение можно указать на разительное сходство рекомендаций Тойнби с еще одним проектом, автор которого явно не был знаком с книгой «Национальность и война». Проект этот был затеян (был ли он реализован – другой вопрос) на политическом пространстве бывшей Российской империи через семь лет после выхода в свет опуса Тойнби. Его ключевым конституционным принципом была, фактически, разноуровневая деволюция, при которой объем делегируемых

⁵⁹ *Kendle J.E.* The Round Table Movement and Imperial Union. Toronto, 1975; *Burgess M.* The British Tradition of Federalism. Leicester, 1995. P. 70-76.

⁶⁰ *Curtis L.* The Problem of Commonwealth. London etc., 1915.

⁶¹ *Тойнби А.Дж.* Пережитое. Мои встречи. С. 403.

⁶² *McNeill W.H.* Arnold J. Toynbee. A Life. P. 69.

⁶³ *Darwin J.* The Empire Project: The Rise and Fall of the British world-system, 1830–1970. Cambridge, 2009. P. 349.

⁶⁴ *Curtis L.* Letters to the People of India on Responsible Government. L., 1918. P. XI, 2, 110, 117-118, 159.

⁶⁵ *Macdonald J.A.M.* The Case for Federal Devolution. L., 1920. P. 5.

полномочий возрастет по мере удаления от центра – от приграничных квазигосударственных образований со всеми внешними признаками суверенитета до национально-культурных автономий в статусе республик, областей и округов внутри страны. Разумеется, в реальности политическое устройство Советского Союза обеспечивало населявшим его народам только сохранение языка и культуры, тогда как все прочие атрибуты самостоятельности были всего лишь декорацией. И тем не менее, сам факт очевидного сходства разных постимперских проектов говорит о том, что видение будущего Российской империи, представленное в книге «Национальность и война», вовсе не было утопией. К слову сказать, много позже и сам Тойнби отмечал сходство советского и британского проектов. В четвертом томе «Постижения истории», вышедшем в свет в 1939 г., он отмечал, что в СССР, в подражание британскому эксперименту, посредством «прогрессивной деволуции» создана «сложная система автономий внутри автономий»⁶⁶.

Прогнозы Тойнби относительно будущего Российской империи, высказанные им в книге «Национальность и война», сбылись лишь отчасти и совсем не так, как это представлялось самому автору. Либерализм в России победил всего через два года после издания книги, но лишь на семь месяцев, «деволуция» же осуществилась не в самой империи, а на ее руинах, и она отнюдь не привела к реальному решению национального вопроса. Однако мы вправе задать вопрос: вина ли это Тойнби, если учесть, что фатальный исход русской смуты в значительной мере на совести Антанты, устранившейся от реальной помощи России как до революции, так и после нее?

После выхода в свет книги «Национальность и война» в апреле 1915 г. Тойнби продолжал свои штудии по национальному вопросу, результаты которых публиковались в виде отдельных статей в журнале «Nation». К сентябрю, когда таковых набралось уже шесть, он принял решение об их объединении в отдельную книгу по вопросу послевоенной «реконструкции» с символическим заглавием «Новая Европа». Но для полноты рассмотрения этой темы в уже готовом материале явно не хватало сюжета о будущем Российской империи. Поэтому Тойнби решил написать еще один очерк по самому сложному, как он полагал в тот момент, аспекту данной проблемы – об Украине. Во введении Тойнби подчеркнул, что это добавление сродни ложке дегтя в бочке меда (буквально: *skeleton at the feast* – скелет на банкете). Оно необходимо, чтобы напомнить читателям и самому себе, «что любая реальная проблема сродни ловушке, и если наши теории и абстракции не нацелены на ее разрешение, то лучше не предаваться этим абстракциям и не теоретизировать вовсе»⁶⁷.

⁶⁶ *Toynbee A.J. A Study of History. London etc., 1939. Vol. IV. P. 188.*

⁶⁷ *Toynbee A.J. The New Europe. Some Essays in Reconstruction. L.; Toronto, 1915. P. 6.*

Статьи и сообщения

Чтобы понять, в чем укорял себя Тойнби, следует напомнить о тех кардинальных изменениях, которые произошли на восточном театре Великой войны с момента выхода из печати книги «Национальность и война». Когда Тойнби дописывал ее последние главы, русская армия развивала успешное наступление, а когда книга уже была сдана в печать, пришло известие об одном из самых крупных ее успехов за все время войны: 22 марта пал Перемышль – самая мощная австрийская крепость, считавшаяся неприступной. «Русских следует сердечно поздравить с их блестящим успехом в Перемышле, – писал в те дни «Спектэйтор». – Они добились падения одной из величайших крепостей мира благодаря хладнокровным и терпеливым действиям, спланированным великим князем [Николаем Николаевичем]»⁶⁸. В завершении статьи ее автор подчеркивал, что это событие не может не побудить Германию к решительным ответным действиям: «Павший Перемышль взывает к ней, предупреждая: "Сегодня я, а завтра – ты!" И все, что нам известно о Германии, убеждает, что она скорее попытается взять реванш, нежели покорно усопнет»⁶⁹.

Прогноз журналиста оказался предельно точен. 2 мая 1915 г. началась Горлицкая операция, перешедшая в широкое австро-германское наступление по всему Восточному фронту. Всего через месяц, 3 июня, русские вынуждены были оставить Перемышль, что произвело удручающее впечатление на союзников, в том числе и на самого Тойнби, чему есть красноречивое подтверждение в его мемуарах⁷⁰.

Разумеется, сугубо военное значение этих событий было не столь велико, как это пыталась представить германская пропаганда. Все русские соединения отошли предельно организованно, и шлиффеновские «Канны», о которых мечтали кайзеровские полководцы, у них не получились. В сущности, это «Великое отступление» на самом деле стало, по меткому выражению корреспондента «Таймс» Стэнли Уошборна, «победой в поражении». В названной так книге, состоящей из репортажей с Восточного фронта, он писал, что, по его убеждению, «величайшей проверкой характера является не победа, а поражение». Более того, те перемены, которые происходят в России вследствие осознания уроков этого поражения, «будут признаны историей единственной значимой причиной германского краха, который, по моему мнению, неизбежен – будь это через шесть месяцев или через два года»⁷¹. Заметим, что слова эти были сказаны 1 марта 1916 г., т.е. всего за два месяца до Брусиловского прорыва, и меньше чем за два года до окончания войны.

⁶⁸ The Importance of Przemysl // The Spectator. 1915. March 27. P. 6.

⁶⁹ Ibid. P. 7.

⁷⁰ Тойнби А.Дж. Пережитое. Мои встречи. С. 403.

⁷¹ Washborn S. Victory in Defeat. The Agony of Warsaw and the Russian Retreat. L., 1916. P. XIV.

Тем не менее, хотя военные цели германского наступления достигнуты не были, Центральному блоку удалось в 1915 г. одержать важную победу на пропагандистском фронте. И дело не только в том, что русское отступление многими на Западе было воспринято именно как поражение. Гораздо важнее то, что возвращение австро-венгерских войск в Галицию удалось представить как ее освобождение от «русских варваров», горячо поддержанное местным населением. Это был очень болезненный удар по репутации России как защитницы славян: в доказательство несостоятельности ее претензий указывалось на отношение к украинцам, которым – в отличие от Двуетной империи – Россия отказывала в праве быть нацией со своим языком, культурой и даже именем.

Эта пропагандистская атака возымела свое действие, посеяв смятение в умонастроениях многих интеллектуалов, в том числе и Тойнби. Он не мог не понимать, что многие пассажи его предыдущей книги выглядят как выражение полной солидарности с российской политикой в украинском вопросе, причем в самых одиозных ее проявлениях, например, в демонстративном употреблении термина «Малороссия» вместо «Украина» и категорическом утверждении, что «малороссийский» язык всего лишь диалект русского. В этой ситуации требовалась определенная корректировка более ранних утверждений, чтобы это не выглядело полной капитуляцией, а лишь некоторой подобающей приличиям толикой «*mea culpa*».

И именно с такого покаяния в грехе невежества начинает Тойнби свой очерк об Украине, признав, правда, эту вину не персонально за собой, а за всем западным обществом: «Много национальностей, относительно которых мы пребывали в неведении, добились признания благодаря войне, но случай с украинцами, безусловно, самый странный из всех. Нация составляет тридцать миллионов, а мы никогда не слышали ее имя!»⁷² И тут же, «чтобы хоть чуть-чуть развеять наше невежество», поясняет, что украинцы – это те же «русинь» (*Ruthenes*) и «малороссы» (*Little Russians*). Дабы это не выглядело полной сдачей позиций, Тойнби уклоняется от ответа на вопрос, являются ли украинцы отдельной нацией или частью русского народа, а их речь – особым языком или диалектом. По его словам, украинец и «москвич» (*Muscovite*) ответили бы на него по-разному. Тем не менее, Тойнби с явным неодобрением ссылается на так называемый Эмский указ 1876 г. о запрете печати на украинском языке и слова П.А. Валуева, о том, что языка этого «никогда не было, нет и не должно быть»⁷³. И тут же, дабы показать, насколько гонители

⁷² *Toynbee A.J. The New Europe. P. 75.*

⁷³ *Ibid. P. 76.* Тойнби не вполне точен. Во-первых, и так называемый «Валуевский» циркуляр 1863 г., и Указ 1876 г. допускали издание не только «древней» (*antiquarian*) литературы (как это утверждает Тойнби), но и «изящной словесности». Во-вторых, Валуев писал, что «большинство малороссов сами

Статьи и сообщения

украинского языка были не в ладах с реальностью, Тойнби добавляет: «Протест министра был явно чрезмерным. Указы не издают против галлюцинаций»⁷⁴.

Примечательно также изменение, произошедшее в оценке «москвофильского» движения в Галиции. Если в первой книге Тойнби писал о нем как о свидетельстве тяготения галицийского населения к России, то во второй он утверждал, что эта партия «никогда не обладала жизненной силой»⁷⁵. Попутно следует обратить внимание на то, что в оригинале это движение названо «Moskalophil», написание, с очевидностью указывающее на источники информации о ситуации в Галиции.

Разумеется, и то и другое было крайностью. Москвофилы никогда не были столь влиятельны, как это хотелось видеть политикам из Петербурга, но их влияние не было так ничтожно, как это утверждала германо-австрийская пропаганда. Очевидное ослабление позиций пророссийского крыла национального движения в Галиции было прямым следствием целенаправленной политики Габсбургской монархии. Начиная с середины XIX в. австрийские власти целенаправленно возвращали антироссийское «украинофильское» крыло движения галицийских русинов, одновременно преследуя «москвофилов». В преддверии войны к правовой и культурной дискриминации добавились открытые гонения на представителей этого направления, чья деятельность, по справедливому утверждению современного украинского историка, «рассматривалась венским кабинетом как откровенное проявление сепаратизма»⁷⁶.

С первых же дней войны эти репрессии приняли массовый характер. Уже 28 августа 1914 г. начальник львовской полиции потребовал от имперского наместничества «вывезти из Львова арестованных опасных для государства москвофилов, которые в числе около 2 000 с большим трудом размещены в местной тюрьме»⁷⁷. В первых числах сентября тысячи тех, кто подозревался в «пророссийской» ориентации, были вывезены в лагеря Терезин и Талергоф, а общий

весьма основательно доказывают, что никакого особенного малороссийского языка не было, нет и *быть не может* (курсив мой. – А.К.). Иными словами, в высказывании Валуева нет долженствования и он ссылается не на собственное мнение, а на реально бытовавшие, в том числе и в украинской среде, представления. Подробнее см.: Александровский И.С. «Язык» или «наречие»? Полемика вокруг украинского языка в XIX в. // Вестник Московского государственного областного университета. Серия «Исторические и политические науки». 2009. № 1. С. 46-53.

⁷⁴ Тойнби А.Д. The New Europe. P. 76.

⁷⁵ Ibid. P. 82.

⁷⁶ Савченко В.Н. Восточная Галиция в 1914-1915 годах: этносоциальные особенности и проблема присоединения к России // Вопросы истории. 1996. № 11-12. С. 97.

⁷⁷ Талергофский альманах: Пропамятная книга австрийских жестокостей и насилий над карпато-русским народом во время всемирной войны 1914-1917 гг. Львов, 1924. Вып. 1. С. 27.

счет уничтоженных в 1914–1917 гг. русинов идет на десятки тысяч⁷⁸. Следствием этих репрессий был исход в Россию тех, кто не желал отказываться от «русской» самоидентификации, особенно усилившийся накануне «Великого отступления»⁷⁹. Массовый характер этого исхода отмечал в своих мемуарах и А.И. Деникин⁸⁰.

В итоге, пророссийское крыло национального движения в Галиции оказалось обескровленным, а их оппоненты, наоборот, укрепили свои позиции и были представлены германской пропагандой как истинные выразители вековых чаяний украинского народа. Ситуация, сложившаяся в годы Первой мировой войны, а особенно после «Великого отступления», привела к тому, что это изменение в соотношении сил приобрело необратимый характер.

Данные обстоятельства побудили Тойнби к существенной корректировке прогноза будущего Российской империи в указанном аспекте. Хотя в книге «Новая Европа» он склоняется к признанию национального своеобразия Украины, перспектив ее самостоятельности Тойнби, тем не менее, не видит, а мечтания украинских националистов о независимом государстве, включающем Киев и Одессу, кажутся ему просто нелепостью: «Киев и Одесса отторгнуты от России! Россия отрезана от Черного моря! Разумеется, такая схема практически невозможна», – восклицает Тойнби. «Украина и остальная часть России неразделимы географически, взаимосвязаны в экономическом плане, переплетены в этническом и культурном отношении»⁸¹. В то же время, игнорирование национального своеобразия Украины, тем паче политика русификации, с точки зрения Тойнби, абсолютно бесперспективны: «Украина никогда не сможет добиться всеобъемлющей политической независимости от Москвы, а Москва – искоренить украинскую национальность или полностью ассимилировать весь украинский народ. Урегулирование может быть достигнуто только через компромисс, при котором каждая из сторон сможет обеспечить свои насущные потребности ценой отказа от чрезмерных претензий. У России должно быть географическое единство, у Украины

⁷⁸ 8 октября 2004 г. Верховной Радой Украины было принято постановление № 2084-IV «О 90-летию трагедии в концлагере Талергоф», в преамбуле к которому сказано: «Нынешней осенью исполняется 90 лет трагедии в концлагере "Талергоф" возле австрийского города Грац. Тогда власть Австро-Венгрии учинила репрессии против тех коренных граждан империи, которые считали себя русинами как частью русского народа. Жертвами погромов, арестов, казней за такую национальную идентификацию, "инакомыслие" и неподчинение стали десятки тысяч жителей Буковины, Галиции и Подкарпатской Руси (ныне – Закарпатья)». (Постанова Верховної Ради України «Про 90-річчя трагедії у концтаборі "Талергоф"» // Відомості Верховної Ради України. 2005. № 2. С. 64).

⁷⁹ Пашаева Н.М. Очерки истории русского движения в Галичине XIX–XX вв. М., 2001. С. 154-156.

⁸⁰ Деникин А.И. Очерки русской смуты. Крушение власти и армии. Февраль-сентябрь 1917 г. М., 1991. С. 46.

⁸¹ Тойнbee A.J. The New Europe. P. 83.

– ее национальные права»⁸². Но впредь и те и другие должны забыть о своих непомерных притязаниях – русификации с одной стороны, и независимости – с другой.

По убеждению Тойнби, стремление украинского народа к воссоединению не оставляет иного варианта послевоенного урегулирования, как включение Галиции в состав Российской империи, но это предполагает и ответное условие. Он еще раз подчеркивает, что под властью Габсбургов украинцы имели значительно более прочные гарантии удовлетворения своих национальных прав, чем их соплеменники в России. И теперь ей не остается ничего другого, как предоставить обеим частям разделенного ранее народа никак не меньший, а по возможности больший, уровень политических свобод. Если же этого не случится, то последующий политический сценарий русско-украинского конфликта и роль в нем Галиции Тойнби определяет предельно точно и афористично, прибегая к метафорам эпохи Рисорджименто: российская «Ирридента» (невоссоединенная территория) неминуемо станет украинским «Пьемонтом», т.е. центром консолидации национального движения. Как мы знаем, и в 1917–1920 гг., и в более отдаленной исторической перспективе данный сценарий реализовался в полной мере.

Другой точный и, к несчастью, сбывшийся прогноз Тойнби касался не только Российской империи, но также ситуации в Восточной Европе в целом и политической доктрины Антанты, в основе которой лежала идея нации как основного субъекта исторического развития. Общий вывод Тойнби, высказанный еще в первой книге, сводился к тому, что «национальное государство – это самое величественное и самое опасное социальное достижение»⁸³.

В книге «Новая Европа» эта мысль была существенно развита. Тойнби определяет национальное самосознание («национальность») как «волю к сотрудничеству» (will to cooperate), а нацию – как «группу людей, связанных присущностью данного импульса каждому индивиду»⁸⁴. Но эта воля к сотрудничеству проявляется не только в культуре, историческом опыте и языке. Не меньшее значение имеет экономика, причем в некоторых случаях «требования экономики и национального самосознания становятся взаимоисключающими»⁸⁵. Но именно готовность и способность выйти из этого противоречия, по мнению Тойнби, являются экзаменом на зрелость нации. Понимание общего экономического интереса консолидирует людей, побуждая их к сотрудничеству наперекор различиям в языке и культуре.

⁸² *Toynbee A.J. The New Europe. P. 83.*

⁸³ *Toynbee A.J. Nationality and the War. P. 481.*

⁸⁴ *Toynbee A.J. The New Europe. P. 19.*

⁸⁵ *Ibid. P. 33.*

В этом секрет удивительной трансформации карты Западной Европы, где средневековая «фантастическая мозаика бесчисленных крошечных государств»⁸⁶ уступила место протяженным границам современных держав. Но на востоке континента, в силу слабого развития экономики, этот фактор действует в значительно меньшей степени, и «воля к сотрудничеству» реализуется почти исключительно в стремлении к языковому и культурному единству и почти неизбежно против тех, в ком видится угроза этому единству.

Такой национализм мыслит нацию как «естественное» сообщество, которое должно занимать «естественную» для него территорию⁸⁷. «Эта догма, – резюмирует Тойнби, – выражает все то зло, которое заключено в национальном принципе»⁸⁸. Понятно, что в условиях мозаичности этнической карты Восточной Европы такая национальной однородность в «естественных» границах может быть достигнута быстрее всего за счет истребления всех прочих народностей.

Как известно, этот сценарий реализовался очень скоро. К чему приводит трансплантация национальной идеи за пределы Западной Европы мир увидел в то самое время, когда дописывалась книга «Новая Европа»: в апреле 1915 г. этнические чистки и депортации, осуществлявшиеся младотурецкими «патриотами» против армян, перешли в фазу тотального геноцида. Участие Тойнби, а также выдающегося медиевиста лорда Джеймса Брайса в разоблачении этих преступлений – отдельный сюжет, выходящий за тематические рамки данной статьи. Скажем лишь, что вряд ли справедливо то, что сегодня в Армении память Брайса увековечена, а его секретаря и сотрудника, автора книг, всколыхнувших общественное мнение Европы, нет.

Данный сценарий решения национального вопроса, хоть и в меньших масштабах, был реализован и в Восточной Европе. Начало этому, как уже отмечалось выше, положили австрийские власти, «зачистив» Галицию от «пророссийских элементов». Но это была лишь прелюдия в сравнении с теми кровавыми событиями, которые развернулись на просторах рухнувшей Российской империи после 1917 года, затем повторились в еще больших масштабах в годы Второй мировой войны, отозвались эхом с распадом Советского Союза и вновь напомнили о себе в наши дни.

Предвидя высокую вероятность националистических эксцессов, Тойнби пытался предложить средства их предотвращения. В частности, он настаивал на необходимости приведения административно-территориального деления в строгое соответствие с этнической картой. Так, например, именно им была предложена формула польско-украинской демаркации, ставшая впоследствии известной как

⁸⁶ *Toynbee A.J.* The New Europe. P. 29.

⁸⁷ *Ibid.* P. 37-38.

⁸⁸ *Ibid.* P. 38.

Линия Керзона. В то же время Тойнби считал, что любая перекройка границ крайне опасна, особенно, если она порождает «ирредентизм». «Разделение, – писал он, – почти всегда приводит к возникновению неистового, почти патологического национализма, который не утихомирится, пока неправомерное нарушение *status quo* не будет отомщено и аннулировано, даже если в этой бесперспективной борьбе будут растрчены все жизненные силы – как угнетателей, так и угнетенных»⁸⁹.

Именно поэтому Тойнби был категорически против такого послевоенного урегулирования, которое будет унижительным для побежденных и породит комплекс «обиженной нации». Еще во введении к книге «Национальность и война» он писал, что будущее зависит от того, какие требования будут предъявлены побежденной Германии. Единственный способ склонить ее к прочному послевоенному миру – «хорошенько наказать, но потом договориться по-доброму»⁹⁰. Как мы знаем, в руководстве Антанты в 1918 г. возобладала иная позиция. Ее лидеры не захотели «договариваться по-доброму» ни с державами Центрального блока, ни с Россией, и что из этого вышло, мы тоже очень хорошо знаем: Версальский мирный договор, подписанный 28 июня 1920 г., оказался, как и предсказывал маршал Фердинанд Фох, «не миром, а перемирием на двадцать лет». Как известно, главнокомандующий Антанты ошибся всего на два месяца.

Итак, Тойнби и другие историки, работавшие в Веллингтон-Хаус, сыграли важную роль в победе Антанты на пропагандистском фронте. При этом они дали достаточно реалистичные и обоснованные прогнозы последующего политического развития как всей Европы, так и отдельных государств, в первую очередь Российской империи. Немало из того, что предлагали Тойнби и другие аналитики, было вполне рационально и помогло бы впоследствии избежать многих катаклизмов. Но степень реального воздействия сотрудников Отдела пропаганды на принятие политических решений оказалась весьма незначительной, чем в значительной мере объясняются фатальные ошибки, допущенные руководством Антанты в «реконструкции» Европы.

Таким образом, интеллектуалам из Веллингтон-Хаус была уготована роль Кассандры, что лишний раз подтвердило печальный парадокс Гегеля: «История учит человека тому, что человек ничему не учится из истории».

⁸⁹ *Toynbee A.J. The New Europe. P. 68.*

⁹⁰ *Toynbee A.J. Nationality and the War. P. 29.*

Фролова Кира Владимировна

кандидат исторических наук

Центральный государственный архив Самарской области

НЕМЕЦКИЙ ВОПРОС В САМАРСКОЙ ГУБЕРНИИ В ГОДЫ ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ

Название Первая мировая война утвердилось в историографии только после начала Второй мировой войны. До 1939 г. один из крупнейших вооруженных конфликтов в истории человечества было принято назвать «Великой войной». Именно противостояние ведущих мировых держав положило начало эпохе Новейшего времени в истории человечества. В Советском Союзе в силу идеологических причин сохранению памяти об этой войне уделялось значительно меньше внимания, чем за рубежом. Для советской историографии Первая мировая война долгое время оставалась забытой «Великой войной», хотя ее влияние на политическое, экономическое и социальное развитие Российской империи неоспоримо. Целая эпоха в жизни страны, во многом определившая ее судьбу, на протяжении нескольких десятков лет оставалась практически не исследованной. Именно поэтому изучение различных аспектов истории Первой мировой войны, в том числе и проблем, связанных с жизнью отдельных регионов России, является чрезвычайно актуальным для отечественной историографии.

В эпоху крупных международных конфликтов национальный вопрос неизменно выходит на первый план. Особенно остро он встает в случае, если на одной территории издавна проживают представители наций, в этот конфликт вовлеченных. Отчетливо это проявилось в Самарской губернии, где по состоянию на 1900 г. немцы-колонисты составляли 8% населения и занимали четвертое место по численности среди проживавших здесь национальностей, уступая только русским, мордве и татарам. Количественно немецких колонистов в губернии насчитывалось 222 тыс. чел.¹

¹ Список населенных мест Самарской губернии. Составлен в 1900 году. Самара, 1900. С. XXII, XXIII.

Статьи и сообщения

В последние десятилетия немецкий вопрос в России в годы Первой мировой войны нашел свое отражение в целом ряде исследований². Непосредственно в Самарской губернии данная проблема была затронута в монографии Е.Ю. Семеновой³. Учитывая, однако, что объектом изучения автора являлось мировоззрение городского населения, за пределами внимания осталась та сторона проблемы, которая связана с населением немецких колоний, наличие которых в первую очередь и влияло на остроту немецкого вопроса в регионе.

Таким образом, задачей нашего исследования является изучение тенденций, которые проявились в годы Первой мировой войны в области отношений между немцами, проживавшими на территории Самарской губернии, с одной стороны и русским населением и властями – с другой.

Уже в первых числах августа 1914 г. в самарских газетах появилось официальное объявление о том, что все немецкие и австро-венгерские подданные, имеющие вид на жительство в России, должны явиться в самарское губернское правление для специальной регистрации⁴. Вскоре после этого 60 чел. подданных Австрии, славян по национальности, обратились в губернское правление с прошением о принятии их в русское подданство. Все они с соблюдением определенных формальностей были натурализованы. Одновременно газета «Волжское слово» сообщала: «Вместе с указанными лицами являются в губернское правление с той же целью германские и австрийские подданные неславянского происхождения, которым категорически заявлено, что в русское подданство они

² Алишина Г.Н. Критерии выявления внутренних врагов в Российской империи в годы Первой мировой войны // Два с половиной века с Россией (к 250-летию начала массового переселения немцев в Россию). Материалы IV междунар. научно-практич. конф. Москва, 24-27 августа 2012 г. М., 2013; Кадол А.Н. Доктрина немецкого шпионажа в этнополитике царизма в период Первой мировой войны и роль жандармско-полицейских властей в «немецком вопросе» (на материалах южных губерний Российской империи) // Там же; Канищев В.В. Русский бунт бессмысленный и беспощадный: Погромное движение в городах России в 1917–1918 гг. Тамбов, 1995; Кирьянов Ю.И. «Майские беспорядки» 1915 г. в Москве // Вопросы истории. 1994. № 12; Нелипович С.Г. Репрессии против подданных «Центральных держав» // Военно-исторический журнал. 1996. № 6; *его же*. Роль военного руководства России в «немецком вопросе» в годы Первой мировой войны (1914–1917) // Российские немцы: Проблемы истории, языка и современного положения: Материалы междунар. науч. конф. М., 1996; Рябиченко С.А. Погромы 1915 года: Три дня из жизни неизвестной Москвы. М., 2002; Савинова Н.В. Российский национализм и немецкие погромы в России в годы Первой мировой войны (1914–1917 гг.): автореф. дис. ... канд. ист. наук. СПб., 2008; Соколов И.Г. Борьба с «немецким засильем» в России в годы Первой мировой войны. СПб., 2004; Трошина Т.И. Положение немцев в Архангельске в годы Первой мировой войны // Немцы и Русский Север: Сб. статей. М., 2000.

³ Семенова Е.Ю. Мировоззрение городского населения Поволжья в годы Первой мировой войны (1914 – начало 1918 гг.): социальный, экономический и политический аспекты. Самара, 2012.

⁴ Волжское слово (Самара). 1914. 1 августа.

Статьи и сообщения

приняты быть не могут»⁵. В ходе мобилизационной кампании в принудительном порядке были реквизированы средства передвижения (лошади, повозки и упряжи) у немецких и австрийских подданных, проживающих на территории губернии⁶.

В октябре 1914 г. губерния присоединилась к общероссийской кампании по переименованию населенных пунктов, имевших немецкие названия. Министерство внутренних дел выступило инициатором и обратилось к губернским властям с предложением наименовать поселения, в настоящий момент носящие немецкие имена, «их древними названиями». «Этот вопрос предполагается разработать при участии местных ученых учреждений, обществ, архивных комиссий и отдельных лиц, известных своими познаниями и трудами, как в истории и археологии вообще, так и в участии по истории и археологии той местности, в которой находится подлежащее переименованию поселение», – сообщала «Волжское слово»⁷. 13 марта 1915 г. губернское присутствие своим постановлением присвоило около 100 населенным пунктам губернии те названия, которые они носили до переселения в Поволжье немцев-колонистов⁸. В октябре 1915 г. было переименовано 7 населенных пунктов, основанных непосредственно колонистами⁹.

Позиция властей к призванным на фронт россиянам немецкого происхождения также была настороженной. Генеральный штаб предписывал мобилизационному отделу Казанского военного округа не направлять на фронт колонистов старше 30 лет, а оставлять их в дружинах, при этом «на них по возможности не следует возлагать ответственных обязанностей». Молодых призывников было приказано отправлять в запасные батальоны Кавказского военного округа¹⁰. Неравноправие немцев-призывников выражалось даже в бытовых аспектах. Например, в ноябре 1915 г. начальник Казанского военного округа генерал Сандецкий разослал в подведомственные ему запасные части телеграмму, в которой указывалось на необходимость «с немцев-колонистов снять новое обмундирование, выдавать поношенное, но все же приличное, разбить поротно, и назначить в караулы и на работы»¹¹.

На почве зачастую искусственно разогреваемых антинемецких настроений развернулась борьба со шпионами. В шпионаже подозревались не только

⁵ Волжское слово (Самара). 1914. 5 августа.

⁶ Центральный государственный архив Самарской области (далее – ЦГАСО). Ф. 677. Оп. 1. Д. 291. Л. 3-4.

⁷ Волжское слово (Самара). 1914. 29 октября.

⁸ ЦГАСО. Ф. 338. Оп. 1. Д. 55. Л. 56-58.

⁹ Самарские губернские ведомости (Самара). 1915. 31 октября.

¹⁰ Российский государственный военно-исторический архив (далее – РГВИА). Ф. 1720. Оп. 3. Д. 225. Л. 11.

¹¹ Там же. Л. 29.

Статьи и сообщения

подданные Германии и Австро-Венгрии, проживавшие на территории губернии, но и этнические немцы, являвшиеся российскими подданными. Одним из самых громких «шпионских» дел в Самаре стало расследование в отношении Альфреда фон Вакано, основателя Жигулевского пивоваренного завода. С июля 1914 г. за Альфредом и его сыном Владимиром фон Вакано по инициативе начальника контрразведывательного отдела при штабе Московского военного округа было установлено негласное наблюдение, первоначально на время мобилизации¹², хотя непосредственно фон Вакано и вся его семья уже давно являлись подданными России. У служащих завода фон Вакано (Карла Люциуса, германского подданного, Карла Николаевича фон Губациуса и Виктора Алоизовича фон Вакано, подданных Австро-Венгрии) прошли обыски. Они были арестованы по подозрению в шпионаже¹³. Их обвиняли в том, что «они занимались военным шпионством и среди проживающих в Самаре австрийских подданных чехов вели агитацию, чтобы они не переходили бы в русское подданство, а шли бы в ряды австрийской армии против России»¹⁴. Необходимо отметить, что реальных доказательств шпионской деятельности фон Вакано и его сотрудников жандармерии найти так и не удалось. Тем не менее, в 1917 г. они все еще оставались в статусе подозреваемых в шпионаже.

22 декабря 1916 г. Михаил Игнатьевич Познанский, возглавлявший Самарское губернское жандармское управление (ГЖУ), сообщал самарскому губернатору о подозрительном поведении техника строительных работ Трубочного завода Адольфа Габленца, русского подданного немецкого происхождения. По донесениям пристава квартиру Габленца часто посещали германцы и австрийцы и рассматривали какие-то планы. За его домом было установлено наблюдение, которое не дало результатов, но при этом Познанский заметил: «Выяснено, что он женат на русской девице, из семейной жизни его видно, что жена его, несмотря на русское происхождение, по духу стала настоящей немкой, так как ко всему русскому относится с презрением и восхваляет все только немецкое. По этому можно судить, каков же по духу ко всему русскому сам муж Габленц?»¹⁵

Естественно, патриотический подъем вкупе с атмосферой всеобщей подозрительности влияли на настроения самарского общества. Самарский губернский предводитель дворянства А.Н. Наумов вспоминал: «Надо сказать, что с самого начала войны с Германией, среди всех слоев поволжского населения – все "немецкое" вызывало не только враждебные чувства, но и действия. На всех общественных собраниях раздавались голоса о необходимости беспощадной

¹² ЦГАСО. Ф. 468. Оп. 1. Д. 1874. Л. 469.

¹³ Там же. Л. 541-541 об.

¹⁴ Там же. Д. 1874а. Л. 147-147 об.

¹⁵ Там же. Ф. 3. Оп. 233. Д. 3537. Л. 1-1 об.

борьбы с "немецким засильем", которым по общему предположению были отмечены местности, заселенные немецкими колонистами. Более пылкие люди, вроде бузулукского председателя земской управы Евграфа Андреевича Жданова, даже предлагали такие решительные меры, как скупить все "немецкие" земли и выслать колонистов за пределы государства. Некоторые дворяне, как например Баумгартен, отказывались от своих немецких фамилий и просили присвоить себе иную "чисто русскую"¹⁶.

Органы жандармерии констатировали следующую ситуацию, сложившуюся в уездах на начало 1915 г. В Бугульминском и Бугурусланском уездах отношение местного населения к немцам-колонистам было враждебным. «Все крестьяне считают их хотя и русскими подданными, но врагами и относятся к ним недоверчиво. Немцы-колонисты в разговор с русскими не вступают, и держатся совсем особняком»¹⁷. В Николаевском уезде «русское население... относится к немцам в ответ на их выпады также далеко не дружелюбно. Существующий антагонизм между русскими и немцами особенно резко проявлялся в городе Балакове»¹⁸. Согласно докладной записке начальника Самарского ГЖУ полковника Познанского самарскому губернатору: «Среди немцев как г. Балаково, так и колонистов существует полная неприязнь ко всему русскому и они больше сочувствуют Германии, чем России. Всевозможные слухи о ходе военных действий в г. Балакове, безусловно, исходят от немцев, но слухи эти настолько проводятся умело, что установить виновника нет никакой возможности»¹⁹.

После немецких погромов в Москве²⁰ местным властям пришлось принять меры к недопущению развития событий в подобном русле в Самарской губернии. Начальник Самарского ГЖУ Познанский сообщал директору департамента полиции В.А. Брюн-де-Сент-Ипполиту: «Вскоре после событий, происшедших в Москве, среди жителей города Самары, а главным образом среди рабочего элемента, началось высказываться неудовольствие по поводу пребывания в городе Самаре некоторых германских подданных, оставленных на жительстве, как не объявленных военнообязанными, ...и против немцев русских подданных, продолжающих служить в различных предприятиях и вести торговые дела. Высказывалось также недоумение, почему до настоящего времени макаронный завод бывшего германского консула, ныне находящегося, по слухам, в рядах германских войск, Кеницера продолжает функционировать под той же фирмой и не секвестрован

¹⁶ Наумов А.Н. Из уцелевших воспоминаний. 1868–1917. Нью-Йорк, 1955. Кн. II. С. 297.

¹⁷ ЦГАСО. Ф. 468. Оп. 1. Д. 2047. Л. 15-15 об.

¹⁸ Там же. Л. 50 об.

¹⁹ Там же. Л. 105-106.

²⁰ См. об этих погромах: *Гатагова Л.* Хроника бесчинств. Немецкие погромы в Москве в 1915 году // Родина. 2002. № 10. С. 18-23.

правительством. Для предупреждения могущих возникнуть в г. Самаре беспорядков по распоряжению господина Самарского губернатора в городе сосредоточено 140 стражников»²¹.

Некоторые самарцы пытались использовать обострение межнациональных противоречий для извлечения личной выгоды. 27 октября 1914 г. жители Новоузенского уезда анонимно обратились к самарскому губернатору Н.В. Протасьеву с просьбой установить строгий надзор за немцами, проживающими с ними по соседству. «С открытием ныне переживаемых наших событий мы, кровно русские подданные, всецело обратили свои взоры на нападающего на Россию врага (Германию), каковой своими наглыми поступками, как-то своими нечеловеческими выходками, насилием и варварством и т.п., вызвал в русском народе ненависть к себе, и русский народ жаждет мести над поименованным врагом, желая, чтобы русскому народу никто не желал отомстить врагу так, как враг достоин этого... В виду, что высокопочтеннейше просит Вас, Ваше превосходительство, не оставить, пока не поздно настоящего прошения без уважения и назначить особого рода агентов и разослать поручение полицейским властям о наипрожайшем надзоре за поименованными немцами, живущими в шкуре русских подданных, в Новоузенском уезде, поселян селений Альт-Веймар, Ней-Веймар, Ней-Галка, Штрасбург, Франкрейх, при пос. Палласовке... и проч. проч. проч.»²² Расследованием по поводу анонимного сообщения вследствие удаленности Новоузенска от столицы губернии занималось Саратовское ГЖУ. Выяснилось, что все колонисты, упомянутые в заявлении, довольно зажиточны и пользуются хорошей репутацией. С начала войны они были спокойны, антирусских воззрений не высказывали, вносили большие пожертвования в Красный Крест. По предположению начальника Саратовского ГЖУ М.С. Комиссарова, автором анонимного заявления был приказчик братьев Найденовых в поселке Палласовке Матвей Семенович Лисунов, так как предприятия немцев являлись прямыми конкурентами бизнесу Найденовых²³. Доносы подобного характера поступали в органы власти на протяжении всей войны. В сентябре 1915 г. в жандармское управление поступило три анонимных заявления об антиправительственной агитации, которую якобы вел среди населения волостной старшина Баратаевской волости Я.А. Райт. Как и в предыдущем случае в результате разбирательства выяснилось, что автором анонимок был конкурент Райта в борьбе за должность волостного старшины²⁴.

²¹ ЦГАСО. Ф. 468. Оп. 1. Д. 2065 а. Л. 544-545 об.

²² Там же. Ф. 3. Оп. 233. Д. 3649. Л. 8-8 об.

²³ Там же. Л. 6-7.

²⁴ Там же. Ф. 468. Оп. 1. Д. 2019. Л.137-138 об, 140-141, 144-145, 149.

Статьи и сообщения

Органы полиции и жандармерии вынуждены были разбираться со всеми заявлениями на жителей губернии немецкого происхождения. Например, в декабре 1914 г. губернское жандармское управление проводило исследование политической благонадежности лютеранского пастора Германа Фридрихова Лециуса²⁵. В результате управление выступило инициатором лишения Лециуса сана из-за того, что он оказывал помощь военнопленным лютеранского вероисповедания, стремился поддержать их душевное состояние, отправлял письма их родственникам, проживающим в Германии и Австро-Венгрии. Познанский в своем заключении утверждал: «...Нельзя не прийти к заключению, что пастор Лециус с момента открытия против Германии военных действий упустил совершенно интересы России и, несмотря на свое русское подданство, своими дальнейшими поступками охарактеризовал себя как ярого сторонника германизма...»²⁶

Антигерманские настроения получили распространение даже среди подрастающего поколения. Самарский уездный исправник П.Н. Корецкий сообщал в феврале 1915 г. губернатору Н.В. Протасьеву о следующем инциденте: «В кошкинской волостной школе обучается дочь... германского подданного Герхарда Герхардова Антреас, Лидия 13 лет, которую все ученики ее класса дразнят "германкой". 19 декабря минувшего года в школе во время перемены с Антреас поссорился товарищ ее по классу сын крестьянина с. Кошек Иван Кузьмин Емелин 12 лет, в ссоре он стал ее укорять, что "ваш Вильгельм бешеный, он казнит наших русских", на что Лидия Антреас ответила: "И ваш такой же"»²⁷.

Вместе с тем немецкое население губернии принимало активное участие в общепатриотическом движении по помощи раненым и беженцам. Так, колонисты, проживающие в Константиновской волости Самарского уезда, 24 сентября 1914 г. на общем собрании постановили ассигновать на дело помощи больным и раненым воинам денежные средства в размере 2 400 рублей. «Немецкое население Лангфельдской волости Новоузенского уезда, пожертвовало на устройство лазарета имени немецкого населения Саратовской и Самарской губерний 1 060 рублей, которые и направлены самарскому губернатору. Экгейманское общество Новоузенского уезда пожертвовало в пользу "Красного Креста" 300 рублей»²⁸.

Непосредственно от немецкого населения нередко исходила и инициатива по переименованию немецких населенных пунктов. В частности немцы-поселяне Немецкого поселка Васильевской волости Самарского уезда обратились в

²⁵ ЦГАСО. Ф. 468. Оп. 1. Д. 1874а. Л. 112.

²⁶ Там же. Д. 1944. Л. 32-32 об.

²⁷ Там же. Ф. 3. Оп. 233. Д. 3649. Л. 24-24 об.

²⁸ Волжское слово (Самара). 1914. 5 октября.

губернское присутствие с просьбой переименовать их поселок в «Мариинский»²⁹.

Патриотический настрой колонистов констатировали и жандармы. «Колонисты-немцы Бузулукского уезда до сего времени ничем не проявили своего неприязненного отношения к России или сочувствия к Германии... Немцы-менониты Самарского уезда, освобождаемые все время вследствие их религиозных убеждений от призыва на военную службу, будучи не только обеспеченными, но очень богатыми, выказали свою лояльность денежными пожертвованиями и участием в обработке полей семейств соседних крестьянских селений, оставшихся без рабочих рук. Они же высказываются, что не имеют ничего против, если их будут призывать в действующую армию для рытья укреплений и на другие подобные работы»³⁰.

Бесспорно, идиллической ситуация не являлась. Некоторые этнические немцы публично высказывали свои симпатии в адрес Германии и ее действий в ходе войны, что неизменно порицалось обществом. При этом о случаях таких антиправительственных высказываний в полицию подчас сообщали сами колонисты. Например, Фридрих Штейнберг, проживающий на хуторе Беляев, обратился в полицию с заявлением, что он вместе со своим односельчанином Густавом Штейнбергом был в гостях в доме соседа дворянина Ивана Катина. Они завели разговор о войне, и Густав Штейнберг «будучи трезвым, позволил себе непристойными словами обругать ныне царствующего государя императора и сказать: "Куда русский царь (при этом обругал государя) суется воевать с Германией, все равно он будет побежден германским царем. Немецкое войско храброе, и германский солдат образован так, как русский генерал"»³¹.

Закономерно, что для немцев, издавна проживающих в России и являвшихся российскими подданными, распространявшиеся в обществе и армии антигерманские настроения были обидными. В письме одного из военнослужащих, призванных из числа немцев-колонистов Самарской губернии, выражено сожаление по поводу недоверия властей к гражданам России немецкого происхождения: «По приказу Главнокомандующего все немцы по возможности должны высылаться из Петрограда на турецкую границу. Оказывается, что, невзирая на наши труды, нас все равно причисляют к немцам и к ненавистникам нашей родины. Сколько мы здесь ни трудились, исполняя добросовестно свои обязанности, нам все же не доверяют, боясь пропаганды»³². Г.И. Вейман, служащий в 222 запасном батальоне, писал родственникам в село Екатериненштадт: «Сообщаю вам, что вы и представить себе не можете, как нас здесь мучают и кормят, да мало того еще и издеваются над

²⁹ Волжское слово (Самара). 1914. 12 декабря.

³⁰ ЦГАСО. Ф. 468. Оп. 1. Д. 2047. Л. 17 об. - 18.

³¹ Там же. Ф. 3. Оп. 233. Д. 3649. Л. 71-71 об.

³² Там же. Ф. 468. Оп. 1. Д. 2052. Л. 243.

немцами, называя их свиньями. Если это еще долго будет так продолжаться, то я намерен написать это всем пасторам и обществам, находящимся в России, немцев-колонистов, чтоб все потребовали уменьшения этих издевательств и ругательств, если мы, например, не достойны русского оружия или звания российского солдата, то пусть нас отпустят по домам, и то опять-таки имели бы больше пользы, чем здесь валяться и голодать»³³.

Военная цензура знакомилась и с содержанием писем, отправляемых из Самары. В них немцы также выражали обиду на общественные настроения, которые во многом были подогреваемы действиями властей. Показательно письмо немца, эвакуированного в Самару из Волыни: «Могу тебе сообщить, что государь в течение трех дней обратил нас в нищих, т.е. всех волынских немцев. Наш государь приписывает всю вину исключительно немцам, что война им не выигрывается, правительство упрекает государя императора в том, что немцы все передают пруссаку, а это величайшая ложь, из Волыни пруссак не узнал даже столько, сколько под ногтем грязи. Но есть поговорка, что когда человеку не везет, он приписывает всю вину другому, и в России этими другими являются сейчас мы, немцы. ...Когда в дороге заболели наши дети и мы попросили отпустить для них чаю и сахару, нам ответили: идите к Вильгельму, вашему кайзеру, он даст вам и чаю, и сахару. Сейчас мы немцы в России полное ничтожество: лучше быть животным, а не человеком»³⁴. Немцы-колонисты, постоянно проживавшие в Самарской губернии, сообщали своим родным, что «у нас здесь в Самаре живет очень хорошо, только холодная зима нам не нравится». Но в этом же письме опять же сквозит неприятие к действиям властей. «Если ты, дорогая сестра, будешь мне писать, и пожелаешь написать что-нибудь запрещенное, то пиши на нижне-немецком наречии, это проходит, это они не понимают. На границе задерживаются и прочитываются все письма, и если найдут слово, которое им не нравится, то такое замарывается чернилами, а если таковых чересчур много, то их отрезают совершенно. Эти душегубы, проклятые собаки, они высасывают всю кровь из тыла»³⁵.

Подводя некоторые итоги, хотелось бы отметить следующее. Несмотря на то, что в годы Первой мировой войны проблема отношения к немецкому населению была чрезвычайно острой в повседневной жизни российского тыла, говорить о значительных конфликтах на этой почве в Самарской губернии все же не приходится. Сказывался достаточно большой опыт сосуществования немцев-колонистов и русских в Поволжье, который насчитывал к тому времени приблизительно 150 лет. Антинемецкие настроения не вылились в сколько-нибудь

³³ ЦГАСО. Ф. 468. Оп. 1. Д. 2054. Л. 474.

³⁴ РГВИА. Ф. 138421. Оп. 1. Д. 7. Л. 147-148.

³⁵ Там же.

Статьи и сообщения

значимые противостояния, а использовались в основном для достижения каких-то личных целей или извлечения выгоды. Сами подданные России немецкого происхождения активно участвовали в патриотическом движении, вносили пожертвования на помощь раненым и беженцам, часть колонистов была призвана в армию и сражались на фронте на стороне Российской империи.

Тем не менее, случаи недовольства как внешней, так и внутренней политикой, безусловно, имелись, хотя они и не носили в губернии массового характера. Зачастую эти случаи являлись ответной реакцией на отношение к немецкому населению прежде всего со стороны центральных и местных властных структур, безосновательно нагнетавших антинемецкие настроения. Особенно здесь сказывались действия органов охраны правопорядка, которые занимались бесконечными расследованиями в отношении граждан немецкого происхождения, и для которых национальная принадлежность уже сама по себе являлась основанием для подозрения в «шпионской деятельности», при всем том, что расследования эти не давали положительных результатов.

Федотова Ольга Викторовна

*начальник отдела публикации документов
Национальный архив Республики Татарстан*

**БЛАГОТВОРИТЕЛЬНОСТЬ И МИЛОСЕРДИЕ В КАЗАНИ В ГОДЫ
ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ (1914–1917)**

Состояние общества с множеством нерешенных социальных проблем, локальные конфликты, стихийные бедствия сохраняют актуальным развитие благотворительной деятельности, заставляя обращаться к опыту прошлого в целях его применения в современных условиях.

Особый интерес представляет в этом отношении период Первой мировой войны, когда в результате военных действий в России появились раненые, инвалиды, беженцы, значительно увеличилось количество вдов и сирот, требовавших особого внимания. Основная забота об этих лицах легла на регионы: органы городского и земского самоуправления, общественные организации, частных лиц. Не стала исключением и Казань, о чем свидетельствуют хранящиеся в Национальном архиве Республики Татарстан документы, отразившие масштабный и многообразный характер участия представителей различных слоев казанского общества в благотворительной деятельности.

С самого начала войны стало очевидным, что исключительно государственные учреждения не сумеют справиться с возникшими проблемами. Мысль эта ясно прозвучала в циркулярном предписании городским управам и управлениям от 3 августа 1914 г. казанского губернатора Петра Михайловича Боярского. Отметив, что семьи запасных и ратников, призванных на военную службу, неизбежно столкнутся с разнообразными нуждами, особенно в городах, где «в ближайшее время возникнет забота об обеспечении этих семей кровом, отоплением и одеждой, не говоря уже о других видах помощи, как то: призрении детей, оставшихся без призора старших, так и охраны имущества и т.д.». Губернатор отметил, что органы городского самоуправления должны активно включиться в решение этих вопросов.

Циркуляр завершался следующим постулатом: «При этом я не могу не отметить, что, если бы городские управления при выполнении означенной задачи оказались при наличном составе их не в состоянии ее выполнить, то я нахожу необходимым, согласно предложению господина министра внутренних дел, обратить внимание городских управлений на возможность широкого использования предоставленного им городским положением права приглашать для этой цели отдельных лиц, а равно образовывать комитеты и комиссии и особенно участковые попечительства»¹.

Общественно значимое дело благотворительности вобрало в себя опыт, полученный в предыдущих военных конфликтах, среди которых выделялись такие крупные и значительные по воздействию на общественное сознание, как Отечественная война 1812 г., Крымская война 1853–1856 гг., Русско-турецкая война 1877–1878 гг. и Русско-японская война 1904–1905 гг. Наряду с проверенными временем и имевшими заслуженную репутацию благотворительными учреждениями, как Общество Красного Креста, в годы Первой мировой войны появляются новые организации. Среди них наиболее влиятельными стали Всероссийский земский союз помощи больным и раненым воинам и Всероссийский союз городов помощи больным и раненым воинам, основанные в 1914 г., местные комитеты которых действовали и на территории Казанской губернии. Большую работу по поддержке пострадавших выполняли благотворительные общества под покровительством членов Дома Романовых – местные отделения Комитета великой княгини Елизаветы Федоровны по оказанию благотворительной помощи семьям лиц, призванных на войну, Комитета великой княжны Татьяны Николаевны для оказания временной помощи пострадавшим от военных действий.

В связи с неизбежностью при проведении военных операций гибели и увечья военнoслужащих и мирного населения государством и обществом особенно были востребованы медицинские услуги, в организацию и развитие которых активно включились благотворительные учреждения. В Казанской губернии дело призрения больных и раненых воинов находилось в ведении четырех организаций: Общеземского союза, Общегородского союза, Общества Красного Креста, Купеческо-биржевого общества. Только последним на оборудование двух госпиталей всем необходимым было израсходовано около 25 тыс. руб.²

Среди представителей казанского купечества оказалось немало тех, для кого благотворительность явилась внутренним долгом, гражданской обязанностью, в исполнение которой они вкладывали не только материальные средства, но и душу. С 16 августа 1914 г. была начата организация первого госпиталя на 60 кроватей, в бесплатно предоставленном для этой цели помещении в доме казанского купца

¹ Национальный архив Республики Татарстан (далее – НАРТ). Ф. 98. Оп. 5. Д. 3462. Л. 39-39 об.

² Там же. Ф.1. Оп. 4. Д. 6501. Л. 57.

П.В. Щетинкина. Этот госпиталь был открыт и освящен уже 26 августа 1914 г. Второй госпиталь на 322 кровати был организован также в бесплатно предоставленном помещении Казанского коммерческого училища 5 октября 1914 г. С момента основания и по 17 августа 1915 г. через них прошло 2 299 больных и раненых нижних чинов³.

Вскоре к этим двум госпиталям добавились еще 2 лазарета: на 10 кроватей, оборудованный на средства уже упомянутого П.В. Щетинкина, и на 10 кроватей – за счет средств купца С.А. Землянова. Управление госпиталями находилось в ведении выбранной для этого хозяйственной комиссии. Заведывание продовольствием и содержанием раненых и больных воинов было возложено на особый дамский комитет, члены которого дежурили ежедневно в госпиталях, принимая непосредственное участие в приготовлении и раздаче пищи и снабжении больных всем необходимым.

Кроме вышеназванных, в Казани функционировал еще целый ряд лечебных учреждений:

- 1) имени Его императорского высочества наследника цесаревича Алексея Николаевича – земского союза;
- 2) имени Ее императорского высочества Великой княгини Елисаветы Феодоровны – Казанской общины сестер милосердия Красного Креста;
- 3) центральный – городского союза, на 200 кроватей;
- 4) имени Ее императорского высочества Великой княгини Марии Павловны – городского союза;
- 5) в дворянском собрании – земского союза;
- 6) лазарет, учрежденный чинами Казанского учебного округа на 45 коек, и др.

Существенный вклад в дело призрения раненых воинов внесли татарские общественные организации Казани. В августе 1914 г. был создан мусульманский комитет по сбору пожертвований для больных и раненых воинов⁴. В сентябре месяце собранием казанских мусульман было решено организовать на свои средства госпиталь на 50 мест для раненых без различия национальностей и религии⁵.

27 января 1916 г. Казань посетил верховный начальник санитарной и эвакуационной части империи принц Александр Петрович Ольденбургский. По окончании осмотра лечебных учреждений он изволил благодарить за порядок. В особом приказе от 10 марта 1916 г. было объявлено о награждении попечительницы общины Красного Креста, супруги губернатора Елисаветы Николаевны Боярской

³ НАРТ. Ф.1. Оп. 4. Д. 6501. Л. 57.

⁴ Там же. Д. 6017. Л. 116.

⁵ Там же Л. .215.

золотой медалью на Анненской ленте за труды по образцовому оборудованию и примерному содержанию лазарета при общине⁶.

Забота о раненых не исчерпывалась созданием госпиталей. Проблемой являлась их транспортировка. В целях обеспечения удобной перевозки раненых с санитарных поездов непосредственно к железнодорожному вокзалу была подведена трамвайная линия и несколько вагонов трамвая оборудовано кроватями-носилками⁷. Все расходы по этому делу приняло на свой счет казанское правление Бельгийского Анонимного общества трамваев.

Своевременность и эффективность помощи увечным и больным воинам во многом зависели от профессионализма участников благотворительных обществ. В связи с этим ординарным профессором медицинского факультета Казанского университета В.Н. Тонковым при участии других профессоров, приват-доцентов и врачей были организованы кратковременные курсы для подготовки персонала по уходу за больными и ранеными воинами. Занятия проводились в октябре и ноябре 1914 г., причем лекции читались главным образом в аудиториях университета, а практические работы шли в учебно-вспомогательных учреждениях и клиниках медицинского факультета, в городских и земских больницах г. Казани. Число слушателей и слушательниц, принятых на курсы, превысило цифру 200. Многим желающим, за недостатком мест, пришлось отказать. Значительную часть контингента слушателей составляли лица со средним образовательным цензом, несколько человек – с высшим. Со слушателей курсов не взималось никакой платы, все преподаватели читали лекции безвозмездно. По окончании курсов многие из числа выпускников работали в различных госпиталях г. Казани, а некоторые отбыли на театр военных действий⁸.

Помощь госпиталям не ограничивалась только медицинской составляющей. Так, в мастерских Казанского промышленного училища, в здании которого на средства Всероссийского общеземского союза был устроен лазарет на 50 кроватей, для него были изготовлены 4 железные кровати, столики, табуреты и прочая необходимая мебель. Затем для лазарета, содержавшегося на средства Казанского учебного округа, училищем были изготовлены: 20 железных кроватей, 1 операционный стол, 2 стола для лекарств, 1 подвижной стол на роликах, 6 палатных столов, 1 лесенка к операционному столу, шкаф для хирургических инструментов и 10 пар костылей. Кроме того, для сахарного завода военного ведомства были изготовлены сконструированные руководящим работником училища

⁶ НАРТ. Ф. 1. Оп. 4. Д. 6617. Л. 6.

⁷ Обзор деятельности по Казанской губернии в первый год Великой Отечественной войны 1914–1915 гг. Казань, 1916. С. 960.

⁸ НАРТ. Ф. 92. Оп. 2. Д. 21939. Л. 5-6.

Статьи и сообщения

Г.Ф. Володиным: 7 хлеборезных машин, из них с ручной подачей хлеба – 1 шт. и с автоматической подачей хлеба ручным приводом, с производительностью 1 тыс. пудов в сутки⁹.

По закону от 25 июня 1912 г. семьям запасных и ратников ополчения, призванных на военную службу, полагалось пособие. Средства эти были невелики. Кроме того, существовали многие ограничения в их получении. В этих условиях общественность всячески стремилась оказать помощь особо нуждающимся семьям военнотружеников. Скажем, казанским отделом Общества повсеместной помощи пострадавшим на войне солдатам и их семьям только в 1914 г. было обследовано более 1 тыс. семей и выдано 4 тыс. рублей на пособия¹⁰.

Организованная супругой казанского губернатора Е.Н. Боярской трудовая помощь взрослым членам семейств лиц, призванных в войска, была поставлена на таких началах, что, с одной стороны, давала заработок нуждающимся семьям и одновременно обеспечивала интендантское ведомство необходимым количеством белья. За год войны было сшито свыше 1 млн 200 тыс. предметов¹¹. В работе принимало участие свыше 3 тыс. семей. Одни работали постоянно, другие с перерывами. Годовой заработок отдельных семей составил от 25 до 250 рублей. В состав Комитета по оказанию трудовой помощи семьям запасных и ратников ополчения входили самые известные и влиятельные лица губернии: губернатор П.М. Боярский, вице-губернатор князь Л.Л. Голицын, уездный предводитель дворянства А.Н. Баратынский, управляющий Казанским отделением государственного банка А.И. Зерен, руководители и члены земских управ, губернских учреждений, потомственные почетные граждане¹².

С 25 ноября 1914 г. начала функционировать городская бесплатная столовая для детей запасных, организованная обществом защиты женщин. Но чтобы не оставлять детей голодными до устройства и приведения в порядок столовой, общество женщин начало кормить детей запасных еще с 20 октября, и в течение этого времени, то есть с 20 октября по 25 ноября, было выдано 487 обедов. Впоследствии в столовой получали обеды до 130 человек в день – дети до 14 лет, кормящие и беременные женщины. Кроме приходящих только на обед, общество имело на полном своем содержании 10 чел. детей запасных. Здесь же был налажен врачебный надзор за детьми. Функцию эту взяла на себя врач О.И. Завадская, которая 2-3 раза в неделю посещала столовую. Так как многие из детей, приходили

⁹ НАРТ. Ф. 92. Оп. 2. Д. 23550. Л. 163-163 об.

¹⁰ Камско-Волжская речь (Казань). 1917. 11 июня.

¹¹ Обзор деятельности по Казанской губернии в первый год Великой Отечественной войны 1914–1915 гг. С. 911.

¹² НАРТ. Ф. 641. Оп. 1. Д. 10. Л. 162 об.

Статьи и сообщения

в столовую с утра, то общество решило учить их грамоте и какому-нибудь ручному труду. Для обучения грамоте была приглашена учительница, а члены общества – Е.А. Жакова, А.Н. Флорина, А.М. Ижевская и М.П. Перова – взяли на себя обучение ручному труду, как то шитье, вязание, вышивание и прочие «изящные работы»¹³.

Не остались без внимания и сами воины, ушедшие на фронт. Только в августе 1914 г. из Казанской губернии было призвано более 60 тыс. человек¹⁴. Тяжелые условия боевой жизни не могли не вызвать искреннего сочувствия населения, поэтому совершенно естественным было то обстоятельство, что на призыв попечительницы Казанской общины сестер милосердия Красного Креста Е.Н. Боярской жертвовать все необходимое для действующих войск незамедлительно стали поступать приношения. Была организована отсылка подарков на фронт для офицеров и нижних чинов преимущественно тех войсковых частей, которые в мирное время находились на территории Казанской губернии. В начале вещи отправлялись в армию почтой и случайными оказиями. Но уже 8 ноября 1914 г. в войсковые части было отправлено два вагона подарков. А всего за год – более 20 вагонов. Подарки на фронт отправлялись в сопровождении городских казанской городской полиции и по прибытии на места назначения развозились по позициям теми же провожатыми¹⁵. Отсылались в армию преимущественно теплая одежда, продукты, табак и т.п. Из поступающих на имя Е.Н. Боярской из действующей армии благодарственных телеграмм и писем, начиная от генерала М.В. Алексеева и оканчивая нижними чинами, видно, что посылаемые подарки значительно поднимали настроение воинов.

Большое количество подарков отправлено было на фронт из Казанской губернии и прочими организациями: дворянским дамским комитетом, казанским комитетом городского общественного управления, комитетом Красного Креста и др.

Когда стало известно о применении противником удушающих газов, попечительница Казанской общины сестер милосердия организовала массовую заготовку респираторов. На это поступали особые пожертвования. К концу 1915 г. за счет этих средств было изготовлено и отправлено в Москву 146 949 противогазов¹⁶.

Большое развитие получила в Казани в годы войны частная благотворительность. Пожертвования поступали в виде денег, вещей, продуктов. Проводились различные сборы и лотереи, добровольные отчисления процентов с заработной платы. Бесплатно предоставлялись помещения для военных нужд и др. Вот несколько выдержек из документов.

¹³ НАРТ. Ф. 98. Оп. 5. Д. 3698. Л. 10.

¹⁴ Там же. Ф. 81. Оп. 2. Д. 999. Л. 5.

¹⁵ Там же. Ф. 1. Оп. 4. Д. 6487. Л. 119.

¹⁶ Там же. Ф. 641. Оп. 1. Д. 10. Л. 162.

Статьи и сообщения

– Из донесения казанского губернатора П.М. Боярского начальнику канцелярии военного министра А.С. Лукомскому 28 октября 1915 г.: «Местный житель Константин Сапожников принес мне 10 000 рублей и просил по телеграфу перевести их Государю императору в Царское Село и всеподданнейше доложить о его верноподданнических чувствах и о том, что деньги эти он просит употребить на покупку пулеметов»¹⁷.

– Из представления ректора Казанского университета Г.Ф. Дормидонтова управляющему Казанским учебным округом П.Д. Погодину 30 декабря 1915 г.: «Студенты императорского Казанского университета Н.А. Васильев, М.А. Ивановский и А.А. Яблоков обратились в правление с просьбой о предоставлении им на 10 января 1916 г. университетского актового зала для устройства в нем благотворительного концерта, чистый сбор с которого предназначается на приобретение материалов для белья и других необходимых вещей для нашей действующей армии»¹⁸.

Значительный вклад в благое дело помощи нуждающимся внесла православная церковь. Во всех храмах епархии был установлен кружечный сбор на военные потребности и в пользу Красного Креста. Представители духовенства входили в состав Особого комитета для сбора пожертвований на образование фонда для оказания помощи семьям запасных и ратников и Казанского губернского комитета помощи больным и раненым воинам. Все свободные комнаты больницы Казанской духовной академии были отданы под госпиталь. Академия предоставила койки, матрасы, подушки и т.п. Медицинский надзор за ранеными вела супруга профессора академии Л.И. Протопопова. Казанский Богородицкий девичий монастырь изъявил желание взять на себя труд по изготовлению белья для лазаретов и принять на воспитание до 30 девочек-сирот погибших в боях воинов¹⁹. В монастырях губернии также нашли приют священнослужители и монашествующие из западных областей империи, вынужденные покинуть свои родные места из-за ужасов войны, и многие беженцы из числа гражданского населения.

В конце первого года военных действий в Казань стали прибывать поезда с жителями городов и селений, занятых неприятелем. В связи с этим был организован городской комитет, работавший при участии представителей земства и частных национальных комитетов – латышского, польского, еврейского и мусульманского. К началу 1916 г. в распоряжении комитета находилось более 80 помещений для размещения беженцев, несколько пунктов питания. Одной из задач комитета был поиск работы для отдельных беженцев и обеспечение детям возможности

¹⁷ НАРТ. Ф. 1. Оп. 4. Д. 6464. Л. 13.

¹⁸ Там же. Ф. 92. Оп. 2. Д. 23705. Л. 2.

¹⁹ Там же. Ф. 4. Оп. 146. Д. 185. Л. 38.

продолжения образования. В последнем вопросе существенную помощь оказывали учебные заведения города. Занятия с учащимися-беженцами высших начальных училищ были организованы при Казанском 1-м высшем начальном училище в виде вечерней смены, а с учащимися-беженцами начальных училищ (также в виде вечерних смен) – при 7-м (для русских), 10-м (для литовцев), 30-м (для поляков), 31-м (для латышей) городских начальных училищах, а равно и в отдельных частных училищах. Занятия в начальных училищах проводили учителя-беженцы тех национальностей, к которым принадлежали и учащиеся²⁰. Беднейшие ученики были освобождены от платы за обучение. К примеру, в 4-й женской гимназии В.А. Ряхиной для беженцев были организованы вечерние занятия во всех семи классах, с 4 до 7 часов вечера, причем члены учительской корпорации изъявили согласие заниматься безвозмездно, взяв каждый по небольшому числу уроков²¹.

Преподаватели, служащие и учащиеся учебных заведений Казани проявили особую активность в сборе добровольных пожертвований. На основании циркулярного письма попечителя Казанского учебного округа И.А. Базанова от 25 августа 1914 г. в учебных заведениях были установлены кружки для сбора пожертвований на нужды Красного Креста.

На заседании педагогического Совета Казанской татарской учительской школы 7 августа 1914 г. было решено:

1) прийти на помощь геройским защитникам родины, раненым воинам, путем отчисления из ежемесячно получаемого содержания 2%, с отчислением 1% в депозиты общеимперского Красного Креста и 1% в организуемый учебными заведениями г. Казани и ее губернии лазарет;

2) обратиться к учащимся школы со словом призыва к единовременному взносу на дело облегчения страданий защитников отчизны;

3) вывесить за печатью общества Красного Креста в здании школы кружку на предмет добровольных вкладов всеми желающими на тот же предмет²².

Разумеется, масштабность проблем, с которыми пришлось столкнуться обществу и государству в годы Первой мировой войны, не могли не повлиять на пределы возможностей благотворительных организаций. Далеко не все вопросы были решены в должном объеме. Тем не менее, опираясь на опыт Казани, можно констатировать, что благотворительные ведомства и комитеты выдержали проверку временем, доказав свою жизнеспособность в форме взаимодействия власти и общества в решении задач социальной политики. В годы войны пострадавшие военнослужащие, члены их семей и беженцы получали от благотворительных

²⁰ НАРТ. Ф. 92. Оп. 2. Д. 23546. Л. 48.

²¹ Там же. Д. 23145. Л. 6.

²² Там же. Д. 21098. Л. 2.

Статьи и сообщения

учреждений широкий спектр помощи, в том числе денежную, продовольственную, жилищную, трудовую и образовательно-воспитательную. В сфере благотворительности работали стоявшие на разных ступенях социальной лестницы представители государственных, политических и коммерческих структур, общественных объединений, церкви, а также частные лица. Участие в неотложном общем деле в конкретных ситуациях заставляло преодолевать разделявшие их политические и имущественные отличия, сглаживало до некоторой степени остроту социальной напряженности.

Стёпочкина Елена Владимировна

главный научный сотрудник

Самарский областной историко-краеведческий музей им. П.В. Алабина

ОРГАНИЗАЦИЯ МЕДИЦИНСКОЙ ПОМОЩИ И СОЦИАЛЬНАЯ РЕАБИЛИТАЦИЯ ИНВАЛИДОВ В САМАРСКОЙ ГУБЕРНИИ ВО ВРЕМЯ ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ

Локальные войны и внутренние вооруженные конфликты, являющиеся, к сожалению, неотъемлемой составляющей современного существования общества, во всей полноте ставят вопрос о необходимости оказания пострадавшим в них людям действенной помощи и социальной реабилитации. Вопрос требует не только политического, социологического, но и глубокого исторического исследования с целью выявления накопленного здесь опыта, в частности, периода Первой мировой войны.

Интересные документы отложились в этом плане в фондах Самарского областного историко-краеведческого музея им. П.В. Алабина. Они могут быть разделены на несколько основных групп. К первой относятся уставы организаций, занимающихся социальной реабилитацией больных и раненых воинов, которые отражают цели и задачи, источники доходов, направления их деятельности. Ко второй группе могут быть отнесены отчеты и доклады о состоянии отдельных категорий инвалидов в Самарской губернии и методах их реабилитации. Следующая группа содержит планы по организации различных курсов переподготовки, из которых можно узнать учебные программы, способы распространения информации о курсах и условия их прохождения. Отдельную группу составляет финансовая документация, в которой отразились сметы расходов на организацию курсов, госпиталей и строительство Дома инвалидов. Весь этот документальный комплекс дает возможность представить, как выстраивалась работа по социальной реабилитации инвалидов в период Первой мировой войны в Самарской губернии. Освещению ее направлений и посвящена настоящая статья.

Война с первых же дней остро поставила вопрос лечения и реабилитации больных и раненых воинов. Внимание лазаретов уделялось при этом

преимущественно хирургической работе, которая понималась в достаточно узком смысле, именно как лечение ран, контузий и переломов. Из-за дефицита специалистов практически не ставился вопрос о дальнейшем восстановлении физиологических функций. Эти обстоятельства вели к тому, что из госпиталей выходило много лиц, нуждающихся в специальном долечивании. Так, по данным Плешановской больницы Самары за 1914–1915 гг. лечение прошли 2 517 больных и раненых. Из этого числа 420 чел. было выписано с тугоподвижностью суставов, 8 чел. с полной неподвижностью суставов, 122 чел. с рубцовыми стяжениями, 22 туберкулезных больных, 53 с ревматизмом, 30 чел. были признаны инвалидами¹.

В связи с этим самарские общественные организации весной 1915 г. признали необходимым организовать специальные виды помощи подобным лицам. Областной Комитет Городского Союза в качестве важнейшей задачи намечал организацию санаторно-курортного и кумысолечения для больных туберкулезом и ревматизмом. Для лечения же сложных ранений и восстановления трудоспособности в апреле 1915 г. были предприняты меры для создания специального Областного травматологического госпиталя с хирургическим, нервным и ортопедическим отделениями на 500 кроватей. Правда, госпиталь так и не был создан в связи с сокращением финансирования.

В целом, нуждающихся в помощи инвалидов можно поделить на несколько групп:

- душевнобольные;
- слепые;
- глухонемые;
- увечные (нуждающиеся в уходе за отсутствием рук, паралича конечностей и т.п.);
- нуждающиеся в постоянном медицинском уходе и признании.

Помощь душевнобольным служила яблоком раздора между Красным Крестом, военным ведомством и Земско-городской организацией. Согласно докладу доктора Н.К. Иванова в Самарской губернии необходимо было провести специальную перепись душевнобольных отставных воинских чинов при участии врачей-психиатров. Признание и лечение этой группы инвалидов должно быть передано губернскому земству с отнесением расходов на государственный счет, а самому земству необходимо приступить к постройке районных больниц для инвалидов и устройству патронатов для душевнобольных, не нуждающихся в больничном признании².

¹ Самарский областной историко-краеведческий музей им. П.В. Алабина (далее – СОИКМ). КП-6527/1. Л. 28.

² Там же. Л. 32.

Статьи и сообщения

Вопросами помощи ослепшим воинам ведали Городской и Земский союзы. Согласно данным самарского общественного деятеля Г.Ф. Меленевского, число таких инвалидов составляло 2 тыс. человек. Их поддержка осуществлялась на следующих основаниях: предполагалось оказывать трудовую помощь, для чего необходимо было устройство центральных или расширение существующих школ для обучения слепых наукам и ремеслам, сообразно наклонностям. В школах слепые оставались лишь на время обучения, для завершивших обучение намечались мастерские и общежития. Также для них должен был быть облегчен поиск работы и организовано снабжение орудиями производства и оборотным капиталом. Сведения о возможности обучения должны были широко распространяться среди населения путем передвижных выставок. В случае отказа слепого воина от поступления в школу помощь выражалась только в получении им пенсии³. На таких же принципах была основана помощь глухонемым, глухим или немым воинам⁴.

5 декабря 1916 г. в Самаре состоялся съезд по организации помощи инвалидам. Основные положения для него выработал Совет Самарского комитета военно-технической помощи. По итогам съезда инвалиды были классифицированы по степени увечности, позволявшей им заниматься тем или иным видом деятельности.

Для обучения столярным и слесарным работам требовалось наличие обеих рук, одной ноги и одного глаза, допускалось отсутствие не более двух пальцев на левой руке.

Для ремонта сельскохозяйственных машин, часового и жестяницкого дела необходимо было наличие обеих рук и ног, допускалось отсутствие одного глаза и двух пальцев (мизинца и безымянного) на обоих руках.

Для кузнечного дела требовались обе руки, одна нога и один глаз, могло не хватать одного пальца на левой руке.

До малярного ремесла допускали инвалидов с одной рукой и одним глазом при наличии обеих ног, с отсутствием слуха.

Для зубной техники достаточно было одной руки и одного глаза, при отсутствии ног и слуха.

Для плетения всех родов необходимо иметь обе руки со всеми пальцами и один глаз.

Также признавалось нужным учредить фонд для обеспечения инвалидов бесплатными протезами и приспособлениями⁵.

³ СОИКМ. КП-6527/1. Л. 8.

⁴ Там же. Л. 26-27.

⁵ Там же. Л. 81-82.

Чуть дальше пошло Императорское русское техническое общество. Им была разработана программа по организации учебных мастерских для обучения инвалидов ремеслам. Мастерские состояли из двух отделений: слесарно-механического и столярного. Первое отделение должно было быть устроено на 75 чел. и охватывало следующие специальности: общеслесарную, токарную, инструментальную, по ремонту швейных, пишущих, счетных машин и стенных часовых механизмов, медницкую, жестяницкую, по изготовлению и ремонту металлических игрушек, кузнечную, по ремонту и уходу за машинами молочного дела и сельского хозяйства. Второе отделение охватывало общестоярную, мебельную, модельную и игрушечную специальности.

Продолжительность обучения составляла 1 год. По слесарно-механическому отделу предполагалось преподавать арифметику и элементарные сведения по геометрии (100 часов), рисование карандашом (50 часов), черчение (150 часов), сведения о материалах и их обработке (100 часов), практические работы в слесарной мастерской (600 часов) и практические работы по специальности (600 часов). По столярному отделению – арифметику и элементарные сведения по геометрии (100 часов), рисование карандашом (150 часов), черчение (100 часов), обработку дерева (50 часов), практические работы в столярной мастерской (600 часов) и практические работы по специальности (600 часов). Для первоначального устройства мастерской требовалось 49 тыс. руб. с дальнейшим ее содержанием в 30 тыс. руб. в год⁶.

В Самаре действовали счетоводные курсы по мелкому кредиту. В программу преподавания входили основы деятельности кредитных и ссудо-сберегательных товариществ, их организация и операции (60 часов), хлебная торговля (10 часов), организация и задачи разного рода некредитных сельских кооперативов (10 часов), счетоводство и делопроизводство кредитных кооперативов (120 часов), русский язык (60 часов), арифметика (60 часов), каллиграфия (60 часов). Занятия на курсах проходили ежедневно, кроме праздничных дней, в течении трех месяцев. По окончании слушатели подвергались экзамену, успешно сдавшие его получали свидетельства⁷.

Предполагалось устроить курсы и по сельскому хозяйству. Для грамотных лиц – по земледелию, садоводству, огородничеству, скотоводству и молочному хозяйству, маслоделию, пчеловодству, птицеводству, по подготовке счетоводов сельскохозяйственных кооперативов и приказчиков потребительских лавок, по подготовке старших рабочих для имений и сельскохозяйственных старост, по подготовке конторщиков для имений и сельскохозяйственных монтеров. Курсы для

⁶ СОИКМ. КП-6527/1. Л. 73-74.

⁷ Там же. Л. 63-65.

неграмотных лиц были по земледелию, скотоводству и молочному хозяйству, огородничеству, птицеводству, пчеловодству. На первые курсы принимали воинов, умеющих бегло читать, правильно писать и знающих четыре арифметических действия. После их окончания возможно было поступить на службу. Во втором случае целью была подготовка слушателей для ведения собственного хозяйства⁸. Для тяжело увечных предполагалось устроить курсы зубных техников⁹.

В декабре 1915 г. при Самарском областном комитете Союза городов начала работать комиссия по организации помощи военным инвалидам¹⁰. В комиссию вошли представители местных органов самоуправления и различных местных организаций. Были намечены основные положения помощи инвалидам. Согласно им, в отношении полных инвалидов забота должна была сводиться к устройству общежития с полным содержанием и необходимым уходом.

Значительно сложнее оказались задачи Комиссии относительно тех инвалидов, которые не вполне утратили способность к труду. Здесь внимание было направлено на то, чтобы дать инвалиду возможность использовать, а по возможности и усилить оставшуюся долю трудоспособности. Задача достигалась с одной стороны переподготовкой увечных воинов, а с другой – посредством постановки протезов.

Для данной категории инвалидов также требовалось общежитие с полным содержанием на все время обучения и приспособления к какой-либо специальности. После чего необходимо было организовать переподготовку, в которую входило обучение ремеслам, «несложным специальностям интеллигентного труда», сельскому хозяйству, огородничеству, садоводству и пчеловодству. Также должно было быть организовано обучение грамоте и другим общеобразовательным знаниям.

Разработав такую схему помощи инвалидам, комиссия признала наиболее целесообразным сосредоточить все это в одном месте и в одном учреждении – Доме инвалидов. Он должен был находиться за городом близ трамвая и по возможности недалеко от водопровода. Для его постройки городское самоуправление согласилось отвести необходимую площадь из городской выгонной земли¹¹.

Замысел впечатляет своей масштабностью. Согласно эскизному проекту, для Дома инвалидов требовался участок земли размером 100 на 120 саженьей ценой 240 тыс. руб. Стоимость постройки в ценах на апрель 1916 г. составляла 1 530 тыс.

⁸ СОИКМ. КП-6527/1. Л. 66, 68.

⁹ Там же. Л. 79.

¹⁰ Там же. Л. 100.

¹¹ Там же. Л. 101.

руб.¹² Проект Дома инвалидов был подготовлен инженером Григорьевым. Согласно проекту, Дом строился для призрения полных инвалидов в количестве 100 чел. и для обучения 250 неполных инвалидов.

Полные инвалиды были разделены на 2 группы: опрятные (с утратой конечностей, слуха, зрения) и неопрятные (с язвами, кожными заболеваниями, недержанием). Для обеих групп проектировалось больнично-богадельное содержание. Для неполных инвалидов кроме общежития предполагалось построить школу и мастерские.

Вместимость школы при двух сменах составляла 400 чел. В ней планировалось обучать профессиям учителей начальных классов, волостных писарей и телефонистов, бухгалтеров, переписчиков-машинистов и др.

Для тех, кто был не в состоянии перейти на труд «полуинтеллигента», при ДOME инвалидов намечались мастерские, обучившись в которых ремеслу, инвалиды могли получить работу в своей деревне. В проекте предусматривались шапочная, переплетно-картонажная, портняжная, сапожная, щеточная и корзиночная мастерские на 180 чел.

В будущем предполагалось, что Дом инвалидов превратится в чистую богадельню. В этом случае школа и часть мастерских превращалась в общежитие, а оставшиеся мастерские должны были остаться для заполнения досуга и заработка инвалидов. Полный комплект инвалидов мог быть доведен до 700 чел.

Согласно проекту, предполагалось построить:

- основной корпус: общежитие инвалидов, мастерские, школу и церковь;
- отдельный павильон для полных инвалидов на 100 чел.;
- кухню-пекарню и склады в отдельном одноэтажном здании с погребями и подвалами;
- баню на 40 чел. и прачечную;
- амбулаторию, аптеку и больницу на 12 кроватей;
- дома администрации и служащих;
- хозяйственный двор.

Общежитие инвалидов предполагалось строить кирпичным двухэтажным, с подвалом для центрального отопления и вентиляционных калориферов. Размещение инвалидов планировалось палатное: 12 палат на 8 чел. и 2 по 10 чел. на первом этаже и 13 палат на 8 чел. и 1 на 20 чел. на втором. Столовая для обеда, завтрака, ужина и чая устраивалась на каждом этаже, при каждой – буфетная комната. На каждом этаже размещались клозеты и умывальники, комнаты для чистки одежды, обуви и платья. В вестибюле – гардероб. Также планировались комнаты для

¹² СОИКМ. КП-6527/1. Л. 36.

канцелярии и кабинета заведующего, для служителей и прислуги при буфете, для хранения белья, запасной одежды и для вещей инвалидов, курительные комнаты¹³.

Здание общежития соединялось непрерывным коридором с мастерскими, расположенными на двух этажах. На первом – канцелярия и кабинет заведующего, корзиночная, переплетная и портняжная мастерские, на втором – щеточная, сапожная и шапочная. При каждой мастерской существовала заготовочная, магазин-склад и комната для варки клея и сушки, а на каждом этаже – клозет, помещение для рабочей одежды, комната служителя при мастерских, квартиры мастеров. Каждая мастерская была запроектирована на 30 чел.¹⁴

Школа также была соединена с общежитием общим коридором. В ней были намечены следующие классы: общеобразовательные и для курсов бухгалтерии, счетоводства, письма на машинках, а также вестибюль, вешалка, учительская, кабинет пособий, библиотека, комната сторожей. Полная вместимость школы – 225 учащихся¹⁵.

Церковь была запроектирована на 400 чел., имела отдельные ходы и соединена с коридором арками.

Павильон для полных инвалидов был кирпичный, двухэтажный. Неопрятных больных предполагалось разместить по отдельным двухместным палатам (на 28 чел.). На каждые 7 палат запроектирована ванная, клозет, комната на двух санитаров, комната для чистого белья и посуды и отдельная уборная для хожалок. Опрятные инвалиды размещались в правой половине здания в 6 палатах по 12 чел. На каждые три палаты предполагались комната и уборная служителя, ванная, клозет и курительная. На первом и втором этажах размещались столовая с буфетом, комнаты врача и фельдшера¹⁶.

Амбулатория и больница размещались в отдельном здании. В больнице предполагались 2 палаты на 6 чел. и светлый коридор для дневного пребывания. При больнице намечались буфет, комната фельдшериц, ванная, клозет больных, комната и уборная хожалок. В амбулатории – кабинет доктора, перевязочная, аптека, клозет и раздевальня¹⁷.

В отдельное одноэтажное кирпичное здание выносились кухня, пекарня и квасная. Кухня проектировалась на 400-450 чел. В ней размещались вращающиеся котлы для крупных овощей (2 по 600 литров), для мелких овощей (2 по 450 литров), для супов (1 на 300 литров), для молока (1 на 75 литров), для каши (1 на 500 литров),

¹³ СОИКМ. КП-6527/1. Л. 87об. - 88.

¹⁴ Там же. Л. 88 об.

¹⁵ Там же. Л. 89.

¹⁶ Там же. Л. 89-90.

¹⁷ Там же. Л. 90-90 об.

для мяса (2 по 600 литров), три котлетные печи, два вертела для жаркого и плита с духовками. В квасоварне – квасные котлы, русская печь и подвал; в пекарне – две двухэтажные печи Васмундта, остывочная¹⁸.

Прачечная проектировалась с механическим оборудованием с годовым оборотом 750 пудов, при ней – дезинфекционная камера, мыльная, уборная для белья, комната для чистого белья, комната с уборной для прачек. Для мытья белья ставились мочильный и бучильный чаны; стиральная, полоскательная и отжимальная машины, два чана с щелоком, сушильный шкаф, гладильный голланд и механический каток. Общей котельной с прачечной отапливалась баня на 40-45 чел. Баня состояла из прихожей, раздевальни, мыльни, парильной и отдельного номера для высших служащих¹⁹.

Для размещения служащих было запроектировано два дома. В первом – квартиры старших служащих: 4 по пять комнат и 4 по три комнаты. Во втором – 2 по три комнаты, 8 по две комнаты и 14 по одной комнате для семейных, а также 8 комнат на двоих холостых и для прачек и одна комната на 4 чел. Для семейных запроектирована общая кухня на 7 комнат и столовая для холостых.

На хозяйственном дворе запроектирована конюшня на 10 лошадей с сеновалом и каретником, сарай для телег, 12 коровников.

Штат Дома инвалидов по проекту состоял из 76 чел.

Администрация: 1 заведующий Домом, 1 заведующий хозяйством (он же бухгалтер и преподаватель бухгалтерии), 1 счетовод, 1 старший дворник, 4 младших дворника, 1 старший истопник (он же слесарь) и 4 помощника.

Главное общежитие: 4 сторожа и 4 буфетной прислуги.

Школа: 1 заведующий школой, 1 священник, 3 учителя и 2 сторожа.

Мастерские: 1 заведующий мастерской, 6 мастеров цехов, 1 счетовод мастерских (он же заведующий материальными складами), 2 сторожа.

Отделение для неопрятных: 2 фельдшера, 16 санитаров.

Кухня и пекарня: 1 экономка, 1 повар, 1 пекарь, 2 помощника пекаря и повара, 3 мужика кухонных и пекарных.

Прачечная: 1 старшая прачка, 4 рабочие прачки.

Больница: 1 сестра, 2 хожалки.

Хозяйственный двор: 1 старший рабочий, 3 рабочих²⁰.

Реализация намеченного остановилась на стадии проектирования и выделения земли. Однако детальное описание проекта позволяет представить существовавшие

¹⁸ СОИКМ. КП-6527/1. Л. 90 об. - 91.

¹⁹ Там же. Л. 91 об. - 92.

²⁰ Там же. Л. 92 об. - 93 об.

в общественных кругах Самары взгляды о направлении и путях разрешения проблемы инвалидов.

Вместе с тем, налаживание помощи инвалидам существенно тормозилось непродуманной государственной политикой. Непосредственно государство отстранялось от данной деятельности, не представив при этом какой-либо крупной общественной организации полномочий по руководству процессом, следствием чего являлась распыленность действий, значительно снижавшая их эффективность. Лишь после Февральской революции вопрос создания органа, который бы координировал работу отдельных организаций, встал на практическую почву. В мае 1917 г. был создан Самарский губернский союз инвалидов. Согласно его уставу, утвержденному 7 мая 1917 г., в состав Союза могли входить все воины, пострадавшие от Первой мировой войны или на военной службе и потерявшие трудоспособность, а также семьи убитых и умерших во время войны воинов. Союз призван был организовать всех инвалидов Самарской губернии в общество для защиты политических и экономических интересов своих членов и их семей и обеспечения материального и правового их положения. Союз должен был:

- вести регистрацию своих членов;
- изыскивать материальные средства;
- устраивать бюро и конторы труда и юридической помощи;
- организовывать учебные и промышленные мастерские, фабрики, заводы, сельскохозяйственные и другие предприятия;
- находить рабочие места в других предприятиях, общественных и правительственных учреждениях;
- устраивать для своих членов инвалидные и детские приюты, культурно-просветительские учреждения, лечебные заведения;
- делегировать своих представителей на равных правах с другими организациями в губернские, городские, общественные и правительственные учреждения и комитеты;
- иметь своих представителей в учредительных и законодательных учреждениях²¹.

Союз существовал на средства от правительственных субсидий, ассигнований общественных учреждений и разного рода организаций, доходов от предприятий Союза, пожертвований и завещаний. Денежные поступления должны были распределяться на запасной фонд и оборотный капитал. При этом в запасной фонд отчислялось 10%, в оборотный – 90%²².

²¹ СОИКМ. КП-6527/1. Л. 135а.

²² Там же. Л. 135б.

Статьи и сообщения

Управление делами Союза осуществлялось общим собранием, делегатским собранием и Комитетом. Высшим учреждением Союза считалось общее собрание, которое созывалось Комитетом Союза на обыкновенные или чрезвычайные заседания²³. Обыкновенное заседание собиралось не реже одного раза в год для рассмотрения и утверждения отчета за текущий год, сметы прихода и расхода на следующий год; для избрания должностных лиц, а также для обсуждения мероприятий Союза и решения вопросов, предложенных как Комитетом и делегатскими собраниями, так и отдельными членами. Чрезвычайное – по письменному заявлению Комитету делегатским собранием или контрольно-ревизионной комиссией или заявлению, подписанному не менее 30 членами Союза, не позднее месяца со дня получения Комитетом. Все решения на общем собрании принимались простым большинством голосов и считались законными при наличии половины членов, живущих в Самаре. В делегатское собрание входили члены Комитета, контрольно-ревизионной комиссии, делегаты из уездов и обществ, организаций и учреждений, субсидирующих Союз. Оно рассматривало дела Союза по губернским мероприятиям и выносило свои постановления на общие собрания²⁴.

Для непосредственного ведения дел Союза на каждые 2 года избирался Комитет из 12 членов Союза и к ним 6 кандидатов. Из них ежегодно выбывало по трое: первый год по жребию, а дальше по старшинству избрания. Кроме выборных в состав Комитета входили делегаты от правительства, учреждений и общественных организаций, субсидирующих Союз, причем они пользовались правом решающего голоса на его собраниях и входили с этим же правом в контрольно-ревизионную комиссию. Комитет проводил все мероприятия Союза и управлял его предприятиями, изыскивал материальные средства, распоряжался средствами и капиталами по определению Общего Собрания, собирал сведения о нуждающихся, назначал им пособие, составлял ежемесячные и годовые отчеты, проводил все денежные операции Союза²⁵. Контроль над деятельностью Комитета должна была осуществлять ежегодно избираемая контрольно-ревизионная комиссия из трех членов Союза. Комиссия ежемесячно должна была проверять наличность кассы, капиталов Союза и его предприятий и докладывать о состоянии ревизии общему собранию²⁶.

Все члены Союза имели право на защиту их интересов Союзом, на помощь от него в зависимости от имеющихся средств, от степени потери трудоспособности и места постоянного жительства. Прежде всего помощь предусматривалась уроженцам

²³ СОИКМ. КП-6527/1. Л. 135в.

²⁴ Там же. Л. 135г.

²⁵ Там же. Л. 135е.

²⁶ Там же. Л. 135д.

Самарской губернии, проживающим в городе Самаре, полностью потерявшим трудоспособность в период Первой мировой войны. Для них ходатайствовали о приеме в существующие инвалидные дома и приюты, а имеющим возможность проживать в домашней обстановке выплачивались пенсии и пособия. По мере организации собственных заведений члены Союза помещались в них. Семьи таких инвалидов получали пособия как на проживание, так и на воспитание детей²⁷. Частично потерявших трудоспособность отправляли на службу. Работающим до инвалидности и войны в правительственных и общественных учреждениях Союз ходатайствовал о возвращении должностей, а тем, кто не в состоянии их занять по состоянию здоровья, Союз просил предоставить место в том же учреждении сообразно их трудоспособности. Для не служивших до войны или занимавшихся частной работой и лишившихся возможности продолжать свое прежнее занятие Союз должен был устраивать курсы, учебные мастерские, промышленные мастерские и фабрики, приспособленные для работы инвалидов сельскохозяйственные предприятия.

После удовлетворения нужд членов Союза – уроженцев Самарской губернии и проживающих в городе Самаре – помощь должна была оказываться членам Союза, проживающим в Самарской губернии. Семьи убитых и умерших во время войны призривались Союзом из денег, специально предназначенных для этой цели учреждениями и организациями, вносящими средства в Союз. Для них выделялись пенсии и субсидии, а их дети получали образование за правительственный счет в государственных учебных заведениях или в школах Союза²⁸. В обязанности членов Союза входило поддерживать своим трудом нетрудоспособных членов, а также подчиняться всем требованиям устава.

Таким образом, в годы Первой мировой войны самарская общественность осознавала необходимость не только медицинского восстановления, но и социальной реабилитации инвалидов и их максимального включения в общественно-полезную деятельность. Намечались проекты, которые предусматривали не просто уход и содержание людей, утративших полноценную работоспособность, но их общее и специальное обучение, профессиональную переподготовку с учетом физических возможностей, создание рабочих мест для их последующего трудоустройства. На новый уровень работу по оказанию помощи и социальной реабилитации инвалидов был призван поднять образованный в мае 1917 г. Самарский губернский союз инвалидов, но развертыванию его деятельности помешал нарастающий в стране социально-политический кризис, выплеснувшийся в Гражданскую войну.

²⁷ СОИКМ. КП-6527/1. Л. 135ж.

²⁸ Там же. Л. 135и.

Семенова Екатерина Юрьевна

доктор исторических наук

Самарский государственный технический университет

**УЧАСТИЕ НАСЕЛЕНИЯ В ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ПРОСВЕТИТЕЛЬСКИХ ОБЩЕСТВ КАК
СОСТАВЛЯЮЩАЯ СОЦИОКУЛЬТУРНОГО КОНТЕКСТА ЖИЗНИ ТЫЛОВОГО ГОРОДА
В ГОДЫ ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ (ПО МАТЕРИАЛАМ ПОВОЛЖЬЯ)**

Жизнь российского общества тыловых городов России в годы Первой мировой войны была сопряжена с условиями нестабильной социально-экономической и общественно-политической ситуации, кризиса официальной идеологии. В исследовании подобной действительности особое внимание привлекают механизмы, позволившие обывателю взаимодействовать с окружающим социумом, реализовывать себя в деятельности, которая одновременно являлась общественно полезной и позволяла найти человеку позитивное самовыражение. Их изучение раскрывает многогранность проявлений человека в нестандартной ситуации и выявляет опыт социальной активности, направленной на благо собственной личности и окружающих. Центрами, аккумулировавшими и транслировавшими социальную активность горожан в годы Первой мировой войны, являлись просветительские общества.

Деятельность просветительских обществ, действовавших в городах России в годы Первой мировой войны, привлекала интерес ряда исследователей¹. На материалах регионов России, в том числе Поволжья, изучалась роль интеллигенции

¹ Буданова А., Трегубов А. Дом Хованских // Самарская неделя. 1999. № 22; Захаров В.М., Захарова Т.А. Саратовская ученая архивная комиссия (1886–1920). Волгоград, 2005; Крайнова Т.В. Самарское археологическое общество (1916–1919) // Краеведческие записки. Самара, 1995. Вып. VII; Семенова Е.Ю. Культура Поволжья в годы Первой мировой войны (1914 – начало 1918 гг.). По материалам Самарской, Симбирской, Пензенской и Саратовской губерний. Самара, 2007; Соломонова Л.Я. Некоторые аспекты внешних связей СУАК // Краеведы и краеведение Поволжья в контексте общественного развития региона: история и современность: Материалы X межрегиональных краеведческих чтений, 24-25 апреля 2003 г. Саратов, 2003; и др.

Статьи и сообщения

в социокультурном процессе², участие отдельных личностей в просветительской работе³. Однако в контексте выявления социокультурной составляющей жизни тылового города в военную эпоху деятельность просветительских обществ не получила освещения. В данной статье выдвинуты исследовательские задачи, связанные с характеристикой проблем, возникших в связи с войной и препятствовавших продуктивной деятельности просветительских обществ; выявлением обществ, деятельность которых даже в условиях войны была эффективной; определением мотивации горожан, участвовавших в работе просветительских объединений.

Источниковая база исследования представлена отчетами и изданиями культурно-просветительских обществ, материалами региональных архивов и Государственного архива Российской Федерации, периодическими изданиями времен Первой мировой войны, содержащими сведения о деятельности просветительских объединений в городах Поволжья. В опубликованных отчетах и архивных документах содержатся данные о составе просветительских обществ, их материально-технической базе, конкретной работе сотрудников в изучаемый период. В местной периодике военных лет можно обнаружить материалы о социально значимых мероприятиях просветительских объединений, обращения деятелей обществ к местному населению.

Социокультурное пространство поволжского города в годы Первой мировой войны включало различные компоненты. Одним из них являлись общества, ориентированные на предоставление их участникам и всем горожанам возможности разностороннего просвещения. По направлениям деятельности их можно разделить на общества, ставившие своей основной задачей образовательно-просветительскую деятельность, культурно-просветительские, просветительские, работавшие как клубы, объединявшие людей с одинаковыми увлечениями, и на научно-исследовательские. Все эти общества обеспечивали возможности культурно-

² *Алехина Е.В.* Тамбовское земство в годы Первой мировой войны 1914–1918 гг.: дис. ... канд. ист. наук. Тамбов, 2005; *Дятлова Г.* Культурная жизнь Самары и земство в 1917 году // Самарский земский сборник. Самара. 1996. Вып. 3; *Киценко О.С.* Социально-культурная деятельность земских учреждений Саратовской губернии (1866–1917 гг.): дис. ... канд. ист. наук. Волгоград, 2005; *Купцова И.В.* Художественная интеллигенция России в годы Первой мировой войны. М., 2007; *Мартиновская А.И.* Самарское общество Народных Университетов // Самарский краевед: Историко-краеведческий сборник. Самара, 1991. Ч. 1; *Моргунова Е.И.* Земская интеллигенция в Самарской губернии в 1917–1918 годах // Краеведческие записки. Самара, 1995. Вып. VII; *Смирнова А.М.* Столичная интеллигенция в годы первой мировой войны (июль 1914 – февраль 1917 гг.): дис. ... канд. ист. наук. СПб., 2000; *Турганова О.В.* Культурно-просветительская деятельность земств Самарской губернии (1864–1917 гг.). Уфа, 2004; и др.

³ Константин Павлович Головкин. Самара, 1992; *Мишин Г.* Деятели культуры в Саратовской губернии. Саратов, 2001; *Семенов В.Н.* Саратов дворянский. Саратов, 2004; и др.

досуговой, образовательно-просветительской, научно-исследовательской практики как их сотрудникам, так и рядовым горожанам. Основой занятий сотрудников образовательно-просветительских обществ являлось расширение кругозора обывателей в рамках общих представлений об окружающем мире на базе начального образования или его углубления. Способы, содействовавшие данной работе, были разнообразны. Они включали общедоступные лекции, специальные образовательные курсы, использование в целях образования кино, музеев, театральных постановок. В культурно-просветительских обществах реализовывалось творчество горожан-любителей по постановке спектаклей, концертных программ, литературных вечеров, образовательно-просветительских курсов. В научных обществах велась исследовательская работа и на ее основе – деятельность по ознакомлению населения с историей, природой, животным миром края, техническим творчеством и прогрессом.

В условиях военного лихолетья работа просветительских обществ столкнулась с целым рядом проблем. Так, в отчете о работе Астраханского общества народных университетов (ОНУ) в сезон 1914–1915 гг. отмечалось, что оно «лишено было в течение всего отчетного года возможности пользоваться Городской Народной Аудиторией и рядом других» по причине размещения в них воинских частей, а количество сотрудников сократилось, поскольку «многие члены общества были мобилизованы», из-за чего бездействовали комиссии: естественно-научная, историко-литературная и разумных развлечений⁴.

В отчете о сезоне работы 1914–1915 гг. Астраханского отделения Императорского русского музыкального общества (ИРМО) указывалось, что из-за мобилизаций работников музыкального училища не было возможности устроить традиционные симфонические собрания и оперные спектакли, поэтому состоялись только камерные собрания. Также сократилось по сравнению с предвоенным периодом количество приглашенных артистов⁵.

Из-за ограничения помещения вынуждено было свернуть работу музея Рыбинское отделение Ярославского естественно-исторического общества (РО ЯЕИО). А в сезон 1914–1915 гг. в рамках культурно-просветительской деятельности им не были организованы лекции, которые в предыдущем сезоне устраивались. Когда деятели общества по предложению своего руководителя Н.Н. Розова решили устроить «День Народного Дома» для сбора средств на постройку культурного центра со сценой, зрительным залом на 1 тыс. человек, читальней, библиотекой,

⁴ Отчет Астраханского Общества Народных Университетов за 1914–1915 год (с 1 сентября 1914 г. по 1 сентября 1915 г.). Астрахань, 1916. С. 8-9.

⁵ Отчет Астраханского отделения Императорского Русского музыкального общества за 1914–1915 г. Астрахань, 1916. С. 4.

Статьи и сообщения

чайной, столовой, башней для обсерватории, помещениями для музея и приюта-яслей для детей воинов, то оказалось, что «потoki беженцев» и «общий лозунг "все для войны"» сделали сбор «несвоевременным», и РО ЯЕИО «отказалось от своей мысли до более благоприятного времени»⁶. Отсутствием пригодного помещения, а также отсутствием необходимых материальных и денежных средств объяснялась в годы войны «вялая» работа Саратовской губернской ученой архивной комиссии (ГУАК)⁷.

И все же, вопреки возрастающим затруднениям, работа просветительских обществ стала яркой составляющей социокультурного контекста развития поволжских городов в военные годы. А анализ деятельности обществ просветительской направленности позволяет выявить некоторые мировоззренческие императивы, свойственные городскому населению Поволжья рассматриваемого периода.

Разноплановую просветительскую работу, в том числе образовательную, осуществляли общества народных университетов. Ее составляющей были лекции и чтения, рассчитанные на самую широкую аудиторию, в том числе лечащихся в госпиталях и лазаретах фронтовиков. Деятелями секции районных лекций Самарского ОНУ только за сентябрь 1914 г. – октябрь 1915 г. было прочитано 17 лекций, которые прослушали около 12 тыс. человек, и 40 лекций для лечащихся в лазаретах военнослужащих. Работниками секции научных наглядных пособий осуществлялась демонстрация кинофильмов и слайдов. 98% из показов за период 1 сентября 1914 г. – 1 сентября 1915 г. были устроены для раненых. Работниками музыкальной секции предоставлялась горожанам возможность музыкального образования. В сентябре 1914 г. музыкальные курсы при ОНУ посещали 46 слушателей, в сентябре 1915 г. – 158. В апреле 1915 г. в Самаре была открыта Народная консерватория⁸. Сотрудниками Казанского ОНУ в ноябре 1916 г. было организовано 13 просветительских лекций и чтений, в декабре 1916 г. – 24⁹.

Активная работа проводилась членами Саратовского ОНУ, несмотря на его создание в условиях военного лихолетья (зарегистрировано 19 декабря 1915 г.). В августе 1916 г. – феврале 1917 г. сотрудниками Общества были открыты отделения в городах Камышин, Аткарск и Балашов, посаде Дубовка. В ноябре 1916 г. в Саратове читались научно-популярные лекции по русской литературе, геометрии, истории. Об

⁶ Известия Рыбинского отделения Ярославского естественно-исторического общества. Ярославль, 1915. Вып. 1. С. 18, 50.

⁷ Государственный архив Российской Федерации. Ф. 1907. Оп. 1. Д. 6. Л. 2.

⁸ Известия Самарского общества Народных Университетов. Самара, 1915. С. 6; Самара, 1916. С. 1-2, 11.

⁹ Подсчитано автором по: Национальный архив Республики Татарстан (далее – НАРТ). Ф. 199. Оп. 2. Д. 1596. Л. 119–128, 133–142, 145–151, 158–168.

Статьи и сообщения

их посещениях в местной прессе сообщалось, что «слушателей было так много, что не хватило билетов»¹⁰. В январе 1917 г. при Обществе началась работа на курсах по внешкольному образованию. Курсы для взрослых при Балашовском отделении Саратовского ОНУ в период августа 1916 г. – февраля 1917 г. посетили 305 человек. Интерес к работе Общества был так велик, что с февраля 1917 г. оно получило право на аренду для чтения лекций зала Народного театра, а в марте – Физического института, вмещавшего 500 человек¹¹. Общедоступные лекции и чтения по психологии, о хозяйственном быте, природе и другие устраивались в Саратове также обществом «Саратовский Маяк»¹².

Работники Астраханского ОНУ в годы войны обращались за содействием в проведении лекций к столичным лекторам Д.С. Шору, П.С. Когану, московскому лекционному комитету «Война и культура». И несмотря на отказ многих из тех, с кем ранее сотрудничали, все-таки сумели организовать просветительские программы. Кроме просветительских лекций в сезон 1914–1915 гг. при обществе работниками технической комиссии было прочитано 45 образовательных лекций на технических курсах. Курсы посетили 723 астраханца, в основном рабочие местных заводов. По средней посещаемости курсов была превышена статистика предвоенного года (16 человек вместо 11,6)¹³.

Деятели просветительских обществ принимали участие в организации познавательного и разумного досуга для детей. В ряде городов для этого создавались детские сады, площадки, клубы. Так, в Нижнем Новгороде работало Общество по устройству летних санаториев для учащихся средних учебных заведений города. При нем устраивались санатории, в которых обеспечивались отдых, хорошее питание и приют детям со слабым здоровьем малоимущих родителей, воинов и беженцев. Только летом 1916 г. в них отдыхали 113 детей. Финансовой базой были средства с благотворительных киносеансов¹⁴. Таким образом, посредством осуществления культурно-просветительской деятельности сотрудники общества одновременно решали и насущные социальные проблемы помощи детям и заботы о них.

В Казани члены семейно-педагогического кружка в июне 1916 г. устроили две детские площадки для игр – на Черном озере и Швейцарскую, финансируемые городской думой. Ими руководили слушательницы московских педагогических

¹⁰ Саратовский голос (Саратов). 1916. 4 ноября.

¹¹ Государственный архив Саратовской области (далее – ГАСО). Ф. 560. Оп. 1. Д. 1. Л. 5; Д. 2. Л. 12; Известия Саратовской Городской Думы. 1916. № 8. С. 125; Саратовский голос (Саратов). 1916. 1 ноября.

¹² ГАСО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 9633. Л. 47.

¹³ Отчет Астраханского Общества Народных Университетов за 1914–1915 год. С. 9.

¹⁴ Центральный архив Нижегородской области. Ф. 2. Оп. 6. Д. 2887а. Л. 12.

Статьи и сообщения

курсов П.Г. Сыроватко, С.Ф. Борисова, Е.Н. Фриде и М.П. Поройкова. Площадки работали до 1 августа. На Черном озере игровые занятия проходили ежедневно, кроме субботы, с 15 до 19 часов, на Швейцарской площадке – с 16 до 20 часов. Первую площадку посещали по 200–300 детей и подростков в теплые дни и по 100–200 чел. в дождливые. Большинство детей были из семей нижних служащих, фронтовиков и ремесленников, но приходили и дети чиновников, купцов, приказчиков, духовенства, сироты. Швейцарскую площадку ежедневно посещали около 90 детей, а всего записались 213, в основном из семей рабочих, ремесленников и интеллигенции. На Черном озере устраивали игры с мячом, скакалкой, в крокет, в песочницах, на Швейцарской – организовали занятия гимнастики, русского танца. Для детей, посещавших площадки, устраивали походы в лес, совместные праздники¹⁵. При кружке также работали музей «световых картин», с осени 1916 г. – библиотека. В Суконной слободе кружковцы открыли школу для бедных, которую к началу 1917 г. посещали 55 детей, обеспечивавшихся учебниками, обедом. На рождество для них был устроен праздничный вечер с угощениями и подарками¹⁶.

В Самаре удалить от улицы детей, предоставленных самим себе, увлечь их познавательной, развивающей деятельностью пытались сотрудники секции летних детских садов Самарского ОНУ. В мае-августе 1914–1916 гг. были организованы бесплатные летние детские сады-площадки. Площадки работали в будни с 9 до 12 часов и с 16 до 19 часов, в праздники – с 16 до 19 часов. Воспитателями были люди с педагогическим образованием. Они работали с разновозрастными группами по 30–40 детей. На площадках дети читали, играли, лепили, рисовали, пели, занимались огородничеством, рукоделием, столярным ремеслом, участвовали в семейных спектаклях и литературных утренниках, прогулках за реку Волга, экскурсиях в городской музей, на предприятия. Во время дневной экскурсии предоставлялось питание. Аудитория детских площадок менялась. В начале войны количество посещающих их детей сократилось, но в целом за лето 1914 г. показатель посещаемости был выше, чем в 1913 г. В 1913–1914 гг. на детские площадки приходили в основном дети рабочих, мастеровых, ремесленников. В 1915 г. около 1/3 посетителей были детьми фронтовиков, в 1916 г. 1/4 – беженцами. В 1915–1916 гг. при участии Общества были открыты городские детские сады. В 1914 г. в городе работали 3 детских площадки, в 1915 – 5, в 1916 г. – 9¹⁷.

В Саратове аналогичной работой занималась Городская комиссия по

¹⁵ НАРТ. Ф. 149. Оп. 1. Д. 3. Л. 30–33.

¹⁶ Там же. Л. 25–29.

¹⁷ Известия Самарского общества Народных университетов. Самара, 1913. С. 3–22; Самара, 1915. С. 6–20; Самара, 1916. С. 1–29.

Статьи и сообщения

дошкольному воспитанию. Летом 1915 г. ее сотрудники открыли 4 площадки (в Пушкинском саду, Вакуровском парке, при 5-м училище, у Радищевского музея). Предполагалось ввести 10 площадок, «чтобы создать наиболее подходящую для детей атмосферу, в которой они могли бы проявлять и развивать свою духовную силу, находить радость и веселье»¹⁸. В ноябре 1916 г. комиссия решила открыть 5 детских садов, при них вечерние клубы, дающие детям возможность два раза в неделю с 11 до 13 часов и с 17 до 19 часов заниматься чтением, рисованием, играми, смотреть диафильмы. 3 клуба были открыты при школах города в ноябре 1916 г. Программа включала ручной труд, беседы, питание, подвижные игры. Занятия проводились 2-3 раза в неделю в 17-19 часов, по воскресеньям – в 11-13 часов. Руководили занятиями учительницы А.Г. Игнатова, В.С. Новинская и М.А. Никитина, а в феврале 1917 г. в клубах работали уже 7 человек¹⁹.

Забота об организации детского досуга в городах Поволжья в годы Первой мировой войны позволила частично разрешить проблему беспризорности, помогла родителям в содержании детей, одновременно содействовала их развитию. В разных городах она осуществлялась как в контексте социальной политики, так и при участии благотворителей. В детский досуг были включены разнообразные культурно-развлекательные и познавательные программы и занятия, содействовавшие развитию маленького человека.

В целях просветительской и образовательной деятельности в городах создавались Народные Дома. В Вольске (Саратовская губерния) 6 ноября 1915 г. было зарегистрировано Общество Вольского Народного Дома им. императора Александра II, поставившее цель «построить Народный дом, удовлетворять культурные потребности и развивать общественность среди населения города Вольска»²⁰. В Красном Яре (Астраханская губерния) в ноябре 1916 г. было организовано «Общество Народного Дома», в состав которого вошли «почти все» представители местной интеллигенции и земства. Под здание было приспособлено помещение пустующего дома-школы²¹.

Культурно-просветительский аспект деятельности обществ помимо лекций о литературе, художественном творчестве был связан с проведением музыкальных программ и театральных постановок, защитой культурного достояния. В Самаре в январе 1916 г. поэт-лирик Я.М. Тисленко создал Самарское общество любителей искусства и литературы. Его деятели вначале устраивали семейные вечера, а с февраля 1916 г. организовывали общедоступные лекции и концерты, в том числе в

¹⁸ Саратовский голос (Саратов). 1916. 18 ноября.

¹⁹ ГАСО. Ф. 4. Оп. 1. Д. 3720. Л. 2, 13, 16, 19.

²⁰ Там же. Ф. 176. Оп. 1. Д. 494. Л. 1-16.

²¹ Астраханский листок (Астрахань). 1916. 18 ноября (1 декабря).

самарских лазаретах²². В Симбирске Музыкально-драматически-художественное общество в составе актеров-любителей Ф.Е. Вольсова, В.А. Варламова, Г. Горлова и других организовывало в годы войны музыкально-драматические программы для жителей города, в том числе и в благотворительных целях. С января 1915 г. в городе начал работать кружок любителей музыкально-драматического искусства в составе около 200 чел., образованный при Симбирском коммерческом собрании. Кружковцы ставили постановки, в том числе на сцене театра Т. Булычевой, установив плату для зрителей в 50 коп., участвовали в благотворительности, перечислили в конце сезона 600 руб. на нужды войны²³.

В Саратове в начале войны работали кружок любителей старинной музыки в составе И.В. Липаева, Лебедевой и др., любительский драматический кружок Саратовского клуба подрядчиков, Саратовское отделение ИРМО, созданное на базе последнего в феврале 1914 г. Саратовское общество любителей драматического искусства и музыки (СОЛДИМ) – около 40 чел. Данные объединения продолжали функционировать и в условиях войны. Так, деятели СОЛДИМ в помещении кинематографа «Рояль-Вю» показывали спектакли, перечисляя сбор в пользу семей призывников²⁴. В 1916 г. в городе открылись: 29 января – литературно-музыкально-драматический кружок при 1-й женской гимназии и 1-м реальном училище, 6 марта – Саратовское отделение Первого литературно-драматического и музыкального общества им. А.Н. Островского, поставившее цель создать общедоступный театр, в составе актеров и актрис М.И. Велизарий, А.Ф. Бровцина, И.А. Слонова и др.²⁵

Литературно-музыкальный и драматический кружок в Сердобске (Саратовская губерния) был единственным источником знакомства с театром, одним из немногих средств «заполнения досуга самой разнообразной публики»²⁶. В Саратовской же губернии, в Кузнецке, в декабре 1916 г. был зарегистрирован художественный кружок с литературно-драматическим, художественным и музыкальным отделами. Его участниками были техник Г.А. Башкиров, мещанин М.М. Никоноров, владелец чугунно-литейного завода М.И. Шульгин и др.²⁷

В Астрахани культурно-просветительскую работу осуществляло в годы войны Астраханское отделение ИРМО. За сезон октября 1914 г. – апреля 1915 г. им были организованы 15 концертов (4 общедоступных, 5 открытых ученических

²² Семенова Е.Ю. Указ. соч. С. 51.

²³ Там же. С. 53–54.

²⁴ Там же. С. 55–56.

²⁵ ГАСО. Ф. 176. Оп. 1. Д. 489. Л. 1-4; Саратовский голос (Саратов). 1917. 3 января.

²⁶ ГАСО. Ф. 128. Оп. 1. Д. 184. Л. 8, 18.

²⁷ Там же. Ф. 176. Оп. 1. Д. 766. Л. 4-18.

музыкальных вечеров, 3 очередных)²⁸.

Интересный феномен стремления человека к самореализации в условиях военного времени представляет работа обществ научной и научно-просветительской направленности. Несмотря на материальные затруднения ряд из них продолжали более или менее активную деятельность в период осени 1914 – начала 1918 гг., а также были образованы новые общества.

Активно действовало Рыбинское отделение Ярославского естественно-исторического общества. На метеостанции велось наблюдение за снеговым покровом, метелями, замерзанием вод. В 1915 г. был выпущен 1-й номер «Известий» Общества, в 1917 г. – 2-й. Осенью 1914 г. был поднят вопрос об устройстве при Обществе Ботанического сада на территории участка, предложенного землевладельцем К.А. Никитиным. В мае 1915 г. там был осуществлен посев семян лекарственных трав, посадка саженцев лиственницы, в августе – посев кормовых трав. В годы войны расширился состав членов общества. Если к 1 сентября 1914 г. в нем насчитывалось 74 члена, то к 1 сентября 1915 г. – 77, к 1 сентября 1916 г. – 108, к 1 сентября 1917 г. – 134. Регулярными были собрания членов общества (11 в 1915–1916 гг., 11 в 1916–1917 гг. и 6 в 1917–1918 гг.)²⁹.

В Самаре незадолго до войны образовалась Самарская ГУАК в составе увлеченных историей края людей (М.М. Зеленского, Ф.Т. Яковлева и др.). В 1914 г. в ее состав входили 35 членов, в начале 1917 г. – уже 52. В годы войны деятели Самарской ГУАК описывали храмы и монастыри губернии, изучали историю населенных пунктов края, собирали материалы по истории театра, участвовали в создании отдела истории войны в Городском музее. В 1917 г. они спасли архивы бывшего Губернского правления, библиотеки Самарской духовной семинарии и Александровского гусарского полка³⁰.

7 мая 1916 г. в Самаре было зарегистрировано археологическое общество (САО), в состав которого в 1916 г. входили 27 человек, в начале 1917 г. – 54. Члены САО участвовали в создании отдела «европейской войны» и церковного отдела при Городском музее, осуществляли этнографические исследования, собрали к лету 1916 г. 67 лубочных картин. В начале 1917 г. записывали на территории губернии

²⁸ Отчет Астраханского отделения Императорского Русского музыкального общества за 1914–1915 г. С. 3-4, 60-86.

²⁹ Государственный архив Ярославской области. Ф. 1541. Оп. 1. Д. 84. Л. 22, 32, 39; Известия Рыбинского отделения Ярославского естественно-исторического общества. С. 20-21, 36, 38-39, 104.

³⁰ Центральный государственный архив Самарской области (далее – ЦГАСО). Ф. 518. Оп. 1. Д. 1. Л. 2, 7; Д. 5. Л. 2; Д. 7. Л. 173-175; Ф. Р-780. Оп. 1. Д. 2. Л. 42, 45-46; Д. 5. Л. 3.

народные песни, продолжали данную работу и весной-летом 1917 г.³¹

2 февраля 1917 г. в Самаре был создан физико-математический кружок. В состав кружка входили 9 чел., в том числе директор самарского реального училища В.Н. Волков, инженер В.С. Ножкин и др. Кружковцы выпустили собственный журнал «Известия Самарского физико-математического кружка», опубликовав статьи по физике, математике и педагогике. На заседаниях обсуждались спорные научные теории³².

В Симбирске сотрудники открывшегося в начале 1914 г. церковно-археологического общества обсуждали в годы войны вопросы археологии. В августе 1915 г. ими было открыто Симбирское древлехранилище (архив)³³.

Членами Саратовской ГУАК в годы войны организовывались собрания членов Комиссии и рассматривались научные сообщения. В 1914 г. продолжалась разведка Хвалынских городищ, в 1915–1916 гг. были изданы сборники «Трудов», осуществлялась опись и инвентаризация документов³⁴. Сотрудники саратовского общества естествоиспытателей поддерживали работу музея, Волжской биологической станции, рыбоводного завода³⁵.

В годы войны в своей работе сотрудники просветительских обществ столкнулись с серьезными проблемами, такими как мобилизация сотрудников, изъятие помещений для размещения военных, отсутствие финансовых поступлений. Это, однако, не помешало их деятелям продолжить работу, организуя ее с учетом новых условий. Во многих поволжских городах были образованы просветительские общества, участники которых занимались культурной, образовательной, научно-исследовательской деятельностью. Поддержание деятельности образованных ранее и организация новых просветительских обществ обеспечивали включенность горожан в культурное пространство, его сохранение и развитие.

Деятельность просветительских обществ охватила новые группы городского населения: раненых фронтовиков, беженцев, детей. Стало уделяться большое внимание миссии по просветительству широких социальных слоев. Полагаем, что

³¹ ЦГАСО. Ф. 429. Оп. 1. Д. 3. Л. 1, 8-10, 29-33, 38-40, 51-52; Д. 5. Л. 2, 18; Д. 6. Л. 1; Д. 10. Л. 11; Ф. Р-558. Оп. 1. Д. 1. Л. 1-3; Д. 3. Л. 1-8; Д. 4. Л. 1-6; Д. 5. Л. 1-12; Д. 6. Л. 1-11; Д. 7. Л. 1-11; Д. 8. Л. 1-10; Д. 9. Л. 1; Д. 10. Л. 1-12; Д. 11. Л. 1-2.

³² *Охтович А.Г.* Известия Самарского физико-математического кружка. Самара, 1917. Вып. 1. С. 1.

³³ Справочная книжка и адрес-календарь Симбирской губернии на 1916 год. Симбирск, 1916. С. СХIII.

³⁴ Труды Саратовской ученой архивной комиссии. Саратов, 1915. Вып. 32. С. 169, 175, 202-203; Саратов, 1916. Вып. 33. С. 107-132; *Миронов В.Г.* Указатель статей и заметок, опубликованных в трудах СУАК. Вып. 1-33 // Труды Саратовского областного музея краеведения. Саратов, 1996. Вып. IV. С. 268-307.

³⁵ Отчеты о деятельности саратовского общества естествоиспытателей с 1912 по 1914 год. Саратов, 1917. С. 24, 69, 82, 83.

Статьи и сообщения

данная тенденция отражала потребности горожан Поволжья в духовном общении, восприятии и передаче культурных ценностей, компенсировавших напряжение, вызванное войной, а также стремление к самовыражению. Включенность представителей различных социальных групп в деятельность просветительских обществ подчеркивает актуальность в условиях войны среди жителей тылового города и духовных исканий и осуществления социально ориентированной практической миссии в просвещении и культурном строительстве.

Артамонова Людмила Михайловна

доктор исторических наук

Самарская государственная академия культуры и искусств

ПЕРЕВОДЫ ШКОЛЬНИКОВ В УЧЕБНЫЕ ЗАВЕДЕНИЯ САМАРЫ ВСЛЕДСТВИЕ СОБЫТИЙ ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ

На протяжении истории человечества в военное время особенно страдают дети, в том числе из-за того, что их развитие и образование протекает в самых неблагоприятных условиях. Детство и война, война и просвещение – понятия, которые противостоят друг другу по смыслу, но, к сожалению, часто пересекаются в реальности.

В литературе, посвященной Первой мировой войне, вопросы детства в основном затрагивались в связи с изучением социальной помощи сиротам и беженцам или же в связи с привлечением детей и подростков к работе в промышленности, сельском хозяйстве, на транспорте¹.

В настоящей статье уделяется внимание воздействию войны на образование, а именно тем аспектам, которые связаны с переводом учащихся в школы тылового провинциального города, каким была Самара. Данные аспекты лишь частично рассматривались в литературе, посвященной как Самарской, так и другим губерниям².

¹ Басов Н.Ф., Аристова О.А. Опыт помощи беженцам в Костромской губернии в годы Первой мировой войны // Вестник Костромского государственного университета им. Н.А. Некрасова. Серия: Педагогика. Психология. Социальная работа. Ювенология. Социокинетика. 2008. Т. 14. № 3; Корепанов А.А. Из истории Озно-Чепецкого сиротского приюта // Материальная и духовная культура народов Урала и Поволжья: история и современность: материалы Всерос. науч.-практ. конф. Ижевск, 2013; Белов С.И. Законодательные акты как индикатор промышленного кризиса в годы Первой мировой войны (1914–1917 гг.) // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. 2012. № 3. Ч. 2; и др.

² Артамонова Л.М. Бедствия Первой мировой войны как причины перевода в самарскую гимназию // Культура, наука, образование: проблемы и перспективы. Материалы III Всероссийской научно-

Статьи и сообщения

Несмотря на провинциальность Самара накануне Первой мировой войны была городом с достаточно развитой культурно-просветительской инфраструктурой, которая предоставляла большие возможности для получения всех уровней образования, за исключением высшего. Уже в 1897 г. здесь в разных учебных заведениях обучалось более 90% всех детей в возрасте от 8 до 11 лет³. В конце XIX в. был поставлен вопрос о введении всеобщего начального обучения в Самарском уезде, а в начале XX в. – во всей губернии⁴.

После начала Первой мировой войны известный публицист самарской газеты «Волжское слово» Н. Северский (А.И. Свидерский) писал, выражая уверенность земляков, что «школа в Самаре будет функционировать во время войны... И мы должны оберегать свою школу и блюсти ее интересы до тех пор, пока не наступит крайняя минута...»⁵ Действительно, образовательный потенциал города в военные годы не был утрачен. Наоборот, он даже возрос. В 1914–1916 гг. в городе насчитывалось более 140 учебных заведений, в их числе – полтора десятка средних общеобразовательных и специальных учебных заведений: учительский институт, реальные училища, мужские и женские гимназии, духовная семинария, земская школа сельских учительниц, техническое железнодорожное и коммерческое училища. Неполное среднее образование давали 3 городских высших начальных училища, устроенные и для мальчиков, и для девочек⁶. В 1911 г. из музыкальных классов было образовано Музыкальное училище Самарского отделения Императорского Русского музыкального общества⁷. В военном 1914 г. оно стало давать своим учащимся, кроме профессиональной подготовки, общее образование в объеме курса прогимназии⁸.

Весьма многочисленными были начальные и элементарные школы. Накануне 1917 г. в городе работали 9 мужских, 9 женских и 49 смешанных приходских училищ, а также ряд подобных училищ, организованных Союзом русского народа, Обществом приказчиков при Жигулевском пивоваренном заводе, католическом

практической конференции. Нижневартовск, 2014; *Васильев М.В.* Беженцы Первой мировой войны и Псковская губерния // Псков. Научно-практический, историко-краеведческий журнал. 2014. № 40.

³ *Артамонова Л.М.* Получение Самарой губернского статуса и расширение культурного пространства провинциального города // Городская культура и город в культуре. Материалы Всероссийской научн.-практ. конф. Самара, 2012. Ч. I. С. 11.

⁴ *Чирков М.С.* Проблема введения всеобщего начального обучения в Самарской губернии (1907–1914 гг.) // Наука и культура России: материалы II Междунар. конф. Самара, 2005. С. 33-34.

⁵ Волжское слово (Самара). 1914. 21 августа.

⁶ Памятная книжка Самарской губернии на 1916 год. Самара, 1916. С. 36, 64-70.

⁷ *Артамонова Л.М.* Музыка в историко-культурном ландшафте Самары первой половины XX века // Профессиональное музыкальное искусство России: традиции и новаторство (Самара; 2011): Материалы Всерос. науч. конф. Самара, 2012. С. 13.

⁸ Волжское слово (Самара). 1914. 3 августа.

костеле, лютеранском приходе. Действовали также еврейская и татарские школы, ремесленные и торговые училища, школы для учеников с ограниченными возможностями. Среди начальных школ перечнем предметов и длительностью обучения выделялись 2-х, 3-х и 4-х классные училища: городские (2 женских и 1 мужское), земские (женское и мужское), духовное (для детей священнослужителей) и два епархиальных (для их дочерей)⁹.

Таким образом, в Самаре имелись достаточные возможности для обучения детей не только местных жителей, но и значительной части беженцев и переселенцев из зоны боевых действий, районов оккупации противником, близких к фронту губерний. Образовательный процесс функционировал, несмотря на то что значительная часть учебных площадей была отдана под устройство лазаретов, размещение солдат и военнопленных. Конечно, дети и родители, школы и учителя испытывали немало лишений. Однако желание и необходимость учиться преодолевали эти проблемы и невзгоды.

При изучении обстоятельств перевода школьников в учебные заведения Самары в годы Первой мировой войны по возможности проводилось выявление отличий в причинах переводов, характерных для мирного и военного времени. В архивных фондах ряда образовательных учреждений наряду со сведениями об учебе, личными делами, аттестатами зрелости школьников частично сохранились и прошения о приеме. Именно в них родителями, родственниками или самими учениками излагались эти причины.

Наиболее интересные материалы о приеме учеников сохранились в фонде Самарской второй мужской гимназии. Для поступления в учебное заведение родители будущих гимназистов должны были подавать прошение на имя директора. Форма заявления о приеме была строго установлена и напечатана на бланке. Указывались фамилия, имя, отчество родителей (или одного из родителей); фамилия и имя поступающего; сословие, к которому принадлежала семья; адрес проживания (или адрес последнего места жительства для недавно переехавших в Самару); основания для поступления (общие, перевод из другого учебного заведения и т.д.); степень подготовки будущего ученика; в какой класс он собирался поступать. К прошению прилагались «справки об успехах» (для переводившихся из других учреждений), метрическая выписка, «свидетельство доктора», данные о прививках, сведения о родителях (сословие, доход, возраст, род занятий), обязательство родителей по содержанию гимназиста, свидетельство о сроке явки к исполнению воинской повинности.

⁹ *Артамонова Л.М.* Музыка в историко-культурном ландшафте Самары первой половины XX века С. 10.

Статьи и сообщения

Социальное положение родителей учеников, чьи прошения сохранились, было разнообразным и охватывало различные слои городского населения. Среди них упоминались дворяне, офицеры, «военные чиновники», «потомственные граждане», мещане, купцы, церковнослужители, крестьяне. Пестрым был их этнический и конфессиональный состав¹⁰.

Анализируя прошения о поступлении в гимназию, их можно разделить на две хронологические группы: поданные до 1916 г. и поданные в 1916–1917 гг. До 1916 г. большинство новых учеников поступало в первый класс. В 1916–1917 гг. участились переводы в г. Самару из других гимназий и училищ. Основания для них были различны.

В связи с военными событиями уже к осени 1915 г. хлебные поставки в города были нарушены, в 1916 г. положение с продовольственным снабжением становилось все более тяжелым и к 1917 г. приняло особо острый характер. Именно продовольственный кризис стал одной из причин оттока населения из столиц и крупных городов центральной России. Сказался он и на судьбах гимназистов, которые вынуждены были возвращаться домой из столичных гимназий. В прошении А.П. Машкевича от 22 августа 1917 г. сказано: «Покорнейше прошу принять сына моего Михаила в седьмой класс вверенной Вам гимназии. В настоящее время он числится воспитанником седьмого класса Петроградской гимназии Я. Гуревича, и вследствие продовольственного кризиса не может продолжать в таковой своего дальнейшего образования. Приняв во внимание распоряжение Временного правительства, предоставляющее право воспитанникам Петроградских учебных заведений зачисляться в учебные заведения по месту их постоянного жительства, я надеюсь, Вы найдете возможным удовлетворить мое ходатайство»¹¹.

Серьезным основанием для изменения места жительства и учебы были не только продовольственные, но и другие экономические трудности, ударившие по многим семьям. Военные расходы и потери, снижение производства гражданской продукции вели к падению жизненного уровня населения, вызывая рост цен, инфляцию, дефицит и другие проблемы. Эти проблемы чувствовались с самого начала войны. Уже в августе 1914 г. в Самаре били тревогу по поводу положения многих семей, мужчины из которых были призваны на войну: «...Им приходится продавать последнюю свою рухлядь, чтобы просуществовать день-два. И таких обнищавших семей много. Обходя дворы, приходится наталкиваться, положительно, на полуголых детей и женщин, вынужденных разговаривать с посетителем через двери или стоя спиной к посетителю. Домохозяйства, у коих приютились солдатки со своими семьями, гонят с квартир, опасаясь неплатежа денег. Есть, наконец, дети-

¹⁰ Центральный государственный архив Самарской области (далее – ЦГАСО). Ф. 303. Оп. 1. Д. 1-18.

¹¹ Там же. Д. 17. Л. 1.

сироты, у коих мать умерла, а отец взят на войну. Надо их устроить немедленно. При отце-вдовце они все же по миру не ходили, а теперь приходится содержаться подаванием»¹².

Финансовые затруднения, призыв в армию мужчин-кормильцев делали невозможным содержание детей в учебных заведениях, расположенных вдали от дома, что становилось причиной перевода гимназистов из одних учебных заведений в другие. В прошении от 9 сентября 1917 г. от проживавшего в Самаре мещанина иудейского вероисповедания И.Л. Пинеса, уроженца Виленской губернии, сказано: «Имею честь покорнейше просить о переводе сына моего Моисея из Сызранской гимназии в седьмой класс вверенной Вам гимназии. Все документы его находятся в Сызранской гимназии, но справку о его успехах можно предоставить из первой мужской гимназии в г. Самаре, куда не был принят за неимением свободного места. Считаю не лишним отметить, что имею двух сыновей на войне. Обремененный большой семьей не имею возможности при постоянной дороговизне содержать сына в отдельном чужом городе, а потому обязательно прошу удовлетворить мое ходатайство и тем самым дать мне возможность продолжать учить моего сына»¹³.

Суть описанной выше ситуации заключается в том, что конкурс на зачисление и требования к поступающим в средние учебные заведения губернского города Самары были заметно более строгими, чем в аналогичные школы, расположенные в уездных центрах. В силу этого самарские жители, чьи дети не проходили отбор в средние образовательные учреждения своего города, отправляли их на учебу в соседние города, чаще всего в г. Сызрань, где не все вакансии заполнялись местными детьми и школьников из других мест принимали охотно¹⁴.

В мирные годы содержание школьников из Самары в домах родственников или на съемных квартирах в Сызрани не было очень обременительно. Однако в условиях войны и революции уровень расходов на ребенка-ученика в чужом городе, посильный для довоенного времени, становился неподъемным для самарских жителей.

У Моисея Пинеса возникла дополнительная проблема по переводу, поскольку он учился не в казенной школе. Он поступил в 1911 г. в частное учебное заведение 1-го разряда А. Укольского, преобразованное затем в частное же заведение Общества по открытию правительственной гимназии в г. Сызрани, где и закончил в 1915 г. четыре класса. К документам о переводе поэтому были приложены выписки

¹² Волжское слово (Самара). 1914. 6 августа.

¹³ ЦГАСО. Ф. 303. Оп. 1. Д. 18. Л. 1.

¹⁴ Самый известный пример: 14-летний будущий писатель А.Н. Толстой, проваливший экзамены в Самарское реальное училище, но принятый в 4-й класс реального училища в г. Сызрани Симбирской губернии в 1897 г., после года обучения в котором мать сумела перевести его на учебу в Самару. (Корниенко О.И. Сызрань А.Н. Толстого // Наш современник. 2003. № 8. С. 255).

из Свода законов о праве сдавать экзамены в казенную гимназию учениками и выпускниками частных школ и распространении на них льгот по несению воинской повинности¹⁵.

Нельзя исключать также повышенную мобильность еврейских семей в годы войны и особенно после Февральской революции. Это было связано как с ослаблением, а затем с отменой ограничений на их проживание в тех или иных местностях, так и с опасениями межэтнических и межконфессиональных эксцессов в надвигающемся гражданском противостоянии. Возможно, эти обстоятельства отразились на прошении Ф.Ш. Бромберг, в котором выражалось желание перевести ее брата Рувима Бромберга, сына купца I гильдии, из Первой мужской гимназии Оренбурга во Вторую мужскую гимназию Самары в связи с переездом в этот город всей семьи. Прошение о переводе этого юноши в 7-й класс самарской гимназии было удовлетворено 16 сентября 1917 г.¹⁶

Необходимость перевода в другие учебные заведения могла быть вызвана передвижением населения из-за временного закрытия или полной ликвидации ряда производств в тех или иных городах. Причинами тому были или чисто экономические трудности, или техногенные катастрофы, или возможные диверсии, если речь шла об оборонных предприятиях.

Прошение от 6 августа 1916 г. о приеме в гимназию Константина Гаврилова представляет редкий пример, когда его писал не кто-то из родителей или близких родственников, а сам учащийся. В нем излагаются следующие обстоятельства: «Обучаясь в минувшем учебном году в Рязанской 3-й мужской гимназии, я проживал на квартире и столовался у своих родственников, которые в настоящее время после бывшего там в августе месяце пожара и взрывов порохового завода из Рязани выехали, а поэтому мне пришлось принять меры к подысканию другой квартиры. Все мои поиски к подысканию комнаты и хлебов не увенчались успехом, так как свободных комнат совсем не оказалось, а в особенности с полным пансионом, вследствие чего я нахожусь вынужденным перейти из Рязанской гимназии в гимназию другого города. Имея в городе Самаре родственников, которые изъявили желание взять меня на квартиру со столом, имею честь покорнейше просить педагогический совет не отказать принять меня в число учащихся второй Самарской гимназии в седьмой класс. При этом присовокупляю, что средств у меня никаких нет. Содержусь вместе с братьями и матерью на слишком незначительную пенсию после смерти отца»¹⁷.

¹⁵ ЦГАСО. Ф. 303. Оп. 1. Д. 18. Л. 4-4 об.

¹⁶ Там же. Д. 12. Л. 1.

¹⁷ Там же. Д. 15. Л. 1.

Наряду со средними учебными заведениями, новых учащихся из западных губерний принимали и самарские школы других образовательных уровней, например, в Самарское 3-е высшее начальное училище имени Тургенева. В училища данного типа принимались лица в возрасте от 10 до 13 лет, закончившие курс начального (приходского) училища Министерства народного просвещения¹⁸.

Родители должны были предоставить следующие документы: метрическое свидетельство о рождении ребенка, «свидетельство о привитии оспы» ему, табель об оценках в выпускном отделении приходской школы. Они также брали обязательства: «1) наблюдать за исполнением сыном моим установленных начальством правил, 2) устранять его от употребления огнестрельного оружия, 3) в случае потери сыном моим училищной книги при порче училищного имущества уплатить их стоимость, 4) уведомить о перемене адреса»¹⁹.

Фонд училища имени Тургенева сохранился в ЦГАСО. В его составе есть дела с указанием детей-беженцев, нуждающихся в пособии²⁰, и прошениями об их переводе сюда. Так, пометка «беженец» стоит на прошении мещанина католического вероисповедания г. Вильны (Вильнюса) И.К. Тышкевича. 16 сентября 1915 г. он попросил о принятии в первый класс своего 12-летнего сына Ивана. Тот прежде учился в Виленской губернии, ставшей тогда прифронтовой, в Надеждинском народном приходском училище Лидского уезда (ныне на территории Гродненской области Белоруссии)²¹.

Благодаря прошениям и другим документам можно выяснить имена учеников, которые официально не числились беженцами, но также уехали в Самару от военной угрозы. Официально не числился беженцем 13-летний Эдуард-Гейнрих, о принятии которого в училище имени Тургенева просил его отец Иоанн-Яков Пуро, крестьянин Юрьевского уезда Лифляндской губернии (ныне Тартуский уезд Эстонии). Причем и школу низшей ступени он закончил в Самаре (20-е смешанное приходское училище). Однако о том, что семья мальчика переехала в Самару только в 1914 г., говорит выданная ему тогда же справка о состоянии здоровья и прививках. О недавнем приезде его в коренную российскую губернию свидетельствуют также оценки, полученные в приходском училище. Самые низкие оценки за сентябрь-декабрь 1914 г. эстонский подросток получил по малознакомым для него церковнославянскому языку – «3», русскому устному – «3» и письменному – «3-». Однако он занимался весьма старательно. За четыре указанных месяца он пропустил

¹⁸ ЦГАСО. Ф. 307. Оп. 1. Д. 39. Л. 5.

¹⁹ Там же. Д. 37. Л. 6.

²⁰ Там же. Д. 45.

²¹ Там же. Д. 39. Л. 90-91.

только три дня занятий, а в январе-марте 1915 г. вообще только один день. В результате он сдал очередные экзамены по русскому устному и письменному на «4», получил по ним годовые оценки «3+», не сумев улучшить только оценку по церковнославянскому²².

Иногда переезд в Самару оказывался временным. Стабилизация фронта после немецкого наступления 1915 года позволила вернуться в родной город минскому мещанину Иосифу Петровскому. Он в 1915 г. перевелся в Самару из 2-го Минского высшего начального училища. Об этом свидетельствует справка-удостоверение от 2 сентября 1915 г. В сентябре следующего 1916 г. он уже просил переслать метрическую выписку и аттестат из Самарского училища им. Тургенева на его почтовый адрес в Минск, не удержавшись от мальчишеской приписки на бланке прошения: «Привет из Минска». Как и вышеупомянутый гимназист К. Гаврилов, И. Петровский сам вел дела с училищным начальством и по поводу перевода в Самару, и по обратному переводу в Минск. Впрочем, он был уже довольно взрослым юношей, 1899 года рождения. Переводился он в Самарское высшее начальное училище сразу в 3-й класс²³.

Таким образом, в прошениях о приеме и переводе в учебные заведения Самары обнаруживаются интересные свидетельства влияния драматических событий в Российском государстве на личную жизнь и судьбу людей в период Первой мировой войны и начавшейся революции. Дети и подростки школьного возраста, будучи одной из уязвимых социальных групп, весьма скоро и заметно почувствовали последствия потрясений устоев общества и миропорядка. В переходах из одних учебных заведений в другие в условиях военного времени скрывались глубокие причины, заставлявшие многих менять свою жизнь, покидать прежние места обитания и учебы. На начало 1916 г. в Самаре насчитывалось только официально зарегистрированных детей-беженцев 4 825 чел.²⁴ В эти трудные годы отдаленная от фронта Самара давала приют и место за школьной партией детям разных конфессий (православным, католикам, лютеранам, иудеям) и разных национальностей: русским, полякам, белорусам, евреям, эстонцам.

²² ЦГАСО. Ф. 307. Оп. 1. Д. 39. Л. 5-8.

²³ Там же. Л. 1-4.

²⁴ Семенова Е.Ю. Мировоззрение городского населения Поволжья в годы Первой мировой войны (1914 – начало 1918 гг.): социальный, экономический, политический аспекты. Самара, 2012. С. 566.

Вяльцева Елена Николаевна

аспирант

Самарский государственный университет

ПОЛЬСКИЕ БЕЖЕНЦЫ В САМАРСКОЙ ГУБЕРНИИ В ГОДЫ ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ

Беженское движение возникло с самого начала военных действий, но первоначально носило стихийный характер и не отличалось массовостью. К тому же беженцы чаще всего оседали в прифронтовых районах, не продвигаясь вглубь Российской империи. Однако с лета 1915 г. беженское движение приобретает массовый характер. В силу принятого Ставкой решения о переселении населения с территорий, которые оставались неприятелю, начались принудительные эвакуации из прифронтовых районов¹. Самарская губерния оказалась в числе тех мест, куда стали направлять подобных принудительных беженцев, в том числе и поляков. По подсчетам Самарского городского комитета попечения о беженцах на февраль 1916 г. в губернии находилось 9 176 осевших беженцев – поляков по национальности, из них подавляющее большинство прибыли в 1915 г.² В общей сложности в период Первой мировой войны, по данным Л.В. Храмова, в Самарскую губернию было эвакуировано 27 тыс. поляков³.

Путь поляка-беженца в Самару начинался с того, что он, лишившийся большей части своего имущества и, возможно, растерявший в суматохе военного времени родных, оказывался в вагоне «маршрутного поезда» для беженцев. Представление об обстановке внутри подобного поезда можно получить из статьи «Лишние люди» уфимского журналиста Петра Лшевского: «На запасных путях ст. "Уфа" стоят два длиннейших поезда с беженцами. Один пришел еще накануне, другой – сегодня утром. Около каждого из них сушится мокрое, но невымытое белье. Вокруг него и

¹ См.: Курцев А.Н. Беженцы Первой мировой войны в России // Вопросы истории. 1999. № 8. С. 98-113.

² Центральный государственный архив Самарской области (далее – ЦГАСО). Ф. 3. Оп. 131. Д. 43. Л. 6.

³ Храмов Л.В. Введение в самарское краеведение. Самара, 2003. С. 72.

Статьи и сообщения

под вагонами возятся, бегают дети, что постарше. Внутри вагонов повсюду картина почти до мелочей одна и та же. В одну кучу свалены хлам и люди... Этот хлам – домашние вещи, часто даже и ненужные. Собирались наспех, с испугом и, как бывает при пожарах, выносили не то, что важное, а то, что первым попадалось под руку. Одеты потрепанно и даже оборвано. Картина уже не бедности, а нищеты. Перехожу от вагона к вагону и завожу разговоры; по-русски говорят и понимают не все. Много поляков, никогда не выезжавших из Польши»⁴. Журналист также выяснил, что большинство беженцев даже не знают, в какой населенный пункт их везут, что с тех пор, как их в последний раз кормили, прошло уже больше суток и что среди переселенцев есть заболевшие холерой и даже умершие⁵.

Прибыв в пункт назначения, беженец оказывался на самарском железнодорожном вокзале. Ему, не знающему русского языка, было сложно сориентироваться в чужом городе: как зарегистрироваться, где получить еду. В этом беженцам должны были помочь функционировавшие в городе национальные комитеты по оказанию помощи беженцам, в том числе и польский комитет. Польский комитет был образован членами католической общины города и занимался оказанием помощи беженцам-католикам, а также сотрудничал с городским и другими национальными комитетами для решения различных проблем, связанных с устройством беженцев в Самаре. Председательствовал в комитете настоятель прихода ксендз Игнатий Лапшис. Среди членов комитета устанавливалась очередность дежурства на вокзале⁶, так что польский беженец мог узнать о существовании польского комитета, а также получить другую интересующую его информацию, повстречав на вокзале такого дежурного. Ввиду того, что городской комитет попечения о беженцах в своих объявлениях не сообщал о существовании в городе национального комитета, эстонско-литовско-латышский комитет принял решение о печати «особых соответствующих карточек на русском, эстонском, латышском, литовском и польском языках»⁷.

В день прибытия беженцы могли получить пищу от местного отделения Татьянинского комитета. Но Татьянинский комитет собственного продовольственного пункта не имел, пользовался пунктом военного ведомства, который в первую очередь удовлетворял нужды солдат, поэтому множеству беженцев получить свой обед не удавалось⁸. Кроме того, Татьянинский комитет кормил беженцев только в день прибытия, в то время как они оставались на вокзале

⁴ ЦГАСО. Ф. 3. Оп. 130. Д. 266. Л. 14.

⁵ Там же.

⁶ Там же. Л. 13.

⁷ Там же. Л. 11.

⁸ Там же. Л. 24.

Статьи и сообщения

2-3 дня, а иногда и дольше, до того времени, пока их не забирали в город, чтобы разместить по квартирам. В течение этого времени продовольственная помощь беженцам носила случайный характер. Для решения проблемы питательный пункт Всероссийского союза городов, занимавшийся исключительно доставкой пищи раненым солдатам, следующим транзитом через Самару, выделил городскому комитету попечения о беженцах 2 котла для приготовления пищи, которые в дальнейшем обеспечивали едой 1000-1200 чел. ежедневно⁹.

Часть беженцев направлялась в уезды: Самарский, Ставропольский, Бузулукский, Бугурусланский и Бугульминский. Остальных размещали непосредственно в Самаре, что являлось непростой задачей. Для расселения беженцев городской комитет использовал дома и дачи, безвозмездно переданные комитету горожанами, а также здания, арендованные комитетом по сниженной цене. Некоторые помещения покупались, например – дача Решетникова¹⁰. Старались задействовать также все пустующие жилые строения. Но уже к концу 1915 г. стало очевидно, что имеющихся помещений для размещения беженцев не хватит. Тогда было принято решение о строительстве бараков.

Непосредственно польские беженцы проживали в убежище на углу Заводской и Вознесенской улиц в доме католика купца Дочара, в убежище в здании бывшего загородного ресторана «Яр» близ Аннаевского озера, в последнем – вместе с беженцами-литовцами. Более 1 тыс. чел. из Ломжинской, Сувалкской и Волынской губерний разместили в кумысолечебном заведении Постникова¹¹. Вот как описывалась жизнь беженцев на даче Постникова в газете «Волжский день»: «Все, и маленькие и большие, здания, разбросанные по всему парку, заняты беженцами..., внесшими большое оживление в омертвевшую уже усадьбу. К сожалению, предоставив дома для размещения беженцев, до сих пор не позаботились об устройстве кухни и все население курорта вынуждено готовить себе немудрую еду, разводя костры. Плохо организовано также и дело снабжения

Беженцы-поляки в доме купца Дочара

⁹ ЦГАСО. Ф. 3. Оп. 130. Д. 266. Л. 22.

¹⁰ Там же. Л. 7.

¹¹ Там же. Л. 24.

Статьи и сообщения

пищей неимущих, принужденных бродить по дачам и просить милостыню»¹². В городских убежищах устраивались кухни, но газета «Голос Самары» отмечала, что живущие в них беженцы также часто оставались без продовольствия¹³.

Беженцы поляки и литовцы в Самаре.
Убежище в доме близ Аннаевского озера (бывший загородный ресторан «Яр»)

Чтобы зарабатывать на еду самому, беженец должен был найти в Самаре работу. Городские власти были заинтересованы в их трудоустройстве, но при поиске работы беженец сталкивался со многими трудностями. Среди приехавших в Самару было немало тех, кто не имел при себе документов, удостоверяющих личность. Этой проблеме посвятила заметку одна из самарских газет: «Вчера в польский костел явилась девица лет 20, со слезами на глазах жаловавшаяся на свое безвыходное положение. Сама она уроженка Ломжинской губернии. Когда неприятель занял деревню, отец девушки был убит, мать почему-то не успела вместе со всеми жителями покинуть село и осталась дома. Девушка во время бегства присоединилась к чужим людям и таким образом доехала до Самары. Здесь она намерена поселиться

¹² ЦГАСО. Ф. 3. Оп. 130. Д. 266. Л. 24.

¹³ Там же. Л. 22.

Статьи и сообщения

и подыскать себе работу. Но отсутствие какого бы то ни было документа, удостоверяющего ее личность, мешает ей поступить на место»¹⁴. Более 50% беженцев оказались нетрудоспособными: старики, дети, больные, женщины с малолетними детьми, которых они не могли оставить без присмотра, чтобы пойти на работу. В один из дней бюро труда при комитете помощи беженцам зарегистрировало 4 135 предложений со стороны работодателей, предложений же труда оказалось лишь около 400¹⁵. На заседаниях комитетов неоднократно отмечалось, что бюро труда, которое должно было заниматься трудоустройством беженцев, плохо справлялось со своими задачами¹⁶.

Для более эффективного трудоустройства беженцев городское бюро труда было пополнено представителями от военно-промышленного, эстонского, латышского и польского комитетов¹⁷. Был поставлен вопрос о создании яслей-приюта, который должен был решить две проблемы: позволить женщинам, имеющим маленьких детей, устроиться на работу и обеспечить детям-беженцам, оставшимся без родителей, надлежащий уход.

Дети беженцы из яслей-приюта завтракают

Объединенными усилиями всех комитетов ясли-приют удалось открыть 29 августа 1915 г.¹⁸ В ноябре того же года были открыты еще 2 приюта¹⁹. Среди 165 призреваемых в них детей 36 имели польское происхождение. 5 марта 1916 г. они, по ходатайству самарского римско-католического благотворительного общества, были переданы в приюты, содержащиеся этим обществом и предназначенные для детей католиков²⁰.

Встречались среди поляков-беженцев и достаточно обеспеченные люди, ищущие, тем не менее, работу в соответствии со своей квалификацией, о чем свидетельствуют объявления, встречающиеся в самарских газетах за 1915 год.

¹⁴ ЦГАСО. Ф. 3. Оп. 130. Д. 266. Л. 13.

¹⁵ Там же. Л. 16.

¹⁶ Там же. Л. 11.

¹⁷ Там же.

¹⁸ Там же. Оп. 131. Д. 38. Л. 1.

¹⁹ Там же. Л. 12.

²⁰ Там же. Л. 17.

Например: «пианист-виртуоз, известный импровизатор из Варшавы ищет места или уроков»²¹; или: «акушерка В.А.Смяловская. Приехала из Варшавы, принимаю беременных и больных, даю советы, иду на роды, имеются комнаты для секретно больных и рожениц. Принимаю во всякое время. Троицкая между Л. Толстого и Алексеевской, дом 105, квартира 5»²². Такие беженцы приезжали в Самару с некоторыми сбережениями и могли себе позволить снимать квартиру и публиковать объявление в газете.

Беженцы, которым не удавалось найти работу или которым работать не позволяло здоровье, могли рассчитывать на денежное пособие. С разрешения самарского губернатора, в Самаре вице-консулом американского генерального консульства в Москве был образован комитет для раздачи денежных пособий неимущим славянам-католикам, австро-венгерским и германским подданным. Деньги на раздачу пособий комитет получал от американского генерального консула. Председателем комитета стал ксендз Лапшис, а членами – германский подданный, поляк С. Кашинский и австрийский подданный, поляк В. Драбик²³.

Помимо денежных выплат, беженцам оказывалась и другая помощь. Так, г. Чаковский согласился еженедельно по понедельникам и средам бесплатно мыть в своей бане 800 беженцев²⁴. Позднее городской комитет обратился и к другим владельцам бань с просьбой назначить дни для бесплатного купания беженцев²⁵. Владельцы аптек отпускали беженцам лекарства по себестоимости²⁶. Беженцам оказывалась бесплатная медицинская и даже юридическая помощь, так как «некоторые юристы охотно согласились периодически посещать квартиры беженцев»²⁷.

Положение польских беженцев в Самаре во многом было схоже с положением беженцев других национальностей, но были и свои особенности. Многие поляки не знали русского языка, что сильно затрудняло их адаптацию на новом месте. Хотя в Самаре ситуация несколько смягчалась тем, что на базе римско-католического прихода функционировал польский комитет по оказанию помощи беженцам, который помогал беженцам-полякам сориентироваться в местных условиях, найти работу, жилье, выплачивал денежное пособие неимущим, содержал приют для детей католиков.

²¹ ЦГАСО. Ф. 3. Оп. 130. Д. 266. Л. 15 об.

²² Там же. Л. 23.

²³ Там же. Л. 13.

²⁴ Там же. Л. 7.

²⁵ Там же. Л. 20.

²⁶ Там же. Л. 7.

²⁷ Там же.

ЭПИЗОДЫ ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ (Из рукописи надворного советника Ф.С. Гончарова)

Публикация подготовлена:

Цветков Василий Жанович, доктор исторических наук, Московский педагогический государственный университет

Среди разнообразных источников по истории Первой мировой войны особое место занимают материалы частного характера, которые принадлежали непосредственным участникам и очевидцам событий. Подчас в них можно найти описания фактов, пусть и эпизодических, но отражение которых отсутствует в официальных документах. К тому же в подобных материалах нередко содержатся ценные психологические зарисовки, характеристики и оценки, позволяющие глубже понять и более точно оценить происходившие события. Все это делает актуальным их извлечение из семейных архивов и частных коллекций, где они, как правило, хранятся, и последующую публикацию для обеспечения широкого к ним доступа исследователей. К таким материалам относится и рукопись Ф.С. Гончарова из личного архива В.Ж. Цветкова.

Ф.С. Гончаров. 1915 г.

Филипп Семенович Гончаров (прадед публикатора), имевший гражданский чин надворного советника, что соответствовало чину подполковника в армии, был по

Свидетельства и документы

специальности инженером путей сообщения. Им был написан текст воспоминаний, охватывающий период со второй половины XIX столетия до окончания Великой Отечественной войны. Частью этого текста и является публикуемый отрывок, касающийся периода Первой мировой войны, когда Ф.С. Гончаров занимал должность начальника Виленского участка пути Петроградско-Варшавской железной дороги. В отрывке отражены несколько эпизодов, связанных с началом войны и эвакуацией Виленской губернии в 1914/15 гг., а также события, относящиеся к зиме 1916/17 гг. Рукопись носит характер семейной хроники, поэтому общественно значимые эпизоды приводятся в ней как некий «фон» семейных событий. И все же они дают представление о существовавшем в сознании современников восприятии войны, представление о том, что принято называть «духом эпохи».

Записи сделаны Гончаровым уже в советское время (в 1945–1955 гг.), по памяти. По годам или иным периодам текст не разбит. Даты приведены по старому стилю. Примечательно, что о себе и о своей семье автор писал в третьем лице.

Текст публикуется с незначительными сокращениями, отмеченными отточиями. Купирован материал, не имеющий непосредственного отношения к войне и касающийся личной жизни автора.

Из воспоминаний Ф.С. Гончарова

1914 год ознаменовался началом Первой мировой войны. Война эта произошла не по какой-нибудь случайной причине. Она явилась, как разряд энергии, накопленной теми, кому война эта тогда была нужна. К ней Германия готовилась около сорока лет. Ожидался лишь повод для совместного военного выступления Германии и Австрии, причем первой должна была выступить Австрия. Эта «лоскутная» Империя трещала по всем швам под напором разноплеменных искусственно спаянных внутренних сил. В 1914 году явился основательный повод для начала войны.

В Сараево хорват, гимназист последнего класса, по фамилии Принцип, убил эрцгерцога австрийского Фердинанда за то, что последний притеснял сербов, хорватов и другие славянские народности. Австро-Венгрия решила объявить войну Сербии, обвиняя ее в организации этого убийства. Россия взяла Сербию под свою защиту. Германия стала на сторону Австрии. Германия и Россия не договорились разрешить конфликт мирным путем, и война неизбежно должна была разразиться¹.

¹ Здесь отражена распространенная в 1914 г. официальная позиция по вопросу о причинах начала войны.

Свидетельства и документы

Вечером 18 июня Гончаровы со знакомыми были в Новозыбковском летнем театре на спектакле. Странное явление заметили они во время одного из действий в театре. Наиболее видные представители местной власти, чиновники и военные один за другим начали выходить из театра, не дождавшись даже окончания действия. Когда оно окончилось, Гончаровы вышли в фойе. Каково же было их удивление, когда они прочли вывешенное там объявление о том, что по Высочайшему Повелению объявляется мобилизация и что первым днем мобилизации назначается 18 июля (1 августа по новому стилю) 1914 года. Дрогнуло сердце Филиппа. Немедленно Гончаровы на извещение отправились домой. Филипп знал, что в конторе участка он найдет телеграмму по адресу № 1 об объявлении мобилизации железных дорог. Так это и случилось. Тотчас же он открыл несгораемый ящик с мобилизационными документами, вынул оттуда и вскрыл пакет с сургучными печатями, извлек из него соответствующие документы и проделал с ними все, что в этих случаях по инструкции надлежит произвести.

В разные концы участка выехали с ближайшими поездами Гончаров и его помощники, чтобы руководить работами по приведению участка в состояние мобилизационной готовности для следования поездов по воинскому графику. Наутро двинулись воинские эшелоны².

Население овацями и подарками встречало на вокзале и вдоль пути следования несчастных солдат, которых немцы будут стараться возможно успешнее истреблять или забирать в плен. Для успеха этого немало потрудились и русское военное министерство, и придворные сферы, окружавшие жену Николая II Алису Гессенскую, молившую Бога, чтобы война окончилась успешно для немцев³.

С первых же дней войны у русских солдат стало не хватать патронов для винтовок. Снаряды, изготовленные в Австрии по нашим заказам, но не по русским, а по австрийским образцам, не подходили для наших орудий. Изменники, вроде полковника Мясоедова⁴, шныряли у фронта, поддерживая связь с немецким командованием... Солдаты погибали, угонялись в плен. Немцы занимали русские

² Город Новозыбков был близок к так называемому «передовому театру» военных действий и через него должны были проходить воинские эшелоны, следующие, согласно мобилизационному расписанию, к западной границе Российской империи.

³ Автор выразил распространенные в тот период в обществе взгляды.

⁴ Мясоедов Сергей Николаевич (1865–1915), полковник. С 1894 г., на службе в Отдельном корпусе жандармов, занимал должность начальника железнодорожного жандармского отделения на пограничной станции Вержболово. Был знаком со многими немецкими чиновниками. С 1911 г. служил в Военном министерстве. В 1912 г. был впервые обвинен в шпионаже в пользу Германии депутатом Государственной думы А.И. Гучковым. Расследование не подтвердило, однако, этих обвинений. После начала Первой мировой войны Мясоедов состоял на службе в штабе 10-й армии. В феврале 1915 г. был арестован контрразведкой по обвинению в шпионаже и мародерстве и, несмотря на слабость доказательной базы, был приговорен в марте 1915 г. к смертной казни.

Свидетельства и документы

земли. Русское общество по собственной инициативе делало все возможное, чтобы облегчить положение армии, не получая никакой поддержки со стороны власти.

Филиппу Гончарову пришлось тоже взять на себя некоторую нагрузку в связи с тем, что в армию было призвано несколько преподавателей местного реального училища из числа офицеров запаса. По просьбе директора этого училища Гончаров взял на себя (без ведома своего начальства) преподавание в некоторых классах алгебры, геометрии и тригонометрии. Это занятие отняло у него немало времени сверх текущей работы по управлению участком. Учебный 1914/1915 год у него окончился успешно, за что он и получил благодарность от директора.

В начале лета 1915 года Управление дороги предложила Гончарову перевод на должность начальника Виленского участка пути. Он с удовольствием согласился на этот перевод в Вильну, о чем он давно мечтал.

Гончаровы прибыли в Вильну в 1915 году. В то время они не прочь были навсегда остаться в этом большом городе... Гончаров получил в Вильне казенную квартиру в отдельном особняке в десять комнат с двумя террасами. При доме были всякие службы, включая прачечную, конюшню, каретник и проч. Дом расположен был в живописной гористой местности. К несчастью, однако, не ко времени пришлось все это для Гончаровых.

В начале лета 1915 года Гончаровы поселились в Вильне, а через два месяца немцы начали уже угрожать ей. С тяжелым сердцем пришлось Филиппу эвакуировать семью с вещами из Вильны в Глухов на родину жены. Через месяц, в начале сентября, пришлось покинуть Вильну и самому Филиппу и выехать из нее с одним из последних поездов. За два дня до отъезда ночью был первый налет на Вильну немецкого дирижабля «Граф Цепеллин». Налеты аэропланов бывали и раньше. Происходили они обыкновенно днем в ясную погоду по нескольку раз в день, серебристые «Таубе» прилетали небольшими группами и бросали бомбы. Налет же «Цепеллина» был произведен только один раз. Одна его бомба упала в сад при квартире Филиппа. От взрыва этой бомбы образовалась воронка диаметром около трех метров и глубиной около одного метра. Такова была разрушительная сила авиабомб этого времени. Эвакуация из Вильны сопряжена была с большими затруднениями. Поезда следовали «в ленту», то есть один вслед за другим с промежутками между ними в несколько десятков метров. Так как пути по станциям были забиты поездами, то на перегонах поезда простаивали по полсутки и более. Вдоль пути ночью видно было вдали зарево подожженных деревьев. Небо прорезывалось лучами прожекторов. Отчетливо слышна была канонада со стороны фронта. По станциям устроены были круглые брезентовые палатки для раненых, подвозимых непосредственно с фронта на повозках. Более легко раненые сами [шли] пешком в эти полевые «госпитали».

Свидетельства и документы

На одной из станций, когда на путях стояли поезда в ожидании дальнейшего отправления, появился над ними немецкий аэроплан. Пассажиры бросились в сторону от станции. Аэроплан последовал за ними и стал бросать бомбочки, меняя направление вслед за метавшимися из стороны в сторону людьми. Устав бегать, люди в разных местах полегли на землю. Полетав еще некоторое время, аэроплан скрылся. Чувствовалось, что если бы поезда задержались в пути еще некоторое время, то неизбежно были бы отрезаны немцами. Кое-как Гончарову со своими поездами удалось выбраться из опасных мест.

Прибыв в Гомель, куда к тому времени управление дороги переехало из Вильны, Гончаров получил распоряжение отправляться в Брянск и оставаться там до особого распоряжения. В дальнейшем начальство использовало Филиппа для разных поручений. Ему приходилось ездить на базы эвакуированного железнодорожного имущества. Разъезжал ли он и по городам юга России (Харьков, Мариуполь, Екатеринослав, Бахмут и другие) для закупки всевозможных строительных материалов, так как нормальное снабжение ими дорог с первых лет войны оказалось нарушенным...

Наступила зима 1916/1917 гг. Из газет Филипп узнал о смерти весьма близкого к царской семье человека. Филипп, как и многие другие, сразу же понял, что речь идет о смерти Григория Распутина. Позднее стало известно, что Распутин был убит теми, кто считал его главным виновником всех тех безобразий, которые творились тогда вокруг трона. Всем тогда ясно было, что трон трещит и недалеко то время, когда Николай II будет сброшен с него и именно теми, кто до того времени был на стороне царской власти.

Во второй половине этой же зимы Филипп находился в командировке на Полесских железных дорогах по реквизиции дров, принадлежавших частным лесопромышленникам. Дрова требовались для нужд железных дорог в виду того, что регулярная поставка дров была нарушена войной и не обеспечивала потому потребности в них транспорта. Когда по этому делу Гончаров был на узловой станции Луинец, ему под секретом 28 февраля 1917 года сообщили, что Царь отрекся от престола⁵. В этот же день эта новость стала достоянием всех. Под вечер на той же станции состоялся митинг под открытым небом. Настроение у всех было крайне приподнятое в ожидании грядущих событий. Среди выступавших на митинге преобладали представители интеллигенции. Меньше среди ораторов было рабочих и низовых работников.

⁵ Так в тексте. Отречение Николая II произошло не 28 февраля, а 2 марта (ст. ст.) 1917 года.

ФОТОГРАФИИ ИЗ ЛИЧНОГО ФОНДА УЧАСТНИЦЫ ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ Ю.В. БУТОВОЙ

Публикация подготовлена:

Косицина Алла Петровна, директор Сызранского филиала Центрального государственного архива Самарской области

Юлия Буторова – правнучка прославленного героя Отечественной войны 1812 года Дениса Давыдова – родилась 20 мая 1885 г. в родовом имении в селе Верхняя Маза Сызранского уезда Симбирской губернии. Ее отец – Владимир Александрович Буторов, штабс-ротмистр Ея Императорского Величества Государыни Императрицы Александры Федоровны полка, мать – Софья Николаевна Буторова, внучка Дениса Давыдова.

Детские годы Юлия провела в селе Верхняя Маза, на хуторе Вязовое. Накануне Русско-японской войны (1904–1905 гг.) поселилась в Петербурге, где была представлена императрице Александре Федоровне.

После объявления войны с Германией Юлия поступила в Кауфманскую общину на ускоренные курсы сестер милосердия и, после их окончания, 18 сентября 1914 г. в составе Второго передового санитарного поезда Красного Креста уехала в Киев, а затем далее на запад...

Ниже публикуются фотографии из ее личного фонда, которые хранятся в Сызранском филиале Центрального государственного архива Самарской области (Ф. 63. Оп. 1. Д. 6).

Юлия Буторова (в центре) с медсестрами санитарного поезда и офицерами в день взятия Перемышля.
Железнодорожная станция Мостиска, Украина. 9 марта 1915 г.

Фотоархив

Перевозочный вагон Передового санитарного поезда Красного Креста № 2

Полевая медсанчасть Передового санитарного поезда Красного Креста № 2.
20 июня 1916 г.

61-й Владимирский полк. Село Долшанка. 15 июня 1916 г.

Офицерский состав 61-го
пехотного Владимирского полка
у штабного блиндажа.
Село Куровцы, Украина.
20 мая 1916 г.

Фотоархив

Колонна военнопленных, сопровождаемая ранеными солдатами 61-го пехотного Владимирского полка. Село Куровцы, Украина. 22 мая 1916 г.

Окоп полного профиля, укрепленный деревянными конструкциями. Село Серединка, Украина. 4 июня 1916 г.

Офицеры 61-го Владимирского полка и медицинские сестры Передового санитарного поезда Красного Креста № 2 у горной реки в перерыве между боями. Август 1916 г.

Пушка «Русская трехдюймовка»

М.И. Туган-Барановский. ВОЙНА И НАРОДНОЕ ХОЗЯЙСТВО¹

Публикация подготовлена:

Александров Алексей Вячеславович, ведущий библиограф отдела редких книг Самарской областной универсальной научной библиотеки им. К. Грота

21 января 2014 года исполнилось 95 лет с того дня, как не стало выдающегося российского экономиста, историка и политического деятеля Михаила Ивановича Туган-Барановского (20 января 1865 – 21 января 1919). Он работал в Министерстве финансов, преподавал в Санкт-Петербургском университете, был видным деятелем украинского национального движения, как член кадетской партии выдвигался в Государственную думу. Его самыми известными исследованиями являются монографии «Промышленные кризисы в современной Англии, их причины и влияние на народную жизнь» и «Русская фабрика в прошлом и настоящем».

Ниже мы публикуем одну из малоизвестных статей М.И. Туган-Барановского «Война и народное хозяйство» из сборника 1915 г. «Чего ждет Россия от войны».

Статья публикуется с незначительными сокращениями (помечены отточиями).

ВОЙНА И НАРОДНОЕ ХОЗЯЙСТВО

Прогнозы в социальной области хотя и трудны, но вполне возможны, как показывает опыт нередких удачных прогнозов событий народно-хозяйственной жизни – неоднократно удавалось предвидеть наступление промышленных кризисов. Однако прогноз экономических последствий настоящей, не только великой, но и величайшей во всемирной истории войны представляет совершенно исключительные трудности.

Исключительные трудности предвидения того, как настоящая война отразится на положении народного хозяйства России, объясняются грандиозными,

¹ Туган-Барановский М.И. Война и народное хозяйство // Чего ждет Россия от войны. СПб., 1915. (Отдел редких книг ГБУК «СОУНБ». Инвентарный номер издания: 2595010).

небывальными размерами войны. Россия много раз вела войны и нередко очень трудные войны. Но ничего подобного настоящей войне ни Россия, ни какая-либо другая страна никогда не переживала.

Это утверждение может показаться преувеличением. Ведь России приходилось вести войны с целыми европейскими коалициями. Неужели же первая отечественная война², когда в Россию вступила армия чуть ли не всех народов континентальной Европы, была менее трудной, чем настоящая война?

Однако никакого преувеличения в признании настоящей войны единственной по своим размерам нет. Конечно, и раньше бывали войны, охватывавшие целые группы держав. Но дело-то в том, что войны прежнего времени велись сравнительно немногочисленными армиями. Теперь же впервые война ведется целыми вооруженными народами, на основе всеобщей воинской повинности.

Это – то обстоятельство, в связи с тем, что война охватила все, кроме Италии³, великие державы Европы и несколько малых, и придает совершенно исключительный характер исполинской борьбе, в которой нам приходится принимать такое выдающееся участие. Около 20 миллионов солдат входят в состав враждебных армий, во всеоружии современной техники, ничего подобного которой не знало прежнее время. И эта борьба ведется в условиях капиталистической системы нашего времени, с ее необыкновенной сложностью и тесной взаимной зависимостью всех элементов, с ее чрезвычайным развитием кредитного механизма, с мощной торговлей, охватывающей все народное хозяйство сверху до низу.

В условиях современного капитализма даже самое незначительное расстройство менового механизма вызывает болезненное потрясение всего капиталистического целого. В данном же случае народное хозяйство всего мира сдвинуто с привычных рельсов и поставлено в совершенно новые, небывалые условия.

Оставляя в стороне многообразные задержки мирового товарного обмена, которые сами по себе действуют на народное хозяйство чрезвычайно разрушительно, бросаются в глаза колоссальные издержки, которых стоит эта мировая война. В докладе французской академии наук Поль Леруа Болье высчитывал, что война стоит воюющим державам около двух миллиардов рублей в месяц. Несколько позже подобный же подсчет сделал в одном английском журнале Гюйо и пришел к еще большей цифре – ежемесячные расходы на войну составляют, по его мнению, более двух с половиной миллиардов рублей (не включая сюда экономических убытков от войны, составляющих значительно большую цифру).

² Отечественная война 1812 г.

³ Италия вступила в войну на стороне Антанты в мае 1915 г.

Если мы предположим, что война продолжится около года (что следует признать вполне возможным), то военные расходы сражающихся держав выразятся колоссальной цифрой 25-30 миллиардов рублей...

Возникает вопрос, каким же образом могут быть покрыты эти расходы, откуда могут быть взяты средства для ведения войны?

Войны недавнего прошлого покрывались преимущественно займами. Так, например, последняя крупная война – России с Японией – была покрыта займами без особого напряжения денежного рынка. Объяснялось это тем, что война была строго локализована и воюющие державы могли заключать займы на рынках других государств, не принимавших в войне никакого участия. Расходы по этой войне были незначительны сравнительно с современной и составляли около трех-четырех миллиардов рублей в год. Такие суммы могли быть покрыты без труда ежегодным нарастанием мирового капитала.

Теперь положение совершенно иное. Ежегодное нарастание мирового капитала далеко недостаточно, чтобы покрывать расходы на войну, тем более, что война сама по себе разрушает народный капитал.

Очевидно, расходы на войну должны покрываться из какого-либо другого источника, кроме займов. Быть может, из налогов?

Но ведь всем известно, что повышение налогов, как бы оно ни было значительно, может дать только гораздо меньшие суммы, чем займы. Современное государство не располагает средствами так нажимать податной винт, чтобы получить добавочные миллиарды, требуемые войной.

Остается, таким образом, единственный источник, из которого могут быть покрыты военные расходы – бумажные деньги. Государство обладает возможностью создавать, так сказать, из ничего покупательные средства – выпуском бумажных денег. Конечно, бумажные деньги являются таким источником получения средств, к которому современное культурное государство прибегает лишь против воли в случаях исключительных, когда никакого другого источника получения денежных средств не остается. И теория и практика прочно установили, что неразменные бумажные деньги являются большим экономическим злом, разрушительное действие которого на все народное хозяйство очень велико. Сознание этого вошло в плоть и кровь государственных людей нашего времени, менее всего склонных прибегать к этому крайне опасному средству покрытия государственных расходов.

Однако существует экономическая необходимость, преодолевающая самое сильное противодействие человеческой воли. В таком положении очутилось европейское общество с началом мировой войны. Только Англия, находящаяся по отношению к покрытию издержек, связанных с войной, в исключительно благоприятных условиях, не приостановила размена своих банковских билетов.

Другие же воюющие державы немедленно после начала войны приостановили размен и стали в огромном размере выпускать неразменные бумажные деньги на рынок.

Этот образ действий был совершенно правилен, ибо он диктовался экономической необходимостью. До настоящего времени на рынок выпущено воюющими державами не менее пяти миллиардов рублей бумажных денег. И это еще только начало.

Не может быть сомнения, что продолжение войны будет сопровождаться дальнейшими выпусками бумажных денег, и даже, вероятно, в возрастающих размерах, так как по мере исчерпания свободных капиталов необходимость в бумажных деньгах будет становиться все более настоятельной. К концу войны мировой денежный рынок будет до последней степени переполнен бумажными деньгами.

Это заполнение каналов денежного обращения бумажками может и не сопровождаться значительным понижением ценности бумажных денег относительно звонкой монеты. Мы видим, например, что усиленные выпуски билетов французского банка почти не привели к образованию во Франции лажа⁴ на золото. Объясняется это тем, что международное доверие к прочности французской денежной системы не поколеблено, и в то же время, условия расчетного баланса складываются во Франции благоприятно.

В других странах, кредит которых на международном рынке менее устойчив, выпуск огромного количества бумажных денег не может не повести к их обесцениванию по отношению к золоту и лаж должен возрасти по мере увеличения бумажных денег в обращении.

Нечего и говорить, что Россия принадлежит к странам этой последней категории. Уже теперь курс нашего рубля упал довольно значительно – не менее, чем на 10%, а ведь пока выброшено на рынок только немногим более миллиарда двухсот миллионов бумажных рублей.

Относительно стоимости для нас войны имеются некоторые опорные пункты в опубликованных министром финансов данных относительно военных расходов за три первые месяца войны. Оказывается, что война нам обходится от 400-500 миллионов рублей в месяц. Если война продлится год, то она будет нам стоить около 5-6 миллиардов рублей, т.е. почти вдвое больше, чем Японская война. Но дело в том, что теперь войну ведут и все те страны, которые ссужали нас капиталами при прошлой войне.

⁴ Лаж, ажио (франц. l'agio), отклонение в сторону превышения рыночной «цены» золота, выраженной в бумажных деньгах, по сравнению с количеством бумажных денежных знаков, номинально представляющих данное количество золота.

На иностранный денежный рынок при таких условиях рассчитывать почти не приходится и нужно покрывать расходы собственными средствами, а эти средства брать больше неоткуда, как из выпусков кредитных билетов. Благодаря этому источнику мы (как, впрочем, и более богатые, чем мы, страны Запада) имеем возможность справиться с огромными экономическими трудностями финансирования войны.

К концу войны (если она продлится около года), у нас, вероятно, будет иметься в обращении кредитных билетов и разного рода краткосрочных займов миллиардов на 5-6. Все эти огромные суммы будут выбрасываться на рынок на разного рода расходы, связанные с войной, т.е. будут затрачиваться на покупку всевозможного рода продуктов и изделий, необходимых для содержания в боевой готовности наших армий и нашего флота.

Война отрезала нас от многих важных рынков и почти уничтожила нашу внешнюю торговлю. Но не нужно забывать, что война создала огромный новый рынок. Этот новый рынок отчасти компенсирует потерю спроса на другие товары, связанную с расстройством народного хозяйства благодаря войне.

Что касается России, то наше народное хозяйство, несмотря на колоссальные размеры войны, переносит войну со сравнительной легкостью.

В начале войны раздавались голоса, предвидевшие от войны самые ужасные беды для нашего основного сельскохозяйственного промысла. Дело в том, что война совершенно прекратила вывоз из России хлеба и других сельскохозяйственных продуктов. Это дало повод очень многим (например, князю Д.И. Шаховскому) ожидать, что цены произведений нашего сельского хозяйства испытают крайнее падение и разорят наших сельскохозяйственных производителей.

Однако опыт нескольких месяцев войны показал, что эти опасения были крайне преувеличены. Несмотря на войну, цены хлебов в России в общем не только не упали, но даже поднялись, для некоторых хлебов весьма значительно. Правда, цена пшеницы немного упала, но зато очень повысилась цена ржи. Еще больше поднялись цены овса и гречихи. Вздорожание этих хлебов было, очевидно, вызвано закупками их для нужд армии.

Только ячмень существенно пострадал от прекращения вывоза – его цена упала процентов на 10-15. И это понятно, так как главным рынком для ячменя была Германия и в то же время ячмень не требуется для продовольствия армии.

Более чувствительны для нашего сельского хозяйства затруднения, связанные с недостатком рабочих рук. Но и эти затруднения у нас не были настолько велики, чтобы помешать своевременно убрать и обмолотить урожай. Зимой же сельскохозяйственные работы настолько сокращаются, что отвлечение рабочих рук

от сельского хозяйства в связи с мобилизацией мало почувствовалось сельскохозяйственной Россией.

При наступлении весны недостаток рабочих рук почувствуется гораздо острее; однако можно быть уверенным, что и весной мы будем в состоянии произвести необходимые сельскохозяйственные работы. Мобилизация охватывает у нас гораздо меньший круг лиц, чем, например, во Франции или Германии, ее неблагоприятное влияние на народное хозяйство соответственно меньше.

Что касается влияния войны на состояние нашей промышленности, то в этом отношении можно сказать следующее.

Как известно, мы вывозим преимущественно продукты сельского хозяйства и сырье, а ввозим преимущественно фабрикаты и средства производства для промышленности. Поэтому потеря внешнего европейского рынка мало почувствовалась большинством отраслей нашей промышленности. Только немногие из них существенно пострадали от сокращения нашего вывоза и, главным образом, лесная промышленность. Огромное же большинство наших промышленных предприятий почти не почувствовало закрытия для нашего вывоза наших важнейших границ. В этом существенное различие между значением войны для русской промышленности и германской, которой потеря внешнего рынка наносит роковой удар.

Гораздо больше значения получила для нашей промышленности приостановка иностранного ввоза. На первом плане здесь следует поставить прекращение ввоза к нам иностранного каменного угля и перерыв подвоза из Домбровского каменноугольного района...

Иными словами, наш внутренний рынок внезапно лишился почти половины всего каменноугольного топлива, обычно поступавшего к нам. При этом, однако, нужно иметь в виду, что различные районы России далеко не одинаково заинтересованы в иностранном и домбровском угле. Иностранный уголь ввозился преимущественно по Балтийской и западной сухопутной границам из Англии и Германии и предназначался для нужд железных дорог и промышленности Прибалтийского края, западных губерний и Царства Польского, а также для военного и коммерческого балтийского флота. Домбровский же каменный уголь почти целиком шел на нужды Царства Польского.

Обстоятельства военного времени привели к тому, что России приходится теперь рассчитывать почти исключительно на донецкий каменный уголь.

По ходатайству совета съездов представителей крупной промышленности правительством был учрежден при министерстве торговли и промышленности «центральный комитет по снабжению топливом» из представителей различных заинтересованных ведомств и промышленных организаций. Комитет этот,

действующий вообще очень успешно, признал, что в виду недостатка каменного угля промышленным предприятиям следует озаботиться переходом к другим видам топлива, и принял разнообразные меры к увеличению доставки угля.

В конце концов недостаток топлива все же не мог не вызвать сильного сокращения производства в различных отраслях промышленности. Впрочем, донецкие углепромышленники рассчитывают, что в сентябре им удастся значительно увеличить добычу угля, и если их расчеты оправдаются, то угольный голод потеряет часть своей остроты.

Наряду с каменным углем наша промышленность сильно заинтересована в ввозе другого иностранного продукта – хлопка. Правда, хлопок в большом количестве выделяется в наших среднеазиатских владениях. Но все же около половины всего хлопка, перерабатываемого нашей промышленностью, получалось у нас из-за границы.

Перед войной на наших фабриках скопились довольно большие запасы иностранного хлопка, благодаря тому, что в мае и июне наши фабрики были охвачены забастовками рабочих и производство испытывало значительное сокращение. Вместе с тем за несколько месяцев до войны наблюдался усиленный ввоз к нам иностранного хлопка. Увеличение в распоряжении нашей промышленности свободных запасов хлопка было столь значительно, что возникали опасения значительного падения его цены. Война приостановила подвоз к нам иностранного хлопка, а также и необходимых красильных материалов.

Однако опасения хлопкового голода были, по-видимому, преувеличены. Прежде всего, до войны наш хлопковый рынок характеризовался обилием свободных запасов товара. Затем, урожай среднеазиатского хлопка в этом году в общем блестящий.

Как бы то ни было, цены на хлопок значительно поднялись, и наши хлопчатобумажные фабрики, не столько под влиянием недостатка хлопка, сколько недостатка топлива, красильных материалов и рабочих рук, стали сокращать производство.

Сильное повышение цены хлопка, а также и других средств производства в хлопчатобумажной промышленности повело к повышению цен бумажной пряжи и готовых изделий. Повышение это показывает, что сокращение производства вызывалось отнюдь не уменьшением спроса со стороны населения на бумажные ткани, а причинами, связанными с условиями производства бумажных изделий.

Вообще, за некоторыми исключениями, современное положение русской промышленности характеризуется отнюдь не падением цен, а, наоборот, их повышением. Это ярко сказалось и на нижегородской ярмарке, которая оказалась хотя и сильно сократившейся по своим оборотам, но все же не столь плохой, как

этого можно было опасаться. По словам ярмарочного комитета, «в качестве общего явления на ярмарке приходится отметить тенденцию к повышению цен на товары. Причины тому весьма разнообразны. Заграничные товары вздорожали вследствие прекращения их привоза; другие товары вздорожали по причине сокращения их подвоза по железным дорогам. Некоторые товары поднялись в цене вследствие возвышения акциза (табак, напитки). В том же направлении влияло и сокращение в некоторых отраслях производства. Во всяком случае, причины вздорожания отнюдь не могут быть сводимы к обесценению денег».

Тенденция к повышению цен показывает, что пока в России не может быть и речи о промышленном кризисе, который неизменно характеризуется падением товарных цен. Как ни тяжелы для промышленности последствия войны, мы пока не наблюдаем самого опасного – превышения спроса на товары предложением их. Положение русской промышленности, в некоторых отношениях, остается сходным с тем, которое было и до войны: недостаток топлива, который чувствовался до войны, теперь стал еще резче, цены на разнообразные средства производства, которые были высоки до войны, теперь поднялись еще больше.

Объясняется это, в общем, тем, что война имела значение для нашей промышленности не как прекращение вывоза наших промышленных изделий за границу, а как прекращение подвоза на русский рынок иностранных промышленных произведений. Русская промышленность утратила не покупателей, а конкурентов. Отсюда и сравнительная легкость, с которой наша промышленность перенесла расстройство экономического оборота, созданное войной.

Положение нашей промышленности в связи с войной было предметом особого правительственного обследования. А именно, министерство торговли произвело очень интересную анкету относительно влияния войны на различные отрасли нашей промышленности. Анкета охватила далеко не все отрасли промышленного производства и не все районы: наиболее пострадавшее от войны Царство Польское в анкету не вошло; точно так же обследование не распространилось и на Кавказ.

Из общего числа обследованных 7 921 предприятий с числом рабочих (до войны) 1 466 810 сократили производство 1 221 предприятие с 544 059 рабочими, а совсем приостановили производство 504 предприятия с 46 589 рабочими. Вместе с тем, 125 предприятий увеличили производство и довели число своих рабочих с 88 380 до 150 438.

Переведя эти данные в проценты, мы получим, что в предприятиях с 61% всех рабочих война не оказала определенного влияния на ход производства, в предприятиях же с 38% рабочих производство сократилось под влиянием войны; приостановлено производство в предприятиях с 0,3% рабочих, а расширено в предприятиях с 0,6% рабочих.

Данные эти относятся к 1 октября 1914 г. Анкета, произведенная несколько ранее в московском районе обществом московских фабрикантов и заводчиков и относившаяся к 1 сентября, дала совершенно иные цифры. А именно, оказалось, что к 1 сентября в московском районе война не оказала никакого влияния на предприятия с 15,2% рабочих, вызвала сокращение производства в предприятиях с 79,6% рабочих, приостановку производства на предприятиях с 3,9%, а увеличение производства на предприятиях с 1,3% рабочих.

Переходя к отдельным отраслям промышленности, замечаем, по данным правительственной анкеты, сильное сокращение производства в химической промышленности: при общем числе рабочих в этой индустрии до войны в 60 721 наблюдалось сокращение производства в предприятиях с 42 741 рабочими. Затем, очень пострадала от войны и хлопчатобумажная промышленность: при общем числе рабочих в этой отрасли промышленности до войны в 487 000, сократили производство предприятия с 240 293 рабочими. Еще более пострадала шелковая промышленность – при 29 756 рабочих до войны сократилось производство в предприятиях с 21 515 рабочими.

Интересно, что анкета московского общества фабрикантов и заводчиков дает гораздо более благоприятную картину влияния войны на промышленность, чем министерская анкета. Это может зависеть от трех причин: либо московский промышленный район менее пострадал от различных нарушений нормального хода экономической жизни, чем другие районы России, либо частная анкета, по тем или иным причинам, дала иные результаты, чем правительственная, или же, наконец, несходство данных зависит от различных моментов производства той и другой анкеты.

Причины сокращения производства, по объяснению фабричных инспекторов, сводятся к следующему: недостатку материала и рабочих, отсутствию топлива, расстройству железнодорожного движения, финансовым затруднениям и падению спроса. В этом перечне мало отмечена причина, которую следует, по-видимому, считать самой главной: недостаток материалов иностранного происхождения. Действительно, среди нарушений нормального товарообмена, вызванных войной, наиболее тяжело чувствуется как в России, так еще более и в Германии прекращение подвоза из-за границы различных средств производства и сырых материалов. Огромное сокращение производства в химической промышленности вызвано, по-видимому, именно этой причиной. Наша химическая промышленность получала целый ряд своих важнейших материалов из Германии. Прекращение подвоза этих материалов повело к тому, что и наше собственное производство многих химических продуктов должно было приостановиться, хотя спрос на эти продукты, благодаря прекращению подвоза их из Германии, чрезвычайно возрос.

Точно так же и хлопчатобумажная промышленность пострадала преимущественно от этой причины. С одной стороны, прекращение подвоза иностранного хлопка вызвало сильное повышение его цены. С другой – ситценабивное производство остановилось благодаря недостатку красильных веществ, привозившихся ранее из Германии.

Перейдем теперь к прогнозу относительно будущего. Чего нам следует ожидать от окончания войны – окончания, как мы все убеждены, победоносного?

Конечно, было бы преждевременно гадать относительно условий будущего мирного договора. Ясно одно, что наша победа над Германией должна покончить с нашей экономической зависимостью от этой страны и, в общем, привести к огромному подъему нашего народного хозяйства и расцвету наших колоссальных производительных сил. Однако не следует думать, что все благоприятные последствия нашей победы обнаружатся немедленно по окончании войны.

Наоборот, следует считать наиболее вероятным, что окончание войны вызовет первое время разочарование в ее экономических последствиях. Дело в том, что угнетающее влияние войны на экономическую жизнь не может не чувствоваться и по заключении мира, как бы почетен он ни был. Настоящая война является совершенно исключительной по своим размерам, а также и по своему разрушительному характеру в районе театра военных действий. Возьмем, например, нашу Польшу или Бельгию. Германские войска действовали в этих странах с величайшей беспощадностью и разрушали все, что могли разрушить. Не только уничтожаются склады товаров и съестных припасов всякого рода, сжигаются города, разрушаются фабрики и заводы, но даже самая почва приводится в такое состояние, при котором она целый ряд лет, если не становится негодной для производительных целей, то во всяком случае намного теряет в своей производительности. Траншеи охватывают собой не десятки, а сотни верст, причем в траншеях плодородный верхний слой почвы перемешивается или покрывается непроизводительным нижним слоем, благодаря чему земля становится непригодной для культуры без новой глубокой переработки ее. Лошади и рогатый скот забираются для своих надобностей германскими войсками, жилища и домашние постройки сжигаются.

При таких условиях возобновление нормальной хозяйственной жизни немедленно по окончании войны становится невозможным и даже при самых благоприятных условиях должно пройти немало времени раньше, чем последствия разорения, причиненного германским нашествием, совершенно изгладятся.

Но этого мало – война оставит после себя и другое тяжелое наследие, которое ликвидировать будет нелегко. Как выше указано, война требует огромной затраты капиталов для своего продолжения. Приблизительно около двух – двух с половиной

миллиардов рублей требует каждый месяц войны. Эти огромные затраты суть вместе с тем и новый рынок, создаваемый войной.

Но война создает не только огромный спрос на разного рода товары, она создает спрос и на рабочую силу. Более двадцати миллионов мужчин рабочего возраста находится в войсках воюющих держав и содержится за счет средств государства. В Германии и Франции, вероятно, свыше половины всех мужчин рабочего возраста состоит в рядах войск.

Но вот война кончилась и войска распускаются – солдаты возвращаются домой. Что ждет их дома? Для крестьян вопрос этот разрешается легко. Они возвращаются к тому же производительному делу, от которого были оторваны войной, – пахарь бросает ружье и штык и возвращается к своему старому плугу.

Для рабочих, занятых в промышленности, вопрос более труден. С окончанием войны кончается и весь тот искусственный спрос, который создавала война. С рынка внезапно снимаются миллиарды покупательных средств, которые затрачивались на дело войны. Промышленность, которая трудным и сложным путем приспособилась к новому характеру общественного спроса, связанному с войной, должна совершить обратный процесс приспособления и прекратить производство предметов, требовавшихся рынком во время войны. Вместо этих продуктов нужно перейти к производству тех продуктов, которые требуются страной в мирное время.

Трудность этого перехода особенно увеличивается благодаря тому, что война поглотит огромные капиталы и вообще разорит население. Значит, нового спроса на место того, который находился в связи с войной и должен прекратиться вместе с ее окончанием, может и не оказаться.

После окончания войны мировое хозяйство окажется в следующем положении. Колоссальные капиталы уничтожены войной и образование новых замедлено. Денежное обращение ряда важнейших государств переполнено неразменными бумажными деньгами. Международная торговля расстроена, учредительская деятельность парализована войной. В то же время весь усиленный спрос, созданный потребностями войны, прекращается одновременно с окончанием войны и приведением армии на мирное положение.

При такой мировой промышленной конъюнктуре следует ожидать тяжелого промышленного кризиса и застоя. Пройдет немало месяцев раньше, чем промышленная деятельность придет в нормальное состояние. И потому не нужно думать, что вслед за окончанием войны последует немедленно тот небывалый расцвет нашей промышленности, которого ожидают у нас очень многие.

Но, конечно, этот промышленный кризис и застой явятся только переходом к промышленному подъему. Победоносное окончание войны, которое более, чем вероятно, должно дать России чрезвычайно много в экономическом отношении.

Россия представляет собой исключительную страну по тем необъятным возможностям, которые в ней таятся. Огромная территория, плодородная почва, ископаемые богатства, многочисленное население – все это, казалось бы, должно открывать перед Россией перспективу необычайно быстрого промышленного роста. Если Германия, при ее ничтожной территории, достигла столь многого, то насколько быстрее, казалось бы, должно быть промышленное развитие России.

Однако мы не только не обгоняем в этом отношении Германию, но далеко от нее отстаем. Очевидно, наше экономическое развитие наталкивается на какие-то задерживающие силы.

Этими задерживающими силами являются общие условия нашей общественности, а также и некоторые частные причины.

Видное место среди условий, тормозящих наше экономическое развитие, занимает крайне невыгодный для нас торговый договор с Германией, навязанный нам Германией в то время, когда мы были всего слабее – во время нашей неудачной войны с Японией. Договор этот был продиктован интересами германских аграриев. Сущность его сводилась к тому, что Германия не только значительно повысила пошлины на предметы русского ввоза, но и скомбинировала свои пошлины таким образом, что Россия должна была ввозить в Германию продукты в сыром виде, получая из Германии взамен продукты в переработанном виде.

Вместе с тем Германия ввела под другим названием систему вывозных премий (так называемые ввозные свидетельства) на продукты своего сельского хозяйства. В результате получилось, что германское сельское хозяйство получило усиленное развитие за счет русского. Ввоз в Германию некоторых русских хлебов (ржи и овса) стал падать, в то время как вывоз из Германии в Россию тех же хлебов стал возрастать. Германская рожь стала вытеснять русскую не только на рынках северных скандинавских стран, но даже и в Финляндии.

Но особенно губительно для русского сельского хозяйства было то обстоятельство, что германская экономическая политика задерживала развитие русского животноводства. Крестьянское хозяйство у нас решительно преобладает, площадь земли, находящаяся под крестьянской обработкой, в России в несколько раз превышает площадь, находящуюся под обработкой капиталистической. Но крестьянское хозяйство особенно сильно в области животноводства. На Западе мы видим, что крестьянское хозяйство сосредоточивается преимущественно на разных отраслях животноводства и птицеводства, между тем как областью капиталистического сельского хозяйства является преимущественно производство хлебов.

Для России, как для страны крестьянской по преимуществу, развитие животноводства представляется особенно необходимым. Но для успехов

производства животных продуктов требуется возможность их широкого сбыта за границу, так как именно западноевропейский рынок, благодаря развитию городского населения и общей зажиточности жителей, предъявляет особенно усиленный спрос на продукты животноводства. Поэтому русское крестьянское хозяйство жизненно заинтересовано в том, чтобы для продуктов русского животноводства был открыт западноевропейский рынок.

Естественным рынком для русского мяса является Германия. Однако Германия, в угоду своим аграрным классам, всячески тормозит ввоз в ее пределы русского мяса, прибегая при этом к совершенно неблагоприятным предложениям и извращая смысл торгового договора с Россией. Так, под предлогом опасности занесения эпизоотий Германия ограничивает ввоз в ее пределы русских свиней и другого скота. В результате, русское крестьянское хозяйство не получает своего естественного развития и должно экспортировать в Германию хлеба и кормовые средства для скота вместо обещающих гораздо большие выгоды животных продуктов.

Напротив, сама Германия усиленно развивает за счет России свое животноводство. Достигается это тем, что кормовые средства, необходимые для германского животноводства, ввозятся в Германию из России или совсем без пошлин (например, отруби) или по сильно пониженным пошлинам (кормовой ячмень). Благодаря такому построению своего таможенного тарифа, скомбинированного с ограничением или совершенным недопущением ввоза в страну русского крупного и мелкого скота, Германия получает возможность поощрять развитие своего животноводства, которое целиком основывается на возможности получения из России дешевых кормовых средств.

Конечно, будущий торговый договор между нами и Германией будет построен на совершенно иных основаниях. Задачей будущего торгового договора будет открыть для русского сельского хозяйства германский рынок. Одного понижения пошлин на русские хлеба будет для этого недостаточно. Нужно будет достигнуть и уничтожения германских вывозных пошлин, под какими бы названиями они ни скрывались, и в то же время сделать невозможным запрещение под разными вымышленными предложениями ввоза в Германию продуктов русского животноводства. Точно так же следует прекратить и такую дифференциацию германских пошлин, при которой в Германию могут поступать только необработанные русские изделия, а для переработанных изделий германский рынок оказывается закрытым.

Что касается до русской промышленности, в противоположность сельскому хозяйству, то здесь дело оказывается гораздо более сложным. В этой области следует, прежде всего, выработать новый, более рациональный, таможенный тариф и на этой новой основе построить и новый торговый договор с Германией. В наших промышленных кругах очень интересуются в настоящее время освобождением

русской промышленности от экономической зависимости от Германии. Война обнаружила очень наглядно, до какой степени в промышленной области эта зависимость велика. Оказалось, что мы не умеем изготовлять множество продуктов, которые необходимы как средство производства других продуктов. Особенно болезненно это почувствовалось в химической промышленности, электрической и многих других.

В настоящее время многие общественные учреждения стремятся создать возможность для русской промышленности производить те продукты, которые раньше выделялись в Германии. При Императорском Техническом Обществе существует с целью разработки этого вопроса даже особая комиссия, работающая очень энергично.

Будущее покажет, к каким практическим результатам приведут все эти начинания. Во всяком случае, не нужно думать, что с окончанием войны наша промышленность пойдет по совершенно новому пути своего развития и Россия превратится в государство, не нуждающееся в продуктах иностранного производства. Когда восстановится мир, то восстановятся и торговые сношения между воюющими теперь государствами, но восстановятся на условиях, более выгодных для России, чем теперь.

Присоединение к России германских и австрийских территорий не может обещать нам особенно значительных экономических выгод. Гораздо важнее в экономическом отношении разрешение русских исторических задач на ближнем востоке. Историческое стремление России к открытию свободного выхода из Черного моря обещает на этот раз увенчаться полным успехом и это откроет блестящие перспективы для экономического развития всего нашего Юга. Именно в этом направлении Россия и может получить достойную награду за все понесенные ею в эту невероятно тяжелую войну великие жертвы.

**ИЗ ПОСТУПЛЕНИЙ
В САМАРСКУЮ ОБЛАСТНУЮ УНИВЕРСАЛЬНУЮ НАУЧНУЮ БИБЛИОТЕКУ**

Виллмотт Г.П. Первая мировая война. М.: Ломоносовъ, 2010. 335 с.

Подробная иллюстрированная энциклопедия, посвященная Первой мировой войне. Книга отражает историю развития конфликта, географию военных действий, политику военных лидеров стран-участниц, организацию тыла и многие другие детали. Издание иллюстрировано большим количеством фотографий и инфографики.

Власов Л.В. «Всадники-друзи, в поход собирайтесь!». СПб.: Европ. дом, 2010. 229 с.

Книга посвящена Первой мировой войне и подготовлена на основе опубликованной в 1996 г. в Финляндии книги Л.В. Власова «Маннергейм – царский генерал», второй книги трилогии «Маннергейм в России», которая сейчас дополнена новыми материалами. В книге подробно рассматриваются боевые действия подразделений, которыми на Юго-Западном фронте командовал генерал-майор (позже генерал-лейтенант) Густав Карлович Маннергейм.

Гибсон Р., Прендергаст М. Германская подводная война 1914–1918 гг. М.: Вече, 2011. 382 с.

Книга английских морских историков Р. Гибсона и М. Прендергаста, написанная на основании многих источников, появившихся сразу после мировой войны, содержит богатый фактический материал, детально освещающий ход операций германских подводных лодок, проходивших в годы Первой мировой войны 1914–1918 гг.

Граф Г.К. Флот и война: Балтийский флот в Первую мировую. М.: Вече, 2011. 318 с.

Книга воспоминаний участника Русско-японской, Первой мировой и Гражданской войн, эмигранта с 1921 г. является первой частью большого труда «Балтийский флот в войну и революцию», изданного в Германии в 1922 г. Автор подробно рассказывает о боевых операциях Балтийского флота, службе и повседневной жизни русских офицеров.

Данилов Ю.Н. На пути к крушению: очерки последнего периода российской монархии. Челябинск: Социум, 2010. 394 с.

Генерал от инфантерии Ю.Н. Данилов рассказывает о событиях в России начала XX века, развитии кризисной ситуации в стране и армии, причинах военных поражений, крушения Российской империи. Автору удалось нарисовать яркие портреты Николая II, императрицы

Александры Федоровны, великого князя Николая Николаевича, Витте, Столыпина, Протопопова, Штюмерера, Распутина, Гучкова, других военных и общественных деятелей той поры.

XX век. Писатель и война: архивные материалы отдела рукописей ИМЛИ РАН / сост. А.А. Кутейникова. М.: ИМЛИ РАН, 2010. 542 с.

За годы, прошедшие с начала Первой мировой войны и после окончания Великой Отечественной войны, трагический опыт XX века не только не утратил своей исторической и человеческой значимости, но получил новые стимулы к его осознанию. Свидетельства известных писателей, являвшихся очевидцами событий (записи А.Н. Толстого о поездке в Англию в 1916 г., крымские дневники Д.В. Фибиha, письма А.С. Серафимовича А.А. Кипену), с их широким историко-литературным контекстом воссоздают картины Первой мировой войны, преданные забвению в годы советской власти.

Косинский А.М., Чишвиц А. фон. Моонзунд: последнее сражение русского флота. М.: Эксмо: Яуза, 2011. 541 с.

В издании представлено исследование русского военно-морского историка А.М. Косинского, не переиздававшееся с 1928 года, и классический труд участника Моонзундского сражения адмирала фон Чишвица, представляющий германскую точку зрения. Сравнение этих источников дает «стереоскопическую» картину одного из самых драматичных эпизодов Первой мировой войны.

Павлов А.Ю. «Русская одиссея» эпохи Первой мировой. Русские экспедиционные силы во Франции и на Балканах. М.; СПб.: Вече, 2011. 213 с.

Книга посвящена истории русских войск, сражавшихся в Первую мировую войну во Франции и Македонии. Прослежен весь путь русских солдат и офицеров – от принятия решения об отправке до возвращения домой, включая участие в боевых действиях, трагические события, связанные с восстанием в 1917 г. во Франции, и доблестный боевой путь Русского легиона.

Тайны подводной войны. 1914–1945: сборник работ российских исследователей и историков. М.: Вече, 2012. 412 с.

Уже в период Первой мировой войны подводные лодки зарекомендовали себя как грозное оружие, представляющее заметную угрозу для боевых кораблей и один из главных родов сил флота в борьбе на коммуникациях противника. Книга представляет собой сборник, составленный из работ российских исследователей и историков, посвященных отдельным периодам и эпизодам подводной войны.

Федосеев С.Л. Танки Первой мировой. М.: Яуза: Эксмо, 2012. 637 с.

Иллюстрированный справочник рассказывает о появлении, устройстве и боевом применении первых танков – английских, французских и германских. Отдельная глава посвящена оценке работ над вездеходными боевыми машинами в России в 1915–1918 гг.

Шевцова Г.И. Россия и Сербия: из истории российско-сербских отношений в годы Первой мировой войны (гуманитарный аспект). М.: [б. и.], 2010. 199 с.

Книга посвящена гуманитарной деятельности российской общественности и государства в Сербии в годы Первой мировой войны. В работе рассматриваются основные направления помощи населению союзного государства, механизм их финансирования. Особое внимание уделено вопросам формирования и деятельности санитарных отрядов Российского общества Красного Креста (РОКК) и Петроградского Славянского благотворительного общества в Сербии и Черногории в 1914–1915 гг.